

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СЕРБИИ (БЕЛГРАД)

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

Памяти А. Л. Шемякина
(1960–2018)

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3(4)
Ч391

 ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект № 19-09-00163

Авторы:

*А. С. Аникеев, М. В. Белов, А. В. Ганин, Н. С. Гусев, Н. М. Куренная,
Ю. В. Лобачева, А. В. Морохин, К. В. Никифоров, Н. С. Пилько,
Е. П. Серапионова, А. А. Силкин, С. З. Случ, Н. Н. Станков, А. С. Стыкалин,
А. Ю. Тимофеев, О. В. Хаванова, В. Б. Хлебникова, А. Л. Шемякин,
Г. Н. Энгельгардт*

Редколлегия:

*А. А. Силкин (ответственный редактор), Е. П. Серапионова,
Ю. В. Лобачева, А. Ю. Тимофеев*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ярослав Валерианович Вишняков*
кандидат исторических наук *Борис Сергеевич Новосельцев*

Редактор:

Л. А. Авакова

Ч391 **Человек на Балканах.** Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А. А. Силкина, Е. П. Серапионовой, Ю. В. Лобачевой, А. Ю. Тимофеева. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-4469-1772-3

DOI 10.31168/4469-1772-3

Коллективный труд посвящен памяти сотрудника Института славяноведения РАН Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). В работах рассмотрены вопросы истории славянских народов и России в XVIII–XXI вв., а также научный вклад А. Л. Шемякина. Авторами выступили сотрудники Института славяноведения РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Института новейшей истории Сербии (Белград). Книга продолжает инициированный А. Л. Шемякиным научный проект «Человек на Балканах» (2002–2016), в фокусе которого находился процесс модернизации на Балканах в Новое время (после 1878 г.).

ISBN 978-5-4469-1772-3

9 785446 917723

© Институт славяноведения РАН, 2020
© Институт новейшей истории Сербии, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Обложка П. К. Донской, И. А. Тимофеев, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Содержание

Предисловие	7
Андрей Леонидович Шемякин Сербь в Австро-Венгрии	11
Ольга Владимировна Хаванова Рождение цесаревича Павла Петровича и символическая коммуникация между Санкт-Петербургским и венским дворами	50
Алексей Владимирович Морохин «До зела снедаемая ревнованием и завистию»: протоиерей Андрей Самборский о пребывании в Венгрии великой княгини Александры Павловны.	69
Юлия Владимировна Лобачева Сербские женщины в путевых очерках П. А. Ровинского	96
Варвара Борисовна Хлебникова Традиционное сербское общество на стыке эпох. П. А. Ровинский о социальных типах в княжестве в конце 60-х годов XIX века	128
Надежда Сергеевна Пилько Формирование словенского национального самосознания и словенской национальной идеи	145
Никита Сергеевич Гусев Сербия в «Правде о войне на Балканах» Н. И. Гасфельда	162
Алексей Юрьевич Тимофеев Поездка сербского митрополита Димитрия на празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г.	174

Наталья Михайловна Куренная

- Солдатские письма Великой войны: К. Чуковский
 «Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне» (1915).....185

Андрей Владиславович Ганин

- «Материал для будущего историка, который займется составлением правдивой истории нашего Генерального штаба»: Обзор переписки генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова о роли офицеров Генерального штаба в революции и Гражданской войне196

Александр Александрович Силкин

- Сербские политические партии и конституционный вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1921).....216

Николай Николаевич Станков

- Королевство сербов, хорватов и словенцев в документах советских представительств в Праге в первой половине 1920-х гг.....256

Елена Павловна Серапионова

- Русские о Праге, Чехословакии и чехах (1920–1930-е гг.).....292

Сергей Зиновьевич Случ

- Польский аспект во внешней политике СССР в 1939 году и некоторые вопросы международного права.314

Константин Владимирович Никифоров

- Полуторапартийная парламентская система в Сербии.....341

Анатолий Семенович Аникеев

- Балканы и Средиземноморье в послевоенной политике СССР. 1944–1954 гг.350

Александр Сергеевич Стыкалин

- «Небольшой холодок, имевший место в начале пребывания делегации, был позднее рассеян сердечным приемом...»: посещение делегацией югославских ученых Советского Союза в момент нового обострения отношений СССР и ФНРЮ (май 1958 г.)372

Георгий Николаевич Энгельгардт

- Милорад Додик — первые контакты с Россией.....403

Михаил Валерьевич Белов

- Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А. Л. Шемякина и М. Йовановича416

- Summary428

- Сведения об авторах429

Contents

Foreword	7
<i>Andrey L. Shemyakin</i> Serbs in Austria-Hungary	11
<i>Olga V. Khavanova</i> The Birth of Grand Duke Pavel Petrovich and symbolic communication between the St. Petersburg and Vienna courts.....	50
<i>Alexey V. Morokhin</i> Archpriest Andrei Samborsky on the stay in Hungary of Grand Duchess Alexandra Pavlovna	69
<i>Yulia V. Lobacheva</i> Serbian women in the travel notes of Pavel Rovinsky	96
<i>Varvara B. Khlebnikova</i> Traditional Serbian society in an era of change. Pavel Rovinsky on social types in the Principality in the late 1860s.	128
<i>Nadezhda S. Pilko</i> The Slovenian national idea and the making of Slovenian national identity	145
<i>Nikita S. Gusev</i> Serbia in “The truth about the war in the Balkans” by Nikolai Gasfeld	162
<i>Alexey Yu. Timofeyev</i> The visit of the Serbian Metropolitan Demetrius to the celebration of the tricentennial anniversary of the House of Romanov in 1913.	174
<i>Natalia M. Kurennaya</i> Soldiers’ letters from the Great War: Kornei Chukovsky’s “The silent ones spoke...Tommy Atkins in the war” (1915).....	185

Andrey V. Ganin

- “Materials for a future historian who would write a true history of our General Staff”. The review of Lieutenant General Petr Averyanov’s correspondence on the role of the General Staff officers in the Revolution and Civil War 196

Alexander A. Silkin

- Serbian political parties and the constitutional issue in the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes (1918–1921)..... 216

Nikolai N. Stankov

- The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in the documents of the Soviet missions in Prague in the first half of the 1920s..... 256

Elena P. Serapionova

- Russians on Prague, Czechoslovakia and the Czechs (in the 1920s and 1930s) 292

Sergei Z. Sluch

- The Polish aspect of Soviet foreign policy in 1939 and some problems with international law..... 314

Konstantin V. Nikiforov

- The one-and-a-half-party parliamentary system in Serbia..... 341

Anatolii S. Anikeev

- The Balkans and Mediterranean in the post-war politics of the USSR, 1944–1954 350

Alexander S. Stykalin

- “The coolness we first experienced was soon dispelled by the cordial welcome...”. The visit of the delegation of Yugoslavian academicians to the USSR in the middle of a new conflict escalation between the USSR and Tito’s Yugoslavia (May 1958)..... 372

Georgi N. Engelhardt

- Milorad Dodik’s first contacts with Russia 403

Mikhail V. Belov

- Russians, Serbs, and their mutual perceptions: an academic dialogue between Andrey Shemyakin and Miroslav Jovanović..... 416

- Summary** 428

- Сведения об авторах** 429

Предисловие

Книга представляет собой печатный результат конференции, состоявшейся в марте 2019 г. и посвященной памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). Памяти нашего друга, учителя, коллеги...

Жанр мемориального очерка подразумевает приведение статистики, позволяющей оценить продуктивность ученого. Андрей Леонидович за годы работы в Институте славяноведения РАН (с 1989 г.) опубликовал около двухсот работ. Это в принципе много или мало? Перефразируя известный анекдот про С.М. Буденного, — это смотря какая работа.

В случае с Шемякиным имеется более объективный критерий, который позволяет определить его научный вес и который едва ли кому-либо удастся поставить под сомнение. А именно: со второй половины 1990-х гг. он представлял собой лицо отечественной сербистики. В России и не только. Немногие из современных коллег-балканистов могут похвастать столь значимой ролью, которую Шемякин играл в научной жизни «страны изучения». Роль эта подразумевала беспрецедентное знание историографии и источников — российских и сербских, блестящее владение сербским языком, устным и письменным, на котором выходили многочисленные работы — монографии, статьи, сборники документов. Другими словами, с точки зрения научной эрудиции, глубины осмысления исторического прошлого и убедительности аргументации он был наголову выше всех, кто занимался тем же периодом и схожей тематикой. Однако большое видится на расстоянии, поэтому будущие поколения славистов, наверное, более трезво оценят научный вклад А.Л. Шемякина.

Что касается совокупности написанного им, то оно посвящено нескольким широким проблемам: государственно-политическому и социокультурному развитию Сербии и Балкан в последней четверти XIX в. — начале XX в.; официально-дипломатическому и общественному аспектам русско-сербских отношений того же времени; роли Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношениям сербов с остальными югославянскими народами и процессу образования Югославии.

Центральное место в шемякинской библиографии занимает Никола Пашич, которому посвящены две монографии: «Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883)» (М., 1993) и «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)» (М., 1998). Отношение Андрея Ленидовича к своему главному герою эталонно, с точки зрения научного подхода к историческим личностям. Сами по себе их биографии и индивидуальные качества очень редко могут считаться проблемой, заслуживающей монографического исследования. Понимая это, А. Л. Шемякин преподносит лидера радикалов, прежде всего, как человека своего времени и окружения, как воплощение определенных черт и устремлений сербского народа. Показательно, что в приведенном заголовке книги имя Николы Пашича фигурирует не в именительном, а в родительном падеже, то есть в связи с его идеологией. Та, по словам автора, «не просто мировоззрение отдельно взятого политика», а «индикатор целой общественной тенденции». Или, другими словами, «реакция сербского аграрного общества на вызов эпохи»¹.

Развитию сербского социума в 1878–1914 гг., рассматриваемому в разных аспектах и в сопоставлении с аналогичными процессами в соседних странах, посвящены наиболее значимые из многочисленных статей Андрея Ленидовича — те, что вышли в рамках проекта, у которого мы позаимствовали название. Семь сборников статей и одна коллективная монография, объединенные заголовком «Человек на Балканах», стали плодом сотрудничества с Риттой Петровной Гришиной (1930–2015), с которой А. Л. Шемякина объединяло понимание, что «политическое поведение» балканских народов

¹ Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 12.

обусловлено их социо-этнокультурными особенностями. Без изучения оных нельзя объяснить логику и результаты пути, пройденного сербами, черногорцами и болгарами после обретения независимости.

За время проекта (2002–2016) вокруг его инициаторов сложилась большая группа исследователей-единомышленников, заинтересованных в «изучении особенностей модернизационных процессов в балканских странах»; выявлении «характерных проявлений ментальности “балканского человека”», а также «исследовании специфики формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью»². Решение перечисленных задач достигалось, по словам А. Л. Шемякина, посредством «нового для традиционного позитивистского дискурса инструментария», а именно — путем «привлечения данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии»³.

В последнем, восьмом выпуске серии, вышедшем после смерти Риты Петровны, ее «напарник» пишет о научном значении «Человека на Балканах», которое видится ему в «ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран)» и «освобождении от сковывавших мысль умозрительных представлений». Главное же, по словам А. Л. Шемякина, что завершившийся проект «дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений — утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории»⁴. Мы же полагаем, что всё перечисленное лучшим образом описывает и личный вклад, и одновременно мотивацию самого Андрея Леонидовича как ученого.

Многие из тех, с кем он сотрудничал в рамках проекта, приняли участие в прошлогодней конференции и в настоящем сборнике. Поэтому мы недолго думали над его названием. «Присвоив» название, мы не претендуем на концептуальную стройность шемякинских/гришинских конференций и сборников. Другими словами, нет одной,

² Шемякин А. Л. Post Scriptum // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. Коллективная монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 395, 400.

³ Там же. С. 394.

⁴ Там же. С. 402.

хоть и широкой, темы или методологического подхода, которые объединяли бы представленные тексты. Полагаем, что в нашем случае достаточно того, что редколлегия и авторы разделяют научное кредо, которому были привержены «родители» «Человека на Балканах». Кроме того, Шемякин по-прежнему с нами. Он участвует в сборнике своим обширным очерком, который впервые публикуется в полном объеме⁵.

Редколлегия

⁵ Статья в сокращенном варианте опубликована в главах 3–5 коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки» / Ващенко М. С., Величко О. И., Дронов М. Ю., Ждановская А. А., Кирилина Л. А., Клопова М. Э., Новосельцева Л. К., Пахомова Л. Ю., Попов К. А., Романенко С. А., Стыкалин А. С., Хаванова О. В., Шемякин А. Л.; Под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018.

Андрей Леонидович Шемякин

Сербы в Австро-Венгрии¹

В результате глубокой национально-административной трансформации, которой в 1867 г. подверглась унитарная Австрийская империя, превратившись в дуалистическую Австро-Венгрию, и подписания год спустя венгеро-хорватского Соглашения («Нагодбы»), предоставившего Загребу ограниченную автономию в рамках королевства св. Стефана, «пречанские» сербы стали фактически «разделенным народом». Теперь они проживали в четырех областях, имевших различный государственно-юридический статус: в Королевстве Хорватия и Славония; бывшей Сербской Воеводине, т.е. трех южных комитатах Венгрии — Бачке, Баранье и Банате (Транслейтания); на Далматинском побережье (Цислейтания); а также в Военной границе — особом регионе, до 1881 г.² управлявшемся напрямую из Вены. Соответственно, и в политическом смысле сербы Австро-Венгрии не были интегрированы. На территории империи было столько же сербских политических партий, сколько и областей, в которых они проживали³.

¹ Статья в сокращенном варианте опубликована в главах 3–5 коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки» / Ващенко М. С., Величко О. И., Дронов М. Ю., Ждановская А. А., Кирилина Л. А., Клопова М. Э., Новосельцева Л. К., Пахомова Л. Ю., Попов К. А., Романенко С. А., Стыкалин А. С., Хаванова О. В., Шемякин А. Л.; Под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018.

² В 1881 г. демилитаризованная Военная граница с преимущественно сербским населением вошла в состав Гражданской (Банской) Хорватии.

³ Кузьмичева Л. В. Национально-политические проблемы сербов Воеводины в Австро-Венгрии после 1867 г. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы

Как видим, значительная часть сербского народа «по ту сторону Савы и Дуная» оказалась в венгерской части реформированной монархии Габсбургов — Транслейтании, превратившейся после 1867 г. в национальное государство венгров, поскольку Будапешт по новым правилам получал возможность независимо от Вены решать все проблемы своего внутреннего устройства, управления, законодательства и судопроизводства.

А потому центральным в политической повестке отныне становился не вопрос о правах личности, — все жители Австро-Венгрии уже «сравнились» перед судом и законом, — но о положении и правах национальных групп. Ведь в «современном» (modern) национальном государстве любому, кто (коллективно или индивидуально) состоял вне титульной нации, предстояло «расплавиться» в едином тигле правящего «политического народа». А, между тем, непосредственные соседи венгров, многие из которых лишь недавно пережили эпоху национального «пробуждения» и возрождения, прочно осознав свою идентичность в пестром этническом море империи, совсем не желали для себя подобной участи. В первую очередь, сербы — с их наследием XVIII в., опытом революции 1848–1849 гг., численностью — отнюдь не являлись подходящим материалом для ассимиляции. Не только культурно-политические элиты, но и широкие массы четко фиксировали (иногда преувеличивая) эту возможную угрозу и боролись с ней, как могли, на протяжении всего периода дуализма⁴.

1. Бывшая Воеводина

После подписания Соглашения 1867 г. сербы ликвидированной Воеводины остались в составе Венгерского королевства, лишённые административной автономии и права политического представительства. Лишь на нерегулярных народно-церковных соборах, уже не носивших былого политического характера, они могли выбирать своих общественных представителей, которые занимались исключительно религиозно-образовательными вопросами.

С введением системы дуализма положение нетитульных этносов венгерской части Дунайской монархии заметно ухудшилось.

и национальная специфика. М., 1997. С. 94.

⁴ *Ђирковић* С. Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 231.

Несмотря на то, что формально закон о равноправии национальностей 1868 г. гарантировал всем применение родного языка в школах, церкви и сфере местного управления, им признавался только один политический народ — венгерский. И после того, как в 1875 г. премьер-министром Венгрии стал граф Кальман Тиса, занимавший этот пост в течение 15 лет, мадьяризация невенгерского («непривилегированного») населения стала главным направлением деятельности ее политической элиты⁵.

Законами, принятыми венгерским Государственным собранием в 1868 г., были определены жесткие границы политико-правового поля Транслейтании, за которые функционирующие в нем сербы не смели не то чтобы выйти с предложением об обновлении Сербской Воеводины, но даже заикнуться о ней вслух. Повестка дня сербских народно-церковных соборов отныне законодательно исключала постановку вопроса о любом облике территориальной автономии, будучи сведена к религиозно-просветительным делам. В новых условиях деятельность всех культурно-политических институтов замышлялась в Будапеште так, чтобы они ни коим образом не могли воспрепятствовать реализации великомадьярской государственной идеи, каковая в перспективе подразумевала дальнейшее сужение сербской церковно-школьной автономии и постепенную ассимиляцию всех немадьяр. Поэтому идея автономной Воеводины, популярная у сербов-пречан еще с конца XVII в., и стала трактоваться венгерскими властями как откровенно враждебная, противостоящая единству Венгрии, а всякая попытка представить ее в качестве демократического стремления к национальному равноправию объявлялась деструктивной, противной духу времени и дуалистическому характеру нового государства⁶...

Столкнувшись с «новым курсом» венгерских властей в отношении сербского населения Транслейтании, его представители отнеслись к дуализации монархии Габсбургов по-разному. Так, консервативно-клерикальные круги, предводимые Джордже Стратимировичем, которые до 1867 г. связывали развитие венгерских сербов исключительно с имперским правительством и Двором, выступая

⁵ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 330.

⁶ Микавица Д. Михаило Полит-Десанчић. Вођа српских либерала у Аустро-Угарској. Нови Сад, 2007. С. 173.

за переустройство Австрии на основах федерализма, в чем имели поддержку чешских и хорватских союзников, с провозглашением дуализма стали его сторонниками. Не желая терять былых позиций в сербском сообществе, но сознавая собственную слабость в условиях все усиливающегося противодействия либерально-гражданского слоя, и лишившись к тому же покровительства Вены, группа Стратимировича пошла на сближение с Пештом, становясь (чем дальше — тем больше) его послушным орудием⁷.

С другой стороны, активную деятельность развернули сербские либералы во главе со Светозаром Милетичем. В 1860-е годы они наладили связи с представителями венгерского либерального дворянства, а также сторонниками присоединения Далмации к Хорватии и Славонии в Загребе, и в 1866 г. сгруппировались вокруг основанной Милетичем в Будапеште газеты «Застава». С 1867 г. это самое популярное в Венгрии периодическое издание на кириллице выходило в Нови-Саде.

Поначалу Милетич и его сторонники были в принципе не против разделения Австрийской империи «надвое», полагая, однако, неприемлемой ту опцию, в рамках которой немцы и мадьяры оказались бы полновластными «хозяевами жизни» в своих частях страны. В стремлении обеспечить равноправие всех народов империи Милетич предлагал после введения дуализма установить в обеих ее частях федеративную систему с автономными правами для всех этнических меньшинств. И, в частности, в случае с сербами он настаивал на формировании в районах их численного преобладания отдельных жупаний, в которых его соотечественники получали бы административную автономию с соответствующей гарантией своих национальных прав; впрочем, и другим народам, проживавшим в них чересполосно с сербским населением, было бы обеспечено полное национальное и гражданское равноправие. Иными словами, Милетич открыто требовал территориально-политического обеспечения национальных интересов сербов в Венгрии, считая, что те не могут довольствоваться провозглашением одного лишь гражданского равенства, но что им должно быть обеспечено и признание коллективной идентичности, — при всем уважении государственно-политической супериорности

⁷ *Крестућ В.* Срби у Угарској. 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 278.

венгров. «Мы одновременно и сербы, и граждане», — любил повторять он⁸.

Когда же Милетичу не удалось добиться реализации своих целей, а швабы с мадьярами, поделив власть в империи, стали господствовать в Цислейтании и Транслейтании, чем низвели другие народы до положения неравноправных, ему не оставалось ничего другого, как вступить с Веной и Будапештом в бескомпромиссную борьбу, используя в том числе и трибуну венгерского Государственного собрания, депутатом которого он регулярно избирался. Тем более что и бывшие союзники — представители среднего венгерского дворянства — в борьбе за власть в Королевстве св. Стефана все более поворачивались к своим «нетитульным» соседям спиной, переходя на столь хорошо знакомые сербам рельсы откровенного шовинизма.

Эта активно-оппозиционная позиция вождя либералов пользовалась массовой поддержкой сербского сообщества Венгрии, в отличие от консерваторов и клерикалов, которые в своей соглашательской политике оказались изолированными от народа и его чаяний. Наблюдая за политическими «кульбитами» как бывших сербских федералистов во главе со Стратимировичем, так и прежних дуалистов Милетича, известный журналист и писатель, принадлежавший к консервативному лагерю, Эмиль Чакра записал: «Те, кто был федералистами, стали дуалистами; бывшие же дуалисты превратились в федералистов»⁹.

* * *

Основание «Заставы» положило начало консолидации ядра будущей либеральной партии пречанских сербов. Когда же мадьяры по Соглашению 1867 г. с Веной стали единственной господствующей силой на своей половине государства, а Закон о равноправии национальностей и положения Закона о сербской народно-церковной автономии (оба — 1868 г.) наглядно продемонстрировали, в каком направлении будет эволюционировать политика Пешта, сербы четко осознали, что, если они хотят обеспечить свою национально-политическую «особенность» в составе Венгерского королевства, подвергавшуюся явной опасности, то промедление в деле их политической самоорганизации «смерти подобно». В начале января 1869 г.

⁸ Там же. С. 284.

⁹ Там же. С. 279.

Светозар Милетич напечатал в «Заставе» статью «Основы программы сербской либерально-оппозиционной партии». А уже 28 января, т. е. спустя всего несколько недель, на конференции в Великом Бечкереке (ныне — город Зренянин в сербском Банате) было объявлено о конституировании Сербской народной свободолюбивой партии (СНСП), принявшей текст Милетича в качестве своей программы, вошедшей в историю под названием «Бечкерекской».

Важно отметить, что занятые в основном проблемами (меж)национальных отношений, создатели Бечкерекской программы практически все свое внимание уделили защите национально-политической идентичности сербского и других немадьярских народов Транслейтании. Тем самым они сознательно задвинули на маргину социально-экономические вопросы, полагая, что их актуализация может только ослабить единство венгерских сербов.

Программа базировалась на трех основных посылах (наряду со «стандартными» пожеланиями гарантий универсальных буржуазно-демократических свобод). Во-первых, она демонстрировала жесткую оппозиционность в отношении как мадьяро-хорватской «Нагодбы» 1868 г., так и дуалистической системы в целом; ибо, с одной стороны, в ней признавалась только персональная уния между Веной и Будапештом, при отрицании введенных австро-венгерским Соглашением 1867 г. совместных институций (Делегаций и общих министерств), а с другой — поддерживались требования «хорватско-сербского народа» о полной автономии «Триединого королевства» в составе Транслейтании. Во-вторых, декларировала необходимость признания коллективных национально-политических прав за всеми немадьярскими народами Венгрии, введения административной автономии в местах их компактного проживания на уровне жупаний; обеспечения языкового плюрализма — т. е. разрешения использовать языки нацменьшинств в общинах и жупаниях, где те имеют большинство (в том числе для общения с государственной властью), в школе и высшей школе, а также в войсках — в зависимости от того, какой этнический элемент наиболее массово представлен в каждом батальоне. И, в-третьих, выступала против австро-венгерского (и вообще европейского) вмешательства в дела Балканского полуострова — особенно в борьбу христианских народов Османской империи за свободу; в случае же антитурецкой войны документ призывал «сербов монархии прийти на помощь своим кровным братьям на основании

договора наших предков, оставлявших за собой право содействовать освобождению своей старой Родины»¹⁰.

Бечкерекская программа получила единогласное одобрение делегатов конференции, на которой был сформирован и Центральный комитет СНСП, куда вошли Светозар Милетич, Йован Суботич, Михайло Полит-Десанчич, Миша Димитриевич, Лаза Костич и другие видные участники либерального движения. Добавим, что новой организации вскоре удалось заручиться поддержкой большинства сербского сообщества Венгрии — крестьянства, купечества, ремесленников, интеллигенции; таким образом, по широте своей социальной базы она более походила на народное движение, чем на политическую партию в узко-классическом смысле.

В ответ на принятие Бечкерекской программы и противники либерального направления, предводимые тем же Джордже Стратимировичем, предприняли попытку соорганизоваться. Так, в октябре 1869 г., используя финансовую помощь патриарха Карловацкого Самуила Маширевича и венгерского премьера графа Дьюлы Андраши, он основал в Нови-Саде лояльный мадьярским властям консервативно-клерикальный печатный орган «Српски народ». По оценке академика Василие Крестича, люди, которых Стратимирович привлек к выпуску газеты, «являлись обычными слугами сначала австрийского, а затем (после 1867 г. — *А.Ш.*) венгерского правительств, далеки от всякой мысли сотворить нечто такое, что могло бы привести их к конфликту со своими спонсорами»¹¹. И действительно, из-за поистине «коллаборационистской» политики, злые языки в среде сербов прозвали издание Стратимировича «Турецким народом»...

Уже вскоре после своего основания СНСП достигла немалых результатов — ее делегаты заседали в венгерском Государственном собрании в Будапеште, хорватском Саборе в Загребе, сербских народно-церковных соборах в Сремских Карловцах, где постепенно перехватывали инициативу у представителей клерикал-консерваторов: так, например, на соборе 1869 г. либералы потребовали, чтобы на нем председательствовал один из избранных участников, а не патриарх, как это обычно бывало. Партия развернула борьбу и против

¹⁰ Крестич В., Љушић Р. Програми и статуты српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 33–38.

¹¹ Крестич В. Срби у Угарској... С. 297.

консервативных властей Белграда. Вокруг «Заставы» группировалась не только сербская либеральная элита Транслейтании, но и оппозиция из Сербского княжества и болгарских земель. «Австрийские славяне как люди более образованные и некоторые княжеские сербы, добровольно удалившиеся в Австрию, — докладывал русский очевидец в Петербург, — ведут с сербским правительством ожесточенную журнальную войну»¹². Нови-Сад, таким образом, становился «глазом» всех недовольных в Венгрии и по соседству, и начало репрессий центра против них (нередко с молчаливого согласия, а то и по инициативе, Белграда) было вопросом времени.

И точно, после того, как Милетич, не выбирая выражений, обрушился в «Заставе» на хорватского бана Левина Рауха за отмену официального статуса кириллицы в Среме, государственный прокурор обвинил его в клевете на власть, а суд приговорил к году тюремного заключения. В 1870–1871 гг. он содержался в «изоляторе» города Вац. Однако, «мученический» ореол вождя лишь усилил позиции его партии в сербском сообществе, и на Карловацком соборе 1872 г. она уже имела абсолютное большинство делегатов.

На этом пике популярности СНСП Джордже Стратимирович (опасаясь за окончательную деградацию своей политической линии) вновь попытался идейно и организационно дисциплинировать собственных сторонников. В конце 1872 г. он озвучил намерение «образовать умеренную, но либеральную и независимую партию», считая необходимым «оградиться как от опасного радикализма, так и от безусловного сотрудничества с центральным правительством»¹³. Дабы успешно реализовать свой план, Стратимирович покинул скомпрометировавший себя в глазах соотечественников «Српски народ» и объявил о скором выходе газеты «Српска политика». Параллельно он опубликовал политическую программу нового издания и одновременно будущей партии.

По сравнению с Бечкерекской программа Стратимировича носила куда более «скромный» характер. Так, австро-венгерское Соглашение 1867 г. и Закон о равноправии национальностей 1868 г., против которых со всей решительностью выступала СНСП, с одной

¹² Н. А. Снесарев — Д. А. Милотину. Белград, 20 декабря 1867 г. // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А. Л. Шемякин. С. 46.

¹³ *Kрeстиић В., Љушић Р.* Програми и статути... С. 68.

стороны, провозглашались как не отвечающие интересам сербского народа, но, с другой — принимались как свершившийся факт при условии их исправления и дополнения. И в положении о Восточном вопросе и его возможном решении нет той решимости к действию, чем отличалась Бечкерекская программа, хотя в нем и содержались пожелание освобождения христиан из-под власти полумесяца и даже обещание принятия «серьезных мер» по реализации «сербских традиций на Востоке, с целью объединения сербско-турецких областей». Кроме того, программа Стратимировича признавала территориальную целостность Королевства св. Стефана и все обязанности, которые законодательно возлагались на сербов как его граждан. В ответ она требовала обеспечения им всех прав, причем не только гражданских, но и национально-политических, а также неограниченной автономии в сфере церкви и школы.

Вместе с тем, несмотря на то, что в новопринятом Законе о коммунальных школах¹⁴ Стратимирович видел крайне опасное средство для ограничения автономии сербских народных школ и, соответственно, немалое препятствие к дальнейшему росту сербского национального сознания, он не призывал к *борьбе* против него, а лишь обещал печатно «действовать так, чтобы вытеснить из наших школ вредное влияние этого закона». Да и вообще, в этом умеренном и совсем не конфронтационном, а'la Бечкерек, документе, составленном в четко выверенных и взвешенных выражениях, явно виделось стремление создать партию и ее орган, которые смогли бы «умиротворить» сербское национальное движение, свернуть его с чреватого «проблемами» пути радикально-оппозиционного противостояния. Само понятие «борьба» автор программы упомянул лишь однажды, говоря о необходимости *«бороться»* за сохранение церковной автономии и ее достоинства, независимо от того, с какой стороны на них последуют

¹⁴ В 1868 г. Государственным собранием в Будапеште был принят закон о коммунальных (муниципальных и государственных) начальных школах, реализация которого должна была резко уменьшить число и снизить влияние сербских конфессиональных школ, находившихся в ведении Сербского народно-церковного собора. Поскольку в сербских конфессиональных школах язык преподавания был сербский, а образовательные программы не расходились с национальными и религиозными интересами сербского сообщества, то в новых коммунальных школах вводился венгерский язык преподавания, а программы выдерживались в венгерском же государственном духе. Соответственно, и цель принятия закона очевидна — воспитание сербских детей («с молодых ногтей») в венгерских традициях и постепенная их мадьяризация.

нападки». Во всех других случаях он использовал вполне нейтральные категории: «Мы будем настаивать всеми законными способами», или «мы будем стремиться», или «мы будем серьезно и с воодушевлением работать»¹⁵.

И все же, несмотря на свой явно «примирительный» характер, для истории политической мысли венгерских сербов программа 1872 г. представляется весьма значимой, поскольку в ней обнаруживаются зачатки будущей политики так называемых нотабилитетов, духовным отцом которой, как оказалось, и стал Джордже Стратимирович. Его национально-политические идеи, сформулированные в программе, оставались (когда — больше, когда — меньше) актуальными в общественной жизни сербского сообщества вплоть до начала Первой мировой войны. Особенно их актуальность возросла после отмены особого статуса Военной границы, в результате чего сербы, лишившись десятков тысяч хорошо вооруженных и обученных (при этом национально сознательных) соплеменников-границар, на которых они всегда могли опереться, потеряли значение *военно-политического* фактора империи, кем являлись все время существования Границы. Еще большее значение идеи Стратимировича приобрели после Берлинского конгресса 1878 г. и его решений, когда стало окончательно ясно, что сербы Венгрии не имеют достаточных сил и условий для выполнения Бечкерекской программы, особенно в той ее части, что касалась Восточного вопроса.

Однако, несмотря на все свое немалое значение для идейной истории и теории, на практике «манифест» Стратимировича не получил широкой поддержки в сербском сообществе. Следствием чего стало то, что сербская «умеренно-либеральная» партия так и не появилась, равно как и ее печатный орган, о скором выходе которого столь много говорилось еще совсем недавно¹⁶...

Подведем промежуточный итог: либерально-гражданское движение возникло в сербской среде как альтернатива консервативной церковной иерархии. Его политическая организация — СНСП — активно боролась за голоса избирателей в немногочисленном электоральном поле (всего 2 % населения допускалось к голосованию) и в

¹⁵ Крестућ В., Љушић Р. Програми и статуту... С. 65–68.

¹⁶ Крестућ В. О Ђорђу Стратимировићу и његовом политичком програму из 1872. године // Зборник Матице Српске за историју. Нови Сад, 1978. Бр. 18. С. 48–49.

лучшие годы имела по три-четыре депутата в Государственном собрании. Невзирая на малочисленность, они, особенно в бытность их лидером решительного Светозара Милетича (вспомним хотя бы его символический кулак на памятнике работы Ивана Мештровича в центре Нови-Сада!), оставляли заметный след в работе каждой сессии парламента, в отличие от иных сербских депутатов, избираемых от венгерских партий и лояльных Будапешту. В верхней палате Госсобрания заседали Карловацкий патриарх и восемь епископов, столь же, как правило, конформистски настроенные в отношении центральных властей.

Этот всплеск либерального движения в среде венгерских сербов в последней трети XIX в. был явно не случайным. Он опирался на выросший в ней мощный слой средних землевладельцев и относительно высокую для той эпохи степень урбанизации сербского населения (так, в 1900 г. в городах проживали 17,5% оногo, а десять лет спустя — на процент больше). Если к тому присовокупить уровень грамотности, характерный для соплеменников с «европейского» и «турецкого» берегов Савы и Дуная, и, что самое главное, — зияющий в нем разрыв¹⁷, то станет совершенно ясно, почему такой пронизательный наблюдатель, как, например, Л. Д. Троцкий, в начале XX в. подчеркивал: «Политические партии в Сербии представляют собой не органические образования, а “искусственные сообщества, заимствовавшие свои наименования из европейской политической терминологии”»¹⁸ (цитата внутри его высказывания есть фраза из работы великого сербского — из Белграда — ученого и политика Стояна Новаковича¹⁹). И еще: «Для претворения политических формул либерализма в действительность в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»²⁰, т. е. тех базовых объективных предпосылок (что в объеме «среднеевропейского» набора уже имелись

¹⁷ Для пушей наглядности сравним степень женской неграмотности в «австрийской» и «турецкой» Сербии в начале XX в. Если на севере были неграмотны 41, 66% женщин (*Ђирковић С.* Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 239), то на юге всего 9% могли написать свою имя и фамилию (*Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 188).

¹⁸ *Троцкий Л. Д.* Стоян Новакович // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 66.

¹⁹ *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 80–81.

²⁰ *Троцкий Л. Д.* Стоян Новакович... С. 62.

у сербов-пречан!), без которых партийное строительство, т.е. «использование готовых европейских форм» превращалось в *имитацию* или «политический и идейный маскарад», столь привычный для «запоздалых народов»²¹.

Между собой сербские партии Венгрии, как правило, сталкивались на выборах членов Соборного совета и иных органов церковно-школьной автономии — именно через них осуществлялось управление церковным имуществом и распределение средств из многочисленных фондов и задужбин. И случалось, что дело доходило до серьезных склок между политиками и церковной иерархией, которая ощущала опасность от вмешательства «чуждых» сил в свои, казалось бы, «незыблемые» прерогативы. Всё усиливавшееся влияние мирян, совсем по протестантскому образцу (начиная с 1871 г. на 25 духовных лиц при выборах на собор приходилось 50 мирян²²), было явно не в традициях православной церкви. А между тем, партии начали вмешиваться даже в выборы патриарха; впрочем, тем же самым занималась и государственная власть, требовавшая от кандидата знание венгерского языка (как на выборах 1907 г.). Деятельность церковных иерархов оценивалась теперь по партийно-политическим критериям, так что сербские патриархи конца XIX — начала XX в., особенно Герман Анджелич (1881–1888) и Георгие Бранкович (1890–1907), несмотря на все их заслуги в развитии церковной жизни, нередко клеймились «общественностью» как слуги режима. Самым тяжким последствием такого межсербского «клинча» стало отстранение органов церковно-школьной автономии от выполнения своих функций в 1912 г.²³... Но вернемся назад, к моменту появления первых трещин в едином до тех пор сербском либеральном «монолите».

* * *

Отправным пунктом длившейся целое десятилетие и закончившейся расколом СНСП «распри» стал 1873 год, когда Светозар Милетич открыто обвинил в «Заставе» своего коллегу по фракции в венгерском Государственном собрании Нико Максимовича

²¹ Там же. С. 63.

²² Филимонова А.И. Хорватские земли и Воеводина // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 114.

²³ Бирковић С. Срби међу европским народима... С. 237–238.

в полной парламентской пассивности. И это на фоне начавшейся властью годом раньше, в лице королевского комиссара Ласло Майтени, очередной кампании против сербских институций — церковных общин, Новисадской гимназии и Матицы сербской. В такое время, по мнению Милетича, как никогда были необходимы единодушие и стойкость всех сербских учреждений и политиков, в первую очередь, заседавших в парламенте, хотя бы потому, что они защищены иммунитетом, в отличие, скажем, от общин или церковных иерархов, подвергавшихся давлению сверху и потому часто вынужденных помалкивать. Политически крайне амбициозный Н. Максимович изначально не был согласен с Бечкерекской программой СНСП, однако в условиях, когда влияние партии в сербском сообществе, как и личный авторитет Милетича, находились в зените, он не желал выступать против них открыто, опасаясь, что это может привести к закату его политической карьеры. Вот и давал он Милетичу понять о своем нежелании следовать его политике упорным молчанием в венгерском парламенте.

С другой стороны, отказываясь высказаться прямо, «диссидент» в своем стремлении подорвать незыблемые позиции вождя начал плести интриги против него внутри самой СНСП. В партийных кулуарах он постоянно доказывал, что Милетич — «единственная причина всех зол и несчастий, которые мы претерпели от властей». Признавая его заслугу в том, что он когда-то сформулировал Бечкерекскую программу, Максимович тут же отыгрывал назад: «Впрочем, никакая это не заслуга — создать программу», ее ведь надобно еще и реализовать. Повторяя, что в любой момент готов выдвинуть платформу, «которая в наибольшей степени отвечала бы интересам нашего народа», Максимович упрекал Милетича в том, что тот «своей негибкой политикой уже загубил Нови-Сад», что скоро так же загубит и Панчево; и только Сомбор (откуда Максимович избирался депутатом) идет вперед, благодаря более умной тактике, какую используют он и его друзья²⁴.

Как только Милетич узнал о тайных нападках своего *partegenosse*, он снова осудил его в «Заставе»: «Отказываясь от открытой дискуссии, но тайными интригами и хулой, возводимой на меня, Максимович “созидает” какую-то никому не ведомую, *более умную* тактику».

²⁴ *Крестућ В.* Срби у Угарској... С. 330–333.

Группа близких соратников Милетича из Нови-Сада возжелала обуздать «подрывную» деятельность Максимовича, чем оградить партию и вождя от клеветы. В июле 1873 г. от имени СНСП Михайло Полит-Десанчич обратился к Йовану Вуичу — председателю выборного комитета в Сомборе — с письмом, где предложил местным избирателям-сербам спросить Максимовича: «Почему как депутат Госсобрания он никак не защищал сербские интересы? Почему не приходил на собрания парламентской группы? Разделяет ли он еще Бечкерекскую программу? В чем он не согласен с Милетичем, и какова его собственная позиция?». В конце послания констатировалось: «В теперешнем положении Максимович оставаться не может. Он должен либо признать, что поддерживает нынешнюю партийную программу, либо предложить свою, из которой стало бы ясно, чего он в самом деле хочет. Нельзя, состоя в партии, самым неподобающим образом подрывать ее единство»²⁵.

Однако, сербская либеральная общественность Сомбора так ничего и не узнала о склоках Максимовича с Милетичем, ибо письмо Полит-Десанчича Вуичу в итоге оказалось в руках того, против кого и писалось. Весьма уязвленный им Максимович не считал нужным выносить его текст на всеобщее обозрение и публично выяснять отношения с Милетичем. Он по-прежнему продолжал интриговать, будто ничего не произошло, но в глубине души жребий был брошен, мосты сожжены — бывшее политическое несогласие с оппонентом переросло во всеохватную неприязнь, в желание физически уничтожить, одним из последствий чего стал даже вызов на дуэль.

Нам не известно, состоялась ли она, но уже сам факт вызова показывает всю степень «напряженности» отношений внутри СНСП, возникшей в 1873 г. и напрямую связанной как с позднейшими столкновениями Милетича и Максимовича, так и с расколом партии, случившемся на Будапештской и Кикиндской ее конференциях 1884 г. Именно Нико Максимович был главным организатором, политическим и идейным вождем той группы политиков — будущих «нотабилитетов», которая на этих форумах открыто воспротивилась былому непреложному догмату «бечкерекских либералов» — отказу от австро-венгерского Соглашения 1867 г. и изменила данный пункт партийной программы.

²⁵ Цит. по: *Микавица Д.* Михайло Полит-Десанчић... С. 254.

Тем самым, изначальный конфликт в партии, после десятилетних неудачных попыток хоть как-то его притушить завершился логичным финалом. Физически и психически сложенный Милетич в 1883 г. удалился из политики, и Максимович, годами интриговавший против него, осознал, что, наконец-то, наступил тот долгожданный момент, когда он может публично выйти на политическую авансцену и выступить перед сербской общественностью с собственной программой.

Итак, в марте 1884 г. в Будапеште была озвучена, а затем, месяц спустя, в Великой Кикинде получила массовое одобрение (отчего и вошла в историю идей под именем Кикиндской или Великокикиндской) новая программа. Она состояла из четырех пунктов, главным из которых являлся первый: «Опираясь на закон 1867 г. (т.е. на Соглашение о дуализации Австрийской империи. — А.Ш.) и проникшись патриотическим духом, сербы как лояльные венгерские граждане вкупе с остальными жителями этой страны будут всячески содействовать тому, чтобы Венгерское государство всесторонне развивалось и усиливалось, что, в свою очередь, способствовало бы достижению общего благосостояния и процветания»²⁶. В рамках же проявленного «верноподданничества» соратники Н. Максимовича, считая вредным тратить народные силы в неравной борьбе с Веной и Будапештом, стремились лишь «санировать» Законы о равноправии национальностей и о сербской народно-церковной автономии от 1868 г., т.е. вернуть им изначальный юридический смысл. Ведь не секрет, что в условиях определенной стабилизации системы дуализма, мажарские власти начали (явочным порядком) последовательно сужать права сербов и остальных нацменьшинств, «гарантированные» этими документами в момент их принятия²⁷. Таким образом, главной своей целью Максимович и К° провозгласили политико-правовую «реставрацию» тех законодательных актов, которые для авторов Бечкерекской программы были неприемлемы в принципе...

Еще до того, как сербские «нотабилитеты» потребовали внесения изменений в Бечкерекскую программу, на предвыборном митинге СНСП в Нови-Саде (апрель 1881 г.) выступил Яша

²⁶ *Крестич В., Ђушић Р.* Програми и статут... С. 151.

²⁷ Там же. С. 151–152.

Томич — представитель так называемой Новой оmlадины — с предложением дополнить ее «вопросом о хлебе». В ответ Светозар Милетич от имени руководства партии заявил, что в выступлении Томича проглядывает социалистическое стремление к изменению социальной системы, с чем СНСП согласиться никак не может, действуя в рамках «существующего общественного строя» и в демократическом духе, а потому и не желает, подобно социалистам, менять сложившийся порядок²⁸.

Речь Томича на митинге в Нови-Саде еще раз и наглядно показала, что СНСП уже не являлась единой организацией, а Бечкерекская программа перестала соответствовать той пестроте социальной базы, что на заре (взлете) деятельности объявлялась ее крупным достоинством. Как видим, время прошло, и достоинство трансформировалось в недостаток. Жизнь требовала более четкого идейного профилирования (основанного на более органичной внутренней консолидации) сербских политических организаций в Венгрии. Вот и Яша Томич, полупрезрительно названный Милетичем социалистом, произнес свое слово в Нови-Саде отнюдь не как сторонник изменения существующего строя, но за его радикальное реформирование. То был своего рода анонс политики, которой он будет следовать в качестве ключевой фигуры будущей Народной радикальной партии.

Как только группа «нотабилитетов» в 1884 г. решила подвергнуть ревизии Бечкерекскую программу, отказавшись от государственно-правовой оппозиции Соглашению 1867 г., Новая оmlадина во главе с Томичем и Лазой Нанчичем вступила в открытую полемику с ревизионистами. Томич вел ее через новисадскую газету «Српско коло», а Нанчич — через «Српство» (г. Вршац). Великокикиндскую программу Томич оценил как «политическое покушение, совершенное нотабилитетами на СНСП». Его собственный орган, как он полагал, должен был следовать «основным мыслям Бечкерекской программы, каковая в ряде своих положений может быть дополнена и изменена»²⁹. И Лаза Нанчич после того, как оппоненты выразили готовность сблизиться с венгерскими властями, решительно выступил в своей газете против, заявив, что такой их поступок грозит постепенной политической капитуляцией сербов и окончательной потерей

²⁸ *Крестућ В.* Срби у Угарској... С. 408.

²⁹ Там же. С. 409.

завоеванных ранее национальных прав. С другой стороны, считая всех противников Бечкерекской программы «врагами сербского народа», он и его соратники (из группы вршацких социалистов) вошли в жесткий клнч и с клерикал-консерваторами, которые называли их анархистами, разбойниками и даже террористами.

Итак, в 1884 г., когда «нотабилитеты» открыто вышли на политическую арену, озвучив в Кикинде свою программу, стало очевидно, что время, «отпущенное» историей для существования «единой» СНСП окончательно истекло. И действительно, в ней уже сложились три направления: правое, представленное «нотабилитетами»; левое, в лице Новой оmlадины; и так называемый либеральный центр. Правые в Великокикиндской программе высказались за прекращение государственно-правовой оппозиции, большую умеренность и сотрудничество с центральной властью. Левые выступали за продолжение антидуалистической оппозиционной политики, предлагая при этом дополнить Бечкерекскую программу социально-экономическими вопросами — эти главные тезисы и легли в основу будущей программы Народной радикальной партии³⁰. Либеральный центр позиционировал себя как последовательный продолжатель ее канонических традиций, открестившись и от правых, и от левых. Первых он осуждал как капитулянтов и консерваторов. Вторых — как социалистов и революционеров.

Все три течения начали беспощадную междоусобную войну, целью которой было полное политическое *уничтожение* противника, поэтому в ней и не выбирались слова и выражения, а личные оскорбления звучали со всех сторон. Непримириность и ненависть становились характерными чертами момента. В этой «войне» (в ходе которой либеральный центр и левые иногда тактически объединялись) «нотабилитеты» потерпели поражение. Они так и не смогли консолидировать свою партию, но их идеи, заложенные в Великокикиндской программе, как уже говорилось, в качестве одной из возможных опций политического развития сербов в Венгрии сохраняли свое значение вплоть до начала Первой мировой войны.

В рамках начавшегося внутрисербского конфликта предводимые Я. Томичем леваяки смогли овладеть «Заставой», которой до этого руководили правые. В 1884 г. Томич женился на дочери Светозара

³⁰ Ракић Л. Радикална странка у Војводини. Нови Сад, 1983. С. 7.

Милетича Милице и уже в начале 1885 г. (словно получив приданое) стал редактором «Заставы». Уязвленные тем, что не смогли взять ее в свои руки, либералы буквально набросились на Томича и Нанчи-ча, обвинив их в нигилизме, социализме и даже коммунизме. Чтобы иметь возможность для борьбы, они в октябре того же года основали свой печатный орган — «Браник». Между «Заставой» и «Браником» развернулась настоящая битва. Во главе первой газеты стоял Яша Томич, вторую возглавил Миша Димитриевич.

Новая «Застава» выражала интересы сербских ремесленников и мелких торговцев, низших служащих и грамотных сельских жителей, а также «разночинской» интеллигенции, происходившей из крестьян и городских низов и состоявшей, в основном, из молодых адвокатов и студентов. Более обеспеченные гражданские слои — интеллектуалы уровня профессуры, состоятельные землевладельцы, банкиры, оптовики, дипломированные врачи и т. д. — консолидировались вокруг «Браника», который имел весьма ограниченный круг читателей из «лучших сербских кругов», и потому, в отличие от «Заставы», в широких народных массах не пользовался большим влиянием.

Социальные различия подписчиков «Заставы» и «Браника» явились причиной их глубоких идеологических расхождений — сторонники власти «толпы» (в чем либералы обвиняли левых) буквально «сцепились» с проводниками политики «господ». Они боролись за власть и влияние на церковно-народных соборах, в органах церковно-школьной автономии, всех иных структурах, где бился пульс политической жизни сербского сообщества в Венгрии. Эта борьба, продолжавшаяся почти три десятилетия, нередко приобретала грубально-личный характер, постепенно отравляя сербский социум изнутри, разъедаая и ослабляя его. «Застава» и «Браник», — пишет академик Крестич, — как и их редакторы, Томич и Димитриевич, оказались сеятелями этого опасного и вредного партизанства³¹.

После трехлетних внутренних трений, начиная с Кикиндского «демарша» «нотабилитетов», СНСП окончательно распалась. Раскол произошел в 1887 г. на конгрессе в Сент-Томаше (ныне город Сербобран в Бачке), где сторонники «Заставы» и «Браника» так и не смогли договориться. И вскоре после этого возникли две партии. Первые основали Народную радикальную партию (Яша Томич поддерживал

³¹ *Крестич* В. Срби у Угарској... С. 413.

тесные связи с Народной радикальной партией Сербии, являясь близким другом ее лидера Николы Пашича; одно время он даже состоял в редакции печатного органа сербских радикалов — газеты «Самоуправа», вторые — Либеральную партию. Во главе радикалов стоял Томич, либералов возглавил Миша Димитриевич.

С конституированием новых организаций старые склоки отнюдь не угасли, но лишь разгорелись с новой силой. Ситуация начала выходить из-под контроля. Назревала гроза, и она не замедлила разразиться 4 января 1890 г., когда на перроне вокзала в Нови-Саде Яша Томич ударом ножа в грудь убил Мишу Димитриевича. Убийство стало последствием унижений и оскорблений (вплоть до грубого, кое-где даже подлого вмешательства в личную жизнь), которым «Браник» постоянно подвергал Томича и его супругу Милицу. Взысканный вождь радикалов вызвал Димитриевича на дуэль, но, тот, как это обычно бывает в среде «интеллигентов», драться отказался. И все же, как говорится, от судьбы не уйдешь...

Увы, но и после случившегося страсти не улеглись. Внутренний раскол и нетерпимость снова усугубились. Одни обвиняли Яшу, оплакивая Мишу; другие, наоборот, полагали, что это Миша, спровоцировав Яшу, получил по заслугам. Взаимная «пикировка», ни на миг не затухая, продолжалась до начала Первой мировой войны. А Томич, шесть лет просидевший в тюрьме, хоть и остался по выходе на свободу реальным лидером партии, однако, по причине совершенного убийства, не имел права быть ее формальным председателем, будучи лишь членом ЦК и редактором «Заставы».

Трагедия в Нови-Саде не только закончилась гибелью Димитриевича и нанесла немалый ущерб как Радикальной партии, так и лично Томичу, но и стала подлинным бедствием для всех венгерских сербов. Она еще глубже расколола сербское сообщество. И это тогда, когда мажарские власти, усилив давление на нацменьшинства, перешли к решительному сокращению полномочий сербской народно-церковной автономии. Таким образом, после политики наступательных действий эпохи Светозара Милетича сербское население Баната, Бачки и Бараньи оказалось в глухой обороне. Именно поэтому с начала XX в. роль главных защитников коллективных прав и интересов всех сербов Транслейтании переходит к сербам хорватским³².

³² *Pribićević S.* Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1953. S. 12–13.

Добавим, что после смерти М. Димитриеви́ча Либеральную партию возглавил Михайло Полит-Десанчич. Он также взял на себя редактирование «Браника», где до самого 1914 г. его слово оставалось решающим.

* * *

А тем временем, на рубеже XIX–XX в. в южной Венгрии «выросло» новое поколение сербских интеллектуалов, чьи взгляды на национальное развитие сербов Транслейтании заметно отличались от позиций ведущих политиков. Погрязнув в междоусобицах и ставя во главу своих стратегий сугубо партийные, а не общенациональные интересы, старые вожди уже не могли служить образцом для молодежи, подвергавшей их смелой публичной критике.

Известно, что сербское сообщество в Венгрии переживало в конце XIX — начале XX в. серьезный экономический кризис, в результате чего гораздо слабее, чем раньше, откликалось на актуальные политические вызовы; и это в то время, когда центральные власти постоянно усиливали прессинг мадьяризации в отношении нацменьшинств. В такой ситуации, обеспокоившись общим «минорным» состоянием соотечественников и желая предложить новые пути национального развития, чтобы «остановить сербский декаданс в Воеводине», в 1906 г. в Великой Кикинде оформилась группа единомышленников во главе с братьями Милутином и Васой Якшичами. В апреле 1907 г. они основали газету «Српски глас», презентуя ее как «орган независимых сербов» — «независимых от всех, в том числе и от наших политических партий». Идейное направление нового органа изложил Милутин Якшич.

Если оценивать его в целом, то программа сгруппировавшихся вокруг газеты кикиндских интеллектуалов звучала свежо и по-новому. По сути своей радикально-прогрессивная, особенно в той части, где говорилось о социальных и экономических требованиях, она носила подлинно демократический характер, пропагандируя союз всех демократов Венгрии. Однако, в этом внешне эффектном положении крылась ее немалая слабость, что и проявилось всего несколько лет спустя. Ведь, хотя демократы в Венгрии, несомненно, существовали, они были крайне немощны, чтобы преобразовать аристократическую Транслейтанию на демократических началах, и потому молодые кикиндцы объективно способствовали не разрушению, но консервации

тех социально-государственных рамок, в которых они сами и проживали, что свидетельствовало о все большем конформизме сербского сообщества в Венгрии и его готовности приспосабливаться к существующему положению — в ущерб борьбе за национальное освобождение. Впрочем, такая позиция вполне объяснима, особенно если иметь в виду, что Австро-Венгрия во время появления газеты «Српского гласа» переживала свой последний триумф, аннексировав Боснию и Герцеговину и доказав как свою силу (во многом эфемерную без поддержки Германии), так и бессилие Сербии и всего сербского национального корпуса, оказавшегося на тот момент не в состоянии ей противостать.

В июле 1908 г. в Нови-Бечее кикиндские демократы собрали конференцию, на которой приняли проект программы Сербской демократической партии³³, однако процесс формирования новой организации, в чем, собственно говоря, и состояла сверхзадача форума, им завершить не удалось. В первую очередь, по причине резкого, вследствие аннексии, обострения отношений Вены с Белградом, в результате чего венгерские сербы (как и хорватские, и приморские) оказались под усиленным контролем властей, и соответственно, вопрос об их политической самоорганизации откладывался на неопределенное время. «Српски глас» констатировал, что сербские демократы в Венгрии не в состоянии формально конституироваться как политическая партия «из-за негативных обстоятельств». Однако, эти «негативные обстоятельства» привносились не только извне — в среде самих демократов начались разброд и шатания. Аннексия и прокатившиеся вслед за ней судебные процессы над сербами, ложно обвиненными в государственной измене, привели к росту «капитулянтских» настроений у руководства кикиндских демократов, чей лидер Милутин Якшич вкупе с другим некогда влиятельным членом движения Тихомиром Остоичем практически отстранился от какой бы то ни было практической деятельности.

На этом «пораженческом» фоне еще более выросло значение газеты «Српски глас», во главе которого стоял Васа Якшич. В феврале 1910 г. объединявшиеся вокруг него сербы-демократы попытались в очередной (и, как оказалось, в последний) раз оформить Демократическую партию, но снова потерпели неудачу. Объясняя

³³ См.: *Крестућ В., Љушић Р.* Програми и статут... С. 401–402.

ее причины, «Српски глас» отметил, что молодежь, на которую он предполагал опереться, оказалась не в состоянии принять новые демократические принципы, ибо в прошедших дискуссиях она сильнее, чем можно было ожидать, выразила свои консервативные взгляды, а также связь с традицией и прошлым. «В таких условиях дело организации Сербской демократической партии не могло завершиться успехом»³⁴, — с сожалением резюмировала газета.

Но не только идеологические расхождения помешали партии конституироваться. Тактические вопросы, главным из которых являлось отношение к новому венгерскому правительству Карла Куэна-Хедервари, привели к тому, что участники конференции не только разъехались, так и не выполнив задачу политической консолидации, но и внутренне раскололись. Так, группа из Сомбора, объединявшаяся вокруг газеты «Слога», вовсе не собиралась, как кикиндцы, бороться против политики Куэна, не исключая в отдельных случаях даже возможности сотрудничества с ним. По той же причине «Српски глас» разошелся и с «Србобраном» из Загреба, с коим ранее тесно сотрудничал... Потерпев очередное фиаско в деле организации партии, кикиндские демократы (и до того значительно ослабленные) так и остались аморфным сообществом нескольких политических групп, из которых самые многочисленные находились в Кикинде, Нови-Саде и Панчево.

Наряду с неудавшейся попыткой политической самоорганизации, кикиндцы определили собственное отношение к уже имевшимся сербским партиям. Главный критический пафос своей публицистики они направляли против радикалов Яши Томича, чью политику называли «враждебной отравой», с которой следовало бороться всеми средствами. Критиковали они и либералов Полит-Десанчича, считая их позицию реакционной и отсталой, но не внося в дискуссии с «Браником» той доходившей до прямых выпадов нетерпимости, что практиковалась в диалоге с «Заставой». Казалось, демократы не забыли, как в юности шли за Полит-Десанчичем и публиковали в его газете свои первые статьи. Да и сам он нередко вел себя с ними как ментор с непослушными учениками, упрекая их в «Бранике» за то, что они, «сами того не желая, поддерживают ту государственную политику, которая противоречит преданиям сербского народа»³⁵.

³⁴ *Крестућ В.* Срби у Угарској... С. 425.

³⁵ *Микавица Д.* Михаило Полит-Десанчић... С. 311.

Кстати, в отношении к венгерским партиям и их программам кикиндцы и далее исходили из убеждения, что свои права сербы могут обеспечить только в свободной и демократической Венгрии, почему и выступали против политического всевластия мадьярской земельной аристократии, сближаясь в своих взглядах с лидером и идеологом гражданско-радикального направления Оскаром Яси. Поэтому неудивительно, что на страницах «Српского гласа» довольно часто появлялись материалы из известного оппозиционного журнала «Huszadik Század», в котором сотрудничали и развивали свои мысли как сам Яси, так и его соратники. Разделяя их основные посылы и преломляя оные в призме сербских национальных задач, кикиндские демократы надеялись, что при тесном сотрудничестве с венгерскими левыми (в том числе в их борьбе за полную независимость от Вены) когда-нибудь все же удастся реформировать политически-архаичную Транс-лейтанию. Стремясь к этой цели, «Голос сербов» провозгласил лозунг: «Быть демократом — значит опираться на принцип: мне более близок мадьяр-демократ, чем серб-аристократ...»³⁶.

Газета кикиндских демократов выходила до апреля 1913 г., когда внезапно скончался ее главный редактор Васа Якшич. С его уходом «Српски глас» навсегда умолк. Впрочем, дело здесь не только в смерти «рулевого»: в своем прежнем виде он и без того лишился перспектив, поскольку демократическая программа, озвученная во время аннексии Боснии и Герцеговины (т.е. в эпоху общенационального сербского «минора»), была преодолена самим ходом событий, а именно — впечатляющими победами Сербии в Балканских войнах. В новых условиях, когда взоры всего сербского сообщества Венгрии устремились в сторону Белграда, от которого теперь ожидалось освобождение, былая опция демократического сожительства сербов и мадьяр «под одной крышей» стремительно теряла привлекательность. Вместо нее (чем дальше — тем громче) начинала звучать идея радикального национально-политического «размежевания» обоих народов. Таким образом, успешная, на первый взгляд, аннексия в конечном итоге оказалась для Вены и Будапешта воистину «пирровой победой».

Соответственно, и время самих кикиндцев уходило в прошлое, с мыслью о чем они быстро освоились и вполне согласились,

³⁶ *Крестућ В.* Срби у Угарској... С. 429.

отказавшись продолжать политическую деятельность (под старыми лозунгами) в ситуации, качественно отличной от той, что складывалась в Венгрии, когда «Српски глас» только начинал свою борьбу. Наступало время радикалов...

Особую роль в деле пропаганды в сербском сообществе Венгрии достижений соотечественников-сербянцев в 1912–1913 гг. сыграл неформальный лидер Радикальной партии и редактор «Заставы» Яша Томич. Как только Сербия объявила мобилизацию, он тут же оказался в Белграде в качестве военного корреспондента. Посетив все важнейшие фронты обеих Балканских войн, не обходя стороной и передовые позиции, где был однажды даже ранен в ногу, Томич не только слал многочисленные корреспонденции с полей боев в «Заставу», но и весьма оперативно написал три книги: «Война на Косово и в Старой Сербии в 1912 г.», «Война в Албании и под Скутари в 1912 г.», «Война в Македонии и Болгарии». Каждая вышла невиданным прежде тиражом в 15 тыс. экземпляров, что свидетельствовало о высочайшем интересе читателей. Да и вообще, его эмоциональные, проникнутые воодушевлением репортажи с переднего края пользовались огромным успехом у сербов-пречан. Крестьяне даже прерывали полевые работы, собираясь в группы, чтобы прочитать вслух только что доставленный свежий номер газеты.

Своими книгами и многочисленными статьями в «Заставе» Томич пробудил надежды в сербах Венгрии, что Сербское королевство будет в состоянии разрешить и их национальный вопрос, что Австро-Венгрия, подобно Турции, в недалеком будущем потерпит поражение. Его яркие рассказы о Балканских войнах и сербских победах над турками и болгарам буквально взорвали пассивную и запуганную пречанскую массу, обострили ее национально-патриотические чувства и эмоционально приблизили к ней Сербию, как бы разрушив тем самым границы по Саве и Дунаю³⁷.

³⁷ Показательная картина настроений, царивших в Воеводине накануне Первой мировой войны, содержится в мемуарах сербского (пречанского) общественного деятеля Тривы Милитара: «После блестящих побед Сербии в Балканской и Болгарской войнах наша пречанская молодежь и националисты были готовы выскочить из собственных штанов от радости и воодушевления. Позиция многих “лоялистов” и “умеренных” элементов были сильно поколеблены, а для шпионов всех мастей объем “работы” резко возрос. За всяким нашим человеком велась слежка, никому из нас веры больше не было <...>. Атмосфера в стране становилась все более удушливой. Австро-Венгрия занималась провокациями и готовилась к войне. А после сараевского покушения

Эта активная пропагандистская деятельность Я. Томича во многом способствовала быстрому и успешному объединению Воевоины с Сербией в 1918 г.

2. Хорватия и Славония, Далмация, Военная граница

Государственное устройство Австро-Венгерской империи, закрепленное в Соглашении 1867 г., было дуалистическим, но сербы, как уже говорилось, оказались разделенными на четыре части. За входившим в состав исторической Венгрии королевством Хорватии и Славонии Пешт (по мадыро-хорватскому Договору 1868 г.) признавал некоторую автономию — как во внутренних делах, так и в функционировании судебной и школьной систем. В нем также не применялся венгерский закон о народностях 1868 г., да и вообще мадыризация, столь широко задействованная в Воевоине, практически не касалась сербов Хорватии и Славонии, Далмации, Военной Границы³⁸. «Хотя и скромные, но все же реально существовавшие учреждения хорватской политической автономии <...>, — пишет историк из Загреба, — представляли собой щит, который хорватское национальное движение выставляло против распространения понятия венгерской “политической нации” на Хорватию. Они были фундаментом, на котором во второй половине XIX в. выстраивалось понятие “хорватская политическая нация”»³⁹. Суть данного понятия в основном идентично трактовалась как Народной партией (НП) Иосипа Юрая Штроссмайера и Франьо Рачки (народниками), так и Партией права (ПП) Анте Старчевича и Эвгена Кватерника (правашами). Соответственно, «хорватская нация представлялась носителем суверенитета Триединого королевства Хорватии,

военные приготовления велись уже открыто. Нам откровенно внушалось, что ожидается решающее столкновение и война на истребление. Мы же, между тем, в надежде на Россию, лезли на рожон и делали все назло. Мы осознавали, что война неизбежна, но были убеждены, что Россия придет на помощь Сербии, а Антанта в конечном счете победит. Каждый наш человек, от интеллигента до селяка, встретил Мировую войну с этой уверенностью» (*Милитар Т.* Из позадине. Записи из Светског рата. Нови Сад, 2015. С. 29, 30–31).

³⁸ Кузьмичева Л.В. Национально-политические проблемы сербов Воевоины... С. 92.

³⁹ Станчић Н. Хорватская нация и национализм на рубеже XIX–XX веков // Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011. С. 215.

Славонии и Далмации — хорватского национального государства, т. е. Хорватии»⁴⁰.

Проживавшие в ней сербы (число которых заметно увеличилось после 1881 г.⁴¹) находились при таких условиях в политической «надлежности» Сабора и бана. Причем формально они признавались равноправными гражданами Хорватии. Однако, понятие «хорватская политическая нация» отрицало за ними коллективный статус особой «политической нации», т. е. сербы, в отличие от хорватов, не считались субъектом суверенитета, что требовало от них лояльности по отношению к Триединому королевству как хорватскому национальному государству. И потому (хотя решением Сабора от 1867 г. — с подачи народняков — провозглашалось, что «Триединое королевство признает проживающий в нем сербский народ *единым и равноправным* с хорватским»⁴²) отстоять реальное «равноправие» с господствующей «политической нацией» было едва ли возможно, а в заявленном официально «единстве» крылась немалая опасность ассимиляции. Да и вообще, принимая эту формулировку, сербские депутаты хорватского Сабора (а временами их число достигало тридцати) вполне осознавали ее двусмысленность, поскольку, как справедливо заметил В. И. Фрейдзон, «равноправие несовместимо с тождеством»⁴³⁴⁴.

⁴⁰ Там же. С. 216.

⁴¹ Когда в 1881 г. Военная граница была демилитаризована, т. е. лишилась своего непосредственного подчинения Вене, а на ее территорию автоматически распространилась юрисдикция Загреба, количество сербов в «гражданской» Хорватии стало намного больше, чем ранее, — теперь их насчитывалось примерно 500 тыс. человек, и они составляли 26,3% всего ее населения (*Тирковић С.* Срби међу европским народима... С. 231). Их политическая роль в Хорватии существенно возросла, соответственно возросло и значение хорвато-сербских отношений.

⁴² Цит. по: *Тирковић С.* Срби међу европским народима... С. 231.

⁴³ Весьма показательны иные переводы на русский язык выделенных нами характеристик сербского народа в Хорватии и Славонии (в оригинале — «narod s hrvatskim istovetan i ravnopravan»). Так, В. И. Фрейдзон трактовал его как «тождественный и равноправный» (*Фрейдзон В. И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине XIX в. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997. С. 211), а С. А. Романенко, переводя хорватского автора для публикации в российском сборнике, назвал сербов общностью, «равной и равноправной» хорватам (*Станчић Н.* Хорватская нация и национализм на рубеже XIX–XX веков (пер. С. А. Романенко) // Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011. С. 216).

⁴⁴ *Фрейдзон В. И.* Югославизм и «великие идеи»... С. 211.

К тому же язык сербов (объ)являлся тогда практически единым с языком хорватов, что было закреплено в Венском договоре 1850 г. А раз так, то для сохранения их этнокультурной идентичности определяющее значение имели свое название языка и имя народа, кириллический алфавит и автономная школа, национальные символы и обычаи, и, наконец, православная вера, выполнявшая для сербов в Хорватии, по дефиниции С. А. Романенко, «этнозащитную» функцию⁴⁵...

В 1880 г. сербские политики Хорватии и Славонии основали Сербскую народную независимую партию (СННП), которая боролась за признание в автономии «сербского имени», что уже само по себе было крайне важно и актуально, ибо ПП вообще отрицала наличие сербов в Триедином королевстве. А, кроме того, за сохранение кириллицы, самостоятельность сербской школьной системы, за равноправное участие в программе государственной поддержки культурно-просветительных учреждений и проводимых ими мероприятий⁴⁶. Значительно большее понимание этих сербских потребностей проявляла НП, точнее, то ее крыло, что признало мадяро-хорватский Договор 1868 г. и сотрудничало с Будапештом, нежели оппозиция во главе с правашами, отрицавшими «Нагодбу» (их целью были триализм — Хорватия как третья часть империи Габсбургов, либо суб-дуализм — равенство Хорватии и Венгрии в рамках австро-венгерской унии) и невыносившими, как мы видели, даже упоминания «сербского имени».

Бан Карл Куэн-Хедервари (1883–1903), крайне непопулярный в Хорватии из-за насильственного продавливания там политики венгерских властей, сознательно разжигал хорвато-сербские противоречия, используя голоса сербских депутатов Сабора и идя на скромные уступки в пользу православных. Самой значительной из них явилось принятие после долгих проволочек в 1887 г. так называемого Сербского закона, в котором прямо употреблялось «сербское имя», подтверждалась автономия в церковно-школьных и иных культурных делах, признавался кириллический алфавит. Этим законом

⁴⁵ Романенко С. А. Конфессиональное самосознание в культуре сербов и хорватов в Австро-Венгрии // Художественная культура Австро-Венгрии. 1867–1918. СПб., 2005. С. 26.

⁴⁶ Крестич В., Љушић Р. Програми и статутити... С. 119.

на хорватских сербов распространялись те же права, какими их воеводинские соплеменники обладали еще в XVIII в.

Сербские политики выступали за самостоятельность Хорватии и ее расширение (после Военной границы в центре внимания оказалась Далмация, подчинявшаяся в рамках дуализма Вене). Среди них существовала и оппозиция режиму Куэна-Хедервари, однако, несмотря на это, хорватские правящие, поддерживаемые клерикальными кругами, всё отрицали, постоянно обвиняя сербов в «предательстве» и иных смертных грехах, чем создавали поистине «погромную» атмосферу, в которой периодически вспыхивали антисербские демонстрации и погромы — в 1895, 1899, 1902 гг.

Таким образом, самой природой вещей (имея целью *выжить и сохраниться во враждебном иноконфессиональном окружении*) сербское население Хорватии с подачи его немногочисленной элиты, в чем особенно преуспела СННП, начало осознавать, что для усиления «гена сопротивления» ему непременно следовало поднять свой экономический и национально-культурный уровень, а также степень солидарности, что могло означать, с одной стороны, серьезно вернуться к кооперации в хозяйстве, а с другой, касаясь городской среды, посвятить себя свободным профессиям, дабы нарастить численность той самой элиты. И цель была достигнута: к концу XIX в. сербская национальная общность в Хорватии заметно прогрессировала. В 1895 г. в Загребе открылся Сербский банк, который по объему средств стал крупнейшим национальным кредитным учреждением Австро-Венгрии. Он имел филиалы и в других местах компактного проживания сербов в Транслейтании и Цислейтании, вкладывая немалые деньги в Боснию и Черногорию. В сельской среде активно действовал основанный в 1897 г. Союз сербских земледельческих задруг. В 1905 г. в него входила уже 141 задруга.

В качестве третьего (и важнейшего) «кита» успешного национально-хозяйственного развития хорватских сербов в конце XIX — начале XX в. назовем Экономическое общество «Хозяйственник». С самого зарождения в 1897 г. оно играло ключевую роль в процессе роста и эмансипации сербского экономического потенциала в Триедином королевстве, обучив до середины 1914 г. 10 700 сербских питомцев из всех краев империи по 80 различным специальностям — в сфере ремесел, торговли, услуг. Помимо всего прочего, «Хозяйственник» являлся и одним из важнейших *патриотических* институтов

сербского народа, поддерживая и усиливая национальное самосознание сербов-пречан, сохраняя их народные обычаи, веру, язык⁴⁷.

Следствием деятельности Сербского банка, Союза сербских земледельческих задруг и Общества «Хозяйственник» — вдохновителя и координатора всех их проектов — стало то, что к рубежу XIX–XX вв. центр общественно-экономической, национально-политической и культурной жизни сербов Австро-Венгрии начал постепенно перемещаться из Нови-Сада в Загреб⁴⁸.

* * *

Таким временным рубежом, за которым сербские партии Воеводины окончательно утратили значение ведущего политического фактора сербов Австро-Венгрии и представителя их национальных интересов, Светозар Прибичевич — сам активный участник тех событий — называет начало 1900-х годов. Именно тогда выпадающее из слабеющих рук воеводинских политиков знамя подхватили сербские независимцы из Хорватии и Славонии⁴⁹. Что совсем не случайно — сама жизнь поставила перед идеологами хорватского и сербского национальных движений «задачи разработки новой трактовки принципов государственного права, исходящего из факта проживания на одной территории двух этнически близких народов»⁵⁰.

Падение в 1903 г. режима бана К. Куэна-Хедервари стало следствием глубоких перемен в социально-экономическом развитии и расстановке политических сил не только в Хорватии-Славонии, но и во всей Австро-Венгрии. В это время крайне обострились отношения между Веней и Будапештом, наблюдался подъем национальных движений всех народов империи, вследствие завершения их внутриэтнических консолидационных процессов. В связи с последним развитие наций у хорватов и сербов достигло качественно нового уровня, изменялись формы, интенсивность и содержание связей между ними.

⁴⁷ *Крестућ П.* О раду српског привредног друштва «Привредник» међу Србима из Угарске // Споменица др Данице Милић. Београд, 2013. С. 219, 221.

⁴⁸ Там же. С. 220; *Ковић М.* Предговор // Срби 1903–1914. Историја идеја. Београд, 2015. С. 13.

⁴⁹ *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra... S. 12–13.

⁵⁰ *Романенко С.А.* Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX — начале XX в. // Балканы в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 127.

А это, в свою очередь, привело к тому, что на политическом поле Хорватии-Славонии наступили заметные перемены: политические процессы получили развитие в двух направлениях. С одной стороны, различные течения и группировки превращались в политические партии в современном смысле этого слова, обретая более широкую социальную и политическую базу и прочную внутреннюю структуру, с другой, углублялись расхождения между двумя ведущими течениями национальных движений — либерально-демократическим и радикальным⁵¹.

В 1896 г. была основана новая политическая организация — «Объединенная хорватская и сербская омладина». Поводом к тому стало 70-летие Светозара Милетича, долгие годы дававшего направление всей сербской политике в Австро-Венгрии, хотя к своему юбилею, как уже упоминалось, давно отошедшего от участия в ней. Из того молодежного ядра выросло мощное движение, зародившееся в Загребском университете, а затем перекинувшееся на большинство сербско-хорватских студентов из других университетов Австро-Венгрии, в первую очередь Пражского. Во главе Омладины стояли Степан Радич (находившийся в то время в Праге), Иван Лоркович и Светозар Прибичевич, обучавшиеся в Загребе.

В идеологии Омладины нашли отражение витавшие в воздухе новые идеи. Омладинцы отреклись от правашской доктрины об исключительно хорватском характере хорватского пространства, выдвинув вместо нее тезис о единстве хорватов и сербов; взамен католической направленности хорватской культуры они обратились к критике Римско-католической церкви и обличению клерикализма; отвергли прежнее культурное наследие и мировоззренческие ценности как «устаревшие» и повернулись к их источнику за хорватскими границами — к идее общеславянского единства и либеральной идеологии⁵².

В 1897 г. загребская секция Омладины выпустила альманах «Народна мисао», в которой была впервые сформулирована ее национальная программа: «Сербь и хорваты — это один народ. Между ними объективно не может быть никаких столкновений, поскольку все, что есть сербское, принадлежит и хорватам, и наоборот. Национальная программа не может быть выполнена в рамках Австро-Венгрии; ее

⁵¹ Там же. С. 128.

⁵² Филимонова А. И. Хорватские земли и Воеводина... С. 94.

реализация должна распространиться на весь народ <...>. Поэтому не должно быть борьбы между сербами и хорватами, но должно добиваться их единства, через совместную борьбу против Вены и Будапешта с целью обеспечения этого единства»⁵³.

Новая волна оmlадинского движения поднялась в условиях борьбы хорватских городов против венгерского доминирования, развернувшейся в 1903 г. Тогда о своем протесте, как следует из донесений чиновников о волнениях в Загребе, заявили «не только студенты Университета, но и дети в возрасте 10–14 лет, выступавшие впереди всех, разбивая окна при поддержке интеллигентных слоев населения и журналистов». Среди агитаторов «особо агрессивным и опасным» назывался С. Радич⁵⁴.

В 1903 г. в Хорватии-Славонии основана Сербская народная радикальная партия (СНРП). Весной 1904 г. лидеры прогрессивной молодежи приступили к изданию собственной газеты «Покрет», а уже в декабре И. Лоркович создал Хорватскую народную прогрессивную партию (ХНПП), ставшую впоследствии главным союзником политики «нового курса» в Далмации (о нем ниже). Тогда же (декабрь 1904 г.) на политической сцене Хорватии появилась и Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП) под руководством братьев Антуна и Степана Радичей. А двумя годами ранее С. Прибичевич вступил в СННП, фактически возглавив ее.

В 1902 г. СННП обнародовала новое направление своей политики, одобрив тезисы «Объединенной хорватской и сербской оmlадины» 1897 г. 25 марта конференция независимцев в Загребе приняла программу партии, в центре которой (наряду с требованием гарантии автономных прав сербского населения Хорватии и Славонии) лежал тезис об этническом единстве хорватов и сербов. «Считая сербский народ равноправным с хорватским народом, Сербская независимая партия будет выступать с позиции защиты сербской народной индивидуальности и права сербского народа на автономию нашей православной церкви и школы на основе исторических традиций, т. е. права их свободного представления, управления и ведения дел при единственном ограничении, выражающемся в верховном надзоре императорской власти». И далее: «Что касается отношений королевства

⁵³ *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra... S. 14.

⁵⁴ *Филимонова А. И.* Хорватские земли и Воеводина... С. 94.

Хорватии и Славонии с Венгрией — в общественных, просветительских и гуманитарных вопросах, — то партия считает интересы сербов и хорватов абсолютно идентичными»⁵⁵.

В хорватской политической среде протекали схожие процессы. В 1880 г. в НП произошел раскол. Часть ее членов образовали Независимую народную партию (ННП). С другой стороны, при очевидном росте влияния в Хорватии (особенно после аннексии в 1878 г. Боснии и Герцеговины) взглядов ПП, сами эти взгляды сначала исподволь, а затем все более явно начинали меняться — происходил постепенный отход правашей от жестких радикально-антисербских принципов А. Старчевича, но при сохранении основ теории хорватского государственного (исторического) права. Часть их фактически сблизилась с ННП Штроссмайера и Рачки. В 1895 г. и Партию права постиг раскол. Наиболее непримиримое ее крыло во главе с Иосипом Франком основало Чистую партию права (чистые праваше или франковцы), которая все более открыто ориентировалась на Вену и только усиливала «программный» для истинных правашей сербофобский настрой. Другое крыло — умеренное — продолжало эволюционировать в сторону народняцкого признания «сербского имени» в хорватских землях. В 1896 г. его представители вместе с ННП основали Хорватскую партию права (ХПП) — основную национально-либеральную организацию хорватов⁵⁶.

Таким образом, на рубеже веков в Хорватии-Славонии произошла весьма важная перегруппировка политических сил, и это явление принимало универсальный характер, поскольку и в далматинских землях примерно в то же время начиналась национально-политическая «перестройка».

* * *

Далмация — эта неотъемлемая часть исторического Триединого королевства — в эпоху дуализма не являлась частью Хорватии, входя в состав Цислейтании. Она была представлена в Рейхсрате, а с 1861 г. избирала свой земельный Сабор. Исполнительную власть осуществляли Областной комитет и наместник. Сербы составляли 17 % населения Далмации, и их доля постоянно росла вопреки

⁵⁵ *Крестућ В., Љушић Р.* Програми и статуту... С. 231, 232.

⁵⁶ *Фрејдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи»... С. 226–227.

неблагоприятным экономическим условиям. Так, если в 1870 г. сербов было 80 тыс. человек, то по переписи 1910 г. — уже 105 тыс.⁵⁷. Подавляющее большинство составляли крестьяне с небольшими наделами. Среди горожан имелось немало преуспевающих торговцев. В Триесте, например, сербская колония насчитывала более 300 человек. Кстати, именно здесь виднейший политик независимой Сербии Никола Пашич обрел свою супругу Джурджину Дукович — дочь богатого купца-хлеботорговца, располагавшего в своем бизнесе прочными связями с южно-российскими губерниями (будущая госпожа Пашич и родилась в русском городе Бердянске). Благодаря наследию наполеоновских Иллирийских провинций (1803–1814) в Далмации положение сербов было более благоприятным, чем в иных областях Австро-Венгрии. Наличие собственных школ и издательская деятельность привели к появлению целого слоя образованных людей.

В сербской церковной структуре Далмации произошли перемены — из Шибеника резиденция православного епископа переместилась в Задар, а в 1870 г. в Боке Которской была основана собственная кафедра. В 1874 г. австрийские власти объединили обе сербские епархии Цислейтании с православной церковью Буковины в рамках единой Буковинско-Далматинской митрополии. Таким образом, сербское православное население Австро-Венгрии было намеренно дезинтегрировано — сербы Транслейтании (Воеводины, Хорватии-Славонии и Военной границы), как известно, находились под юрисдикцией Сремско-Карловацкого владыки⁵⁸.

В некоторых бывших городах-коммунах австрийскую власть поддерживали те жители, для которых итальянский язык и культура были символами их особого статуса. Единая Народная партия (народняки), тогда еще не разделившаяся на сербов и хорватов, требовала равноправия, особенно в вопросах употребления языка и представительства в муниципальных службах. Сербь сначала поддерживали требование о присоединении Далмации к Хорватии и Славонии, в результате чего было бы восстановлено Триединое королевство. Однако с течением временем, по мере усиления

⁵⁷ *Турковић С.* Срби међу европским народима... С. 233.

⁵⁸ *Суботић Д.* Прилози за националну историју државе и права у 19. и 20. веку (до 1941. године). Београд, 1996. Књ. 1. С. 99.

в хорватской среде правашских взглядов на сербов и их национально-политический статус и в Далмации произошло сербо-хорватское размежевание. Оно стало особенно явным после того, как в 1878 г. далматинские хорваты во главе с Миховилом Павлиновичем поддерживали оккупацию Боснии и Герцеговины. Ее присоединение к Хорватии отныне стало обязательным пунктом хорватской национальной программы.

Следствием этого было основание в 1879 г. Сербской народной партии на Приморье (СНП), по большей части выступавшей самостоятельно, но иногда и в союзе с «автономистами», что представляли городское итальянское население. В январе 1880 г. в газете «Српски глас» появилась программа СНП, где ее авторы в корне изменили бывшее отношение к объединению Далмации с Хорватией-Славонией, выступив на сей раз решительно против⁵⁹. Редактор «Сербского гласа» Сава Беланович возглавил демократическое крыло партии, а священник Никодим Милаш — ее клерикальный фланг: у сербов-далматинцев были сильны соответствующие настроения. Только в 1903 г. в СНП было сломлено сопротивление клерикалов, в результате чего в новой партийной программе появилось положение о «сербском народе трех вер»⁶⁰. Представление же о том, что только православный может считаться сербом, имело в Далмации особое значение, поскольку служило идейным инструментом защиты от влиятельных в то время сербов-католиков из южных районов (Дубровник и Бока Которская). Таким образом, на заре XX в. национально-политический маятник в Далмации вновь качнулся — параллельно сербско-хорватскому сближению в Хорватии и Славонии аналогичный процесс пошел и здесь⁶¹.

Неслучайно поэтому то, что здесь же — в Далмации — начал формироваться так называемый хорвато-сербский «новый курс», основанный на принципе равноправия и взаимного сотрудничества хорватов и сербов⁶², концепция которого зародилась в 1903–1905 гг.

⁵⁹ *Крестућ В., Љушић Р.* Програми и статут... С. 97.

⁶⁰ Там же. С. 257.

⁶¹ *Ђурковић С.* Срби међу европским народима... С. 234.

⁶² Суть политики «нового курса» выразил один из ее творцов, далматинский хорват Франо Супило. Она состояла из двух элементов: «Во-первых, самым опасным врагом нашего народа является “Дранг нах Остен” и система, которая его обслуживает. Необходимо соглашение со всеми, кому угрожает та же опасность.

в программных документах СНП (1903) и Хорватской Народной партии (ХНП) (1905). Центральное положение программы партии сербских народняков на Приморье содержалось в ее втором пункте: «Сербская народная партия, опираясь на принцип национальности (народности), решительно выступает против любой попытки воспрепятствовать этому естественному развитию и потому обязуется помогать другим славянам Монархии в их праведной борьбе, а также бороться за объединение Далмации с Королевством Хорватии и Славонии». И еще: «Сербская народная партия считает одной из своих самых важных задач активную работу в сфере просвещения и народного хозяйства»⁶³. Очевидно, что приморско-сербские народняки пытались использовать опыт СНП, которой, помнится, удалось значительно поднять образовательный и экономический уровень хорватских и славонских сербов.

В ответ ХНП приняла в 1905 г. свою программу, где прямо провозглашалось, что нельзя смешивать религиозную и национальную принадлежность, что сербы и хорваты являются «единой нацией по крови, языку, нераздельно соединенными территорией, на которой проживают». Признавалось равноправие обеих национальностей⁶⁴. При этом как СНП, так и ХНП подчеркивали готовность к сотрудничеству двух национальных движений. Основа для совместных действий, таким образом, была заложена. И продолжение не заставило себя ждать.

Уже упоминалось, что в начале XX в. резко обострились отношения Вены и Будапешта, что привело к глубокому кризису всей системы дуализма. В 1904 г. в парламенте Венгрии была создана национал-радикальная коалиция (во главе с Партией независимости Ференца Кошута — сына легендарного Лайоша), возглавившая борьбу за окончательный суверенитет земель Короны св. Стефана. На выборах, состоявшихся в январе 1905 г., она получила большинство депутатских мандатов. Непримируемость кошутовцев и нежелание императора идти на уступки, прежде всего, в вопросах,

Во-вторых, хорваты и сербы везде составляют одну единую нацию с двумя равноправными национальными наименованиями» (цит. по: Романенко С.А. Австро-Венгрия или Югославия? // Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995. С. 98).

⁶³ Крстич В., Љушић Р. Програми и статуту... С. 257.

⁶⁴ Романенко С.А. Проблема национальной государственности... С. 129.

касавшихся армии, привели к новому разрыву между Веной и венгерскими политиками⁶⁵.

Понятно, что всплеск противоречий между мадьярами и немцами не мог не повлиять на настроения стремительно сближавшихся политически хорватов и сербов. 1905 год стал в их отношениях переломным. 3 октября собравшиеся в приморской Риеке все хорватские политические партии из Хорватии-Славонии и Далмации (кроме франковцев, клерикалов и ХНКП, находившейся в процессе становления) приняли консолидированную резолюцию, в которой обязались поддержать борьбу мадьярской оппозиции против Вены и немецкого «Drang-a» вообще. С другой стороны, исповедуя принцип хорватско-сербского единства, они требовали расширения автономных прав Хорватии-Славонии, проведения демократических реформ и присоединения Далмации. Главными режиссерами этого политического действия были далматинцы Анте Трумбич, Франо Супило, Йосип Смодлака — важнейшие деятели юнионистского движения югославян в годы Первой мировой войны⁶⁶. И буквально через несколько дней, опять же в приморском Задаре, теперь уже сербские партии Далмации и Хорватии-Славонии (СНП, СННП, СНРП) одобрили резолюцию, в которой также поддержали «современное движение венгерского народа» и, в очередной раз объявив хорватов и сербов «единым народом с разными именами», потребовали воссоединения Далмации с Хорватией и Славонией⁶⁷.

Обнаружившаяся близость подходов к важнейшим вопросам национально-политического бытия Австро-Венгрии и собственных взаимных отношений подвигла сербов и хорватов к серьезным «оргвыводам» — в конце 1905 г. в Хорватии-Славонии была создана Хорвато-сербская коалиция (ХСК), базовыми элементами которой стали ХПП, ХНПП и СННП, разделявшие принципы «нового курса» и положения Риекской и Задарской резолюций. И уже на выборах в Сабор 1906 г. она получила большинство мандатов. Вплоть до начала Первой мировой войны ХСК являлась самой влиятельной силой на хорватском политическом поле, играя (как правило и когда это было возможно) ведущую роль в народном представительстве.

⁶⁵ Шимов Я. Австро-Венгерская империя... С. 383–384.

⁶⁶ *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra... S. 15.

⁶⁷ *Крестич В., Љушић Р.* Програми и статутити... С. 331–332.

* * *

Падение в 1903 г. К. Куэна-Хедервари и назначение баном Хорватии Т. Пеячевича, обострение отношений между австрийской и венгерской элитами создали совершенно иную, нежели ранее, ситуацию — необходимость реформ стала очевидна всем. И, кроме того, в условиях схватки с мадьярами Вене приходилось маневрировать, заигрывая с национальными движениями Королевства св. Стефана. В мае 1906 г. было подписано соглашение бана с ХСК, которое вводило новые элементы в систему управления Хорватией. Впервые оппозиционным (национальным) силам открывался доступ к формированию автономного правительства, что явилось важным шагом на пути к реальному парламентаризму.

Однако такое положение просуществовало совсем не долго. В 1907 г. между центральной властью и Будапештом был достигнут компромисс. Франц Иосиф соглашался передать бразды правления в Венгрии националистической коалиции Ф. Кошута, только что уверенно победившей на выборах, в обмен на ее признание существующего статуса империи. На том и порешили. И правящие сразу же перешли в наступление. В 1907 г. венгерский парламент принял документ, которым на всех железных дорогах, станциях и вокзалах предписывался к употреблению исключительно венгерский язык, что являлось грубым нарушением «Нагодбы» 1868 г. Правительство Пеячевича ушло в отставку, а новый бан П. Раух распустил Сабор, объявив новые выборы. Однако, вопреки ожиданиям властей, рассчитывавших на победу лояльно-консервативных сил, триумфатором выборов стала ХСК, получившая абсолютное большинство голосов. В ответ на это рескриптом императора парламентские заседания откладывались на неопределенное время — Сабор не созывался вплоть до весны 1910 г., т.е. более двух лет. На это время в Хорватии-Славонии вводилось прямое правление бана. Дальше — больше! В апреле 1912 г. там был установлен комиссариат с отменой всех конституционных гарантий. Он просуществовал до декабря 1913 г., когда назначенный ранее комиссаром И. Скерлец стал баном.

На внеочередных выборах в Сабор победу снова одержала ХСК. К этому моменту венгерские власти уже осознали, что без опоры на лояльную национально-либеральную оппозицию успешное правление в Хорватии невозможно. С этим-то «прозрением» и были

связаны новшества 1913 г., несколько отпускаявшие туго закрученные гайки, — восстановление конституционных норм и созыв нового Сабора, некоторое расширение автономии Хорватии-Славонии и создание в местном правительстве отдельного департамента «национальной экономики». В ответ, пойдя на компромисс, ХСК заняла позицию полной поддержки Соглашения 1868 г.⁶⁸.

А дальше была война, Первая мировая! И в контексте вызванных ею глобальных сдвигов и перемен сербов-пречан ждала совсем иная судьба — в одной лодке с сербиянцами и остальными «братьями». Впрочем, это уже другая история...

Итак, попытки провести глубокие реформы в сербо-хорватско говорящих национальных единицах Австро-Венгрии в начале XX в. закончились провалом. Как и всегда, всю господствовала «философия маятника» — в моменты входа в клинч представителей правящих наций, нацменьшинства призывались на помощь то одним, то другим. И многое им обещалось, а иногда, будем справедливы, что-то и делалось. Но стоило «панам» лишь замирились, как у «холопов» вновь начинали «чубы трещать». Соглашение Вены с венгерской оппозицией явилось компромиссом между двумя сторонами, — в то время, как Австро-Венгрия стремительно превращалась в мультиполярное государство, в связи с чем многим представлялась настоятельно необходимой его децентрализация. Осознавали ли данное обстоятельство венгерские власти в 1913 г., или всё предпринятое тогда ими было чисто тактическим ходом, остается вопросом. Хотя, в любом случае, было уже слишком поздно. По справедливому замечанию С. А. Романенко, неспособность правящих кругов империи «пойти по пути реформ и положила предел самому ее существованию как единого и полиэтнического государства в Средней Европе». И далее: «Полиэтнической социальной базы, развитого общего рынка создано не было». И наконец: «Монархия достигла той точки в своем государственном и этническом развитии, когда именно централистская политика и отказ от реформ приводят к краху и распаду государства»⁶⁹.

Это заключение авторитетного исследователя, на наш взгляд, де-завуирует крайне популярную ныне на Западе постмодернистскую

⁶⁸ Романенко С. А. Проблема национальной государственности... С. 128, 131–132.

⁶⁹ Романенко С. А. Австро-Венгрия или Югославия... С. 99.

химеру (разделяемую, кстати, и рядом отечественных австро-унгаристов), будто накануне мировой войны Австро-Венгрия была «вполне устроенной и цивилизованной империей, являвшейся носителем идеи прогресса и стабильности для Балкан», и даже чуть ли не предтечей Европейского Союза, т.е. вполне комфортным пространством для совместного и «гармоничного» проживания народов, принадлежавших к различным конфессиям и культурам⁷⁰...

Опираясь на работы предшественников, мы старались показать, как оно было на самом деле. И столь благостного впечатления у нас, откровенно говоря, не сложилось.

⁷⁰ См.: *Шемякин А.Л.* Почему ревизия? Почему сейчас? Новая книга Миле Белаяца // *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015. С. 11–12.

Ольга Владимировна Хаванова

Рождение цесаревича Павла Петровича и символическая коммуникация между санкт- петербургским и венским дворами

Годы, предшествовавшие Семилетней войне (1756–1763), как и сам период боевых действий, можно по праву назвать расцветом в российско-австрийских отношениях. В обстановке приближавшейся «дипломатической революции» 1756 г. (заключение союзных договоров бывшими противниками: Англией и Пруссией, Австрией и Францией), ставшей предвестником наступавшей большой войны, два союзных двора — Санкт-Петербург и Вена — спешили заверить друг друга — словами и символическими жестами — в теснейшей дружбе. Сношения между ними не ограничивались деятельностью постоянных дипломатических миссий: монархи регулярно обменивались известительными и поздравительными грамотами, между двумя столицами курсировали послы по особым поручениям, главные действующие лица получали ордена, подарки, титулы.

Рождение наследника российского престола великого князя Павла Петровича 20 сентября (1 октября) 1754 г. стало событием, остававшимся в центре внимания более года. Далее в статье рассматривается, как Вена и Санкт-Петербург использовали этот «информационный повод» для укрепления династического и межгосударственного союза, в каких формах протекала символическая коммуникация, какие интересы преследовали действующие лица этого процесса.

Из истории российско-австрийских отношений

Санкт-Петербург и Вена заключили первый союзный договор в 1726 г.¹ Две континентальные империи с полным правом именуются в историографии идеальными союзниками: у них не было взаимных территориальных претензий, зато были общие враги — Пруссия и Османская Порта². Россия благодаря союзу с Австрией укрепила свои позиции в Европе, венский двор мог рассчитывать на русское оружие в случае новой войны³. Необходимостью дружбы с Россией объясняется вынужденное согласие Марии Терезии (1740–1780), находившейся в кольце врагов, на формальное признание в 1742 г. императорского титула русских царей⁴.

И все же длительное время договор оставался на бумаге, ограничивался пребыванием посланников и послов при дружественном дворе, но не вел ни к интенсификации торгово-экономических связей, ни к совместным боевым действиям, например в войне за Австрийское наследство (1740–1748). А в 1743 году союз не выдержал испытания на прочность скандалом вокруг посланника маркиза А. Ботта д'Адорно (1688–1774), якобы поддержавшего «заговор Лопухиных», и в 1744 г. Вена и Санкт-Петербург разорвали союзные отношения⁵. Однако в 1746 г. два двора подписали новый, направленный против Пруссии союзный договор, дополнив его секретными статьями о совместных боевых действиях против турок. В 1753 г. положения этих секретных статей подтверждались новым договором⁶.

¹ *Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016 (Schriften zur politischen Kommunikation, 22).

² *Нелипович С. Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 374.

³ *Duchhardt H.* Balance of power und Pentarchie. Internationale Beziehungen, 1700–1785. Wien; Paderborn, 1997.

⁴ Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 1. Трактаты с Австрией. 1648–1762 (далее — Трактаты с Австрией) / Сост. Ф. Мартенс. С. 129.

⁵ *Лиштенан Д. Ф.* Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. М., 2000; *Анисимов М. Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012; *Писаренко К.* Елизавета Петровна. М., 2014. С. 145–151.

⁶ Трактаты с Австрией. С. 185–188.

Важной составной частью развивавшихся межгосударственных отношений были связи между правящими домами. Православная и католическая династии не заключали между собой браков⁷. Между тем, они состояли в родстве через принцесс из Брауншвейг-Вольфенбюттельского дома: мать Марии Терезии, перешедшая в католичество Елизавета Кристина (1695–1750), доводилась сестрой супруге царевича Алексея Петровича — принявшей православие Шарлотте Кристине Софии (1699–1715). Таким образом, Мария Терезия и Петр II были двоюродными братом и сестрой. Третья принцесса, Антуанетта Амалия (1696–1762), вышла за муж за Фердинанда Альбрехта Брауншвейг-Бeverнского (1680–1735). В этом браке родился принц Петр Ульрих (1714–1774), будущий супруг Анны Леопольдовны (урожденной Елизаветы Мекленбург-Шверинской, 1718–1746) — племянницы императрицы Анны Иоанновны. Их сын, провозглашенный в 1740 г. императором под именем Ивана VI и свергнутый через год двоюродной теткой Елизаветой, доводился двоюродным племянником Марии Терезии⁸. Не имея сведений о состоянии здоровья, степени социализации, интеллектуальном развитии сосланного с семьей в Холмогоры Иоанна Антоновича, венский двор строил планы его возвращения на русский престол. Спустя 12 лет после дворцового переворота новому римско-императорскому послу в Санкт-Петербурге графу Николаусу Эстерхази (1711–1764) поручалось заведомо невыполнимое: сделать все, чтобы Иван получил воспитание и образование. Ведь если вдруг (рассуждали в Вене) Елизавета изменит завещание в его пользу, он, став царем, не преминет отплатить австрийцам добром⁹.

Государи-восприемники

В 1747 г. на фоне австрийско-русского сближения Елизавета Петровна приняла приглашение стать крестной матерью третьего сына Марии Терезии. Младенца крестили 5 мая в 6 ч. пополудни

⁷ Исключением может считаться союз представителя младшей ветви Габсбургов — эрцгерцога Иосифа с дочерью Павла I — Александрой, но именно потому, что супружеская чета не имела шансов унаследовать австрийский или российский престол, великой княжне разрешили не менять вероисповедания.

⁸ *Brückner A.* Die Europäisierung Russlands: Land und Volk. Gotta, 1888.

⁹ *Щеткин Е. Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1756–1758 гг. Исследования по данным венского и копенгагенского архивов. СПб., 1902. С. 186.

в летней резиденции Шенбрунн под звуки пушечных выстрелов. Таинство крещения совершил папский нунций кардинал Ф. Сербеллони, российскую самодержицу представлял брат императора принц Карл Лотарингский. Мальчик получил имя Петер Леопольд Иоганн Антон Йоахим Пий Готтард¹⁰. Имя Леопольд напоминало о прадеде младенца императоре Священной Римской империи Леопольде I и символически роднило Габсбургов с династией Бабенбергов, правившей в X–XIII вв. Австрийским герцогством. Имя Петер было выбрано лично Елизаветой Петровной в память о великом отце.

Австрийский историк А. Вандрушка обратил внимание, что в бытность эрцгерцогом тот подписывался исключительно как Леопольд, а став великим герцогом Тосканским, взял имя Пьетро Леопольдо. Вернувшись в 1790 г. в Вену как император Леопольд II (1790–1792) и глава Австрийского дома, он вновь отказался от имени Петер. Таким образом, заключал Вандрушка, Леопольд носил имя царя-реформатора как раз в те годы, когда проводил в великом герцогстве Тосканском реформы, сопоставимые для этого крошечного государства с преобразованиями Петра Великого в России¹¹.

Первое время в Вене к «кумовству» с русскими царями относились со всей серьезностью. Например, в 1753 г. император Франц Лотарингский писал посланнику в России барону Иоганну Францу Претлаку (1708–1767): «Мы должны информировать Ее Величество царицу обо всем в самой дружественной манере, учитывая полнейшее понимание и теснейший союз, объединяющий два наших двора». И далее предлагал в устной форме доверительно сообщить, что в Вене всерьез обсуждаются планы возможной в будущем женитьбы Петра Леопольда на дочери герцога Моденского¹². Этим планам не суждено было исполниться, но со временем Австрийский дом все-таки породнился с д'Эсте: четырнадцатый ребенок и четвертый сын императорской четы Фердинанд Карл Антон (1754–1806)

¹⁰ Wienerisches Diarium. 1747. V 6. N 36. S. 6.

¹¹ Wandruszka A. Leopold II — Erzherzog von Österreich, Grossherzog von Toskana, König von Ungarn und Böhmen, Römischer Kaiser. Wien; München, 1763–1765. Bd. 1. 1747–1780. S. 17.

¹² Франц I — И. Ф. Претлаку, Вена, 13 июля 1753 г. // Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Staatenabteilungen (далее — ÖStA. HHStA. StA). Russland I. Kt. 36. Fol. 142.

взял в жены Марию Беатриче и стал основателем младшей ветви Габсбургов-Эсте. Линия пресеклась в 1875 г., титул герцога д'Эсте был символически дарован убитому в 1914 г. в Сараево эрцгерцогу Францу Фердинанду.

Рождение наследника российского престола

20 сентября (1 октября) 1754 г. великая княгиня Екатерина Алексеевна разрешилась от бремени сыном Павлом Петровичем. На следующий день обер-церемониймейстер граф Ф. М. Санти (1683–1758) поставил в известность графа Эстерхази, что самодержица всероссийская решила пригласить императора Священной Римской империи Франца и императрицу-королеву Марию Терезию стать восприемниками новорожденного цесаревича. Аккредитованные в Петербурге посланники прочих иностранных дворов были официально извещены днем позже, 22 сентября (3 октября). Таинство крещения свершилось 25 сентября (6 октября) в дворцовой часовне. Эстерхази на нем отсутствовал, августейших восприемников представляла самолично Елизавета Петровна¹³. Через два дня эта новость была опубликована в газете «*Sanktpetersburgische Zeitung*» (немецкоязычной версии столичной газеты «Санктпетербургския ведомости»).

По мнению О. Г. Агеевой, институт восприемников стал одной из форм налаживания родственных отношений с европейскими домами уже при Петре I, когда в 1717 г. в Петербурге при крещении цесаревича Павла Петровича (умер в младенчестве) иноземных государей заменили А. Д. Меншиков и датский посланник. При российском дворе считали, что в связи с удаленностью от европейских столиц достаточно — до получения личного согласия восприемника — ограничиться заверениями иностранного посланника в том, что их государь будет рад своей роли крестного родителя¹⁴.

Эстерхази, который вряд ли знал обо всем этом, был повергнут в замешательство стремительностью, с которой развивались события, о чем он не преминул известить сначала имперского вице-канцлера Р. Й. Коллоредо (1706–1788) и государственного канцлера

¹³ Wienerisches Diarium. 1754. XI 2. Nr. 88. S. 9–10.

¹⁴ Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 697.

А. В. Кауница (1711–1794)¹⁵, затем — в более пространных реляциях — императора Франца и императрицу-королеву Марию Терезию. Отсутствие в действиях Елизаветы Петровны более привычной для венского двора публичности (начало у великой княгини родовых схваток держалось в строжайшей тайне, новорожденный был тут же унесен во внутренние покои государыни и крестины назначены на один из ближайших дней) Эстерхази — за неимением лучшего объяснения — приписал приверженности российской самодержицы православной вере. Хотя и был вынужден признать, что, по его сведениям, в России младенцев, если они здоровы, не крестят ранее девятого или десятого дня¹⁶.

Не забыл Эстерхази и о данной ему инструкции следить за судьбой Иоанна Антоновича. В зашифрованной части реляции от 26 октября он сообщил Марии Терезии, что с рождением наследника на пути возвращения Брауншвейгской четы на русский престол появляются новые преграды. Посол был прекрасно осведомлен, что Иоанну Антоновичу шел 15-й год и у него было два брата и две сестры. Он высказывал предположение, что свергнутый не коронованный император был бы любим народом больше великого князя Петра Федоровича и новорожденного цесаревича Павла, и туманно намекал, что его возвращение на престол в силу разных обстоятельств зависит от Провидения¹⁷.

Приглашение в восприемники императорской четы предстояло просить *post factum* путем отправки посольства. Желая придать этому акту должную торжественность, русский двор сначала намеревался отправить в Вену персону, которая знатностью своею хоть как-то сгладила бы возникшую неловкость. По сведениям Эстерхази, выбор тогда пал на графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788) — сына соратника Петра Великого фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (1652–1719) и зятя покойного канцлера Алексея

¹⁵ Н. Эстерхази — Р. Й. Коллоредо, Санкт-Петербург, 8 октября 1754 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 36. Fol. 101r–v; Н. Эстерхази — В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 8 октября 1754 г. // Ibid. Russland II. Kt. 36. Fol. 106r–v. Здесь и далее ссылки на реляции Эстерхази даются с датировкой по григорианскому календарю, как в оригинале.

¹⁶ Н. Эстерхази — Францу I, Санкт-Петербург, 26 октября 1754 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 36. Fol. 107r.

¹⁷ Н. Эстерхази — Марии Терезии, Санкт-Петербург, 26 октября 1754 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 36. Fol. 165v.

Михайловича Черкасского (1680–1742). Однако выяснилось, что камергер и свежееиспеченный генерал-лейтенант (повышен в звании — вероятно, в преддверии планируемой миссии в Вену — за несколько недель до рождения наследника) слег больной в Москве и быстро оправиться и выехать в Вену был не в состоянии¹⁸.

Также выяснились, что среди российских камергеров (так писал в Вену Эстерхази) не было никого, кроме барона Карла Ефимовича Сиверса (1710–1774), кто свободно владел бы немецким или французским языками. Его ветвь рода считалась захудалой, сам он был обязан возвышением благосклонности царевны Елизаветы к молодому Карлу. В 1745 г., накануне избрания супруга Марии Терезии — Франца Лотарингского — императором Священной Римской империи, дальновидный саксонский курфюрст Август III воспользовался своим правом имперского викариата и произвел Сиверса в имперские бароны. Вероятно, для придания бóльшей значимости посольству в него был также включен 20-летний граф Петр Александрович Бутурлин (1734–1789), среди предков которого были наместники, воеводы, бояре, окольные.

Не следует забывать, что 1754 год был не самым радужным в отношениях стратегических союзников — Санкт-Петербурга и Вены. Третий год «тлел» скандал вокруг массового переселения сербов из южной Венгрии и Баната на юг Российской империи, в так называемую Новую Сербию (на территории вновь присоединенной Новороссии)¹⁹. Венский двор, не возражавший против переселения своих подданных в родственную им по вере страну, вскоре столкнулся с массовым исходом целых поселений. На новом месте колонистов ждали выгодные условия хозяйствования, налоговые послабления и, главное, дружественное православное окружение, где их более не стигматизировали как схизматиков. Следует признать, что умелая российская пропаганда и режим наибольшего благоприятствования, созданные переселенцам, сделали поток легальных и, что важно, нелегальных переселенцев неконтролируемым²⁰.

¹⁸ Н. Эстерхази — Марии Терезии, Санкт-Петербург, 26 октября 1754 г. // *ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 36. Fol. 116r.*

¹⁹ Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997; Шемякин А.Л. Сербь в условиях разлома сербского этнического пространства // *История Балкан. Век восемнадцатый* / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2004. С. 298.

²⁰ Хаванова О.В. Письма о счастье: из истории переселения сербов на юг России в середине XVIII в. // *Вынужденное соседство — добровольное приспособление*

Вена ждала от Эстерхази, что тот в ультимативной форме потребует покончить с политикой, губительной для обороноспособности и хозяйственного развития целых областей во владениях Австрийского дома. Санкт-Петербург устами своего посла в Вене заявлял, что согласие на переселение к единоверцам было официально дано венгерской королевой Марией Терезией. Менее чем за полгода до рождения великого князя канцлер В. А. Кауниц в частной беседе, подробно пересказанной русским послом Генрихом Карлом Кейзерлингом (1697–1764) в одной из реляций, изложил свое видение ситуации. Свойственники, говорил он, имеют свойственников, а у тех еще есть свойственники, и так далее. Когда бы узы родства «над правами верховного начальства преимущество возымели», то всякий, у кого бы только была охота, имел бы право «к отдаленным своим свойственникам переселяться, и тогда бы <...> никакое государство само собою состоящим корпусом уже не было, но разрушение оногo от произвольного разделения членов его, которые по угодности своей какую-либо землю обезнародить могли, зависело бы». В заключение беседы канцлер предложил ограничить круг лиц, которым выдаются документы на выезд, ближайшими родственниками тех, кто уже находился в Новой Сербии²¹. Рождение наследника российского престола, однако, не элиминировало, но на время только ослабило напряженность. Наступила пора праздников и торжеств.

Посольства

Обмен посольствами между двумя дворами растянулся не на один месяц. Через две недели после рождения наследника барон Сиверс и камер-юнкер Бутурлин отправились в Вену, чтобы там «учинить нотификации о рождении и крещении его императорского высочества великого князя Павла Петровича и что Ее Императорское Величество их обоих римских императорских величеств при святом крещении сего новорожденного великого князя восприемниками

в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / Отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 179–193.

²¹ К. Г. Кейзерлинг — М. И. Воронцову, Вена, 16 (27) апреля 1754 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 32: Сношения с Австрией. Оп. 1. 1754. Д. 5. Л. 184–184об.

избрать соизволила»²². Они прибыли в Вену 18 (29) декабря 1754 г. и в точном соответствии с инструкцией вручили грамоты от Елизаветы Петровны²³ и великого князя Петра Федоровича римско-императорской чете²⁴.

Мария Терезия, приняв грамоты и выслушав речи барона Сиверса, заверила, что она «по той превеликой радости, которую она при всяком известии о удовольствии Вашего Императорского Величества ощущает, истинное приемлет участие и в благополучном рождении Вашего Императорского Величества внука, которое само собой толь радостное и для всей империи благополучное происшествие ее величеству тем драгоценнее, ибо оное подало новый опыт Вашего Императорского Величества дружбы и благосклонности»²⁵.

Российский посол посетил придворные балы, о чем написала газета «*Wienerisches Diarium*»²⁶ («Венский журнал»), и, по заведенному Марией Терезией обычаю²⁷, получил аудиенции по очереди у всех ее детей: сперва у старших эрцгерцогов (будущему императору Иосифу II было 13 лет, его братьям Карлу и «крестнику Вашего Императорского Величества» Леопольду, соответственно, 9 и 7), потом у пяти эрцгерцогинь, каждая из которых приветствовала его комплиментом, наконец, у младенцев, которых «мамки держали на помочах». Удивленный посол писал: «На мои к ним речи ответствовали сии маленькие эрцгерцогини сами же и благодарили, хотя слова не чисто выговаривая»²⁸.

В конце января 1755 г. в Вене были составлены тексты ответных грамот Елизавете Петровне и Петру Федоровичу, содержавшие

²² Инструкция отправляющемуся в Вену барону Сиверсу // АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1754. Д. 8. Л. 20.

²³ Текст грамоты Елизаветы Петровны Францу I, подписанный днем рождения великого князя, опубликован в: Петрова М.А., Хаванова О.В., Шварц И., Штеттан К. Россия и Австрия: от первых контактов к союзническим отношениям // Россия — Австрия. Вехи совместной истории / Отв. ред. Ш. Карнер, А. Чубарьян. М., 2017. С. 32. Оригинал см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 36. 1754. Fol. 87r.

²⁴ Wienerisches Diarium. 1755. 4 I. Nr. 2. S. 5; 1755. 8 I. Nr. 3. S. 4.

²⁵ Перевод с реляции камергера барона Сиверса из Вены от 28 декабря 1754 г. (8 января 1755 г.) // АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1754. Д. 8. Л. 115об.

²⁶ Wienerisches Diarium. 1755. 11 I. Nr. 4. S. 3; 29 I. Nr. 9. S. 4.

²⁷ Stollberg-Rilinger B. Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München 2018. S. 468–469.

²⁸ Перевод с реляции камергера барона Сиверса из Вены от 28 декабря 1754 г. (8 января 1755 г.) // АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1754. Д. 8. Л. 117об.

поздравления с рождением наследника и согласие выступить восприемниками²⁹. Мария Терезия заверяла «сестру и приятельницу» Елизавету: «Всеусердно желаю, чтобы новорожденный великой князь к благополучному успеху в предбудущей великой надежде, к чему он избран, совершенного возраста достигнул, и новым залогом был к утверждению пребывающего между обоими империями теснейшего и полезнейшего союза, в соблюдении которого в вечные времена, сколько от меня зависит, я способствовать не премину»³⁰. С ответным визитом в Санкт-Петербург в январе-феврале готовился граф Людвиг Цинцендорф (1721–1780), но из-за распутицы достиг российской столицы только 21 марта (1 апреля) 1755 г. Путешествие оказалось изнурительным, и «за случившеюся ему болезнию» аудиенция для Цинцендорфа при дворе была перенесена на 16 (27) апреля³¹.

Это событие не только довольно подробно отражено в архивных документах, но и освещено на страницах газеты «*Wienerisches Diarium*». В ней были напечатаны все речи, произнесенные на торжественной аудиенции: Цинцендорфа — к Елизавете Петровне, Петру Федоровичу и Екатерине Алексеевне, а также ответы российской императрицы и великокняжеской четы. В газете все речи приведены на немецком. На самом деле при русском дворе использовали три иностранных языка: обмен грамотами велся на официальном языке Священной Римской империи — латинском³², в практике придворных аудиенций чередовались немецкий и французский. Кроме того, ни императрица, ни великокняжеская чета не произносили речи сами, но исключительно доводили их содержание до сведения собравшихся через канцлера и камергеров молодого двора. Ответ Елизаветы Петровны торжественно зачитал великий канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин (1693–1766), от имени Петра Федоровича выступил

²⁹ Поздравительная грамота Франца I — Елизавете Петровне, Вена, 26 января 1755 г. // Там же. Оп. 2. Д. 171; Поздравительная грамота Франца I — Петру Федоровичу, Вена, 26 января 1755 г. // Там же. Д. 172; Поздравительная грамота Марии Терезии — Петру Федоровичу, Вена, 27 января 1755 г. // Там же. Д. 173.

³⁰ Поздравительная грамота Марии Терезии — Елизавете Петровне, Вена, 29 января 1755 г. // Там же. Д. 175.

³¹ Рескрипт Г. К. Кейзерлингу в Вену, Санкт-Петербург, 18 апреля 1755 г. // Там же. Оп. 1. 1755. Д. 3. Л. 122.

³² Приезд в Санкт-Петербург римско-императорского камергера графа Цинцендорфа с поздравлением по случаю рождения великого князя Павла Петровича // Там же. Оп. 1. 1755. Д. 6.

камер-юнкер (в венской газете написано «камергер») Л. А. Нарышкин (1733–1799), за Екатерину Алексеевну римско-императорскую чету и их посла Цинцендорфа кратким комплиментом поблагодарил камер-юнкер В. Е. Дараган (1733–?)³³.

В дни пребывания Цинцендорфа в России великий канцлер в официальном письме поинтересовался у английского посланника Мельхиора Гюи-Диккенса (1696–1775), почему из Лондона до сих пор не последовало никакого ответа на грамоту российской императрицы к его королевскому величеству, извещавшую о рождении великого князя Павла Петровича. В самом деле, еще 4 декабря 1754 г. датский посланник Мальцан (?–1757) поздравил русский двор по-французски, неделю спустя, 11 декабря, шведский посланник барон Мауриц Поссе (1712–1787) — по-немецки³⁴. Озадаченный Гюи-Диккенс счел нужным информировать об этом премьер-министра герцога Ньюкасла (1693–1768): «Возможно, они забыли прислать нам такую грамоту, или же сами не ответили на одно из писем короля или королевы, что вполне может быть, и поскольку они продолжают утверждать, что никогда в прошлом не допускали такой забывчивости, я желаю обратиться к Вашей Светлости по сему церемониальному вопросу, дабы знать, кто же в данном случае виноват»³⁵.

Балы, маскарады, фейерверки

Первый фейерверк в честь обретения империей наследника престола состоялся 28 сентября. Россия была представлена коленопреклоненной перед жертвенником с надписью внизу: «Единого еще желаю». Затем с высоты на легком облаке являлось окруженное сиянием Божие провидение с новорожденным принцем на пурпуровой бархатной подушке с надписью «Тако исполнилось твое желание». Надпись, обращенная к Елизавете, гласила: «И так уж Божия десница увенчала, / Богиня, все, чего толь долго ты желала»³⁶. Точные и подробные описания этого

³³ Wienerisches Diarium. 1755. 4 VI. Nr. 45. S. 3–4.

³⁴ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1 1755. Д. 10. Л. 251, 262.

³⁵ М. Гюи-Диккенс — Т. Пелэм-Холлсу герцогу Ньюкаслу, Санкт-Петербург, 25 марта (5 апреля) 1755 г. // The National Archives. State Papers. Russia. 91/60 (пагинация отсутствует).

³⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1749–1761. М., 2003. Кн. XII. Т. 23–24. С. 275.

и последующих празднеств перепечатывались из «*Sanktpetersburgische Zeitung*» в венской газете «*Wienerisches Diarium*».

Придворные соревновались в пышности балов, устраиваемых в честь новорожденного цесаревича. Наблюдавший за этим в числе приглашенных иностранных дипломатов Н. Эстерхази писал Марии Терезии, что первые лица Российского государства «по случаю рождения наследника престола организуют дорогие фестейны³⁷ и иные проявления радости, выражающиеся в балах-маскарадах, иллюминациях и фейерверках³⁸, причем чтобы заслужить милость и удовлетворение своей государыни, они включились в соревнование друг с другом, кто из них изобретательнее и щедрее»³⁹.

13 (24) октября фаворит императрицы камергер Иван Иванович Шувалов (1727–1797) отпраздновал рождение наследника балом-маскарадом в своем недостроенном дворце (Итальянская ул., 25). Придворные, иностранные послы, российское купечество и иностранные негоцианты общим числом около 600 чел. танцевали в двух галереях, играли в карты в боковых анфиладах, вкушали три перемены блюд за тремя столами каждый на 150 чел., но главное — наслаждались великолепным фейерверком со сложной, эклектичной символикой, в которой переплелись античные, христианские, астрологические и (не исключено) масонские мотивы. В центре храма славы стоял постамент, на котором в лучах божьей благодати находилось увенчанное короной имя Елизаветы; справа зодиакальный знак Весов⁴⁰ напоминал о дне рождения Павла Петровича, и тут же коленопреклоненная Россия молилась о ниспослании здоровья цесаревичу; слева аллегорическая фигура Благодарности под рогом изобилия держала в руках пылающее сердце, символизировавшее признательность подданных своей монархине⁴¹.

Двоюродный брат фаворита, влиятельнейший вельможа елизаветинского правления сенатор Петр Иванович Шувалов (1711–1762)

³⁷ Фестейн — от французского *festin*, «праздник».

³⁸ Дедова Е. Б. Аллегорические образы в художественном оформлении фейерверков и иллюминаций елизаветинского времени // Вестник МГУКИ. 2009. 3 (29). С. 250–255.

³⁹ Н. Эстерхази — Марии Терезии, Санкт-Петербург, 31 марта 1755 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 36. Fol. 61.

⁴⁰ Календари, содержавшие астрологические прогнозы и рекомендации, сопоставимые с теми, что печатаются в современной бульварной прессе, начали издаваться в России в начале XVIII в. См.: Collis R. The Petrine instauration: Religion, esotericism and science at the court of Peter the Great. Turku, 2007. P. 67–95.

⁴¹ Wienerisches Diarium. 1754. 4 XII. Nr. 97. S. 3–4.

дал два великолепных бала. Более тысячи гостей ждало щедрое угощение (достаточно упомянуть, что у каждого куверта лежал список из 50 великолепных вин), танцы, фейерверки. Посетители грота с зеркальными стенами могли вкушать десертов и фруктов под ветвями апельсинового дерева. Фланировавшие по покоям дворца восхищались диковинными фарфоровыми вазами из Китая и другими ценнейшими предметами искусства. На втором балу гостей пригласили посетить грот, в котором раскинулся виноградник, из 24 фонтанов били винные струи, стены украшали барельефы античных богов и полубогов. О размахе затрат говорит и то обстоятельство, что солдатам, матросам, гвардейцам в Санкт-Петербурге и частично соседних Курляндии, Лифляндии и пр. в честь праздника было наливо по чарке водки⁴².

На этом фоне бал в только что построенном на набережной Мойки дворце барона Сергея Григорьевича Строганова (1707–1756) 8 (19) ноября, возможно, выглядел несколько скромнее. Около полусотни гостей заняли все внутреннее пространство здания: в большом зале танцевали, в трех комнатах играли в карты, гостей угощали закусками и напитками, но когда пришло время садиться за три больших стола, делать это пришлось в несколько очередей, потому что посадочных мест было в разы меньше, чем гостей. К тому же маскарадные костюмы мешали трапезе при высокой скученности гостей в помещении, поэтому в трех специальных комнатах можно было переодеться в обычное платье перед выходом к столу⁴³.

В 1755 г. газета «*Wienerisches Diarium*» регулярно публиковала не только подробные отчеты о роскошных балах в честь рождения наследника или самых значительных событиях придворной жизни — дне рождения и годовщине восшествия на престол Елизаветы Петровны, днях рождения и тезоименитствах великокняжеской четы и пр. Не проходило недели, чтобы читателям не предложили какой-нибудь заметки о России, будь то новый указ о правилах вывоза товаров или открытие судоходства на Неве. Далекая северная страна представляла экзотической, но не чуждой просвещения, подобной другим европейским державам. В 1755 г. в России открылся первый университет, и богатый уральский промышленник Н. Н. Демидов (1688–1758) подарил учебному заведению минералогический кабинет. О премьерере в придворном

⁴² Ibid. 1754. 14 XII. Nr. 100. S. 9; 1754. 18 XII. Nr. 101. S. 10.

⁴³ Ibid. 1754. 7 XII. Nr. 98. S. 3–4.

театре сообщалось, что «шестеро юных россиян, которым едва ли минуло 15 лет, и из которых никто ни разу не был за границей», исполнили оперу «Церфал и Прокрис» итальянца Франческо Арайя (1709–1770) на слова «господина полковника [Александра] Сумарокова». Они пели, говорилось в заметке, «с такой музыкальной силой, итальянскими манерами, искусными каденциями и благородством движений», что все знатоки с полным правом заявили: это представление сравнимо с самыми лучшими оперными действиями Европы»⁴⁴.

Посольские балы

Императрица Елизавета хотела превратить торжества по поводу рождения внука в непрерывный общеевропейский праздник. Российским послам и посланникам при чужеземных дворах было дано распоряжение организовать «фестейны» в честь наследника российского престола⁴⁵, и на эти цели им выделялись деньги из казны⁴⁶.

О пышном празднике, устроенном посланником в Константинополе А. М. Обресковым (1718–1787) 23 января 1755 г. (по новому стилю), сообщили многие европейские газеты, дословно перепечатав пространную статью из «*Sanktpetersburgische Zeitung*». Дипломату удалось поразить воображение многочисленных гостей размахом торжества, пышным убранством дома и изысканностью сервировки (японский фарфор, серебряные приборы), угощений (рыба, мясо черепахи, раки) и напитков. «Поскольку в Турции нет художников, то не было возможности создать символические изображения на полотнах, поэтому было решено следовать местным вкусам, а именно повесить над первыми и вторыми воротами гирлянды из лавровых листьев и разноцветные лампы». В остальном бал не отличался от европейского: гости играли в карты, танцевали, слушали турецкую камерную музыку, наблюдали за экзотическими танцами приглашенных комедиантов⁴⁷.

⁴⁴ Ibid. 1755. 9 IV. Nr. 29. S. 9.

⁴⁵ Рескрипт Г. К. Кейзерлингу № 24, Санкт-Петербург, 29 октября 1754 г. // АВП РИ. Ф. 32. Д. 4.

⁴⁶ Указ об отпуске денежных сумм российским дипломатическим представителям за границей на проведение приемов по случаю рождения Павла Петровича, Санкт-Петербург, 26 июня 1754 — 4 мая 1755 г. // АВП РИ. Ф. 2: Внутренние коллежские дела. Оп. 6. Д. 221.

⁴⁷ Sanktpetersburgische Zeitung. 1755. 11 IV. Nr. 29 (Anhang).

Не прошло и недели, как 27 января в Вене посол Кейзерлинг торжественно принял гостей в своей резиденции — арендуемом им дворце Рофрано (ныне известен как дворец Ауэрспергов). Наряду с иллюминацией, отражавшейся в десятках зеркал, угощением, танцами и игрой в карты, он сумел поразить воображение публики специально по этому случаю изготовленными в Мейсене (в прошлом Кейзерлинг служил в Саксонии) фарфоровыми сюрту-де-табль⁴⁸, украшавшими четыре стола в парадном зале.

Фигуры, выставленные на первом столе, изображали — в скульптурах и на генеалогическом древе — династию российских императоров: Петра Великого в окружении аллегорий искусств и наук, его дочерей Елизавету и Анну, ее сына — великого князя Петра Федоровича с новорожденным сыном Павлом. Царь указывал рукой на надпись «*Aeternum hoc manet Imperium*» («Власть сия пребывает вовек»⁴⁹). Композиция в центре второго стола являла взорам гостей поросшую цветами гору, на которой восседал символизирующий время старец в окружении фигурок муз и добродетелей: в одной руке он держал младенца, в другой — свиток с надписью «*Ecce vobis alumnus*» («Вот вам питомец»). Вокруг простирались причудливые ландшафты из сахарного песка, а над ними небесный знак Весов, под которым родился цесаревич, и строка из знаменитой IV «Эклоги» Вергилия: «*Iam redit virgo, redunt Saturnia regna*» («Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство»⁵⁰). М.Л. Гаспаров называл ее «самым загадочно-привлекательным произведением древней поэзии»⁵¹, поскольку в строках «К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену / Роду железному род золотой по земле расселится» слышалось предвестие рождения Спасителя. В другом

⁴⁸ Словом «сюрту-де-табль», пришедшим в русский язык из французского (*surtout de table*), называют настольные украшения в виде статуэток, блюд, ваз и т.п., являвшиеся непременным элементом декорирования столов на дворцовых и аристократических приемах раннего Нового времени. См.: *Vaupel B. Wie bei Hof getafelt wurde: Zuckerschloss und Scherzpastete // Monumente. Magazin zur Denkmalkultur in Deutschland. 2015. Dezember. URL: https://www.monumente-online.de/de/ausgaben/2015/6/Kulturgeschichte-Festliches-Tafeln.php#.Xf_M-EczbIX (дата обращения: 22.12.2019).*

⁴⁹ Словосочетание «*manet aeternum*» часто, например, встречается в Новом Завете, в том числе в 1-м Послании Петра и 1-м Послании Иоанна.

⁵⁰ Перевод С. Шервинского.

⁵¹ *Гаспаров М. Вергилий — поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С. 5–34.*

углу картины звездочет направлял подзорную трубу на солнце, на котором было начертано «*Omnibus*» («Всем»).

Композиция на третьем столе включала в себя и золотую пирамиду, увенчанную на вершине двуглавым орлом, а по бокам украшенную портретами великокняжеской четы, и женскую коленопреклоненную фигуру со свитком, на котором читалась строка из 10-й «Сатир» Ювенала: «*Vota exaudita*» («Боги вняли»⁵²), и земной шар с еще одной цитатой из Вергилия, на этот раз из «Энеиды»: «*Imperium sine fine*» («Дам им вечную власть»⁵³), и Нептуна с морскими коньками в пенных волнах под парафразом из «Панегирика, сказанного консулам Пронину и Олибрию» поздне-римского поэта Клавдия Клавдиана (340–404) «*Semper nostris iste dies celebrabitur undis*» («Нашими справляться будет водами день сей»⁵⁴).

Наконец, в четвертом сюрту-де-табле изображался большой канал с кораблями, посередине стоял Колосс, слева гости видели маяк, а у его подножия — детей с пылающими сердцами в руках и аллегория Славы на триумфальной колеснице с надписью «*Hodie silentium nefas*» («Сегодня молчать не пристало»). Пространная заметка в «*Wienerisches Diarium*»⁵⁵ была почти вся посвящена детальному описанию изображений на фарфоровых картинах, следовательно, венский двор внимательно изучал государственную доктрину и внешнеполитическую программу своего союзника. Вряд ли скрытый смысл цитат из Вергилия, прославлявшего молодую Римскую империю⁵⁶, которая «власть ограничит свою Океаном, звездами — славу», остался не замечен европейскими дипломатами.

Всеевропейский масштаб празднования навел венский двор на мысль о том, что их чрезвычайному и полномочному послу не будет лишним тоже устроить в Петербурге прием в честь рождения

⁵² Перевод Ф. А. Петровского.

⁵³ Перевод С. Ошерова.

⁵⁴ Перевод Р. Шмаракова.

⁵⁵ Wienerisches Diarium. 1755. II 5. Nr. 10. S. 5–6. Эту заметку перепечатала регенсбургская газета «Кратко изложенные исторические новости в разъяснение новых европейских событий», см.: Kurtz-gefaßte historische Nachrichten zum Behulf der neuern europäischen Begebenheiten. Regensburg, 1755. Jan. S. 30–32. На французском языке также см.: Gazette de Brunswig. 1755. 19 II. Nr. XV. P. 59.

⁵⁶ Straumann B. Imperium sine fine: Carneades, the splendid vice of glory, and the justice of empire // International Law and Empire: Historical Explorations / Ed. by M. Koskeniemi, W. Rech, M. J. Fonseca. Oxford, 2017. P. 342.

наследника. Бестужев-Рюмин встретил это предложение благосклонно, и Эстерхази приступил к подготовке торжества. Инициатива была тем более кстати, что в 1747 г. по случаю рождения крестника Елизаветы Петровны, эрцгерцога Петра Леопольда, русский двор не сделал венскому никакого ожидавшегося бы по такому случаю подарка, и российская сторона дала понять, что теперь — в условиях, когда нет оснований рассчитывать на подарок из Вены, — бал стал бы лучшим подарком, знаменующим особо тесные отношения двух династий⁵⁷.

Дом, служивший Эстерхази посольской резиденцией, был слишком мал, чтобы вместить многолюдное придворное общество, поэтому венгерскому графу было предложено использовать для бала Аничков дворец⁵⁸, находившийся, как венгерский граф доносил в реляции, в собственности обер-егермейстера графа А. П. Разумовского (1709–1771). (Если учесть, что в 1742 г., по бытующим представлениям, он стал тайным морганатическим супругом императрицы, торжество выходило подлинно семейным.) По ходу приготовлений замысел одного бала для первых шести классов служащих чинов разросся до грандиозного проекта двух балов: для придворного общества (по списку от обер-церемониймейстера) и для всех желающих. Эстерхази рассчитывал дать оба бала в мае, после Пасхи, но приготовления заняли весну и лето. Наконец, были согласованы даты: 27 сентября (8 октября) и 2 (13) октября 1755 г.

С самого начала первого бала сад позади дворца освещали шесть тыс. ламп, а в момент приезда Елизаветы зажглись разноцветные фонари. «*Wienerisches Diarium*» писала: «Ее присутствие на фестейне, который столь понравился всем присутствующим, что большинство осталось до самого его окончания утром следующего дня, свидетельствовало об отличной организации, хорошем воплощении, красивом порядке, изобилии и изысканном вкусе»⁵⁹. Работало четыре буфета, на семи столах сервировали ужин для 300 гостей, а за особо роскошным столом восседала государыня. Елизавета веселилась от души и уехала лишь в 6 ч. утра, за час до окончания бала. На второй бал съехалось более 2 тыс.

⁵⁷ Н. Эстерхази — В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 10 апреля 1755 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 36. Fol. 21r.

⁵⁸ Е. Н. Щепкин писал, что на самом деле дворец в 1755 г. формально еще находился на балансе казны и был передан Разумовскому, скорее всего, только в следующем, 1756 г. См.: Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз. С. 226.

⁵⁹ Wienerisches Diarium. 1755. 19 XI. Nr. 93. S. 4.

масок, которых до рассвета угощали винами, ликерами и прохладительными напитками. Поскольку во дворце не было зала, где можно было бы одновременно рассадить за столами всех собравшихся, в девяти комнатах верхнего и нижнего этажа гостям попеременно подавали ужин на серебряной посуде. Прислуживали гостям люди братьев Разумовских, Бестужева-Рюмина, Строганова, а также аккредитованных в Петербурге дипломатов (английских посла и резидента, датского, шведского и саксонского посланников). В финансовом отчете Эстерхази значилась сумма 13,5 тыс. руб.⁶⁰. Как резюмировал Е. Н. Щепкин: «Угощение гостей обходилось невероятно дорого в стране, где большинство приезжало только, чтобы есть, пить и набивать карманы»⁶¹.

Благодарностью за организацию беспрецедентных в истории российско-австрийских отношений торжеств стало награждение Эстерхази орденом Андрея Первозванного 30 ноября 1755 г. Менее чем через год началась Семилетняя война, и коммуникация между дворами перешла в плоскость согласования действий союзных армий. Эстерхази, которому в момент назначения послом в 1753 г. было обещано, что миссия не продлится более трех лет, пришлось задержаться в России до 1761 г.

Долгожданный императорский рескрипт об отзыве из Петербурга пришел в 1760 г., когда появилась надежда, впрочем, себя не оправдавшая, на заключение мира в Аугсбурге. Из-за болезни Елизаветы Петровны отпускная аудиенция долгое время не назначалась, пока, наконец, не была названа дата 23 августа (3 сентября) 1761 г. В декабре 1760 г. императрица повелела, чтобы с нового года иностранные послы и посланники, которые будут иметь аудиенции при дворе, «также и к его императорскому высочеству великому князю Павлу Петровичу в то же время на аудиенцию предводимы были»⁶². В одной из реляций летом 1761 г. Эстерхази писал, что первым публичным появлением цесаревича стала отпускная аудиенция австрийского генерала Антона Иоганна Непомука Гамильтона (1722–1776)⁶³. При прощании Эстерхази с русским двором великий князь Павел Петрович устами одного из камергеров, как того требовал церемониал, объявил:

⁶⁰ Н. Эстерхази — В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 12 ноября 1755 г. // ÖStA. HHStA. StA. Kt. 37. Fol. 46r.

⁶¹ Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз. С. 248.

⁶² Цит. по: Агеева О. Г. Дипломатический церемониал. С. 286.

⁶³ Н. Эстерхази — Р. Й. Коллоредо, Санкт-Петербург, 9 июня 1761 г. // ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 37. Fol. 211v.

«Желание Его Императорского Высочества испытывать чувства привязанности и нежности к их Императорским и Королевским Величествам не может быть ни более искренним, ни более сильным. Оно наполнено признательностью за новый знак, который они получают сегодня, и он ничего не желает, как при любом случае убедить августейших восприемников в своей почтительной привязанности»⁶⁴.

У охлаждения, наступившего между Веной и Санкт-Петербургом в 1761 г. с выходом России из Семилетней войны после воцарения Петра III, было много знаковых примет. Вот одна из них: после денонсации Россией союзного договора 1760 г. третий сын Марии Терезии стал упоминаться в официальной венской прессе уже как «Леопольд»⁶⁵. Впрочем, календари именовали его Петром Леопольдом вплоть до 1765 г., когда он отправился во Флоренцию, чтобы прavitъ ею как великий герцог Тосканский⁶⁶.

Можно сказать, что понятия «государство» и «двор», «двор» и «династия» при всей синонимичности и взаимозаменяемости все-таки не были полностью тождественны, поэтому приглашение римско-императорской четы в восприемники новорожденного великого князя на фоне далеких от идеальных межгосударственных отношений было не чем иным, как способом упрочить «теснейшее взаимопонимание» родственных династий, а с ним и союзных дворов на фоне не имевших простого решения реально-политических противоречий между двумя державами. Описанные события с осени 1754 г. до осени 1755 г. дополняют представления о династической политике русско-го двора на международной арене, ярко иллюстрируют то значение, которое Санкт-Петербург придавал символической коммуникации (обмену грамотами, маскарадам и увеселениям, упоминаниям в прессе) в связи с рождением наследника, а также свидетельствуют о взаимном интересе придворных обществ двух столиц к церемониалу и культурным практикам друг друга.

⁶⁴ Н. Эстерхази — П. Й. Коллоредо, Санкт-Петербург, 7 сентября 1761 г. // Ibid. Kt. 38. Fol. 74.

⁶⁵ Для сравнения, например, см.: Wienerisches Diarium. 1755. 30 IV. Nr. 35. S. 4; 1761. 24 I. Nr. 3. S. 10; 1764. 11 I. Nr. 3. S. 6.

⁶⁶ См., например: Kayserlich- und Königlich- wie auch Erz-Herzoglicher, dann dero Haupt- und Residenz-Stadt Wien Staats- und Standes-Kalender. Wien, 1763. S. 426.

Алексей Владимирович Морохин

**«До зела снедаемая ревнованием и завистию»:
протоиерей Андрей Самборский
о пребывании в Венгрии
великой княгини Александры Павловны**

Незаурядная фигура и различные аспекты деятельности протоиерея Андрея Афанасьевича Самборского (1732–1815) уже неоднократно обращали на себя внимание исследователей. Современникам священник был известен не только как духовный наставник многих представителей императорской фамилии, но и как просветитель, один из крупных специалистов по сельскому хозяйству, человек, оказавший влияние на антиосманское движение балканских народов¹. Выпускник Белгородской семинарии, он прожил 19 лет в Англии, женился на англичанке Елизавете Филдинг, а вернувшись в Россию, получил от благоволившей к нему Екатерины II разрешение брить бороду, что часто приводило священника к конфликтам с представителями высшего российского духовенства, многие из которых даже называли Самборского еретиком².

¹ О А. Самборском см.: *Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1870. С. 19–25; О жизни протоиерея А. А. Самборского (Материалы к биографии). СПб., 1888; *Жмакин В.* Письма протоиерея А. А. Самборского к императору Александру I и князю А. Н. Голицыну // Христианское чтение. 1894. № 11–12. С. 425–452; *Стеллецкий Н.* Протоиерей А. А. Самборский, законоучитель Александра I. Киев, 1896; *Игнатъев Р. Н.* «Плачевное служение» протоиерея Самборского (1800–1806) // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 60–84.

² Сб. РИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 339. Один из таких конфликтов с петербургским митрополитом Гавриилом произошел в мае 1788 г. См.: Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 63. Отзывы современников о Самборском см.: Записки Михаила Гарновского // Русская Старина. 1876. № 5. С. 13; Похождения или история жизни Ивана Мигрина, черноморского казака // Русская Старина. 1878. № 9. С. 14; *Массон III.* Секретные записки о России. М., 1996. С. 140.

Важный период в биографии протоиерея связан с его пребыванием в Венгрии, где он несколько лет находился в качестве настоятеля православного храма и духовника великой княгини Александры Павловны (1783–1801), ставшей в 1799 г. супругой палатина Венгрии, австрийского эрцгерцога Иосифа (1776–1847). Обстоятельства и подробности пребывания великой княгини в Венгрии в России стали известны во многом благодаря составленному Самборским после смерти Александры Павловны сочинению³. Популярность работы священника была столь велика, что на основе этого текста позднее готовились и исследования, посвященные личности Александры Павловны⁴.

Заключение брака дочери Павла I с младшим братом австрийского императора Франца II (1768–1835) было продиктовано во многом внешнеполитическими соображениями. В 1798 г. Россия вступила в антифранцузскую коалицию, но вскоре вероломная позиция Австрии (удаление армии А. В. Суворова из Северной Италии, не оказание помощи корпусу А. М. Римского-Корсакова) возмутила Павла I. Назревал разрыв австро-российского союза. И тогда австрийский двор прибег к испытанному для Габсбургов средству — предложению брачного союза Александры Павловны с эрцгерцогом Иосифом, венгерским палатином, который в 1799 г. приехал в Петербург и в том же году вступил в брак с дочерью российского императора. В ноябре 1799 г. Александра Павловна с мужем покинула Россию⁵.

³ Сочинение А. А. Самборского известно под разными названиями: «Записка об отношении римско-католической церкви к великой княгине Александре Павловне», «О пребывании в Венгрии и кончине великой княжны Александры Павловны», «О последних днях и кончине великой княгини Александры Павловны». Частичную публикацию текста см.: *Ламанский В.* О пребывании великой княгини Александры Павловны в Угрии (1799–1801 г.) // Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. 2. Отд. 2. С. 47–67. Наиболее полный текст сочинения А. Самборского см.: ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Другие списки см.: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 815. Л. 1–21; РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 144. И. С. Достян назвала сочинение А. Самборского «своеобразным отчетом протоиерея о деятельности в Офене и Вене». См.: *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 40.

⁴ См. например: *Карнович Е. П.* Палатина Венгерская Александра Павловна // *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. М., 1994. С. 237–290; *Данилова А.* Пять принцесс. Дочери императора Павла I. Биографические хроники. М., 2001. С. 113–124.

⁵ Подробнее о подготовке брака см.: *Агеева О. Г.* Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2018. С. 244–247.

Отзывы современников о старшей дочери Павла I были исключительно положительными. Александра Павловна считалась «по наружным и душевным ее качествам без сомнения, первой принцессой в Европе». Наблюдавшие ее лица отмечали, что великая княгиня «в четырнадцать лет <...> была уже взрослой и сформировавшейся. Стан у нее был благородный и величественный, смягченный всеми прелестями ее возраста и пола, черты лица правильные, цвет лица ослепительный; на ее чело ясность, чистота и невинность наложили божественный отпечаток. Белокурые с пепельным оттенком волосы, которые всегда казались убранными руками фей, украшали эту прекрасную головку. Ее ум, таланты и сердце вполне соответствовали очарованию ее внешности <...>. Разум, рассудительность, утонченная чувствительность отличали ее с самого детства и пленяли тех, кто к ней приближался»⁶. Самборский также акцентировал внимание в своем сочинении на внешней привлекательности Александры Павловны: «Бесподобная лепота ее лица пленяла всех очеса, и благоприветливость ее поработала всех сердца». Эти качества супруги палатина очень быстро привели ее к «благорасположению народа» Венгрии⁷. Тот факт, что великая княгиня в Венгрии сразу же постаралась расположить к себе местное население, подтверждается и другими источниками. Так, 9 марта 1800 г., в день рождения палатина Иосифа, Александра Павловна «особливо тем ознаменовала сию торжественную эпоху, что <...> во офенском ломбарде выкупила все заклады бедных от самомалейшей цены до 10 гульденов и повелела безденежно возратить оные хозяевам. Употребленная на то сумма простирается до 40 тысяч гульденов»⁸.

Значительная часть сочинения А. Самборского посвящена религиозным сюжетам, а если точнее — регулярным конфликтным

⁶ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 29. С. 313; *Массон III*. Секретные записки... С. 24; Последние дни царствования Екатерины II. (Письма княгини Анны Александровны Голицыной) // Исторический вестник. 1887. № 10. С. 95; Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. СПб., 2004. С. 70; *Чарторижский А.* Воспоминания и письма. М., 2010. С. 97. См. также: Жизнь Павла Первого, императора и самодержца всероссийского. М., 1805. С. 20; *Брикнер А.Г.* Павел I и Густав IV. 1796–1800 гг. По документам стокгольмского архива // Вестник Европы. 1897. № 4. С. 568.

⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Л. 7.

⁸ Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1800 г. // Русская Старина. 1887. № 10. С. 205.

ситуациям, возникавшим из-за православного вероисповедания Александры Павловны с местным католическим духовенством, которое уже с первых дней пребывания в Венгрии супруги палатина настойчиво пыталось уговорить ее к перемене веры. Так, для великой княгини была устроена «церковь по католицкому обряду под расположением греческого архиерея» — Дионисия Поповича, который считал, что «российская церковь весьма удалилась от греческой и что она требует реформы». Этот иерарх сам намеревался вести церковные службы в храме и хотел быть духовником Александры Павловны, удалив от нее Самборского и «тем самым споспешествовать присоединению к Римской церкви» великой княгини. Под стать этому иерарху вел себя и венгерский примас кардинал Батиани, который делал Александре Павловне много «разных даров» и даже купил «великою ценою близ города сад», который и подарил палатину Иосифу «в том намерении, дабы почаще иметь уединенную с великою княгинею конференцию о соединении с Римскою церковью». Вскоре Батиани умер, однако другие представители католического духовенства не оставляли попыток склонить Александру Павловну к переходу в католичество. Супруга палатина, по словам Самборского, неоднократно жаловалась ему на этих «безпокойных обаятелей <...> иногда с усмешкою, а иногда с негодованием». 26 марта (6 апреля) 1800 г. в Офене состоялось освящение православного храма для великой княгини, в котором и служил ее духовник. Александра Павловна ежедневно посещала церковь, и народ «с величайшим удивлением взирал на ее высочества благоговейное моление». Однако в пасхальные дни власти устроили, по словам Самборского, «бесчестие Российской церкви», изгнав из храма «палицами» местный православный люд. Эти действия едва не привели к народному бунту, а сама оскорбленная великая княгиня «вознамерилась было отправить курьера к Его Величеству <...>, но я умолил, дабы оставив таковое намерение, пребыть в христианском терпении, которым побеждаются все неприятности»⁹.

Одновременно с «папским суеверием» Самборский называл и главного недоброжелателя Александры Павловны — австрийскую императрицу Марию Терезию: «По всем путям, даже в собственном ее высочества кабинете и почивальне, коварные сети были

⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 620 Оп. 1. № 6. Л. 7–7об.

расстилаемы порфиносною высочайшею персоною, но окраденною природною красотою, а потому до зела снедаемою ревнованием и завистию, которые производила в ней красотою своею и добротою сановитая дочь славного севера!». Великая княгиня, по словам Самборского, «обратив на себя все внимание и уважение народа, и помрачив славу ревнивой неаполитанки, потрясла всю ее утробу». Когда Александра Павловна вместе с палатином приехала в Вену для представления императорской чете, Франц II, «узрев сверх чаяния в лице своей племянницы живое изображение прекрасной и предобродетельной своей первой супруги, вечностойной памяти императрицы Елизаветы, содрогнулся. Воспоминание счастливого с нею сожития привело сего нежного супруга в чрезвычайное смущение духа, которое равномерно чрезвычайно огорчило сердце императрицы, нынешней супруги»¹⁰.

Данное свидетельство протоиерея заслуживает особого внимания и подтверждается другими данными. Австрийский император Франц II первым браком был женат на родной тетке Александры Павловны — принцессе Вюртембергской Елизавете (1767–1790), младшей сестре императрицы Марии Федоровны. В подготовке этого династического брака активное участие принимала и Россия¹¹. Первая супруга Франца II пользовалась большой популярностью в обществе, и ее кончина в феврале 1790 г. «от апоплексии» после родов вызвала при австрийском дворе неподдельное сожаление. Почти одновременно с ней скончался и император Иосиф II (1741–1790). По свидетельству прибывшего в те дни в Вену графа Е. Ф. Комаровского, столица Австрии больше оплакивала не смерть императора, а кончину «чрезвычайно любимой» эрцгерцогини Елизаветы¹². Второй супругой Франца II стала его кузина, принцесса Неаполитанская Мария Терезия (1772–1807), которая,

¹⁰ Там же. Л. 60б.–9.

¹¹ Подробнее см.: *Петрова М. А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011. С. 197–202; РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 151. Л. 8–16.

¹² Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 218; Записки графа Комаровского // Исторический Вестник. 1897. № 7. С. 43; *Голицына Н. П.* Моя судьба — это я. М., 2010. С. 361; *Митрофанов П. П.* Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и враги (1780–1790) // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1907. Часть 83. С. 100, 145–146.

судя по отзывам современников, действительно обладала непривлекательной внешностью и была очень ревнива¹³. Вступив в брак со своим кузеном в 1790 г., Мария Терезия, которой «не хватало величия», привезла в Вену «одно лишь желание управлять»¹⁴. Сложные отношения связывали императрицу со многими родственниками, включая собственную мать, королеву Неаполя и Обеих Сицилий Марию Каролину (1752–1814). Посетив Вену в 1801 г., королева писала одному из своих корреспондентов: «Моя дочь (императрица) выказывает намерение выгнать меня. Конечно, это заставит меня уехать, даже если это меня убьет. Она ненавидит нас всех, своих сестер так же, как меня, и настраивает против нас своего мужа. Я считаю ее умершей, между нами все кончено»¹⁵. Родив мужу 12 детей, Мария Терезия была достаточно равнодушна к своим отпрыскам. «Если она когда-нибудь и брала меня на руки, то я этого не помню», — вспоминала позднее о матери старшая дочь Мария Луиза¹⁶.

Будучи страстной меломанкой¹⁷, Мария Терезия также обожала балы, всевозможные развлечения и театральные постановки, но ее поведение многие находили вызывающим, а в попытках выйти в свет видели либо высокомерие, либо презрительную снисходительность. В императорском дворце в Вене часто устраивались концерты и маскарады, на которых, по свидетельству графини Л. Тюргейм, «царила полная распушенность: император, императрица, музыканты, придворные дамы, адъютанты — всё это танцевало друг с другом, выделявая всякие глупости. Иногда императрица, слегка замаскированная, посещала какой-нибудь общественный бал и танцевала там

¹³ Екатерина II называла детей неаполитанской королевы Марии Каролины «уродцами» и писала, что все они «дряблые, подвержены падучей болезни, безобразные и плохо воспитаны». В одном из писем к Александру I императрица Мария Федоровна также характеризует австрийскую императрицу как даму «ревнивую и некрасивую» («Две заметки императрицы Екатерины II» // Русский Архив. 1863. № 1. С. 570; Тимошук В. Брачные проекты великих княжон Екатерины Павловны и Анны Павловны // Русская Старина. 1911. № 3. С. 524, 525. См. также: Из воспоминаний графини Тюргейм // Исторический Вестник. 1913. № 10. С. 384).

¹⁴ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 225.

¹⁵ Acton H. The Bourbons of Neaples. London, 1957. P. 455.

¹⁶ Герпе Ф. Мария Луиза: Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998. С. 21.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Rice J. A. Empress Marie Therese and Music at the Viennese Court, 1792–1807. Cambridge, 2003.

с первым встречным»¹⁸. Иногда говорили, что в камерном оркестре австрийского правления Франц II играл партию скрипки, а Мария Терезия — контрабаса, подразумевая, что к ее мнению прислушивались не только в семье, но и в государстве¹⁹. Императрица, оказывая большое влияние на мужа, активно вмешивалась во все дела и «постоянно внушала тревогу императору как относительно людей, так и относительно дел»²⁰. Объективности ради следует признать, что несмотря на свой непростой характер, Мария Терезия, когда речь шла о государственных интересах, могла и подстраиваться под обстоятельства. Так, в 1797 г., после приезда в Вену французского посла Ж. Бернадота, несмотря на игнорирование его со стороны всего дипломатического корпуса, императрица, боясь за свой родной Неаполь, на который, по слухам, Франция собиралась напасть, первой пошла на установление контакта с Бернадотом, которого пригласила на аудиенцию и приняла «с необыкновенной любезностью»²¹.

Первая встреча Марии Терезии с Александрой Павловной состоялась в Вене, куда палатин Иосиф с супругой прибыл 8 января 1800 г. Навстречу им выехал сам император Франц II и его супруга, которые встретили их у Стаммерсдорфа, где они «соизволили кушать с их высочествами»²². Видимо, здесь и состоялась сцена, описанная А. Самборским. Ревнивая императрица, видимо, после этой первой встречи и затаила злобу на великую княгиню. Способствовать этому могло и то обстоятельство, что в Вене Александра Павловна встретила весьма благожелательный прием. В том же январе 1800 г. газеты сообщали: «В письмах из Вены превозносят великими похвалами красоту, отличные и превосходные качества супруги эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского <...>. Она весьма знающая в языках, ибо говорит совершенно по-французски, по-немецки и по-русски; понимает также английский, итальянский и латинский язык. Сим последним усугубит она уважение и приверженность к себе венгерцев»²³.

¹⁸ Из воспоминаний графини Тюргейм... С. 384.

¹⁹ Герре Ф. Мария Луиза... С. 16.

²⁰ Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1892. Т. 4. С. 10.

²¹ Молчанов А. Н. Из истории дипломатии. Бернадот в Вене // Исторический Вестник. 1885. № 7–9. С. 169–170.

²² Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1800 г. // Русская Старина. 1886. № 4. С. 457.

²³ Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1800 г. // Русская Старина. 1887. № 10. С. 197.

Уже после первой встречи с Александрой Павловной у императрицы Марии Терезии, по словам Самборского, «возгорелось противу невинной жертвы непримиримое мщение», выразившееся в том, что «все венгерские придворные дамы были подкуплены и наущены внушать великой княгине вредные правила, и такие, которыми могло разрушиться ее примерное благонравие и чрез которые бы вещи представлялись в ложном виде». Одной из первых попыталась опорочить Александру Павловну «прековарная» обер-гофмейстерина, которая «посягнула было уже на разрушение честного и непорочного ложа», но не преуспела в этом деле и вскоре была отставлена от венгерского двора. Сам палатин Иосиф продолжал оказывать жене «горячайшую любовь и уважение» и не имел никакого отношения к «учиненным ее высочеству оскорблениям». Во время очередной поездки палатина и его жены в Вену для их пребывания «определено было тесное жилище в отдаленном углу Шембруннского сада». В ходе этого визита Мария Терезия вновь продемонстрировала свое отношение к великой княгине: «Почти ежедневно проезжая мимо жилища ее высочества, ни единожды не осведомлялась о состоянии здоровья, при всем том что великая в беременности своей была подвержена частым припадкам»²⁴.

На наш взгляд, неприязнь Марии Терезии к Александре Павловне следует рассматривать в контексте ухудшавшихся отношений России с Австрией. Еще в сентябре 1799 г., в разгар приготовлений к свадьбе эрцгерцога Иосифа с великой княгиней, первый министр Неаполя Д. Актон писал послу в России герцогу Серракаприоле: «Я должен предупредить вас, что венский двор проявил большую тревогу по поводу предположения Павла I открыть в Петербурге конференцию по итальянским делам». Сама Мария Терезия писала матери в Неаполь: «Я подозреваю, что русский император хочет завладеть одним из итальянских государств, чтобы посадить там на трон эрцгерцога Иосифа, в честь женитьбы этого последнего на его дочери, и я боюсь, что это будет сделано за счет владений несчастного папы. Мой любезный супруг для предупреждения этого посылает свои войска в Римские владения с тем, чтобы занять их и управлять там от имени Св. Престола»²⁵. В конце 1799 г. Павел I не скрывал своих

²⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Л. 6об.–11.

²⁵ *Борецкий-Бергфельд Н.* Император Павел I и политические судьбы Италии // *Русская Старина*. 1912. № 3. С. 517.

антиавстрийских настроений, что нашло отражение и в его высказываниях, зафиксированных в «журнале словесных приказаний». 28 октября 1799 г. российский император объявил: «Есть ли дойдет до объявления кабинетом венским, то объявить, что доколе барон Тугут будет в делах, то связи никакой с ним быть не может». Через несколько дней, 15 ноября 1799 г., Павел I распорядился: «Когда придет официальная нота о требованиях двора венского, то отвечать, что это есть галиматья и бредни»²⁶. В условиях ухудшения отношений двух стран подозрительное отношение к Александре Павловне проявил и ставленник Марии Терезии, упомянутый выше влиятельный министр иностранных дел Ф. фон Тугут²⁷. Когда Самборский отправил в Петербург свою дочь Анну для того, чтобы сообщить императрице Марии Федоровне об обидах и притеснениях, наносимых Александре Павловне²⁸, на эти действия осенью 1800 г. отреагировал и Тугут, который также жаловался на интриги в Офене со стороны духовника Александры Павловны: «Бог знает, сколько мы еще вынуждены будем испытать неприятностей от интриг и ябед русской свиты эрцгерцогини. То, что духовник говорит об этих личных распрях с епископом Буды, мне кажется только отговоркой и пронырством для того, чтобы сбить с толку. Бог знает, не имеет ли вовсе <...> поездка русской барышни в Петербург других тайных причин — секретных поручений со стороны эрцгерцогини»²⁹.

При этом было бы ошибочным считать, что Александра Павловна была единственным представителем династии Габсбургов, к которому Мария Терезия относилась с большой подозрительностью. Так, императрица весьма ревниво относилась к брату мужа — эрцгерцогу Карлу (1771–1847), крупному военачальнику и автору фундаментальных трудов по военной стратегии, который явно превосходил Франца II и смелостью, и дальновидностью, и при этом активно вмешивался в политику. Некоторые современники даже считали Карла более желательным монархом для Австрии. Император

²⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 694. Л. 323об., 324.

²⁷ О Тугуте см.: Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857. Т. 1. С. 19–21.

²⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 61. Л. 14об.

²⁹ Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut. 2. Band. Wien, 1872. S. 269. Цит. по: Игнатъев Р. Н. «Плачевное служение»... С. 62. См. также: Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. XIX.

это прекрасно понимал и с его стороны в отношениях к эрцгерцогу Карлу также присутствовала подозрительность. Неслучайно в одном из посланий брату в 1796 г. Франц II писал ему: «У тебя есть только одни обязанности — обязанности перед нашим домом и монархией, а об империи и всем прочем ты должен забыть». В итоге Мария Терезия способствовала удалению эрцгерцога от военных дел³⁰.

Между тем, как явствует из источников, напряженные отношения между Марией Терезией, некоторыми представителями правящих кругов Австрии и католического духовенства с Александрой Павловной и ее окружением усугублялись еще и тем обстоятельством, что великая княгиня активно консультировалась с российскими дипломатическими представителями, видимо, надеясь получить от них указания относительно своих действий. В том же «журнале словесных приказаний» Павла I этот факт был зафиксирован. Как явствует из источника, российский император подобные действия своей дочери не одобрял и отдал следующее распоряжение: «Клюпфелю. Дурно сделал, что так часто ходил к вел[икой] княг[ине] Алек[сandre] Пав[ловне]»³¹. Относится это указание к российскому дипломату Филиппу Клюпфелю, советнику российского посольства в Вене, который с 10 мая 1800 г. исполнял обязанности поверенного в делах вместо отправившегося в Карлсбад на лечение посла С. А. Колычева³².

В своей записке Самборский очень негативно отзывался об Австрии, правящая элита которой «союз с Россиею почитали весьма опасным для империи». Политическая система Австрии, по словам священника, «основана на интригах, вероломстве, гордости и притеснении всех подданных, кои не суть паписты». Именно поэтому австрийские политики «объяты были страхом, что когда венгерская палатина разрешится от бремени принцем, то Венгрия непременно

³⁰ Циглер В. Франц II // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 356; Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1887. Т. 4. С. 15. Подробнее о взаимоотношениях Франца II с эрцгерцогом Карлом см.: *Rauchensteiner M. Kaiser Franz und Erzherzog Carl. Dynastie und Heerwesen in Österreich 1796–1809. München, 1972.*

³¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 694. Л. 325об.

³² Белокуров С. А. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе (С начала сношений по 1800 г.). Вып. 1. // Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. М., 1893. Вып. 5. С. 284, 290.

отложится от Австрии»³³. Самборский фактически обвинял венский двор в бесцеремонном вмешательстве в личную жизнь Александры Павловны, находящейся на последних месяцах беременности. Этот психологический дискомфорт приводил к тому, что великая княгиня испытала немало стрессовых ситуаций, что во многом и объясняло, с точки зрения Самборского, ее раннюю смерть. Священник писал, что приставленный к супруге палатина медик «был противен ее природному характеру, давал лекарства неприятные, с намерением ли или по неведению, ибо он более искусен был в интригах, нежели в медицине, а при том в обхождении груб». Несмотря на приказание палатина «подносить все самое лучшее и по вкусу» его беременной жене, чиновник, занимавшийся обеспечением стола Александры Павловны, «наблюдая пользу своего кошелька подносил протухлую рыбу и др. кушанье, которого великая княгиня употреблять не могла». Все это продолжалось около трех месяцев, пока в Вену по распоряжению Александры Павловны не прибыли духовник и ее медик Эбелинг, которым великая княгиня «жаловалась, что изнурена голодом». Самборский даже купил ей свежей рыбы, которую приготовила его дочь, и Александра Павловна «покушала в сытость». Окружающие советовали великой княгине рожать в Вене, однако она, по словам протоиерея, к этому предложению «имела великое отвращение и боязнь». Император Франц II приказал брату вместе с женой оставаться в Вене, однако это предложение привело супругу палатина «в великое уныние», и она, «представив себе кончину вселюбнейшей своей тетки императрицы Елизаветы, предназначила и себе подобную» и тогда же составила свое духовное завещание. К этому времени к Вене подошла французская армия и великая княгиня решила возвратиться в Венгрию, в то время как ее супруг принял участие в военных действиях. Разлука с мужем и беспокойство за него, по словам Самборского, «наполнили ее душу неописанною горестию, которая увеличила уныние и расслабление ее духа». При подъезде к Офену Александра Павловна, увидев покойника, которого несли хоронить на кладбище, «с равнодушием изволила сказать: сей бедный мертвец показывает мне путь уклониться от великолепного бедствия к вечности». Прибывший из Вены к великой княгине акушер нашел ее «в великом унынии, которое как ему, так и всем казалось

³³ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Л. 11–18.

весьма неприятным». За неделю до родов Александра Павловна захотела исповедаться и причаститься. Окружавшие ее медики возражали, «представляя в резон, что она, проходя в церковь чрез многие комнаты, может простудиться, и сверх сего, что таковое действие, может произвести новое смущение духа». Самборский совершил обряды в «тронной комнате», после чего великая княгиня успокоилась. Этому способствовал и «вожделеннейший приезд» в Офен ее супруга палатина.

Подробно были описаны Самборским и последние дни жизни Александры Павловны. Роды великой княгини были тяжелыми и мучительными, акушер был вынужден «употребить инструменты». Наконец, в четыре часа утра 8 марта 1801 г. Александра Павловна родила дочь Паулину, которая прожила всего несколько часов. Известие о смерти ребенка Александра Павловна перенесла спокойно. По словам Самборского, она «с покойным духом и твердым глазом перекрестясь сказала: благодарение Богу, что моя дражайшая дочь переселилась в число ангелов, не вкусив тех горестей, которым мы здесь подвержены». Далее священник отметил, что «ее высочество до последнего момента своей кончины подавала надежду всем врачам к выздоровлению» и, даже находясь в постели, «беспрестанно занималась <...> расположением сада», который ей подарил после родов супруг. Далее Самборский свидетельствовал, что «после родов в девятый день поутру великая княгиня всех весьма обрадовала своим выздоровлением, быв признана докторами вне всякой опасности». Однако в тот же день Александра Павловна, «почувствовав сильный жар, начала приходить в отсутствие мыслей, в таком состоянии и смущенном дремании, часто повторяла <...>, что тесно и душно ей жить тамо, и просила своих вселюбезнейших родителей построить в России хотя маленькой дом. Вечеру жар и слабость умножились, по полуночи в третьем часу она пришла в крайнее изнеможение и только что могла приказать пригласить к себе своего вселюбезнейшего супруга, которого обლობызав, сказала: не забудь меня, мой любезный Иосиф! Сказав сие, осталась она безгласна и начала стонать». Затем был призван Самборский, который стал совершать у постели умирающей обряды, а великая княгиня «содействовала оным молитвам, испущая при том томное и косное стенание». Ранним утром 16 марта 1801 г. Александра Павловна скончалась. Узнав о смерти жены, палатин Иосиф лишился чувств, и его «понесли

аки мертва». Придя в себя, он уехал в Вену, а затем «для облегчения своей жестокой скорби» отправился в поездку по храмам, «в которых хранится особое благочестие»³⁴. Самборский отметил, что после вскрытия тела великой княгини один из медиков «сообщил, яко наиважнейший секрет моему приятелю, что легкое великой княгини начало уже было портиться, сие в медицинской письменной визитации было утаено. Разные люди разные причины, не исключая и яду, полагали смерти ее высочества, но я не дерзаю утверждать дела мне не известного; представляю же сие важное и сумнительное происшествие суду Божию»³⁵.

Приводимая Самборским информация также подтверждается другими источниками. В Венгрии кончина супруги палатина действительно вызвала немало вопросов во многом благодаря тому, что здоровье Александры Павловны не вызывало беспокойства у ее окружения. Местные газеты, сообщая о смерти новорожденного ребенка, отмечали, что «сама ее императорское высочество находится вне всякой опасности» и ее здоровье «после столь долгих мучений и глубокой сердечной боли по поводу нежданной смерти ее милого младенца день ото дня улучшается»³⁶. Сам палатин Иосиф в письме к императору Павлу I от 14 марта 1801 г. не высказывал беспокойства о здоровье супруги: «На четвертый день после родов жена моя заболела молочною лихорадкой, которая сегодня прекратилась, не оставив никаких опасных следов, кроме сыпи, которая, надеюсь, при тщательном уходе вскоре пропадет. Ваше величество изволи-те видеть, что опасности нет и все идет своим порядком. Прилагаю также несколько строк руки моей жены; слабость не позволила ей написать больше того»³⁷. Как свидетельствовал российский путешественник В. Б. Броневский, посетивший Венгрию в 1810 г., «недостаточное движение до разрешения ее от бремени, которое не совсем было счастливо, и твердая пища, как полагают здешние медики, были

³⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Л. 19об.–22.

³⁵ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Л. 19–22об.

³⁶ Цит. по: *Воловик О. Е.* Александра. Жизнь. Семья. Судьба. Память. Великосветский династический брак в зеркале политических событий в Европе XVIII века. СПб., 2004. С. 179–180.

³⁷ Письма к императору Павлу Первому от эрцгерцога Иосифа Австрийского, палатина венгерского, супруга великой княгини Александры Павловны // Русская Старица. 1879. № 9. С. 330.

главнейшею причиною преждевременной ее кончины. Но другие уверяют, что она умерла в девятый день от родов по обыкновенным причинам, и сие гораздо вероятнее. К несчастью, имели неосторожность объявлять любопытному народу каждый день по два раза, что королева находится вне всякой опасности, как вдруг ее не стало, и невозможно было скрыть ее смерти. Сначала никто не хотел верить; но вопли горести и отчаяния, унылый звук колоколов и печальный вид придворных привел в движение народ, между коим и доселе не истребилось ложное мнение о причине ее смерти³⁸. Врачи сообщали, что у палатины еще до родов были «приступы лихорадки». Около нее постоянно находились четыре врача — австрийские придворные доктора Эбелинг и Зеллер, а также двое венгерских врачей — Винце Ежеф Донхоффер и главный врач Пешта Самуэль Глосиус. Уже 10 марта, на третий день после родов, медики держали консилиум и объясняли плохое самочувствие великой княжны следующим образом: «Гастрическая нервная горячка больной началась 6 марта, которая породилась волнениями до, во время и после родов, некоторыми ошибками в диете, недостаточным движением и затянувшейся продолжительности родов. К тому же приложилась и молочная горячка». Назначенное лечение эффекта не давало. К 12 марта, по совокупности симптомов, Александру Павловну лечили уже от тифа³⁹. Палатин Иосиф, сообщая в Петербург 16 марта 1801 г. печальное известие, в качестве причин смерти жены указал «обнаружившуюся сыпь, которую усложнили нервные судороги»⁴⁰. В ноябре 1977 г. гробницу Александры Павловны вскрывали для установления причин ее смерти. Согласно медицинскому заключению, старшая дочь императора Павла I «имела тяжелое заболевание, онкогенез, которое затронуло органы верхних дыхательных путей. Наличие других заболеваний или перенагрузки ускоряли его развитие. Кончина Александры Павловны поддается объяснениям, из которых можно сделать вывод, что ее смерть наступила в результате естественных причин. Заболевание развилось в ходе беременности, т. к. по току крови бактерии быстро распространились по всему телу. Данные вскрытия это доказывают.

³⁸ Броневский В.Б. Путешествие из Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828. Ч. 1. С. 101–102.

³⁹ Воловик О.Е. Александра. Жизнь. Семья... С. 181.

⁴⁰ Письма к императору Павлу Первому... С. 330.

Детальные анализы не выявили наличия в организме токсикологических отравляющих веществ»⁴¹.

В Венгрии реакция на смерть любимой народом палатины была вполне предсказуемой. Как сообщал в письме П. А. Палену от 14 марта 1801 г. Самборский, «все воздыхали здесь, сетовали и рыдали горько», а в день смерти Александры Павловны «все улицы были наполнены народом от разного состояния и весьма неутешно скорбящих»⁴². Сам палатин Иосиф после смерти жены покинул свой дворец, где она скончалась, и больше никогда в нем не останавливался, по сути, превратив здание в музей Александры Павловны. Посетивший дворец В. Б. Броневский отметил: «Нас ввели прямо на половину ее высочества. Зеркала, мебели, фарфор, люстры и прочие убранства комнат, привезенные из С.-Петербурга в числе приданного <...> стоят на том самом месте, как были при ее жизни; печальный супруг взял только миниатюрный портрет <...>. На открытых пиано-фортах лежала тетрадь русских арий; эрцгерцог заметил своею рукою песню: “Ах! Скучно мне на чужой стороне”, которую супруга его пела в последний раз в жизни <...>. Я вздохнул, прослезился и зарыдал, когда вошедший в спальню отец Николай, возведши глаза к небу, показал рукою на кровать, на коей ангелам подобная скончалась, на коей надежды Венгрии, подобно светильнику, угасла навсегда. В изголовье поставлен образ, пред ним лежит молитвенник <...>. На табурете у изголовья положено платье и обручальное кольцо»⁴³.

В царской семье естественная смерть великой княгини не вызывала никаких сомнений. Больше того, некоторые источники свидетельствуют, что императрица Мария Федоровна и другие члены правящей династии были прекрасно осведомлены о предсмертной болезни Александры Павловны. В воспоминаниях очевидца мартовских событий марта 1801 г., полковника Н. А. Саблукова, отмечается, что сразу же после получения известия о смерти императора Павла I с печальным известием к его жене отправилась княгиня Ш. К. Ливен. Мария Федоровна, по словам мемуариста, встретила ее словами: «Я уверена, что Александра умерла»⁴⁴. Супруга Александра I Елизавета Алексеевна 22 марта (3 апреля) 1801 г. сообщала своей

⁴¹ Воловик О. Е. Александра. Жизнь. Семья... С. 255.

⁴² ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 31. Л. 1; № 61. Л. 16об.

⁴³ Броневский В. Б. Путешествие из Триеста... С. 85–88.

⁴⁴ Там же. С. 91.

матери: «Мы узнали о кончине бедняжки великой княгини Александры. Не могу Вам выразить ту боль, которую я ощутила, скорбь потери была всеобщей, не говоря уже о ее родственниках <...>. Болезнь убила ее на девятый или десятый день после родов. Бедной императрице не хватает еще этого горя! Однако это ужасное событие оказало на нее меньшее воздействие, чем ожидалось; после смерти императора с ее уст постоянно слетало: “Александра тоже умрет”»⁴⁵. Члены императорской фамилии не имели никаких сомнений в естественности смерти Александры Павловны. Результаты вскрытия тела умершей великой княгини были сообщены императрице Марии Федоровне. Впоследствии эти бумаги хранились в библиотеке императорского дворца в Павловске в особом конверте⁴⁶. Позднее и в императорской семье было распространено мнение о том, что Александра Павловна умерла «от того, что вышла замуж слишком рано», в связи с чем правящая династия пересмотрела свое отношение к ранним династическим бракам, и возрастная планка для вступающих в семейную жизнь великих княжон была поднята до 18–21 года⁴⁷. Император Николай I, младший брат палатины, которую он едва помнил, в 1839 г. в письме к старшему сыну и наследнику Александру так вспоминал о сестре: «Она также была красавица, как наша Олли (великая княжна Ольга Николаевна — дочь Николая I. — А. М.), таковую в полном значении слова, но Бог не благословил сей союз, и она менее чем через год скончалась!»⁴⁸.

Подробности пребывания в Венгрии Александры Павловны, приводимые Самборским, дополняются и письмами священника, которые, видимо, и были в дальнейшем положены в основу его сочинения. Еще перед поездкой в Венгрию протоиерей получил приказ от императрицы Марии Федоровны «писать <...> о разных обстоятельствах чрез верные оказии». Вся история с несчастными родами великой княгини нашла отражение в письмах Самборского,

⁴⁵ Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. 2. С. 39.

⁴⁶ Исторические материалы, хранящиеся в Библиотеке дворца города Павловска // Русская Старина. 1874. № 2. С. 510–511. Примечание 2.

⁴⁷ Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона I с великой княжной Анной Павловной // Русский Архив. 1890. № 9. С. 17; Агеева О. Г. Императорский двор России... С. 256.

⁴⁸ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М., 2008. С. 355.

адресованных российской императрице. Из этих посланий также явствует, что Александра Павловна, не желавшая рожать в Вене, намеревалась сообщить об этом в Петербург своим родителям, хотя и «весьма опасалась» сделать это. Намерение венского двора заставить супругу палатина Иосифа произвести на свет ребенка в Вене Самборский опять же объяснял тем, что «в народе есть общее мнение, что когда ее высочество родит принца, то Венгрия делается независимой от Австрии»⁴⁹. В Россию священник даже специально отправил свою дочь к императрице, «которой ее высочество по особенной своей доверенности, за благо рассудила дать изустное полное наставление во всем том, о чем нужно было донести вашему величеству». «Я с малолетства научен так, — продолжал он, — чтобы последовать правилам здравого рассудка человечества, христианства и честности, основанной на пользе ближнего: все сии однако ж правила суть совсем противны венской политике». Упоминал он и о преданности великой княгини медика Эбелинга и его жены, камер-фрау Александры Павловны, с чем «все благонамеренные люди здесь согласны, тоже и великая княгиня»⁵⁰. Палатин Иосиф, по его словам, после смерти жены «прежестокую был обременен печалию, которую он разительно носил на своем лице и которою всех окружающих поражал»⁵¹. Приводил Самборский в письмах и те подробности последних дней жизни великой княгини, которые отсутствовали в его записке. Так, он отметил, что Александра Павловна «после трудных родов находится теперь гораздо в лучшем состоянии, нежели как можно было ожидать. Молочная лихорадка весьма облегчается преобильным потом. Врач Эбелинг и жена его камер-фрау неотступно и всеусердно служат день и ночь ее высочеству и постоянно удивляют всех окружающих своим рвением <...>. Эбелинг хотя всегда удачно врачевал ее высочество, хотя так же и искусный акушер Целлер совершенно разумеет свое дело. Однако он не полагаясь на себя убедил просьбою его высочество палатина, чтобы он позволил пригласить первейших здешних докторов, которые бы рассмотрели порядок лекарства и обращение с ее высочеством. Сии доктора одобрили все, что Эбелинг и Целлер сделали, и при сем порядке

⁴⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 61. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Л. 15.

⁵¹ Там же. Л. 16.

присоветовали остаться и уверяли при том, что великая княгиня находится вне всякой опасности»⁵². Самборский указывал в письмах и точное время кончины великой княгини — 4 марта по старому стилю «в половине шестого часа по утру»⁵³.

Смерть Александры Павловны не повлияла и на дальнейшие отношения России и Австрии, которые заметно улучшились после убийства Павла I. Получив известие об этом, Франц II, не дожидаясь официального извещения о вступлении на российский престол Александра I, отправил ему собственноручное письмо, в котором выразил «самое горячее желание восстановить все добрые отношения между обеими дворами»⁵⁴. 20 апреля 1801 г. Александр I отвечал австрийскому императору: «Я счел нужным несмотря на теперешние обстоятельства написать вам настоящее письмо как старинному другу и союзнику моего дома <...>, я желаю не отделять интересов вашего величества от моих собственных и поддержать с вашим императорским величеством дружбу и отношения существовавшие между обоими государствами»⁵⁵. С этого момента, по мнению исследователей, происходит «восстановление в полной мере» дружественных отношений двух государств⁵⁶.

В Петербурге причины безвременной смерти Александры Павловны быстро стали достоянием гласности широких кругов. Официальный манифест о кончине великой княгини от 31 марта 1801 г. был опубликован уже 5 апреля в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и сообщал, что супруга палатина Венгрии «в 4-й день сего месяца после девятидневной болезни скончалась»⁵⁷. Подробности сообщал будущий киевский митрополит Евгений в письме к своему приятелю В. И. Македонцу от 20 марта 1801 г.: «В Замке (Михайловский замок. — А. М.) объявлена новая еще печальная весть, что великая княгиня Александра Павловна после несчастных и соединенных

⁵² Там же. Л. 16об.

⁵³ Там же. Л. 17; № 48. Л. 1.

⁵⁴ Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. XLVII.

⁵⁵ ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 2260. Л. 1.

⁵⁶ Подробнее см.: *Искюль С. Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 20–38. Позднее в императорской семье активно обсуждался вопрос о потенциальном браке младшей сестры Александры Павловны — Екатерины, с одним из представителей династии Габсбургов. См.: *Йена Д.* Екатерина Павловна: великая княжна — королева Вюртемберга. М., 2006. С. 54–74.

⁵⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 5. IV. № 30.

с кесарским сечением родов <...> переселилась в вечные покои»⁵⁸. Однако вскоре, видимо, под влиянием сочинения А. Самборского, в России стала появляться и другая информация о последних днях жизни Александры Павловны. Адам Чарторижский позднее вспоминал об этом так: «Смерть эрцгерцогини стали приписывать влиянию какой-то таинственной личности, которая, будучи обеспокоена успехами молодой эрцгерцогини и властью, приобретаемой ей над умами венгерцев, добилась того, что умышленно не были приняты все меры, необходимые для спасения эрцгерцогини. Говорили еще и худшее»⁵⁹. В одном из анонимных сочинений, написанном в форме вымышленных диалогов великой княгини с Екатериной II в те же дни 1801 года, смерть Александры Павловны описывается фантастическим образом: виновниками случившегося указываются «венский и прусский» дворы, которые, узнав о тайном договоре Павла I с Францией о восстановлении Польши и намерении сделать ее правителем палатина Иосифа, «условились купить смертию моею себе спокойствие, полагая, когда меня не будет, то батюшка и старание о соединении Польши не станет иметь. Я была в то время беременна. Несчастные припадки, со мною случавшиеся, уверяли меня, что я должна разрешиться прежде ожидаемого времени. Но ах! Я и сего узнать не могла. — Вчерась почувствовала дурноту в голове, легла я на постель. Лейб-медик уверял меня, что сие ничего не значит и скоро пройдет. Дал мне принять несколько капель лекарства, которого следствия были те, что я почувствовала необыкновенное биение сердца и тошноту. Хотела позвать к себе мою камер-юнкершу, звоню в колокольчик, никто ко мне не идет. Я тревожусь, при всей своей слабости, встав с постели, иду к дверям, нахожу их снаружи запертыми, подошел к другим, вижу то же. Совсем не понимая и не ожидая таковых со мною поступков, усматриваю на столе записочку, беру и читаю следующее: “Любезная наша Государыня! Увы, все совершается! Не принимайте больше лекарства, которое свершит конечно ожидание проклятых сих людей, и я больше вас не увижу, ту, которую я с самого младенчества столь нежно любила и берегла. Что со мною будет? Ах! Для чего мне дают последовать за вами?” — Записочка сия была писана [тою женщиною,

⁵⁸ Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его В. И. Македонцу // Русский Архив. 1870. Кн. 1. С. 795.

⁵⁹ Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 195–196.

кою Вы], бабушка, еще в малолетстве [ко мне] определили <...>. Прочитав роковую записочку, члены мои задрожали и я упала в беспамятстве. Яд начал во мне производить свое действие, что со мною происходило, ничего не помню»⁶⁰. В марте 1806 г. Г.Р. Державин написал «Эродий над гробом праведницы», который посвятил преждевременной кончине Александры Павловны. В сочинении звучали и следующие слова: «Прочь, Фурья зависти, от гроба Блаженной и не смей взглянуть ты на него, когда внутри злоба терзает тайно твою грудь»⁶¹. Под «Фурьей зависти» подразумевалась австрийская императрица Мария Терезия⁶².

Знакомство с сочинением А. Самборского продемонстрировал и известный немецкий писатель А. Коцебу (1761–1819), который не только воспроизвел изложенные протоиереем подробности жизни великой княгини в Венгрии, но и значительно «дополнил» их новой информацией в сочинении, посвященном императору Павлу I. По словам А. Коцебу, император Франц II «оказывал ей (Александре Павловне. — А.М.) также величайшее благорасположение, и это обстоятельство послужило первоначальным поводом к той ненависти, которую возымела к ней безгранично ревнивая императрица германская. К этому присоединилась еще другая, не менее важная причина. Красота, приветливое обхождение и благотворительность великой княгини очаровали венгерцев, в национальном одеянии которых она иногда являлась публично. Она покорила себе все сердца, и так как этот храбрый народ уже и без того нетерпеливо переносил господство Австрии, которая для Венгрии часто бывала не матерью, а мачехою, то в нем возникла и созрела мысль, при содействии Павла, совершенно отделиться от Австрии и возвести на венгерский престол

⁶⁰ *Афанасьев А.* Кончина Екатерины Великия. Анонимная рукопись о царствовании и убийстве Павла I // *Источник.* 2002. № 2. С. 10–11. См. также: *Сб. РИО.* Т. 29. СПб., 1881. С. 351–352, 498.

⁶¹ Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. С. 368–371, 372.

⁶² По иронии судьбы, императрица Мария Терезия, как и Александра Павловна, скончалась 13 апреля 1807 г. от преждевременных родов, осложненных воспалением легких. Франц II горевал о потере жены недолго. Уже в сентябре 1807 г. российский посол в Вене князь А.Б. Куракин сообщал, что «печаль его о покойной императрице совершенно успокоилась», и правитель Австрии уже вскоре вступил в третий брак (см.: *Письма из Вены от князя А.Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне.* 1807 г. // *Русский Архив.* 1869. № 3. С. 438).

великую княгиню Александру Павловну или, скорее, ее сына. Это было известно великой княгине, и она не без колебания изъявила на то свое согласие. Графиня Ливен также знала об этом предположении, но остерегалась преждевременно сообщить о нем императору, из опасения, чтобы он, по своему обыкновению, не воспламенился и не послал бы тотчас свои войска в Венгрию. Там уже раздавались карточки, по которым соумышленники узнавали друг друга. На этих карточках представлена была в середине колыбель ожидаемого ребенка; гений отечества парил над нею; возле колыбели розовый куст, окруженный тернием, — намек на страдания великой княгини, — а на этом кусте несколько роз, из коих одна, великолепно распустившаяся, обозначала Александру Павловну, из другой же выходило коронованное дитя в пеленках, с надписью: “Dabimuscoenam”. Одну из этих карточек видели в Петербурге. Венский двор узнал обо всем, и учреждено было за великою княгинею строгое наблюдение, сопровождаемое всевозможными огорчениями, которые, по приказанию германской императрицы, доходили до самых мелочных оскорблений. Говорят, что даже во время нездоровья великой княгини, несмотря на предписания доктора о соблюдении известной диеты, ей отпускали самую вредную пищу. Однажды ей захотелось иметь ухи, и она не могла ее получить. Священник ее должен был сам пойти на рынок и купить рыбу, которую принес под своею широкою рясою. Всего знаменательнее было неотступное требование императрицы, чтобы супруга палатина переехала для своих родов в Вену. Тогда Александра Павловна стала опасаться за свою жизнь и написала графине Ливен трогательное письмо, в котором предсказывала, что если ее принудят разрешиться от бремени в Вене, то и она и ее ребенок сделаются жертвами этого распоряжения. Можно себе вообразить, до какой степени это письмо встревожило графиню Ливен, которая, по истине, любила принцессу, как дочь. В своем смятении она обратилась к графу Палену; он ей сказал, что ее обязанность представить это письмо императору. Она это исполнила. Павел рассердился и самым положительным образом объявил палатину, что принцесса должна разрешиться от бремени там, где сама пожелает. Тут уж более не смели принудить ее к переезду в Вену, хотя перед тем грозили ей употреблением силы. Она родила в Офене, и все-таки умерла. На основании всего предшествовавшего возникли мрачные догадки. Графиня Ливен полагала, что при таких обстоятельствах

смерть Александры Павловны могла быть и естественною; но многие, вспоминая Раштадтское происшествие (28 апреля 1799 г. французские уполномоченные, бывшие на конгрессе в Раштадте, были перебиты австрийцами. — А.М.), утверждали, что императрица германская доказала, на что она была способна»⁶³. Распространявшиеся слухи об отравлении Александры Павловны, впрочем, воспринимались в российском обществе неоднозначно. Будущий известный военный историк А.И. Михайловский-Данилевский, посетивший Венгрию в 1814 г. в свите Александра I, встречался с иеромонахом Германом, проживавшем при гробнице супруги палатина Венгрии, и вспоминал об этой встрече так: «Отец Герман рассказывал мне, что исправляющий и поныне должность обер-гофмаршала граф Запариделал много неприятностей покойной великой княгине и всем особам, принадлежавшим к свите ее, уверяя однако же, что слухи, будто она скончалась от яда, несправедливы»⁶⁴.

Подробности жизни Александры Павловны в Венгрии, приводимые в сочинении Самборского, сохранялись в российском обществе и позднее, дополняясь новыми, совершенно фантастическими деталями. Так, фрейлина А. О. Смирнова-Россет рассказывала о том, что во время пребывания старшей дочери императора Павла I в Венгрии «под тем или иным предлогом бедную [еликую] к[няжну] отдаляли как можно чаще от исполнения ее духовных обязанностей. Вскоре получили известие, что красавица в полном цвете лет скончалась. В Германии прошла молва, что какой-то венгерский граф, ее камергер, чтобы избавить юную несчастную жертву фанатизма, предложил ей ехать в Германию, где она и скончалась, но это чистая сказка. Воспитанная в самых строгих правилах, великая княгиня безропотно переносила страдания нравственные, пока ей позволяли физические силы»⁶⁵.

Чем же можно объяснить популярность сочинения протоиерея А. Самборского в России? На наш взгляд, объясняется этот факт несколькими обстоятельствами, связанными с активной общественно-политической деятельностью священника как в России, так и в Венгрии. С 1780-х годов Самборский был человеком, достаточно близким

⁶³ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 310–312.

⁶⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 110.

⁶⁵ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 137.

к царской семье⁶⁶. Представители династии Романовых продолжали демонстрировать благоволение к протоиерею и после его возвращения из Венгрии. Известно, например, что весьма активной была переписка Самборского с императрицей Марией Федоровной⁶⁷. Так, в одном из посланий императрицы, датированном 1807 г., мать Александра I высказывала искреннее беспокойство о священнике в связи с его болезнью⁶⁸.

После смерти Александры Павловны священник еще несколько лет оставался в Венгрии, где активно занимался устройством гробницы великой княгини и увековечения ее памяти. Событие это было отнюдь не рядовое, учитывая тот факт, что Александра Павловна оказалась первым представителем династии Романовых, похороненным за пределами Российской империи. Соответственно, эти действия опять же не могли проходить без патронажа царской семьи и добились Самборскому популярности. Активные попытки священника создать в Венгрии культ умершей великой княгини как великомученицы и покровительницы православного населения Австрии, и в частности сербов, также нашли отражение в его сочинении, посвященном Александре Павловне⁶⁹. Неслучайно сам Самборский отмечал распространение разговоров о том, что Павел I отправил его в Венгрию, «дабы всех единоверных сербов взбунтовать и преселить в Россию, которых число простирается более трех миллионов»⁷⁰.

Активными контактами с представителями элиты Сербии священник не ограничивался, пытаясь привлечь внимание царской семьи к положению братьев-славян. Способствовало этому и то обстоятельство, что проживавшие в Венгрии сербы воспринимали

⁶⁶ Некоторые современные исследователи даже отмечают, что протоиерей «находился под личным покровительством императорской семьи». См.: Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 77.

⁶⁷ В описи писем и рукописей священника указаны 14 писем и одна записка императрицы к священнику. См.: О жизни протоиерея А.А. Самборского... С. 73.

⁶⁸ Центральный Державний Історичний Архів України. Ф. 2053. Оп. 1. № 134. Л. 1.

⁶⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Л. 23об.–26об.; Достян И.С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. // Советское славяноведение. 1970. № 5. С. 12–13; Она же. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 38–49; Игнатьев Р.Н. «Плачевное служение»... С. 67–70.

⁷⁰ ОР ИРЛИ. Ф. 620. Оп. 1. № 6. Л. 4–6.

Александру Павловну как свою покровительницу. Неслучайно Самборский предложил палатине открыть библиотеку, составленную из церковных и гражданских книг на русском языке, чтобы увеличить «уважение и любовь от венгерцев, паче же от славян»⁷¹. В 1804 г. посетивший Офен А. И. Тургенев в письме К. Я. Булгакову отметил: «Мы успели уже побывать и в Зореме, где погребена Александра Павловна, и видели скарედную политику двора австрийского, которой, не довольствуясь что <...>, и по кончине не соорудил ей памятника, достойного княжны русской. Церковь, сказывают, нарочно такую маленькую построили, чтоб помешать приверженным к греческой церкви сербам собираться в ней <...>. Местоположение для гроба самое романтическое; только жаль, что из города далеко ходить туда для сербов; при всем том, каждый раз бывает церковь полна и со всех сторон приезжают венгерцы и сербы на поклонение мощам любимой ими Александры Павловны»⁷². В том же 1804 г. Самборский выступил посредником при передаче российскому правительству предложений карловацкого митрополита Стефана Стратимировича⁷³, а затем стал активно обозначать проблемы сербов в своих посланиях к членам императорской фамилии, апеллируя при этом к памяти венгерской палатины. Так, в письме к императрице Марии Федоровне от 26 октября 1805 г. священник отмечал: «Благоугодно было вашему императорскому величеству препоручить в мое духовное попечение вашу вселюбезнейшую дочь, бессмертную Александру Павловну, и нашу православную Грекороссийскую церковь. С Божиею помощию и вашим всеильным влиянием, сохранил я достоинство как августейшего гроба, так и святой Церкви. И как сии два великоважные предметы остались для всех будущих времен священным залогом между Венгриєю и Россиею, а при том, сверх чаяния, содеялись защитой и душевным утешением нескольких миллионов единоверных нам сербов, то я во всяких опасных случаях

⁷¹ Там же. № 61. Л. 15.

⁷² Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 30.

⁷³ Записка Стефана Стратимировича, православного Сербского и Валахийского народа митрополита, в Угорском королевстве сущаго, представленная чрез посредство русского протоиерея А. А. Самборского Государю Императору Александру Павловичу, в 1804 году, об освобождении Сербского народа вообще // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. С. 238–256. Об этом проекте см.: Белов М. В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 155–165.

готов был жертвовать моею жизнью ко утверждению оного достоинства. Да в надлежащей мере сохранится оное достоинство, молить вас, сердобольнейшая мати, безмолвный августейший гроб!! Тем паче, что он обладаем не точию единоверными сербами, но и сообществами Евангельской и Реформатской церквей, даже и папистам, любящими свое отечество. Они все верили, что Божий промысл послал им венгерскую палатину для избавления от австрийского угнетения!!! По таковому их сердечному расположению, наверно можно считать их приверженными искренно к российскому престолу»⁷⁴. В июне 1808 г. Самборский написал письмо Александру I, в котором прямо отметил, что его сестра во время пребывания в Венгрии «возродила в единоверных сербах доблестный дух ко избавлению правотверия от тяжкаго ига магометанскаго»⁷⁵.

Все эти контакты Самборского как с представителями царской семьи, так и с правящей элитой России были возможны благодаря личным качествам священника. Неслучайно занимавшиеся изучением его биографии историки отмечали, что А. Самборский «по всему складу своего ума, по своим воззрениям и симпатиям <...> был скорее человек светский, нежели духовный», «более хороший агроном, чем богослов»⁷⁶. Это не могло не способствовать установлению неплохих отношений священника со многими известными государственными деятелями России, что ярко иллюстрируют сохранившиеся письма протоиерея. Известно, например, что он «с глубочайшим почтением» писал послания фавориту Екатерины II П. А. Зубову⁷⁷, в достаточно близких отношениях находился с А. А. Безбородко⁷⁸, А. Б. Куракиным⁷⁹, А. Р. Воронцовым⁸⁰, считал «истинным сыном

⁷⁴ О жизни протоиерея А. А. Самборского... С. 60.

⁷⁵ Слово за сербов. 1808 // Русская Старина. 1876. № 9–12. С. 627–628.

⁷⁶ *Надлер В.* Религиозно-нравственное развитие императора Александра I и идея Священного Союза // Вера и Разум. Журнал богословско-философский. 1884. № 5. С. 733; *Морошкин М.* Иезуиты в России... С. 21.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 1341. Л. 1–2.

⁷⁸ Из бумаг князя А. А. Безбородки // Русский Архив. 1890. № 10. С. 157–159.

⁷⁹ О жизни протоиерея А. А. Самборского... С. 69, 70; *Дружинин П. А.* Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М., 2002. С. 29; Архив князя Ф. А. Куракина. Астрахань, 1901. Кн. 9. С. 438–439; НИОР РГБ. Ф. 93. Карт. 5. № 157. Л. 2.

⁸⁰ Архив князя Воронцова. М., 1884. Кн. 30. С. 395–396; М., 1886. Кн. 32. С. 501; ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 540. Л. 2.

церкви и отечества» графа Н. П. Шереметева⁸¹, с «отеческой любовью» к протоиерею относился и влиятельный царедворец Н. И. Салтыков⁸². Н. П. Румянцев в письме к Самборскому прямо отмечал, что «не токмо в вас почитаю иерея, но особу отличную галантными и душевными своими качествами»⁸³. Надо полагать, эти отношения также способствовали широкому распространению среди российских вельмож сочинения протоиерея о пребывании в Венгрии Александры Павловны⁸⁴.

Также известно, что А. Самборский описывал обстоятельства жизни Александры Павловны в Венгрии и в устных беседах со многими современниками. Так, графиня А. Д. Блудова приводила в своих мемуарах рассказы матери, которая, в свою очередь, слышала их от самого священника. По ее словам, великая княгиня находилась «среди семейства и круга холодного к ней, или враждебного, отчасти из фанатизма латинского, отчасти из зависти и влиянию ее очаровательной наружности». Со слов Самборского были приведены и новые подробности преследований супруги палатина со стороны Марии Терезии: «Случилось, между прочим, что на один народный спектакль Александра Павловна приехала в ложу, по обычаю, в бриллиантах; но бриллианты ее были гораздо более ценные и лучше отделанные, нежели ее свекрови. В зале глаза всех были устремлены на нее с ласковым удивлением. Малодушная свекровь запретила ей надевать бриллианты в театр; она кротко повиновалась. Но в следующий раз, когда она взшла в ложу с одними только цветами в волосах, вместо диадемы, ее юная красота была ослепительнее драгоценных камней, и шепот сдержанного удивления прошел в публике. Бедной Александре Павловне пришлось вынести еще неприятности и за это. Словом, повторялась, в действительности для нее, басня волшебных сказок о злой мачехе и прекрасной царевне. Несмотря на любовь мужа, она была так притесняема и несчастна, что Самборский

⁸¹ Письма разных лиц к графу Н. П. Шереметеву // Русский Архив. 1898. № 3. С. 434–435.

⁸² К истории царствования императрицы Екатерины II (Письма, заметки и прочее) // Русская Старина. 1896. № 11. С. 452.

⁸³ НИОР РГБ. Ф. 93. Карт. 8. № 50. Л. 2.

⁸⁴ Известно, например, что копия сочинения священника имела у князя А. Н. Голицына, в бумагах которого она и была обнаружена в 1845 г. См.: РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. № 102. Л. 1об.

(не имея возможности писать о ней даже с курьером), решил отправить дочь свою Анну Андреевну с фельдъегерем на перекладной в Петербург, дабы довести до сведения императора Павла о тяжком положении великой княгини. Когда Самборская приехала, она уже не застала Павла I в живых, а вскоре и Александра Павловна скончалась, разрешившись преждевременно от бремени, вследствие, как думали Самборские, всех огорчений и преследований, которых она была жертвою. За нею такой был плохой уход, что она умерла одна, без сиделки, и когда вошли в ее комнату, нашли ее мертвой с рукою на колокольчике, которым у нее не достало сил позвонить. Это последнее обстоятельство было мне подтверждено графиней Ревай, которая была при ней фрейлиной и до глубокой старости (когда я познакомилась с ней) сохранила к Александре Павловне благоговейную преданность и, ради ее, любила всех русских и старалась сближаться с ними»⁸⁵.

Таким образом, сочинение А. А. Самборского о пребывании в Венгрии великой княгини Александры Павловны содержало не только подробности последнего периода жизни супруги палатина Венгрии, но и обращало внимание на положение в Австрийской империи православных народов. Широкое распространение этого сочинения в правящих и интеллектуальных кругах России также способствовало активизации внимания российского общества к этой проблеме.

⁸⁵ Из воспоминаний графини А. Д. Блудовой // Русский Архив. 1879. Кн. 3. С. 485.

Юлия Владимировна Лобачева

Сербские женщины в путевых очерках П. А. Ровинского

Андрей Леонидович Шемякин, талантливый и преданный своему делу историк, мой учитель и старший коллега, высоко ценил проницательность и наблюдательность Павла Аполлоновича Ровинского, ученого-слависта, публициста, путешественника. Андрей Леонидович часто обращался в исследованиях к свидетельствам и размышлениям Ровинского о Сербии и сербах, считая их компетентными и достоверными, часто их цитировал¹, посвятил Ровинскому не одну работу², познакомил читателя с некоторыми его трудами, опубликовав их фрагменты и сопроводив научными

¹ См., например: *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX — начала XX века глазами русских наблюдателей // *Славяноведение*. 2004. № 3. С. 21–32; *Он же*. Относительность самооценок: сербский крестьянин глазами русских путешественников // *Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе* / отв. ред. Л. Н. Будагова. М., 2011. С. 177–194; *Он же*. В плену у традиции. Русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Српско-руски односи od почетka XVIII do kraja XX veka*. Београд, 2011. С. 145–162, и др.

² *Шемякин А.Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // *Славянский альманах* 2003. М., 2004. С. 72–93 (на сербском: *Šemjakin A.L.* «Svet detinjstva» u Srba u putnim beleškama P.A. Rovinskog // *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*. 4, Žene i deca. Београд, 2006. С. 292–313); *Он же*. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // *Славяноведение*. 2017. № 3. С. 87–98; *Он же*. Сербские сочинения П.А. Ровинского // *Русские о Сербии и сербах*. СПб.; М., 2019. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского). С. 7–26.

комментариями³, а также начал готовить к публикации и всё его «сербское наследие»⁴.

В какой-то степени продолжением исследований Андрея Леонидовича по истории Сербии XIX — начала XX в. является и изучение нами истории сербских женщин. Цель же данной статьи — рассмотреть представления П.А. Ровинского о сербских женщинах, содержащихся в его опубликованных работах о Сербии⁵.

Павел Аполлонович родился в 1831 г. и умер в 1916 г., прожив почти 85 лет. Будучи энергичным и любознательным человеком, он многое успел: получил высшее филологическое образование, занимался педагогической и общественной деятельностью, путешествовал в научных целях, побывал в ряде славянских стран, долгое время жил, работал и вел исследования в Черногории. Как знаток Черногории и Сербии Ровинский был признан современниками, а позже и исследователями. Как корреспондент и публицист он охотно и много писал о славянах, а его материалы печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Новом времени», «Вестнике Европы» и других изданиях⁶.

³ Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. С. 38–118; *Шемякин А.Л.* Павел Ровинский. Сербская физиономия Белграда // Родина. 2006. № 9. С. 54–58.

⁴ Этот труд заканчивали уже мы, его коллеги и ученики. См.: Русские о Сербии и сербах. Т. III.

⁵ Мы не имели возможности привлечь в качестве источников его неопубликованное эпистолярное наследие. Исключение составили опубликованные А.Л. Шемякиным письма. См.: Русские о Сербии и сербах. М.: «Индрик», 2014. Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.Л. Шемякин; комм. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин. С. 55–63.

⁶ Кстати, о самом Ровинском и его деятельности тоже писали многие — и современники, и исследователи. Однако до сих пор, насколько нам известно, нет ни одной комплексной монографической работы о нем — ни его полновесной персональной, ни научной биографии. Что удивительно, учитывая неординарность его личности и масштабность наследия, впрочем, возможно, именно это и объясняет отсутствие такой книги. Можно назвать только одну обобщающую работу о Павле Аполлоновиче Л.А. Котлярской и М.М. Фрейденберга, опубликованную в двух частях более 30 лет назад. См.: *Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М.* Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский (1831–1916). Учебное пособие. Калинин, 1988; *Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М.* Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский в Черногории. Калинин, 1989. Также эти авторы участвовали в составлении библиографии печатных трудов Ровинского и работ о нем, которая в уточненном виде опубликована и в посвященном ему сборнике статей. См.: П.А. Ровинский (1831–1916) и его время. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1988. С. 114–135.

Не обошел вниманием Ровинский и тему славянской женщины или женщин (назовем это условно так), раскрывая ее разными способами — от погружения в изучение истории как в очерке о чешской женщине⁷ до создания историко- и социально-психологических и этнографических портретов и образов своих современниц сербок и черногорок на основе личных впечатлений, наблюдений и исследований в других работах⁸.

Заметим, что отдельных исследований, посвященных теме славянских женщин в произведениях Ровинского, крайне мало. Нам известны лишь статья о черногорских женщинах в труде Ровинского черногорского автора⁹ и работа российской исследовательницы о сербских женщинах¹⁰. Кроме этого, российские историки обращались к сведениям и размышлениям Ровинского о женщинах в Черногории и Сербии при изучении общества и менталитета сербов и черногорцев во второй половине XIX — начале XX в.¹¹, а также в работах

В числе работ о П. А. Ровинском, выходявших начиная с 1990-х гг., помимо принадлежащих А. Л. Шемякину, назовем и другие: П. А. Ровинский (1831–1916) и јужнословенске земље: зборник радова са научног скупа. Цетиње, 1992; *Хлебникова В. Б.* «Русский черногорец» Павел Ровинский // Родина. 2006. № 4; *Она же.* П. А. Ровинский о менталитете черногорцев // Россия и Запад: диалог культур. Сб. ст. М., 2008. Вып. 14. Ч. 1. С. 325–335; *Она же.* Путевые и журналистские заметки П. А. Ровинского о Сербии // Славяноведение. 2017. № 3. С. 99–108; *Аксенова Е. П.* А. Н. Пыпин, П. А. Ровинский, Д. Л. Мордовцев — пересечение славистических интересов // Пропагандист великого наследия. Сб. научн. трудов и материалов. Саратов, 2014. С. 91–104, и др.

⁷ *Ровинский П. А.* Из истории славянской женщины. (Очерк из истории культуры и нравов.) // Неделя. 1869. №№ 16, 17, 19, 21, 23, 25, 26.

⁸ О черногорских женщинах подробно говорится, в частности, во втором томе его трехтомного труда о Черногории. См.: *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1897. Т. II. Ч. I. (Гл. III. «Семья или дом и жизнь в семье», гл. VI — «Народный костюм и относящиеся к нему домашнее (женское) производство»); СПб., 1901. Т. II. Ч. II. (гл. XVI — «Обычаи и обрядовая жизнь»). В третьем томе («Государственная жизнь (1851–1907)») речь идет о женском образовании в Черногории (Петроград, 1915. Т. III).

⁹ *Лалошевић Д.* Жена у црногорској породици // Павле Ровински и Црна Гора, радови са научног скупа. Подгорица, 2009. С. 169–180.

¹⁰ *Румянцева А. А.* Положение сербских женщин в 1860-е годы (по свидетельству П. А. Ровинского) // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003. Вып. I. С. 27–37.

¹¹ См., например: *Шемякин А. Л.* «Мир детства»...; *Хлебникова В. Б.* П. А. Ровинский о менталитете черногорцев...; *Она же.* Черногорские традиции в контексте модернизации рубежа XIX–XX вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию

по проблемам славянской характерологии и имагологии¹². Очерк Ровинского о чешской женщине в российской историографии почти лишь упомянут¹³.

Между тем свидетельства, наблюдения и рассуждения П.А. Ровинского о славянских женщинах представляют определенный интерес. Как в плане более подробного изучения публицистического и научного наследия и взглядов самого Павла Аполлоновича, так и исследования социальной истории, истории женщин и менталитета сербов и черногорцев в последней трети XIX в. — начале XX в., а также представлений о них русских очевидцев (путешественников, ученых и т. д.), побывавших (или живших) в Сербии и Черногории.

Свою главную задачу мы видим в том, чтобы попытаться прояснить, что и как (если удастся — и почему) пишет П.А. Ровинский о сербских женщинах, проиллюстрировав характер и особенности его материалов и их общее содержание.

В идейном плане мы прежде всего опираемся на указанные выше и другие работы А.Л. Шемякина о Сербии и представлениях о ней русских путешественников (в частности, П.А. Ровинского). Также отметим важные для изучения представлений русских путешественников о славянах других стран исследования влияния социальной, культурной и интеллектуальной среды, опыта и познавательных возможностей (в широком смысле) авторов народоописаний и травелогов на их восприятие и затем описание образа «другой» страны (или «другого» народа) российских историков М.В. Лескинен и М.В. Белова¹⁴.

славянской письменности. Сб. ст. М., 2013. Кн. I. С. 197–215; *Раскатова Ю.А.* Орлята Черной горы. Черногорские дети: система воспитания, образования и правовые отношения (XIX век). М., 2006, и др.

¹² *Лескинен М.* Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического другого» во второй половине XIX в. // Токови историје. Београд, 2014. № 3. С. 11–50.

¹³ *Ровда К.И.* П.А. Ровинский в Чехии (по архивным материалам) // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Сборник статей к IX Международному съезду славистов. М., 1983. С. 258–260; П.А. Ровинский (1831–1916) и его время... С. 116.

¹⁴ См., например: *Лескинен М.* Изображение «другого» в российской науке второй половины XIX в.: принципы описания, термины, методы // Человек на Балканах глазами русских: сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 18–37; *Она же.* Характерология славян...; *Белов М.В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX в.: типология и эволюция описательных

Биографический контекст

В первый раз П. А. Ровинский отправился в Сербию в середине февраля 1868 г. в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей»¹⁵. Он пробыл там с марта 1868 г. по июль 1869 г. (преимущественно в Белграде, за исключением путешествий по сербской провинции, в частности, в мае — начале июня 1868 г.), готовя материалы о славянах и для других изданий¹⁶.

Впечатления, наблюдения и размышления о Сербии и сербах по следам и опыту этой поездки, помимо отраженных в газетных публикациях за время нахождения в стране и личной переписке, Ровинский, в частности, выразил в четырех путевых очерках¹⁷. Они были опубликованы в «Вестнике Европы»: в 1868 г. вышли «Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний)»¹⁸, затем «Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника» (1870)¹⁹, «Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 (1868. — Ю.Л.) году» (1875)²⁰ и «Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 (1868. — Ю.Л.) году» (1876)²¹.

стратегий // Человек на Балканах глазами русских... С. 38–65; *Он же*. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова. СПб., 2018. С. 517–604, и др.

¹⁵ Второй раз он находился в Сербии с начала июня по начало ноября 1878 г. как корреспондент «Нового времени». См.: *Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М.* Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский в Черногории... С. 25–29.

¹⁶ Подробнее о его жизни и работе в Сербии см.: *Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М.* Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский (1831–1916)... С. 31–43. Также см.: *Хитрова Н. И.* П. А. Ровинский о Сербии // П. А. Ровинский (1831–1916) и его время... С. 37–47; *Иванов С. Ю.* Ровинский о сербском народе: опыт этнопсихологической характеристики // П. А. Ровинский (1831–1916) и его время... С. 54–66.

¹⁷ Позже появились и его статьи о Сербии. Нас же интересуют именно очерки как содержащие материалы о женщинах в Сербии.

¹⁸ *Ровинский П. А.* Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний) // Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П. А. Ровинского). СПб.; М., 2019. С. 27–55.

¹⁹ *Ровинский П. А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // Русские о Сербии и сербах. Т. III... С. 56–179.

²⁰ *Ровинский П. А.* Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Русские о Сербии и сербах. Т. III... С. 180–241.

²¹ *Ровинский П. А.* Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Русские о Сербии и сербах. Т. III... С. 242–285.

Напомним, что ко времени приезда в Сербию П.А. Ровинскому было 37 лет, в его профессиональном багаже — оконченное с золотой медалью филологическое отделение историко-филологического факультета Казанского университета, где он учился у одного из первых русских славистов, филолога и историка В.И. Григоровича и перенял у него интерес к славянским народам и славяноведению (1848–1852), преподавание словесности в том же университете (1853–1856), после возвращения из Казани в Саратовскую губернию — первые полевые исследования жизни народа («выходы в народ» (1857–1860)). Из одновременных событий его личной истории отметим создание семьи (1856) и появление детей. Поскольку происходил Ровинский из небогатой дворянской семьи, ему приходилось собственным трудом зарабатывать на жизнь и поддержание семьи (во время пребывания в Сербии материальные проблемы еще больше обострились). В 1860–1861 гг. состоялась его первая поездка в славянские земли, в Чехию, сопровождавшаяся получением представления о жизни зарубежных славян, формированием качеств и обретением опыта журналиста. После возвращения — заведование славянским отделом в прогрессивной газете «Очерки»²².

И все это — поездки Ровинского в Чехию и Сербию, сотрудничество с периодическими изданиями — не было случайным, не только в силу научных и личных интересов самого Ровинского, но и поскольку российское общество в 1860-е, а потом и в 1870-е годы интересовали события в славянском мире, в частности на Балканах.

Говоря об интересах и убеждениях Ровинского, его круге, отметим еще двух, помимо Григоровича, людей, оказавших на него большое влияние. Один из них — А.Н. Пыпин, с которым он подружился во время учебы в Саратовской гимназии, затем произошло и знакомство с его двоюродным братом Н.Г. Чернышевским. В 1861–1863 гг. Ровинский принимал активное участие в деятельности тайного революционного общества «Земля и воля», идейным вдохновителем которого был Чернышевский²³. Ровинского часто характеризовали как человека прогрессивных взглядов, демократа, революционера и народника.

²² Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский (1831–1916)... С. 5–19.

²³ Там же. С. 5–6, 10, 20–23, 26–28.

Ровинский на момент приезда в Сербию в 1868 г. был и представителем той России, где в конце 1850–1860-х гг. в атмосфере общественного подъема, дискуссий относительно реформ и других важных вопросов активно обсуждался «женский вопрос», а также возникло и развивалось женское движение за эмансипацию²⁴. «Большая заслуга в разработке теории женской эмансипации принадлежит публицистам демократического журнала “Современник” (А. Н. Пыпину, Н. Г. Чернышевскому, Н. П. Сусловой, А. Я. Панаевой и пр.) и, в частности, писателю, журналисту и переводчику М. Л. Михайлову», — констатировала российская исследовательница²⁵. Вслед за статьями Михайлова большое влияние на общественное мнение и развитие дискуссии об освобождении и равенстве женщин оказал роман Чернышевского «Что делать?», вышедший в «Современнике» в 1863 г.²⁶

В то время постепенно менялось отношение к женщине и в отечественной науке. По мнению другого российского автора, в 1860–1870-х гг. в разгар дискуссии по «женскому вопросу» «история стала той наукой, к которой в первую очередь обратились в поисках аргументов и сторонники, и противники эмансипационных процессов <...>. Объектом научного интереса второй половины XIX в. стала именно женщина, а не культурно-политическое поле вокруг нее, предметом — место женщины в историческом процессе, ее влияние на социальные, культурные, политические и экономические сферы жизнедеятельности»²⁷.

²⁴ По истории «женского вопроса» и женского движения в России см., например: *Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, 1978* (на русском: *Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М., 2004*); *Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск, 2004*; *Пиетров-Эннер Б. «Новые люди» в России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю. П. Шаттона; под ред. М. Н. Мохначевой. М., 2005*; *Пустарнакова Д. А. Отечественные общественно-политические женские журналы второй половины XIX — начала XX веков. Автореф. дисс. канд. филологич. наук. Краснодар, 2013*; *Варламова Д. В. Женский вопрос в журналах М. М. и Ф. М. Достоевский «Время» и «Эпоха». Автореф. дис. канд. филологич. наук. М., 2017, и др.*

²⁵ *Карченкова Т. А. Женский вопрос... С. 14.*

²⁶ Об отклике на работы М. Л. Михайлова и Н. Г. Чернышевского: *Пиетров-Эннер Б. «Новые люди» в России... С. 44–45, 67–70*; *Стайтс Р. Женское освободительное движение... С. 37–56 (Гл. II), С. 76–95 (Гл. IV).*

²⁷ *Юкина И. И. Проблемы становления российской истории женщин // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Сб. науч. ст. / под ред И. Р. Чикаловой. Мн., 2001. Вып. 1. С. 77.*

С другой стороны, тогда же «впервые была обозначена исследовательская стратегия — увидеть через женщину историческую эпоху»²⁸. В частности, во втором томе труда «Русские женщины нового времени» историка и публициста Д.Л. Мордовцева (знакового, кстати, еще по Саратовской гимназии с Пыпиным и Ровинским²⁹) говорилось: «Почти каждая женщина, так или иначе выдвигавшаяся из ряда личностей, не замечаемых и не сохраняемых историей, является таким хорошо отполированным историческим рефлексом, в котором можно видеть если не всю современную ей эпоху, то, по малой мере, самые характеристические ее стороны, потребности, стремления»³⁰. Трехтомное сочинение Мордовцева вышло в 1874 г., т.е. уже после первых работ с «женскими сюжетами» у Ровинского, но схожесть подходов — как мы увидим — очевидна.

Кроме того, начиная с 1840-х гг. гендерные характеристики этносов становились «самостоятельным и почти неизменным пунктом путевых записок, историко-этнографических и географических очерков» русских путешественников, в частности и потому, что положение женщин (и детей) «становится важным критерием для определения уровня культурного развития общества» и «показателем цивилизованности народа в целом»³¹. Заметим, что и в описаниях балканских народов, в том числе сербов, оставленных русскими путешественниками, побывавшими на Балканах в первой половине XIX в., содержатся более или менее подробные свидетельства о женщинах³².

Нам не известно, интересовался ли П.А. Ровинский специально «женским вопросом», но проблемы положения и равноправия женщин не были ему чужды. Он затронул их, к примеру, в работе «Из истории славянской женщины. (Очерк из истории культуры и нравов.)», написанной во время пребывания в Сербии в 1868 г.³³ и опубликованной в 1869 г. в политической и литературной газете

²⁸ Там же.

²⁹ Аксенова Е.П. А.Н. Пыпин, П.А. Ровинский, Д.Л. Мордовцев...

³⁰ Цит. по: Юкина И.И. Проблемы становления... С. 77–78.

³¹ Лескинен М. Характерология славян... С. 23.

³² См., например: Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., предисл., биограф. справки, коммент. и заклоч. ст. М.В. Белова. СПб., 2018.

³³ Ровда К.И. П.А. Ровинский в Чехии... С. 258–259.

«Неделя»³⁴, рассуждая в третьей ее части — «Право и закон. (Юридическое положение женщины)» — о «прогессе человечества» и неравном относительно мужчины положении женщины в современном ему мире, которое он явно не приветствовал.

«Расширение права собственности, — писал он, — признание его за всякой человеческой личностью — составляет главный момент в гражданском развитии человечества. В настоящее время, можно сказать, в цивилизованном мире нет человека без собственности <...>, а между тем есть законодательства, которые поныне не признают этого права за женщиной. <...> Ни одно законодательство на признает за ней одинаковых с мужчиной прав по наследству». И далее: «Если в наш век, век гуманизма и эманципации, в самом широком смысле этого слова, <...> существует такая несправедливость к женщине, то понятно, что могло быть в прежнее время, в темные Средние века, стоящие при колыбели нашего развития»³⁵.

В заключительной же части очерка он отзывался обо «всем нашем (славянском. — Ю.Л.) племени» так: «В настоящее время мы крепко стоим за нашу народность и оригинальность и вопием против иностранного влияния, а между тем равноправность женщины, составлявшую когда-то наше коренное начало, восстанавливаем тогда только, когда она признается остальной Европой, и у нас в России даже окрестили эту равноправность, иностранным именем эманципации, что дает повод отвергать ее, как нечто чужое, навязанное “зловредной цивилизацией запада”»³⁶. О неравенстве и неравноправии мужчины и женщины он рассуждал и в работах о Сербии (о чем пойдет речь ниже) и Черногории³⁷.

³⁴ В 1868 г. редактором «Недели» стала писательница, публицист, переводчик Евгения Ивановна Конради, являвшаяся также поборницей высшего образования для женщин. На страницах газеты публиковалось много различных материалов о женщинах — если взять подшивку за 1869 г., то в половине номеров (13 из 26) имеются о них сюжеты.

³⁵ Ровинский П. А. Из истории славянской женщины. (Очерк из истории культуры и нравов.) // Неделя. 1869. № 25. С. 803.

³⁶ Ровинский П. А. Из истории славянской женщины... // Неделя. № 26. С. 844.

³⁷ В труде о Черногории, сравнивая положение черногорки и черногорца, он, в частности, писал: «Мужчина пользуется преимуществом перед женщиной и по принципу: он носитель имени своего рода и глава не только семьи, но и над женой, которая может сделаться главой только за отсутствием мужчины». «Это, впрочем, — заметил он далее, — не исключительно черногорское, а общечеловеческое, и в церкви при совершении таинства брака торжественно возглашается, что муж есть глава жены,

Проясняя исследовательский подход Ровинского, отметим, что в этом очерке судьба и положение чешской (славянской) женщины интересны для публициста не столько сами по себе, а в качестве познавательного средства для изучения истории чешского народа. Об этом он писал в начале, поясняя, кем является женщина для чехов: «История внутренней жизни чешского народа, быть может, больше, чем у другого славянского племени, должна остановиться на судьбе женщины. Она составляет у славян деятельный орган семьи, служит ее знаменем и выставкой. Через нее семья и весь домашний быт входят в связь с государством и церковью; в ее положении лучше всего сказывается характер общих политических учреждений, дух законов, степень и характер культурного развития народа; наконец, как воспитательница, она оказывает влияние на целое поколение»³⁸.

Уже в этом отрывке перечислены главные для его образа чешской (славянской) женщины черты (она — оплот («деятельный орган») семьи, устроительница всего домашнего быта, мать, отвечающая за воспитание нового поколения)³⁹, передававшие реальность основных предписываемых, доступных и исполняемых женщиной в то время социальных ролей, что мы встретим и при описании им женщины сербской. Здесь и указание на основу и идейное

и жена должна бояться мужа, который должен ее любить». И продолжил: «Равноправности мужчины с женщиной нет нигде, и в образованном свете она даже в принципе признана далеко не всеми; применение же ее на деле и подавно слишком далеко от осуществления. Тем не менее мы можем искать ее у черногорцев, где ее принимают многие внешние обстоятельства» (*Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем... СПб., 1897. Т. II. Ч. I. С. 223, 224).

³⁸ *Ровинский П.А.* Из истории славянской женщины... // Неделя. 1869. № 16. С. 499.

³⁹ Далее в первой части работы — «Варварство и язычество» — он рассмотрел «древний родовой быт», положение женщины в семье и «в более широком кругу, в сфере общественной и государственной»; во второй части под названием «Цивилизация и христианство» он упомянул и о «женских исторических личностях» чехов (времен принятия и распространения христианства) и заметил: «Мы могли бы значительно умножить указания на женские личности в чешской истории, но все упоминания о них в истории носят на себе характер случайности, делаются по большей части мимоходом и не дают никаких положительных выводов, а отрицательно можно заключить только то, что женщина в этот период в политической истории не играет почти никакой роли. Все похвалы ей обращаются большей частью к наружной красоте, доброте, любви и послушанию относительно мужа. Общественного положения за ней не видно никакого» (*Ровинский П.А.* Из истории славянской женщины... // Неделя. 1869. № 23. С. 748).

обоснование его метода: в положении женщины «лучше всего сказывается характер общих политических учреждений, дух законов, степень и характер культурного развития народа».

Далее Ровинский развил эту мысль, говоря о главной цели своих изысканий, в которых история чешской женщины оказывается частью более крупного плана: «Наша статья <...> не есть собственно полная, систематически изложенная история чешской женщины; здесь только указано на ее место и значение в истории чешского народа <...>. Историей женщины мы, вместе с тем, пользуемся для того, чтобы только указать на различные видоизменения, происходившие в жизни чехов, во все время развития их от первых преданий до окончательной потери политической самостоятельности»⁴⁰. Подобным описанному выше является и общий подход Ровинского в очерках о Сербии.

Добавим, что в очерке о чехах, равно как и в работах о черногорцах и сербах, Ровинский широко применял сравнительный метод (характерный для науки того времени).

Как уже говорилось, наблюдения и размышления о Сербии публицист выразил в письмах, очерках и статьях. Для нас интересны его очерки — в трех из них содержатся материалы о женщинах в Сербии, а первый примечателен с точки зрения саморефлексии Ровинского как автора работ о Сербии и сербах и, следовательно, полезен для более полного его понимания в этом качестве. Очерки различаются по времени создания и содержанию: по свежим впечатлениям написаны «Два месяца в Сербии» и «Белград», «Воспоминания» и «Сербская Морава» — по воспоминаниям и несут отпечаток его жизни в России после возвращения из Сербии.

Отметим также, что, будучи предназначенными для публикации, эти тексты имели свои особенности и ограничения в плане, как минимум, открытости выраженного в них мнения. В личной переписке Ровинский мог себе позволить быть более откровенным. Так, в письме А. Н. Пыпину от 20 апреля (2 мая) 1868 г. он, делаясь впечатлениями о жизни в Белграде, заметил: «Публично я этого, конечно, никогда не скажу, а перед тобой это можно, потому что ты сам знаешь славянство»⁴¹.

⁴⁰ Ровинский П. А. Из истории славянской женщины... // Неделя. 1869. № 16. С. 499.

⁴¹ Русские о Сербии и сербах. Т. II... С. 56.

«Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний)»

Итак, в 1868 г., когда Ровинский еще находился в Сербии, вышли его «Два месяца в Сербии». Ознакомление с очерком необходимо, чтобы прояснить цели, особенности изложения и угол зрения, под которым публицист воспринимал сербов.

Что же повлияло на созданный им портрет этого народа? В первую очередь его — автора свидетельств — позиция: он рассматривал и осознавал себя прежде всего как путешественника и в соответствии с этим обозначил цель, метод и ограничения в ее реализации. Замечая, что «задача путешественника только наблюдать и описывать»⁴², он далее сообщил: «Цель моя единственно обратить внимание на те предметы и стороны народной жизни, которые попадались мне и могли быть пропущены другими, затронуть какой-нибудь вопрос, бросить другой свет, не стесняясь ни системой, ни определенным содержанием»⁴³. Как мы увидим, в центре внимания Ровинского — «народная жизнь»: жизнь сербов в целом и простого народа в частности, что и обусловило особенности его восприятия и созданный им затем образ сербов.

Отметил Ровинский и еще одно обстоятельство, определявшее его видение Сербии, а именно: субъективность, обусловленную личным опытом жизни автора в определенной стране («на Руси»/в России). «Может быть, — писал он, — в этих статьях больше выкажется субъективность автора, чем самый предмет; может быть, в них слишком ярко будет выступать взгляд национальный и местный... Все это может быть, но одно то, что я не скрываю своей субъективности, избавляет читателя от заблуждения»⁴⁴.

С меньшей самокритичностью он оценил далее и собственные возможности как наблюдателя, полноту и точность свидетельств: «Я старался обозреть все, что возможно, не хотел пропустить ни одного предмета, как бы он ни был далек от моих личных целей и воззрений; но не ручаюсь, что весьма часто пропускал факты крупные и, напротив, отмечал самые мелкие и ничтожные, которые имели какое-нибудь соотношение с моим субъективным настроением, с той

⁴² Ровинский П.А. Два месяца в Сербии... С. 37.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 37–38.

средой и с той местностью, которой я весь принадлежу. Отрешившись, насколько возможно, от всякой тенденции и предубеждения, я смело могу сказать, что относился ко всему беспристрастно, старался передать каждое явление со всевозможной точностью, но оценивал их, конечно, с своей точки зрения, которая легко определяется сама собой, потому, повторяю, что я ее не скрываю»⁴⁵.

Ниже уточнил Ровинский и обстоятельства, влиявшие на путешественника-исследователя. Первое — длительность пребывания в стране и знание местной обстановки⁴⁶. Вторым, определявшим содержание и качество «описания страны», являлось то, что исследование «иностранца» проводилось в русле, которое «необходимо для его специальной цели или для его собственного отечества»⁴⁷. Подметил он при этом и позитивную сторону последнего: «Это, однако, не исключает возможности, что подобные описания иностранцев часто могут открывать вещи, неизвестные туземцам, и всегда помогают им видеть свою жизнь с той именно стороны, которая им недоступна»⁴⁸.

Сам Ровинский прожил в Сербии без малого полтора года, т.е. у него была возможность для знакомства со страной. При этом большую часть времени он провел в Белграде и, видимо, менее двух месяцев путешествовал по сербской провинции (о его маршрутах речь еще пойдет). В Белграде, судя по тексту, он жил сначала в одной гостинице («Сербская корона»), а после возвращения «из первой

⁴⁵ Там же. С. 38.

⁴⁶ «Полное, всестороннее изучение и изображение страны и народа возможно только для туземца или для того иностранца, который по крайней мере не один год жил в той стране и среди того народа, и отнюдь невозможно для путешественника, который пробыл всего несколько месяцев и большую часть страны видел мимоходом. Туземцу не нужно ориентироваться в своей стране, он знает там все, как в своей комнате, знает, где что может найти, где что взять. Постороннего наблюдателя встречает множество случайностей, которых он никак не мог предвидеть и которые ставят его в затруднение; а сколько обычных встреч, расспросов, попыток должно пройти прежде, чем приступить к делу!», — писал он (Там же).

⁴⁷ «Такого рода путешествие имеет характер специальный и субъективный; в нем вы или отыскиваете известного только рода явления, которые нужны лично вам или вашему отечеству и которые совершенно не имеют значения для туземца, или из своеобразного наблюдения делаете свои собственные выводы, до которых туземец не мог дойти. Одним словом, иностранец путешествует для себя и для своего народа», — резюмировал публицист (Там же. С. 39).

⁴⁸ Там же.

экскурсии в провинцию» — в другой («Греческая королева»). Последняя же, по сравнению с первой, была «полна людей и подчас очень шумна. В ней останавливались по преимуществу *паланчане*, т.е. провинциальные торговцы, священство, чиновники, поселяне — все тут было». «Здесь, собственно, — заметил он, — познакомился я с внутренней Сербией больше, чем во время самого путешествия по ней, потому что имел случай жить по неделе и больше с людьми из всех решительно краев Сербии, даже из Турции. Благодаря этой гостинице, после, когда я пускался в экскурсии, не было местечка, где бы меня не встретили знакомые»⁴⁹. Добавим, что домашний и семейный круг горожан провинции, и по его опыту, был для постороннего человека недоступен⁵⁰. Эти обстоятельства жизни публициста в Сербии стоит иметь в виду при изучении его свидетельств и представлений о женщинах.

Далее мы рассмотрим, какое место в путевых очерках («замечках и наблюдениях о Сербии») П.А. Ровинского занимало описание жизни сербских женщин, имея в виду опыт его жизни в России и убеждения, а также цели и ограничения как иностранного путешественника, несомненно, повлиявшие на его восприятие и представления о них.

⁴⁹ Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь... С. 142–143.

Про «паланчан» из гостиницы он написал далее, что постепенно «они стали смотреть на меня как на своего человека, стали, не стесняясь, разговаривать со мной о своих делах, иногда даже советуясь со мной; да и я привык к ним, втянулся в их жизнь, познакомился с их делами настолько, что понимал многое не хуже их и действительно мог дать совет». И еще: «Бывало, пойдешь к знакомым из интеллигенции, побываешь у того, у другого: все они стали какие-то странные, точно разбитая армия, <...> стали они сами какими-то консерваторами и носят только звание либералов <...>. Посидишь у них немного, им неловко передо мной, мне тоже нечего делать с ними, и убираешься от них поскорее к своим милым паланчанам, которые, наверное, сидят уже за столом и ждут к ужину своего руса» (Там же. С. 146–147).

⁵⁰ Вот что он написал про приезд в Чачак: «В Чачаке я имел рекомендацию к одному из тамошних купцов, поэтому я скоро приобрел себе знакомства. Но знакомства эти нашлись не в частном доме, а на улице и в гостинице. Как только вы пришли, вас угощают обычным порядком и затем ведут уже в гостиницу, из которой вы и не выйдете, или можете перейти только в другую гостиницу. Домашняя же, семейная жизнь совершенно отделена. Вот почему и нет интереса оставаться дольше в сербском городе» (Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 253–254).

«Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника»

Этот очерк, как следует уже из названия, посвящен устройству и общественной жизни Белграда, через рассмотрение которых Ровинский подошел к реализации более глобальной цели — представить читателю «современное положение Сербии»: сербский народ и «народную жизнь» в целом.

Освещая, в частности, школьное дело во второй части работы, он заметил: «Чтоб лучше познакомиться с современным положением Сербии, интересны бы были более подробные сведения о школах <...>, но мы не можем останавливаться на этих подробностях, так как цель нашей статьи — не представить подробности, а захватить сколько возможно больше общих предметов и сторон жизни современной и отчасти прошлой, чтоб в приводимых отдельных фактах и явлениях отразился хоть сколько-нибудь цельный тип с его национальными, местными и историческими особенностями»⁵¹. В таком примерно ключе рассматривались им жизнь и положение сербских женщин: через или для создания общей картины сербской жизни и «сербского типа».

В следующем абзаце Ровинский отметил еще два обстоятельства, обусловивших его восприятие сербской женщины: «До сих пор я не сказал почти ни слова о сербской женщине, а по той роли, которая ей в настоящее время приписывается в общественной жизни человечества, мы не должны бы обойти ее совершенным молчанием. Но писать о женщине мужчинам вообще не совсем легко, а писать иностранцу, да еще о женщине сербской, еще труднее»⁵². Иначе говоря, на его представление и образ сербской женщины повлияли культурно-исторические, национальные и социальные реалии и гендерная принадлежность обеих сторон.

Стоит сказать, что в процитированном фрагменте Ровинский не вполне точен — довольно много он говорил о сербских женщинах уже в первой части очерка, упоминая их в разных контекстах и исходя, полагаем, из первой, им же отмеченной, задачи путешественника — «наблюдать и описывать». Причем фиксировал он многое очень

⁵¹ Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь... С. 115–116.

⁵² Там же. С. 116.

детально, используя в том числе и метод сравнения (сопоставляя сербов с малорусами⁵³, жизнь в Белграде с жизнью в провинции⁵⁴, положение мужчины и женщины и т. д.).

В целом в очерке «Белград» перед нами отдельные черты или более цельные образы городских (в основном) женщин, жительниц Белграда, части белградского общества. Если попытаться структурировать информацию Ровинского о женщинах в Сербии и ее столице в этом очерке, то можно условно выделить два уровня повествования: конкретные (описательного характера) сведения о внешности, быте, положении и роли в семье, образовании, занятиях, занятости и сопровождающие их рассуждения публициста о положении и судьбе женщин, в том числе и в контексте общих явлений сербской жизни.

В плане содержания в первой части очерка Ровинский дал отдельные конкретные сведения о занятости женщин (дома и вне его). Приведем несколько примеров. Описав внешний облик рабаджии (извозчик «из поселян»), он отметил: «Все это одеяние его, кроме феса, — домашнего произведения, и притом все это пряли, ткали и шили его домашние: жена, мать, сестры, — и только опанки и нож куплены в городе»⁵⁵. Или, говоря о заработке хамала (носильщика), заметил, «а между тем, простая женская прислуга, ничего не умеющая, получает от 110 и до 200 гр[ошей] (от 5 до 10 р[ублей]) на всем хозяйском»⁵⁶.

Подробно публицист рассказал о появлении «особой» прислуги при заселении в гостиницу «Сербская корона», где он жил первые месяцы: «На звон сбегает женщина: она в обыкновенном платье, голова у нее повязана платком по-бабьи и из-под повязки космами выбиваются волосы, грудь расстегнута, вся она грязна и довольно отрепана — это *штумадля*, которая, видимо, не успела еще принарядиться. Она объявляет, что комнаты свободные есть, но заперты, а ключи

⁵³ К примеру, описывая сербов в начале работы, он заключил: «Таким образом, с первого же шага я встретил здесь картину и тип, напоминающие наши юго-восточные пределы и как бы составляющие вариант того, что так часто случалось видеть дома. Вообще, сербский тип весьма близок к малорусскому» (Там же. С. 59).

⁵⁴ Говоря о «национальном типе Белграда», он, в частности, отметил: «Всякая идея в провинции находит отзыв скорее, чем в Белграде. В провинции я нашел больше свободы в семейных отношениях и меньше затворничества женщины» (Там же. С. 98).

⁵⁵ Там же. С. 58.

⁵⁶ Там же. С. 63.

у хозяйки, хозяйка куда-то ушла»⁵⁷. И затем он продолжил тему прислуги, но в более широком контексте — при рассмотрении «влияния» «Австрии с ее хорошими и дурными сторонами», которое встречалось в Белграде «во всем».

«Именно благодаря Австрии, — писал он, — Белград имеет двести гостиницы, которые по внешней обстановке, по мебелировке, по сервировке стола не уступят лучшим гостиницам Пешта и Вены <...>». «Но рядом с этими удобствами европейской жизни, передаваемыми Сербии Австрией, передаются такие обычаи, которые при некоторой утрировке доходят до безобразия. Пропуская разные мелочи, я укажу только на женскую прислугу при нумерах».

«Так называемая *штумадля* служит хозяину совершенно даром, получая одну только комнату, платя за стол, как и гости, нанимая от себя женщин для мытья полов, а иногда сверх всего платит хозяину оброк. Понятно, на что здесь рассчитывается, в какие заведения обращаются гостиницы и какие вследствие этого неудобства может терпеть пассажир. И это здесь повсеместно. Законом это запрещается, но полиция терпит такой порядок вследствие сделки с хозяином гостиницы. Иногда хозяин гостиницы по каким-нибудь неудовольствиям на свою штумадлю донесет полиции, что она занимается незаконным промыслом; ее тащат тотчас в полицию, сажают, накажут палками, возьмут штраф, а потом она снова на тех же самых условиях живет в другой гостинице.

Что в этом случае лучше: хозяин ли, который пользуется всеми правами гражданина, полиция ли, блюдущая за чистотой нравов, или эти несчастные женщины, считающиеся отребьем человечества?... История этих женщин кладет черное пятно на общественный строй целого человечества; а масса их в Белграде *из прека* и домашних, и быстрое распространение их по целой Сербии указывает, что дурные стороны европейской жизни нашли себе здесь готовую почву; вредное же влияние такого явления значительно отражается на физическом здоровье народа, на что сильно жалуются все тамошние медики».

И сделал общий вывод: «Страсть к жуированию, крайний материализм в наслаждениях, бесцельное препровождение времени за чтением газет или за пивом в кофейнях — все это сильно напоминает

⁵⁷ Там же.

Вену, и пришлось в Белграде как раз по нравам, потому что совпадает с тем образом жизни, который развивался здесь когда-то под турецким влиянием»⁵⁸.

Мы привели так подробно это свидетельство Ровинского в том числе и для того, чтобы наряду с содержанием материала (и отношением автора) показать и особенности его подачи: фиксация и описание явления из сербской жизни, его объяснение и помещение в более крупный контекст. В данном случае — на примере «особой» женской прислуги, части социальной реальности Белграда/Сербии, отмеченной журналистом, в истории которой обнаруживалась связь и с «влиянием» Австрии, и с «влиянием» Турции.

Далее, когда речь зашла о росте Белграда и статистике его народонаселения, он упомянул и другое социальное явление, касавшееся женщин: избавление от нежелательной беременности⁵⁹.

Зафиксированными внимательным наблюдателем оказались и разнообразные сведения историко-культурного характера, имевшие отношение к женщинам. Например, связанные с различными обычаями. Так, Ровинский передал пояснение серба про колокольный звон: «Вообще здесь много мрет детей; а когда звонят три раза, — значит, мертвец мужеского пола; для женщин звонят только два раза». И прибавил: «Вот вам и одна оригинальная черта сербских православных обычаев»⁶⁰. Или с описанием сербского костюма и обычной, повседневной одежды⁶¹. А также при обращении автора к сербской истории (в основном упоминания о женщинах из семей

⁵⁸ Там же. С. 66–67.

⁵⁹ Проанализировав сведения о численности жителей (детей, женщин, мужчин), он сообщил: «Есть еще одна причина (другие: болезни и климатические условия. — Ю.Л.), которая ослабляет умножение народонаселения путем рождения, — это вытравливание плода, которое, по свидетельству докторов, постоянно увеличивается и распространяется на все классы. Досталось ли это сербам от турок, у которых это в обычае, или явилось под влиянием других каких-нибудь причин, трудно решить без специального исследования; заметим только, что это делается не в бедных только классах, которых побуждали бы к тому бедность и невежество, но и в семействах людей богатых и считающихся образованными, и не из желания женщины скрыть грех, а часто с ведома и даже по желанию мужа. То же самое распространено и между австрийскими сербами» (Там же. С. 94).

⁶⁰ Там же. С. 61. Во второй части очерка отмечено участие женщин в праздниках (С. 107–108 (слава), 124–129 («Марков день»).

⁶¹ Там же. С. 84, 94.

сербских правителей и деятелей)⁶². (Подобные сведения есть и в других очерках.)

Вторая часть очерка начинается с представления «общественной жизни» Белграда, которая, как показывал Ровинский, почти не развита⁶³. (По его свидетельствам далее, она несколько оживилась ближе к концу 1868 г.) «Довольно значительные собрания сербов вы можете видеть только в дни так называемой *славы*. Всякое семейство имеет патрона своего рода и этот день славит, т.е. празднует», — отметил он и продолжил о традиционном отмечании этого праздника (в том числе и роли женщин)⁶⁴.

Затем Ровинский подробно рассмотрел домашний уклад и семейную жизнь сербов, представив уже другой образ городской сербской женщины — хозяйки дома, жены и матери (через «мир детей»). И сделал он это через сравнение положения мужчины и женщины в семье и доме, их занятости, занятий и образования, а также описание их взаимоотношений.

В целом повседневная жизнь белградской женщины (жены-хозяйки) выглядела, со слов Ровинского, примерно так. Она большую часть времени находилась дома. Если нет праздника (*славы*, когда собираются гости) и «если хозяина нет дома, то хозяйка редко вас примет»⁶⁵. «Жены у людей небогатых заняты целый день по-своему: они часто не имеют ни кухарки, ни другой прислуги, так что такой жене некогда заняться и детьми, вследствие чего она торопится сдать их в школу <...>. У людей зажиточных зато жене уже совершенно нечего делать, и она должна страдать от скуки, если не найдет каких-нибудь развлечений, потому что чтение и вообще занятие какими-нибудь свободными профессиями здесь еще очень мало распространены. Впрочем, нужно заметить, что барствовать женам удастся немногим: мужья сознательно, кажется, не держат лишней прислуги, хотя бы и имели средства, чтоб жена

⁶² Там же. С. 87.

⁶³ В письме А. Н. Пыпину от 20 апреля (2 мая) 1868 г. он был еще более категоричен: «Общественной жизни здесь нет, потому что нет общественных интересов, все это живет единственно для себя: семейство здешнее не что иное, как простое сожительство ради удовлетворения естественных потребностей и приплода» (Русские о Сербии и сербах. Т. II... С. 55).

⁶⁴ Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь... С. 107–108.

⁶⁵ Там же. С. 108.

не имела досуга, и жены людей зажиточных часто целый день проводят на кухне, заботясь, чтобы кушанье вышло непременно во вкусе супруга, а вкус этот иногда довольно причудлив и в требованиях своих деспотичен»⁶⁶.

Заметим, что о «добродетелях» (положительных сторонах) мужа Ровинский также сообщает. И вообще про социальные и семейные роли (хозяин, муж, отец («семейный человек»)) и характер сербского мужчины Ровинский много пишет. Но мы скажем здесь лишь про его отношение к женщине в общем. К примеру, отметил публицист такую его характерную черту: «Серб — практик в самом тесном смысле этого слова»⁶⁷, которая, по его мнению, определяла и отношение серба к женщине⁶⁸. (Ниже в очерке говорится о том, что в основном взгляд мужчин «на женщину слишком материальный и односторонний», что влияло и на ее положение⁶⁹.)

Помимо домашних занятий, Ровинский описал и другие стороны жизни сербской женщины-жены в Белграде. В частности, особенности круга ее общения: «Сербская семья собственно состоит только из мужа и жены и из одних кровно родных, семейного же круга почти нет: у мужа свои знакомые, у жены свои знакомые, и между ними сношений весьма мало. Таким образом, несмотря на то, что у сербов нет затворничества женщин в настоящем смысле, женский круг для постороннего человека малодоступен». (И соответственно, для наблюдения и изучения, в частности, путешественниками.) И объяснял последнее так: «Разделение знакомств мужа и жены отчасти происходит оттого, что между самими супругами большая разница в образовании, следовательно, совершенно различны должны быть их вкусы и в выборе знакомых»⁷⁰.

⁶⁶ Там же. С. 109.

⁶⁷ Там же. С. 111.

⁶⁸ Не скрывая негативного отношения, он продолжил эту мысль: «Сербу совершенно чужд идеализм, в смысле преданности какой-нибудь идее; но поидеальничать дешевым образом, посантиментальничать он не прочь. Он любит часто поговорить о красотах природы, <...> воспевать голубиные чувства, которые дает семейная жизнь, любоваться идеальной красотой женского портрета на фотографии и т. д. Но в то же время я положительно знаю, что он всем мировым задачам всегда предпочтет хорошее жалованье, <...> и вовсе не идеальность прельщает его в красоте женщины» (Там же. С. 111–112).

⁶⁹ Там же. С. 119.

⁷⁰ Там же. С. 116.

Образование жены оказывалось гораздо хуже, а круг занятий — более узким. «Действительно, — писал он, — вы часто встретите мужа с заграничным образованием, а жена его получила едва первоначальное образование; он занят наукой и политикой, она же не знает ничего кроме своей кухни, шитья, вязанья и других ручных работ»⁷¹. Ровинский приводил далее сведения о женском образовании, на чем мы не будем останавливаться, заметим лишь, что оно могло быть получено в «низших школах», нескольких «частных пансионах» и «с недавнего времени» (с 1863 г.) в Высшей женской школе («из этого заведения сербы теперь могут получать своих образованных жен»)⁷².

В то же время, по мнению публициста, несмотря на «различный образ жизни мужа и жены» («его никогда почти нет дома, а ей из дома почти никогда нельзя выйти»), в семейной «жизни их вы не найдете ни малейшего разлада». И объяснил это «умением» сербской женщины быть идеальной женой для своего мужа, а именно: «С одной стороны, муж имеет весьма ограниченные требования от жены; а с другой, нужно отдать справедливость сербской женщине, что она умеет подойти как раз под уровень нравственных понятий мужа, которыми обуславливаются все их семейные отношения, например, к детям, к знакомым и к различного рода житейским потребностям». И добавил: «Мало того, попав за порядочного мужа, она старается вознаградить недостаток образования чтением. Я знаю несколько сербских женщин, которые при недостаточности образования умеют держаться в разговоре с таким тактом, что недостаток ее становится почти неприметным, и, сравнивая с какой-нибудь институткой, вы поставите ее выше. Вообще я не встречал здесь, чтобы у хорошего мужа была плохая жена»⁷³.

Насколько можно доверять последнему, довольно личному и оценочному (хороший — плохой), суждению из этого фрагмента, остается вопросом. Однако интересно подчеркнуть то, что и в нем — наглядная иллюстрация неравного положения мужа и жены (мужчины и женщины). К слову, подчиненное, второстепенное положение женщины в семье было зафиксировано и законодательно⁷⁴. (О при-

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 113, 116–117.

⁷³ Там же. С. 117.

⁷⁴ В одной из статей Гражданского законника, принятого в 1844 г., говорилось, что «жена обязана слушаться своего мужа, исполнять его приказания, следовать

ниженном и второстепенном ее положении неоднократно упоминали и русские очевидцы, побывавшие в Сербии до и после Ровинского⁷⁵.)

Ниже Ровинский писал: «Сербская женщина все еще живет под деспотией мужчины, — сделав, впрочем, оговорку о ее положении в столице, — но в Белграде она значительно эмансипировалась, и разнужданная жизнь мужа не обходится ему даром: жена может развестись».

И, продолжив тему разводов, указал: «По этому поводу митрополит белградский имеет множество дел, причем в Белграде и вообще в городах часто требуют развода жены, а в селах — мужья. Поводом служит большей частью супружеская неверность, а истинные причины, конечно, коренятся глубже, в ненормальных отношениях супругов и в способе женитьбы, не зная почти друг друга»⁷⁶. В деталях объяснения того, как традиционно «совершалась женитьба» и воспитывалась сербская девочка, т.е. истинных причин несложившихся браков, которые дал далее Ровинский, мы входить не будем, отметим главное: как правило девушка «растет как затворница» (хотя, по его же словам, «опыт показывает, что часто бывает совершенно не так; но этот принцип вкоренен глубоко») и «выбора с ее стороны никакого быть не может»⁷⁷.

Сам Ровинский, по тексту судя, не одобрял ни подобного положения сербских женщин, ни доминировавшего отношения к ним мужчин, от которого оно и зависело. Завершается его обзор взаимоотношений мужчин и женщин так: «Мужчины, впрочем, даже получившие заграничное образование (кроме воспитывавшихся в России), не чувствуют ни малейшей потребности в женском обществе, взгляд их на женщину слишком материальный и односторонний, и покуда

за ним и жить с ним, где он заблагорассудит; помогать по мере сил своих в хозяйстве <...>, заботиться в особенности о детях, содержать и сохранять их в чистоте и благонаравии» (Цит. по: *Румянцева А.А. Положение сербских женщин... С. 31*). О правовом и семейном положении женщин в Сербии в XIX в. см., например: *Prpa-Jovanović B. Procesi modernizacije i položaj žene u Srbiji tokom XIX i prve polovine XX vijeka // Srbija u modernizacijskim procesima XX. Veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / [ured. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP Štampa, 1994. S. 361–366.*

⁷⁵ См., например: Открытие «братьев-славян»... С. 219–220, 357; Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 386–387.

⁷⁶ *Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь... С. 118.

⁷⁷ Там же. С. 118–119.

не изменятся их понятия, не изменится и положение женщины; от полузатворничества ей будет постоянно только два исхода: быть работницей в тесных границах своего собственного дома или, подобно мужчине, отдаваться самой разнузданной жизни»⁷⁸. То есть, перемены для женщин, по его мысли, возможны только через изменение взгляда мужчин. Однако насколько (если вообще) имевшее место положение сербских женщин виделось ими сами как «полузатворничество»? И была ли вообще идея об изменении их привычного положения актуальна для сербов в то время?.. Пожалуй, только для единиц⁷⁹.

Во второй части работы приведено уже более детальное описание внешних черт и облика сербских женщин Белграда (костюма, головных уборов, причесок и т. д.)⁸⁰. При этом нередко, как и у других очевидцев-мужчин, в описании внешности белградских женщин Ровинского присутствовал оценочный компонент⁸¹. «В Белграде много красивых женщин, в особенности девушек», — начал он и подробно описал два их «типа»⁸².

О женщине в роли матери узнаем через рассказ Ровинского о «мире детей», точнее, их воспитании⁸³. Главные моменты, на которые он обратил внимание, следующие: 1) В Сербии «дети развиваются довольно свободно и самостоятельно». Их «очень рано отдают в школу, чтоб избавиться от обязанностей заботиться о них дома. Держат их дома довольно порядочно, т. е. не мучат дрессировкой

⁷⁸ Там же. С. 119.

⁷⁹ Положение женщины и «женский вопрос» начали обсуждаться сербами в кругах национальной культурно-просветительской организации «Объединенная сербская молодежь», которая действовала в 1866–1872 гг. с центром в Нови-Саде. Подробнее см., например: *Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku*. Beograd: «Devetdesetčetvrti» i «Žene u crnom», 1996. S. 34–50. Добавим, что вопросом о том, как сербская женщина сама себя видела в то время, уже задавалась сербская исследовательница Л. Перович (*Perović L. Kako žena vidi sebe u vreme otvaranja «ženskog pitanja» u srpskom društvu // Tokovi istorije*. Beograd, 2000. N. 1–2/2000. S. 9–18).

⁸⁰ Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь... С. 117–118, 124–125.

⁸¹ Подробнее об особенностях, в том числе и гендерных, представления авторовми физического облика женщин разных народов в народоописаниях второй половины XIX в. см.: *Лескинен М. Характерология славян...* С. 18–24.

⁸² Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь... С. 119–120.

⁸³ Исследованию «мира детства» у сербов посвятил отдельную статью А. Л. Шемякин (См.: *Шемякин А. Л. «Мир детства» сербов в путевых записках П. А. Ровинского // Славянский альманах 2003...* (статья также опубликована: *Русские о Сербии и сербах. Т. III...* С. 376–402).

и чисто одевают». 2) Детей воспитывают как юнаков (героев, воинов). Исходя при этом из представления о том, что сербы «должны из <...> детей готовить вместо гуманных граждан диких солдат, потому что <...> еще грозит война с турками и борьба с варварами, с которыми нужно меряться тем же самым оружием, каким пользуются и они против нас»⁸⁴.

«Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году»⁸⁵

В данном очерке Павел Аполлонович, наряду с другими впечатлениями о Сербии, подробно описал предпринятое им в мае — начале июня 1868 г. путешествие по сербской провинции.

Маршрут его был примерно таким: из Белграда он отправился на пароходе в окружной город Шабац, оттуда (уже все время пешком) однодневная «экскурсия» в селение Дреновац, затем из Шабаца — монастырь Петковица — селение Колубцы — Лозница (небольшой окружной город) — «местечко» Крупань — Любовия — селение Бачевцы — Баина-Башта (город) — Ужицы (город). В пути же он руководствовался следующим принципом: «Путешественник не должен нигде заживаться, ему нужно больше видеть»⁸⁶. Причем на этот раз Ровинский интересовался в первую очередь сельским населением. «Горожане сами собой представляли для меня мало интереса, потому что в них я видел копии белградских горожан, с которыми я уже достаточно познакомился. Поэтому мне хотелось скорее видеть сельский люд», — писал он⁸⁷.

В основе этого текста — воспоминания публициста. «Пишу, не имея под руками для помощи памяти ни одного лоскутка из путевых записок и заметок, которые по обстоятельствам остались

⁸⁴ Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь... С. 160–163.

⁸⁵ Приведенная П.А. Ровинским дата (1867 г.) — ошибочна, следует — 1868 г., поскольку описанное им путешествие имело место в 1868 г.

⁸⁶ И заметил: «Постоянно нужно делать различие между путешественником и исследователем: первый только намечает факты и явления, тогда как исследователь по его указанию будет их изучать и объяснять» (Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия... С. 204).

⁸⁷ Там же. С. 197.

в Сибири. Поэтому представляю только общие очерки, иногда забываю название или не припомню числа. <...> Мелочь, если она характерна, поневоле буду допускать в рассказе и восполнять ею недостаток забытых более крупных черт», — пояснил он⁸⁸.

Как и в других очерках, здесь описания увиденных картин и явлений сербской действительности перемежаются размышлениями о них автора. Так, в самом начале Ровинский поместил интересное наблюдение относительно сербской истории, которое может служить — для исследователей и являлось для Ровинского — ключом к пониманию специфики исторического процесса в Сербии в целом: «В истории этой страны нет потому почти ни одной отрадной страницы: одна война, одни междоусобия, сопровождаемые кровавыми сценами; Сербия страдала и от турок, и от христиан, иногда вдобавок природных сербов. История Сербии есть история ее мученичества»⁸⁹. (Отметим еще раз, что А.Л. Шемякин считал важными наблюдения и выводы Ровинского о сербском менталитете и истории и применял их в своих работах. Мы же в рассуждениях здесь опирались и на них⁹⁰.)

Через последствия пребывания Сербии в состоянии «вечной войны» объяснялись Ровинским и особенности сербского общества, в частности — положения и образа жизни женщин. Например, в такой зарисовке из начала очерка: «Припоминая свои поездки, как сухопутные, так и на пароходе в пределах сербских земель, я замечаю одну странность: я не встречал никогда женщину; видно, что там она крепко сидит у домашнего очага, от которого боится оторваться, помня еще турецкие времена, когда это было действительно опасно. Так и в этот раз: на пароходе не было ни одной женщины, ни детей»⁹¹. Или, как в очерке «Сербская Морава», когда и через положение женщины показал Ровинский истинную природу сербской действительности, обусловленной постоянной жизнью страны в состоянии «*накануне*», «в каком-то воинственном настроении»⁹².

⁸⁸ Там же. С. 185.

⁸⁹ Там же. С. 181.

⁹⁰ См., например: *Шемякин А.Л. Сербские сочинения П. А. Ровинского // Русские о Сербии и сербах. Т. III... С. 7–26.*

⁹¹ *Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия... С. 196.* Ровинский, впрочем, здесь себе противоречил — в конце очерка он упомянул, что часть пути в Ужицы проделал с женщиной (попутчицей) (Там же. С. 235–236), хотя смысл сказанного понятен.

⁹² *Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 282–283.*

В данном и следующем очерках Ровинский представил картину жизни сербских женщин в провинции, на селе (то есть подавляющего их большинства). Некоторые стороны ее уже нам известны по очерку «Белград», другие более характерны для периферии.

Первая и главная черта жизни сельской женщины, зафиксированная Ровинским, — это то, что она все время в работе. Уже по пути в Дреновац он наблюдал такую картину: «Время было послеобеденное, и мужчины спали все; даже дети утомонились, только женщины сидели, занятые ручной работой, шили или пряли. Из этого можно бы вывести, что женщина не принимает участия в тяжелой работе мужчины и потому не нуждается в отдыхе. Напротив, она все время ходила за плугом, водила лошадь и держа еще ребенка на руке; потом она успела сходить в селение, взять обед и принести на пашню, накормить всех, уложить ребенка и, когда все успокоились, принялась опять за работу». И вспомнил еще: «Мне приводилось встречать на дороге, что женщина идет с ребенком у груди, который привязан к ней полотенцем, на голове несет пищу, и в то же время на ходу прядет, держа гребень с куделей под левой мышкой, а правой вытягивая нить. Когда едет на возу, она всегда прядет или вяжет крючком»⁹³. Основная часть горожанок тоже постоянно трудилась, о чем уже говорилось выше, но жизнь и работа на селе были объективно более тяжелы.

На примере рассказа о «девичьей скале», услышанного по пути в Крупань, Ровинский показал следующую особенность положения женщины — отсутствие свободы в выборе супруга: «Девушка здесь не выходит замуж, а ее выдают, не справляясь с ее желанием или нежеланием»⁹⁴. (Это отмечалось в «Белграде».) В монастыре Рача он тоже столкнулся с одним из проявлений приниженного положения женщин: «Забиле клепало, призывая к вечерне; потянулся народ к церкви. Мужчины входили внутрь, а женщины останавливались у крыльца: молились и потом, как немые, стояли молчаливо, сложив руки и смотря на церковь не то с благоговением, не то со страхом»⁹⁵.

Неоднократно Ровинский описывал внешний облик женщин и девушек (кто-то напомнил ему «малороссиянок»), простую

⁹³ Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия... С. 199–200.

⁹⁴ Там же. С. 218–219. И отмечено в «Сербской Мораве» (С. 265).

⁹⁵ Там же. С. 228.

одежду и «разнообразие женских костюмов» (в Раче)⁹⁶. И также, порой, с оценочным компонентом: «Мужчины были чрезвычайно красивы, но между женщинами красавиц очень мало. Выдавалась из всех своей миловидностью одна белокурая ужичанка»⁹⁷.

«Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году»⁹⁸

В этом очерке Ровинский продолжил начатый в «Воспоминаниях» рассказ о путешествии по сербской провинции, описав такой маршрут: Ужицы — Пожега — Чачак — Карановац — монастырь Жича — Студеницкая Лавра — Трстеник (далее уже не пешком) — Крагуевац — Белград. Также отдельно и подробно представлена поездка в Валевский округ, где он, в частности, провел больше недели в селении Уб и, «следовательно, мог наблюдать жизнь и ближе, и более продолжительное время, чем это возможно было при постоянном переходе с места на место»⁹⁹.

Большое место отведено в тексте сведениям и рассуждениям Ровинского о женщинах в Сербии, в ее провинции. И если в «Воспоминаниях» отмечены некоторые черты, то здесь возникает уже более полный образ сербской сельской женщины. При этом в описаниях самих женщин и их положения проявилось больше сочувствия и теплоты, нежели в очерке «Белград», не только в силу их более тяжелой судьбы, но и его личной симпатии и интереса к жизни простых поселян.

Неоднократно встречаются здесь описания внешнего облика девушек и женщин, их одежды, костюмов¹⁰⁰, в некоторых присутствует сравнение с тем, что известно автору из его прошлого опыта¹⁰¹, или его субъективная оценка¹⁰².

⁹⁶ Там же. С. 203–204, 230–232.

⁹⁷ Там же. С. 231.

⁹⁸ Приведенная П. А. Ровинским дата (1867 г.) — ошибочна, следует — 1868 г., поскольку описанное им путешествие имело место в 1868 г.

⁹⁹ Ровинский П. А. Сербская Морава... С. 257.

¹⁰⁰ Там же. С. 249, 260, 261–262, 264, 266–267.

¹⁰¹ Так, по пути от Пожеги Ровинский видел, как «две девушки, две свежие румяные блондинки, по одежде и по всему внешнему виду точно наши русские крестьянские девушки, выстилают холсты» (Там же. С. 249).

¹⁰² Например: «Красивая, еще молодая женщина <...>» (Там же. С. 260).

Сообщал Ровинский и о том, как столкнулся таким проявлением традиционного предпочтения мужского пола женскому и неравных отношений мужчин и женщин в Сербии, как «целование женщиной руки мужчины» (в знак почтения). Добавив при этом, что это было «обычным делом» «в тех краях, куда не проникли еще новые нравы», правда, в городах дело могло обстоять иначе¹⁰³.

Основываясь на наблюдениях во время пребывания в Убе, Ровинский детально представил жизнь сельской семьи (у которой он гостил), в контексте которой говорил и о женщинах. При этом он сразу передал свое общее впечатление о «родственных отношениях сербов» — они «сдержанные». И объяснил это через метафору «вечной войны»: «Серб будто боится всякого нежного чувства, которое нейдет человеку вечной войны, юнаку, каждую минуту готовому бросить семью и порвать все самые дорогие связи. Это видите вы во всех отношениях родителей и детей, братьев друг к другу, мужа и жены — эта сдержанность воспитана так же, как привычка постоянно иметь при себе оружие»¹⁰⁴.

Подметил он, вместе с другими, черты воина («солдата») и в женском характере и манере себя держать. Например, описываемая им девушка, Павлия, смотрела «слишком серьезно, сурово», «стояла в солдатской позе», выражение ее лица было «какое-то холодное». При этом «предупредительность удивительная». И еще: «Павлия была моим лекарем: <...> с той же солдатской манерой, с тем же холодным видом, она не отходила от меня ни на минуту; находясь в бреду ночью, я иногда просыпался и постоянно видел ее подле меня — холодную, суровую, но глаза ее смотрели также внимательно, отыскивая желанья больного»¹⁰⁵. Была, по его мнению, в характере сербской женщины, наряду с терпеливостью, способность к борьбе и героизму. «Гнет семейный не делает, однако женщину рабой, она молчаливо

¹⁰³ Там же. С. 249–250. Также: С. 261.

¹⁰⁴ Там же. С. 261. Добавим, что чуть ранее в связи с рассказом о сербском обычае «ни шагу из дому не делать без оружия» («так турки нас приучили»), он сделал такое заключение про влияние прошлого опыта на современную жизнь сербов: «Как глубоко, значит, засела память о турках, когда почти полстолетия жизни на свободе не могло изгладить впечатления того страха, в каком тогда жилось народу. Нет сомнения, что не менее глубоко должны были засесть и другие впечатления, составляющие в настоящее время особенные черты в характере сербов, с которыми мы еще познакомимся» (Там же. С. 258).

¹⁰⁵ Там же. С. 262.

переносит его, но не мирится, и под кажущейся покорностью судьбе скрывается натура, способная на борьбу отчаянную», — писал далее он, приводя примеры женского мужества из сербских народных песен и истории¹⁰⁶.

Она же как мать воспитывала будущих героев. «Воинственный и геройский у сербов дух воспитывается, конечно, с самого раннего детства: едва начинающему бродить четырехлетнему ребенку мать внушает, что он должен быть *юнак* (молодец), не плакать, когда ушибут, а стараться самому отмстить», — заметил Ровинский. (Разумеется, этот дух воспитывался и мужчиной-отцом: «Воспитывается этот дух и отцами, заставляющими выучивать в виде катехизиса историю падения царства на Косовом поле»¹⁰⁷.)

Подробно говорится про жизнь, роль и место женщины в семье, а также в задруге (большой патриархальной сербской семье) (разделение и распределение мужских и женских обязанностей; имущественные права; отношения между людьми)¹⁰⁸; вообще про быт и нелегкие будни женщин¹⁰⁹. Довольно много внимания уделяется отношениям между мужем и женой, «духовным отношениям»

¹⁰⁶ Там же. С. 281–282.

¹⁰⁷ Там же. С. 282.

¹⁰⁸ О задруге, которую он представил в характерной манере — называя, объясняя и помещая это явление сербской жизни в более широкий контекст, см.: Там же. С. 267–275. Для иллюстрации содержания приведем один фрагмент из текста: «Распределен также и женский труд, и тут выбирается одна хозяйка на неделю, которая в доме все делает: готовит кушанье, прибирает, заботится о детях и выносит еду своим работникам в поле или на покос; она называется *редуша* <...>; остальные женщины отправляются на полевые работы, а зимой — прядут, ткут и т. п. и помогают редуше, исполняют ее поручения. Но старшином с окружающим его почетом и правом на общие услуги пользуется старшая в роде; на ней не лежит никаких обязанностей, и она помогает по желанию. Свободна также каждая женщина в первый год замужества. Конечно, это только номинальное право, которым она не пользуется, а напротив, старается тотчас же приняться за работу, чтобы расположить в свою пользу семью; в противном случае ей же потом будет худо <...>» (Там же. С. 273–274).

¹⁰⁹ К примеру, выдержки из описания ужина (во время уборки кукурузы), где женщина — либо отделена, либо прислуживала: «За одним столом сидели более почтенные люди, а за другим молодежь, в том числе и женщины». «Перед нами был костер, а чтобы лучше осветить самые столы, две женщины сбоку у каждого стола держали по пучку зажженной соломы». «Другие женщины тоже больше прислуживали, таская полные миски на столы; чутура то и дело обходила вокруг стола более почтенных людей, разговоры пошли живее, пошли здравицы и пожеланья, точно специально все собрались на пир, а не на работу» (Там же. С. 266–267).

побратима и посестримы (недоступные, по его словам, «наполовину отуречившимся» горожанам)¹¹⁰.

Отметим несколько впечатлений Ровинского о женщинах в задругах («больших сербских семьях»). Его «всегда поражала» «необыкновенная молчаливость женщин и спокойствие детей», редко можно было услышать «щебетанье и веселый смех женщин». Запомнилась ему и их манера говорить: «Говорит женщина каким-то особым, исходящим из груди голосом — сильно, задушевно, но глухо, как будто боясь, чтобы в стороне не услышали ее». Кроме вынужденной «сдержанности», отметил он и их одиночество¹¹¹.

Замечая, что во имя задруги «пригнеталась» жизнь обычной семьи и подавлялись естественные чувства, Ровинский написал и о последствиях этого, очевидных для посторонних наблюдателей: «Вам с первого же раза чувствуется, что здесь живет только мужчина, а женщина только работает и терпит. Не участвуя в общественной деятельности, она лишена ее и в семье, которая у нее отнята; ей-то поэтому больше, чем мужчине, и еще тяжелее выносить это вследствие того, что здесь ей все чужое, да и ее никто не признает своей, если она не постарается купить расположение угодливостью, принесением в жертву всей своей индивидуальности»¹¹².

Заметим, что это, возможно, и близкое к реальности, но тем не менее представление наблюдателя-мужчины о переживаниях и чувствах сербской женщины. Что действительно чувствовала и как осознала себя тогда сама сербская женщина на селе — большой вопрос. (Что подразумевал Ровинский здесь под «общественной деятельностью» тоже не вполне ясно.) Вряд ли, впрочем, жизнь сельской женщины ограничивалась лишь трудом и терпением. Сам

¹¹⁰ Там же. С. 264–266, и др.

¹¹¹ Описывая это так: «Только удалившись в свой амбарчик, интимное чувство супругов, если оно только есть, выливается в задушевной беседе, нежной ласке, вне общего надзора, только там мать прижимает к своей груди свое родное дитя, к которому не смеет почти признаться, находясь постоянно в общине с другими. Взятая из чужого рода, никого не знающая, никому не знакомая, она не имеет ни времени, ни места сблизиться даже с мужем, и еще крепче, ревнивее льнет она к своему ребенку, в коем видит единственную родную душу» (Там же. С. 274). Также про одиночество и вообще жизнь женщины рассуждал публицист, привлекая тексты сербских народных песен, рисуя в том числе и семейные отношения (Там же. С. 275–282).

¹¹² Там же. С. 274–275.

же Ровинский в «Воспоминаниях» описал участие женщин в празднике в Раче¹¹³.

Дополнительным источником для объяснения некоторых укorenившихся представлений сербов служили для Ровинского тексты сербских народных песен. На примере песен о семейных отношениях он показал, в частности, существование представления о том, что женщина — причина «всего дурного». А именно: «Она беспрестанно изменяет мужу, предаёт его туркам, и рада, когда он попадет к ним в плен или в какое-нибудь несчастье. Ей же приписывается и причина разделения задруги и вообще нарушение семейного счастья»¹¹⁴.

Затем он развил эту линию: «Этот взгляд, что женщина причина всякого зла, проводится и в историческом предании сербов; ей приписывается и гибель сербского царства на Косовом поле». И далее: «Для нас неважно решение вопроса, насколько это исторически верно, но нам дорога здесь чисто поэтическая, взлелеянная в народной груди мысль, что женщине же приписывается и такой крупный исторический факт». Интересно отметить, что через это представление он объяснил и тяжелое положение женщины в задруге, указав его негативную роль в жизни сербов. «Было это так или нет, но естественно, что крайне тяжелое положение женщины в задруге даёт себя чувствовать: за тот гнет, которому она подвергается, расплачиваются семья и общество, и, без сомнения, это отражается также и на исторической жизни народа, на его характере, складе его воззрений и всей деятельности», — сделал он вывод¹¹⁵.

Завершая очерк, привел Ровинский объяснение подчиненного и тяжелого положения женщины в сербском обществе в целом, которое одновременно служило для него и своеобразной «лакмусовой бумажкой», тестом для проверки уровня цивилизованности и «гражданственности» сербов. Причина «приниженного» положения женщины, по мысли публициста, коренилась в том, что в силу внешних обстоятельств сербский народ постоянно пребывал в ожидании войны и «воинственном настроении», что накладывало отпечаток на развитие общества, семейный быт и отношения между людьми. В итоге: «Рядом с воинственным героизмом вы не встречаете нигде мужества

¹¹³ Ровинский П. А. Воспоминания из путешествия.... С. 228–231.

¹¹⁴ Ровинский П. А. Сербская Морава... С. 277.

¹¹⁵ Там же. С. 280–281.

гражданского. Это показала ясно топчидерская история, и под наружным покровом цивилизации встречаются весьма грубые нравы, требующие казней и мести, принижающие женщину до степени работницы, которую одни отдают, другие берут, не справляясь с ее желанием, и ставящие конечной целью жизни *уживание*, т.е. наслаждение жизнью в самом узком материальном смысле»¹¹⁶.

Эту ситуацию, впрочем, по его мнению, можно было бы изменить через развитие «прекрасных, коренных, народных черт» и при условии определенных перемен: «Избавите Сербию от этой тяжелой обязанности быть вечно на карауле, охранять свои границы, и тогда только вы увидите, что может дать эта страна и что выйдет из сербского народа»¹¹⁷.

В заключение отметим еще раз, что, рассматривая и описывая жизнь сербских женщин (в столице и провинции), П.А. Ровинский прежде всего исходил из идеи создания как можно более полного представления о сербском народе («сербском типе») и его современной жизни. И он, как славист и путешественник-наблюдатель, эту цель максимально тщательно реализовывал, приводя во множестве подробные конкретные сведения о сербских женщинах и наблюдения и размышления об их положении в семье и обществе и о судьбе в целом, значимые для изучения жизни сербов в последней трети XIX в. и/или представлений о ней очевидцев из других стран. При этом, что вполне естественно, «мир женщин» с точки зрения самих сербских женщин остался практически вне его рассмотрения. Впрочем, изучение этого «мира», как и собственно истории женщин, в его задачи, как он писал и в очерке о чешской женщине, не входило.

¹¹⁶ Там же. С. 283.

¹¹⁷ Там же. С. 283–284.

Варвара Борисовна Хлебникова

Традиционное сербское общество на стыке эпох. П. А. Ровинский о социальных типах в княжестве в конце 60-х годов XIX века

Внимание к Сербии в российской историографии имеет давнюю традицию: от первых этнографических и путевых заметок в общественно-политических журналах до появления новейших монографических трудов, посвященных сербам. Хотелось бы обратить внимание на очевидную преемственность, которую нетрудно заметить, когда сравниваешь труды авторов XIX в. и монографии наших современников — специалистов по истории славян. Ученые второй половины XX — начала XXI в. опирались на богатый научный материал, собранный в XIX в., отдавая должное тому, как много сделала тогда российская славистика в деле описания близких народов и ознакомления русских читателей с их культурой. Среди тех, кто с неизменным пиететом относился к наследию отечественной науки, был А.Л. Шемякин, много лет занимавшийся исследованием политической истории Сербии. В одной из последних работ он составил научный план опубликования и подробного рассмотрения серии статей и очерков известного путешественника, журналиста, общественного деятеля П. А. Ровинского (1831–1916)¹, посетившего Сербию в конце 60-х гг. XIX в., когда страна расставалась с патриархальным укладом жизни и втягивалась в набиравшие силу процессы модернизации. Именно поэтому его труды о Сербском княжестве привлекли внимание А.Л. Шемякина, который высоко оценил их фактографическое и методологическое значение. Какими бы новейшими достижениями

¹ *Шемякин А.Л. Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98.*

исторической науки мы не были вооружены сегодня, нам трудно до конца осмыслить глубину изменений переходного этапа. П. А. Ровинский же лично наблюдал и фиксировал эти изменения в течение довольно долгого времени, оценивая их качество и возможные последствия. К несчастью, претворить свой замысел в жизнь А. Л. Шемякин не успел². В знак памяти и уважения к надежному товарищу и талантливому ученому, попробую хотя бы отчасти сделать то, что не довелось закончить нашему коллеге.

А. Л. Шемякин считал необходимым опубликовать труды П. А. Ровинского о Сербии потому, что в них не было этноцентризма, присущего, как правило, сочинениям европейских путешественников того времени. Зато есть приемы этнопсихологического исследования. Напомню, что в последние десятилетия XIX в. и в Европе, и в России этнопсихология зарождалась как самостоятельная гуманитарная дисциплина. А. Л. Шемякин видел научную заслугу П. А. Ровинского в том, что нашему соотечественнику удалось разобраться в «тонкой ментальной материи сербов», найти в ней три ипостаси сербского народа той эпохи: человек экономический, человек политический и человек воинствующий. А. Л. Шемякин был убежден, что только с учетом этих трех позиций сложится объемная картина модернизационных процессов в княжестве, которая высветит как достижения, так и слабые стороны исторической перестройки. Опираясь на архивные материалы и наблюдения П. А. Ровинского, А. Л. Шемякин отметил специфику сербской модернизации, несбалансированность протекавших в экономике и политике перемен, поспешность и неглубокий, «наносной» характер преобразований. Он отчаянно спорил с теми историками, которые категорически утверждали, что Сербия быстро превратилась в европейское государство с устоявшимся парламентаризмом и либеральной политической культурой. За фасадом модернизации, по мнению А. Л. Шемякина, долго сохранялись удивительно живучие институты традиционного общества.

В статьях П. А. Ровинского есть самая разная информация о состоянии сербского общества в конце 60-х годов XIX в.³. И этногра-

² Подготовку публикации завершили коллеги и ученики А. Л. Шемякина. См.: Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П. А. Ровинского). СПб.; М., 2019. (Примеч. редкол.)

³ См.: Ровинский П. Два месяца в Сербии (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1868. Ноябрь. С. 364–386; Он же. Белград. Его устройство

фы, и филологи, и историки могут найти в них ценные сведения. В данном случае речь пойдет об общественном укладе, стратификации и социальных группах, описанных славистом. Первое, что бросилось русскому путешественнику в глаза, когда он приехал в Сербию, это отсутствие устоявшейся и жестко разграниченной структуры общества, свойственной другим европейским странам. Сербскому народу тогда были чужды «резкое разделение на сословия, которое мешает успехам социальной жизни, привычка к бюрократическим формам и правительственной опеке, ханжество религиозное и политическое, неравноправие и неравенство в распределении богатств»⁴. С одной стороны, общество, недавно вступившее на путь строительства национальной государственности и рыночной экономики, было свободно от «множества предрассудков в жизни политической и социальной». Под ними П. А. Ровинский имел в виду сословные предубеждения и ограничения в вопросах землевладения. Отринув власть Османской империи, сербы оказались в состоянии экономической свободы в стране с очень невысоким уровнем развития. Каждый в известном смысле был сам себе начальником и руководителем. Крестьянские хозяйства княжества находились в более или менее одинаковых условиях, решали одни и те же задачи. С другой стороны, еще не сформировался крупный национальный капитал, почти не было предпринимателей, состояние которых приближалось бы к размерам крупных капиталов Европы. Все участники коммерческой деятельности в то время были относительно равны, они опирались не на полученное по наследству богатство, а на собственную предприимчивость и инициативность. Усредненное состояние сербского общества, практическое отсутствие имущественных полюсов П. А. Ровинский неоднократно отмечал в своих работах. Именно поэтому сербам мало подходили сложившиеся в Европе представления о «правильном» социальном устройстве и иерархии. Наоборот, нации еще предстояло выработать такие представления, и она интуитивно искала свой собственный путь. «Путешествуя по стране, я вынес впечатление, что все

и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Апрель. Т. II. С. 530–579; Май. Т. III. С. 132–188; *Он же*. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1875. Ноябрь. С. 5–34; Декабрь. С. 699–725; *Он же*. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1876. Кн. 4. Апрель. С. 517–558.

⁴ *Ровинский П.* Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 163.

в Сербии временное, неустановившееся, все в ожидании чего-то, вся она живет накануне», — писал славист⁵.

Конечно, неопределенное состояние не означало застоя в общественных отношениях, напротив, в княжестве появились социальные группы, которые П. А. Ровинский смог зафиксировать: «Живя почти год в одном и том же обществе как в одной семье, имея для наблюдения сотни лиц, я заметил некоторые характеристические черты, отличающие не личности, а целые группы одну от другой»⁶. Имелись в виду и жители разных областей княжества, и носители различных социальных статусов, и представители разных национальностей. Несколько месяцев путешественник наблюдал за жизнью столицы и провинции, ища общие черты и различия в быту. Он выяснял профессиональные предпочтения сербов, общался с теми, кто занимался сельским хозяйством и ремесленно-промышленной деятельностью. Нашему соотечественнику были одинаково интересны люди умственного и физического труда, торговцы, чиновники, прислуга. Не ускользнул от его внимательного взгляда гендерный вопрос. Дети, их место в семье, народная система воспитания тоже были описаны П. А. Ровинским. В результате он смог выделить в сербском обществе формирующиеся, но уже достаточно устойчивые социальные типы. Первый тип — это чиновничество, как управленцы, так и представители силового аппарата — жандармы, полицейские, отчасти военные. Второй тип — трудовое население княжества (предприниматели и рабочие, коммерсанты, крестьяне, труженики сферы услуг). Третий тип — занимавшие промежуточное положение между первыми двумя — священники, учителя, литераторы (писатели и журналисты). В России таких людей называли интеллигенцией, но сербские реалии совсем не походили на русские. Поэтому П. А. Ровинский осторожно пользовался этим словом применительно к сербам, добавляя иногда оговорку «так называемая интеллигенция». Что же касается такой категории, как элита, то ее в статьях слависта, в общем-то, и нет. Само собою княжеское семейство, придворное окружение, высшие должностные лица и генералитет занимали исключительное

⁵ Ровинский П. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1876. Апрель. Т. II. С. 557. В названии статьи дата напечатана неверно. П. А. Ровинский описывал свою поездку в Сербию в 1868 г.

⁶ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 174–175.

положение в обществе, однако со статистической точки зрения, это была ничтожно малая величина. Аристократия и крупная буржуазия отсутствовали вовсе. Демократические и революционные предпочтения П. А. Ровинского, в недавнем прошлом члена организации «Земля и воля», определили его научные интересы. Жизнь народа во всем ее многообразии стала объектом исследования. А незавершившиеся процессы стратификации в Сербии давали основания для оригинальных социологических выводов.

Первый социальный тип 60-х годов XIX в. обладал высоким общественным статусом. Чиновники, занимавшие ключевые посты в сербском государственном аппарате, в изображении П. А. Ровинского выглядели не очень привлекательно. «Гнездом» этой части бюрократии стал Белград, который в те годы очень быстро менял архитектурный облик⁷. Крупные чиновники селились в центральных частях города. Чистые и ухоженные кварталы столицы, заметно отличавшиеся от ремесленных и торговых улиц, свидетельствовали о материальном благополучии их обитателей, хотя те не занимались производственной деятельностью. Нетрудно было догадаться, откуда этот достаток: «Конечно, министры и другие высшие чиновники, имеющие в своем распоряжении значительные казенные суммы, порядочно нагревают руки», — написал П. А. Ровинский⁸. Обладая административным ресурсом и используя его в личных целях, высшая бюрократия страны торопилась отделиться от народа, противопоставить себя основной части населения. Чувствуя, что конкуренция за административный ресурс высока, носители власти считали возможным устранять потенциальных политических оппонентов самым решительным образом. Отсюда, по мнению русского ученого, стремление использовать полицейские и даже «террористические» методы борьбы с противниками. П. А. Ровинский не раз отмечал жестокость сербского чиновничества к инакомыслящим согражданам, описывая события, наступившие после убийства князя Михаила в 1868 г. «Во время прошедшей катастрофы 29-го мая сантиментальные люди, движимые пиететом к погибшему князю, громко на улицах и на сборищах требовали казни ни много ни мало, как всех, кто стоял в оппозиции к прежнему

⁷ Хлебникова В. Б. Путевые и журналистские заметки П. А. Ровинского о Сербии // Славяноведение. 2017. № 3. С. 99–108.

⁸ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 135.

правительству: это значило бы вырезать ни одну сотню лучших людей Сербии! И не подумайте, что это был слепой фанатизм; нет, тут был расчет выставить свою приверженность к династии Обреновичей, когда видно было, что она взяла верх, или чтоб отклонить от себя подозрения в участии в заговоре, или, наконец, чтобы погубить того, кто стоял ему поперек дороги. Да, я был свидетелем, как смертный приговор над преступниками произносили сами преступники; я видел, как один из приближенных покойного князя, человек в чинах и в почете, плевал в лицо людям, обреченным на казнь, в то время, как их вели к столбу для расстреливания», — вспоминал П. А. Ровинский⁹. Понятно, что эти впечатления определили негативное отношение русского писателя к верхам сербской бюрократии.

Однако славист не позволял эмоциям взять верх над объективностью, четко разграничивая внутри чиновничества категории высшего, среднего и низшего звена. Он подчеркнул, что основная масса государственных служащих не заражена мздоимством, «большинство чиновников с этой стороны безукоризненно». Коррупция была редким явлением в Сербском княжестве, потому что само общество не принимало подобного способа решения дел. Если можно так выразиться, некому было давать взятки. Это выгодно отличало сербские государственные учреждения и делало средних и мелких служащих более привлекательными по сравнению с управленческой верхушкой. Хотя и здесь были исключения. Славист решительно осуждал поведение некоторых должностных лиц в провинции, превративших места работы в постоянный источник дохода: «Пользуясь поголовно сутяжничеством, чиновники извлекали выгоды, не стесняясь самыми бесстыдными средствами. Один чиновник целое окружье так опутал, что не осталось ни одного почти селения, в котором все не были бы в тягбе между собой, и он положительно грабил всех, начиная с настоятелей монастырей и до последнего бедняка <...>. Все было в его руках, и это сходило ему долго, пока не расхвастал, что у него в руках и министр Н. Христич»¹⁰. Зарвавшийся начальник был тотчас арестован и посажен в тюрьму. Однако в целом нечистых на руку представителей власти было не так много. Правда, для самих служащих

⁹ Там же. С. 137–138.

¹⁰ Ровинский П. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1875. Ноябрь. С. 13.

отсутствие незаконных источников обогащения означало довольно тяжелое материальное положение, особенно если речь шла о людях, занимавших самые низшие должности. Из этого обстоятельства вытекала еще одна типичная черта княжеского чиновника, подмеченная П. А. Ровинским: «Он постоянно ноет и стонет, но по этим стонам вы уже можете судить, что за идея гвоздем сидит в его голове, и можете быть уверены, что он добьется своего, получит повышение, а там, глядишь, и женится и заживет в довольстве»¹¹. Ученый не скрывал иронии, когда писал, что национальная бюрократия заражена чрезмерным прагматизмом и ставит личные цели гораздо выше общественных. Сосредоточившись на личном благополучии, она мало задумывалась над задачами, связанными с будущим страны. Идеалы прогресса, справедливости и народного процветания были ей, как правило, безразличны. Поэтому различия в идеологических платформах тех, кто заседал в скупщине или вел полемику на страницах прессы, казались П. А. Ровинскому несущественными. Разделение сербских политиков на либералов и консерваторов он считал весьма условным¹², отмечая, что борьба велась не за стратегию развития, а за то, кому достанутся высшие посты в княжестве.

Упрекая чиновничество в эгоизме и стремлении к личному благополучию, а не к процветанию нации в целом, П. А. Ровинский понимал, что это не исключение, а правило, в конце концов, каждый человек в первую очередь думает о себе. Куда больше возмущало русского путешественника то, что в стране стремительно набирал силу суровый полицейский режим, для существования которого, казалось бы, нет особых условий. С первых дней в Белграде и потом во время путешествия по стране славист постоянно оказывался под пристальным вниманием полиции и жандармерии, хотя никаких поводов к этому не давал. «По Сербии шагу нельзя ступить без паспорта», — писал он. Не заметив особого прогресса в экономике и науках, ученый увидел, как развилась за десять лет с 1858 по 1868 год полицейско-административная система княжества: «Система централизации сделала такой громадный успех, так опутала сербский народ сетью полицейской опеки и военной дисциплины, что те начала,

¹¹ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 135.

¹² Там же. С. 160–161.

которые по сю пору еще коренятся в провинциальной жизни, вряд ли в состоянии будут развиваться»¹³. Удивляло то, как много несвойственных правоохранительным органам функций сосредоточили полицейские органы: «Полиция в Сербии не только охраняет порядок, но во многих случаях отправляет должность судейскую <...>, она отчасти заведует и государственным хозяйством, распоряжаясь суммами, доставляемыми почтами и телеграфами, и имениями малолетних, состоящих под опекой, в общественном хозяйстве также ничего не делается без ее участия»¹⁴. Должность местного окружного начальника П. А. Ровинский приравнял к российскому исправнику, глав местных администраций (капетанов) к станovým приставам в России. Даже выборные сельские старосты (кметы) играли в княжестве роль жандармов, а не руководителей сельских обществ, поэтому в Сербии «община совершенно парализована полицией»¹⁵. При этом славист напомнил читателям, что полиция подменила другие социальные институты слишком быстро: «Такой бюрократической опеки, как в Сербии, нет даже у нас, где бюрократические формы введены гораздо раньше»¹⁶. В систему полицейского контроля была вовлечена и армия, внешне еще сохранявшая черты народного ополчения. По мнению П. А. Ровинского, она предназначалась не для борьбы за окончательное освобождение славян Балканского полуострова. Она служила той же цели, «для которой Сербия опутана целой сетью полицейских чиновников»¹⁷.

Однако торжествовать победу над народом чиновничеству не стоило. П. А. Ровинский напомнил, что сербам в недалеком прошлом приходилось вести ожесточенную освободительную борьбу с угнетателями, и это сформировало их национальный характер и политическую культуру; подчеркнул, что «сербь не терпят навязывания, особенно через полицию». Поэтому она у народа «в страшной ненависти» за шпионство и доноительство. Провинциальные начальники в глазах простых людей «то же, что паши Турции; а жандармы

¹³ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Апрель. Т. II. С. 571.

¹⁴ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 163.

¹⁵ Там же. С. 164.

¹⁶ Там же. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 158–159.

и пандуры, набранные из разных стран, заменили янычар»¹⁸. Неусыпный полицейский надзор заметно влиял на политическое поведение нации. Публично сербы выражались «официально, хваля правительство за его мудрые распоряжения»¹⁹. Но в частных беседах в узком кругу доверенных лиц критика правителей становилась все более острой. Явно нарастало противостояние тех, кто оказался у власти, и управляемых. «Чиновник смотрит на народ, как на нечто, совершенно чуждое ему, которому он ничем не обязан, с которым он не должен иметь ничего общего; народ, со своей стороны, смотрит на чиновника еще хуже: он видит в нем своего врага, ненавидит его и не допускает в свое общество», — заключил русский журналист²⁰. Эта оценка удивительно точно передала общественные настроения в княжестве, где довольно часто власть менялась путем заговоров и переворотов. Обобщив все, что лично наблюдал, слышал от простых людей, узнавал из прессы, П. А. Ровинский сделал вывод о негативной роли бюрократии в молодом национальном государстве: «Чиновник в канцелярии, то же, что солдат во фронте», он — «креатура тупой дисциплины»²¹.

Антагонистом этого социального типа в статьях слависта предстало трудовое население Сербии, которое двигало страну вперед, несмотря на все препятствия и неустройства. Белград — не только оплот бюрократии. Это живой энергичный город, в котором с раннего утра до позднего вечера не прекращалась работа многочисленных ремесленных мастерских и пока еще очень скромных по внешнему виду промышленных заведений. Стоило отойти от ухоженных центральных улиц, картина сразу менялась: «Вас поразит оглушительный стук молотов по медным трубам и котлам для перегонки ракии <...>, на ваших глазах меховщики подбирают мех и шьют шапки, в сапожной лавке человек двадцать мастеровых работают, сидя на прилавках и хором распевают песни; тут же и пекарня: огромная печь своим жерлом смотрит на улицу <...>. Сверните с Теразий немного влево в переулок, и вы встретите кузницу, где постоянно увидите лежащего на боку быка с ущемленным между ногами бревном, посредством которого его кладут для подковки. Тут же конура из досок, в которой

¹⁸ Там же. С. 156.

¹⁹ Там же. С. 167.

²⁰ Там же. С. 164.

²¹ Там же. С. 159.

сапожник чинит старую обувь. Наконец, вы услышите стук колес, на которых разматывают нитки, и стук станков, производящих платки и полотенца»²². В описании П. А. Ровинского тяжелый физический труд выглядит привлекательно, даже поэтично. Это была изнуряющая, но живая, яркая, творческая жизнь народа, стремившегося покончить с бедностью, обеспечить будущее своим детям. В рабочих кварталах Белграда, по сути, и шла модернизация страны. Здесь патриархальное общество училось предпринимательской деятельности. В ремесленных мастерских каждый работник понимал личную ответственность за жизнь и благополучие своей семьи. Он должен был упорно трудиться, не рассчитывая на чью-либо поддержку. Не в полицейских участках и не в чиновничьих канцеляриях, а в ремесленных мастерских и на рынках рождалась новая Сербия.

Весьма привлекательно в статьях П. А. Ровинского выглядели мелкие и средние торговцы, ежедневно сотнями приезжавшие из провинции в Белград. Немало часов провел он в беседах с этими людьми в гостинице, стал для них товарищем, с которым можно было вести откровенные беседы. Целыми днями торговцы-оптовики искали на белградских рынках подходящие товары, спорили о ценах, распоряжались упаковкой и отправкой грузов. Слависта несколько не смущал очень скромный вид столичных торговых заведений и непрезентабельность лавок в глубинке, бесхитростный ассортимент народной торговли не вызывал ощущения, что это архаическое наследие прошлого. Ему нравилось, что в свободную от покупателей минуту торговец сам что-то мастерит или чинит. За незамысловатым обликом торговли в княжестве наш соотечественник рассмотрел тот самый активизм, неиссякаемую энергию и огромное трудолюбие нации, которые давали ей шанс на успех. «Какой это живой, оборотливый и деятельный народ!», — восхищался П. А. Ровинский²³. Он сообщил русским читателям, что хотя Сербия еще и не обзавелась крупными капиталами, зато избежала пауперизации населения: «Бедняки не загнаны в сырые, лишенные света подвалы, в которых живет рабочее население в больших европейских городах; сравнительно

²² Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Апрель. Т. II. С. 567.

²³ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 168.

с другими, они имеют хорошую пищу и хорошо одеты»²⁴. Содержание статей слависта опровергало привычные стереотипы о том, что православный мир, в отличие от протестантского Запада, лишен предпринимательской жилки, пассивен и вял. П. А. Ровинский характеризовал сербов как народ здравомыслящий, работающий, трезвый, знающий меру и плохо относящийся к тем, кто опустился на социальное дно: «Трудно представить, чтобы сербин из княжества протянул руку за милостыней», «сербы нищих не терпят»²⁵. Честный труд, каким бы скромным ни было вознаграждение, — вот истинная ценность сербского народа.

Не меньше внимания славист уделил крестьянству. Отправившись вглубь княжества, он стремился узнать во всех тонкостях крестьянский быт: «Горожане <...> представляли для меня мало интереса, потому что в них я видел копии белградских горожан, с которыми я уже достаточно познакомился. Поэтому мне хотелось скорее видеть сельский люд»²⁶. Способ изучения народной жизни был выбран самый надежный. П. А. Ровинский пешком обошел многие округа, останавливался везде, где у него заводились знакомства. Случалось, что ночевал в чистом поле или в лесу, вступал в беседы с посетителями постоянных дворов и кофеен, какое-то время гостил в селе у родителей своего товарища Ж. Жуйовича. Приемы, с помощью которых был собран этнографический и социологический материал, сегодня в этнопсихологии называют методом включенного наблюдения. Итогом стало непоколебимое убеждение, что крестьянство и есть «коренная Сербия», ядро нации; оно «целиком отдается земледелию, не хочет идти ни в чиновники, ни в купцы, ни быть воином»²⁷. П. А. Ровинский представил российским читателям описание всех деталей крестьянского быта, не оставив без внимания ни повседневных трудов, ни народных праздников. Он подчеркивал, что любовь к земле пронизывает жизнь сербов, отражаясь в их семейном укладе, организации общинной жизни, обычаях крестьянского самоуправления. Сельская

²⁴ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Апрель. Т. II. С. 567.

²⁵ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 136.

²⁶ Ровинский П. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1875. Ноябрь. С. 23.

²⁷ Ровинский П. Сербская Моравы... С. 557.

среда, по словам слависта, выдвигала ярких общественных деятелей, не ограничивавших свою жизнь хозяйственными хлопотами. Активисты находили время для помощи школам, вступали в противоборство с администраторами и полицейскими чинами, защищали права общин²⁸. Эти люди куда смелее белградцев выражали отношение к тому, что происходило в политической жизни, осуждая несправедливость властей. Как видим, наблюдения П. А. Ровинского кардинально отличались от расхожих представлений о косности крестьян и их равнодушии к общественным делам. Такое социальное поведение сельского населения княжества, вероятно, было связано с процессом быстрого уничтожения турецкой системы землевладения. После окончательного освобождения земля в княжестве была передана тем, кто на ней трудился: «В основание было положено владение земель при спахиях (турецких помещиках): землевладельцы, сидевшие на известном спахилуке и платившие определенную дань за известный участок, после прогнания спахий признаны были владельцами того самого участка». Решение аграрного вопроса, конечно, не обошлось без злоупотреблений. Часть земли была скуплена спекулянтами, часть оказалась в руках княжеского окружения: «Возникли новые спахилуки, которыми Милош наделял свою родню и своих друзей»²⁹. Однако в целом новая система землепользования выглядела гораздо демократичнее, чем в пореформенной России, сербское крестьянство почувствовало себя хозяином, ответственным за собственную жизнь. По мнению П. А. Ровинского, крестьянство — это стержень, на котором держалась страна.

Третий социальный тип, описанный славистом, работники умственного труда — учителя, священники, журналисты, писатели. Это была весьма немногочисленная прослойка, еще не оторвавшаяся от народной среды, связанная с нею корнями и образом жизни. В первую очередь исследователя интересовала тема народного просвещения и роль учительства в развитии страны. Он высоко оценил стремление сербов к учебе и усилия, направленные на создание доступной каждому системы школьного обучения. «Народ, как в лице простых поселян и горожан, так и в общем органе его, в скупшине, постоянно

²⁸ Ровинский П. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1875. Декабрь. С. 29; *Он же*. Сербская Моравы... С. 535.

²⁹ Ровинский П. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1875. Ноябрь. С. 30.

заявляет себя в пользу расширения образования», — писал П. А. Ровинский. На строительство школ выделялись приличные средства: «К чести Сербии нужно сказать, что она, сравнительно с другими государствами, тратит на народное образование гораздо больше»³⁰. Результат этих усилий проявился довольно быстро. Славист отметил, что сербская молодежь поголовно владела грамотой. Вместе с тем, пришлось констатировать серьезный промах правительства, упустившего важнейшую задачу профессиональной подготовки учителей в специальных педагогических институтах. Учительский корпус страны был далек от идеала, уровень научной подготовки педагогов оставался низким. Например, в городке Пожега славист познакомился с преподавателем местной школы, который сначала произвел весьма благоприятное впечатление разумными рассуждениями и хорошими манерами. Однако в беседе быстро выяснилось, что педагог лишь немного был знаком с географией и естественными науками, «но не имел понятия из арифметики о дробях, не знал, кто такие римляне, памятники которых ему попадались на каждом шагу <...>. Общее впечатление такое, что в школе он учился только молитвам и кое-как священной истории и катехизису, преподаванием же всех других наук совершенно пренебрегали». Причем новый знакомый закончил одно из лучших заведений княжества — белградскую богословскую школу, которая считалась выше обычной семинарии. На деле, по оценке П. А. Ровинского, она была «ниже всякого нашего низшего духовного училища»³¹. Следовательно, тем, кто хотел трудиться в сфере народного просвещения, нигде было получить полноценное педагогическое образование, которое соответствовало бы требованиям второй половины XIX в. Именно поэтому сербские школы с трудом справлялись с важнейшей функцией — быть рычагом модернизации, поставлять на рынок труда квалифицированные кадры. Ремесленно-промышленные и другие специальные профессиональные училища еще не существовали. Другой сложной проблемой сербской школы были весьма специфические отношения учителей и учеников, на которые обратил внимание П. А. Ровинский. То, что широко применялись телесные наказания, не было редкостью и в европейских странах. А вот стремление использовать сельских школьников как

³⁰ Ровинский П. Сербская Моравы... С. 524.

³¹ Там же. С. 523.

бесплатную рабочую силу в домашнем хозяйстве выглядело совсем архаично. Ученики нередко трудились в огородах и птичниках своих наставников, а их родители были вынуждены в сезон сбора урожая платить педагогам нечто вроде натурального оброка. Конечно, можно было объяснить такую практику низким уровнем дохода учителей, но и их подопечные не были состоятельными людьми. Слависта возмущало то, что школьные инспекторы, которых явно не хватало, предпочитали не замечать порочной практики, оправдывая малопривлекательные явления школьной жизни банальными рассуждениями: «Откуда же взять лучших учителей? И что в том за беда? Грамотность распространяется, а дальнейшее потом»³². В скупщину посылались бравурные отчеты об успехах народного образования, но в известной мере, это был самообман³³. Система народного просвещения шла по пути количественного, но не качественного роста.

П. А. Ровинский много общался и со священниками, в основном сельскими, объясняя свой интерес тем, что это люди из народа, ведущие скорее светский образ жизни, удивительным образом сочетая его с исполнением церковных обязанностей. Особенно интересно было изучать быт сербских монастырей. Игумены трудились в поле наравне с простыми монахами и батраками, были рачительными хозяевами, отлично знавшими все тонкости земледелия. При близком знакомстве сербские монахи оказались далеко не аскетами, а напротив, любителями обильного застолья и хорошего вина. Они живо интересовались текущими политическими делами, охотно рассуждали на актуальные темы, имели собственное мнение обо всем, что происходило в стране и за рубежом. Славист заметил, что православное духовенство Сербии настроено патриотически и воинственно. В доме настоятеля одного из монастырей русский путешественник увидел арсенал оружия и услышал такое объяснение: «Мы готовы ко всему, турки ли перешагнут к нам через Дрину, нам ли придется предупредить их, я не отстану: с крестом на груди и с оружием в руках буду идти с народом и не в задних рядах»³⁴. Эта самоотверженность подкупала. Однако вовлеченность духовенства в повседневную жизнь народа, к сожалению, не отменяла того факта, что

³² Там же.

³³ Там же. С. 523–524.

³⁴ Ровинский П. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1875. Ноябрь. С. 33.

священнослужители, как и учителя, были людьми малообразованными, далекими от книжной учености, неподготовленными к просветительской деятельности. Только единицы из них были наставниками народа в прямом смысле слова. В качестве примера П. А. Ровинский привел общественную деятельность протопопа Игнатия из Лозницы. «Прота Игнатий не получил никакого почти образования; но на его глазах складывался юный организм сербского государства, он видел еще в живых борцов за сербскую свободу, привык понимать ее чутьем и здравым умом и ценить выше всего. Его политические убеждения заключаются в том, что Сербии нужно хорошее правительство; осуществит ли это князь какой бы то ни было династии или какое-нибудь коллективное лицо — ему все равно; он знает только нужды и потребности своего народа <...>, и знает, что хорошее правительство должно их удовлетворить, и такому правительству он готов оказывать полнейшее подчинение», — рассказывал славист о провинциальном священнике³⁵. В прошлом протопоп принимал активное участие в политической борьбе. В момент знакомства с русским путешественником Игнатий стал создателем местного литературно-музыкального кружка, объединившего всех, кто не желал мириться с «излишним давлением администрации» на общественную жизнь. Славист назвал его типичным представителем сербского народа, «цельной, свежей, здоровой натурой», высоко оценив активную гражданскую позицию этого незаурядного человека. «К сожалению, таких личностей в Сербии становится все меньше», — завершил он свой рассказ о новом знакомом³⁶.

Не без насмешки писал российский исследователь о своих братьях по цеху, о литераторах и журналистах княжества: «Сербы до страсти любят сами сочинять, но читать положительно не любят»³⁷. Может быть, поэтому и успехи сочинителей были скромными, большинство выходивших тогда произведений П. А. Ровинский считал беллетристикой и «досуговым чтением» невысокого качества. Самыми популярными жанрами были стихи, повести, романы, календари. Выходило немало незатейливых церковных текстов назидательного

³⁵ Ровинский П. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // ВЕ. 1875. Декабрь. С. 705.

³⁶ Там же. С. 706.

³⁷ Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь // ВЕ. 1870. Май. Т. III. С. 136.

содержания. Журналистика тоже не впечатлила русского автора достижениями, она была готова бесконечно хвалить мудрость правительства и обрушивать гнев на его врагов. Общий уровень печатной продукции был весьма скромным, художественная и публицистическая литература того времени «болела» теми же недугами, что и вся гуманитарная сфера. Непрофессионализм, сервилизм по отношению к власти, конъюнктурный характер многих сочинений бросались в глаза. Снова приходилось констатировать отсутствие ясного понимания национальных интересов, чрезмерный прагматизм и приспособленчество тех, кто претендовал на звание писателей. П. А. Ровинский не скрывал критического отношения к «коллегам», негативно отзываясь о результатах их творчества. Особенно его огорчало то, что отсутствие сочинений на злобу дня и талантливых авторов пагубно отразилось на репертуаре театров. Сербь охотно посещали спектакли и ждали актуальных пьес, в которых отражались бы история и современность, пьес, повышающих самооценку нации. «Нужно посмотреть на эту публику, когда дается пьеса, задевающая ее чувство: она вся отдается сцене и шлет свое одобрение или неодобрение не актерам, а тому или другому действию или личности, выведенной на сцене», — делился впечатлениями русский путешественник³⁸. Вместо этого на сцене было засилье переводных развлекательных постановок довольно пошлого содержания. Нарастал конфликт между зрителями и театральными деятелями, так и не дождавшимися успеха и оваций. Славист считал, что напрасно литераторы «третируют публику», обвиняя ее в равнодушии к искусству. Как раз в том и заключалась проблема, что у людей мыслящих и образованных было «несравненно больше смысла и вкуса, чем у господ сочинителей»³⁹, поэтому они отворачивались от низкопробных поделок в жанре водевиля. Театру нужны были произведения, наполненные духом гражданственности и пропагандой идей прогресса, а не второсортные потехи. В общем, в трудах П. А. Ровинского хорошо представлен переходный характер образования и художественного творчества в Сербии, когда традиционная народная культура удовлетворяла уже далеко не всех. Общество нуждалось в новом, гораздо более высоком уровне просвещения, без создания системы профессиональной подготовки молодежи

³⁸ Там же. С. 179.

³⁹ Там же.

трудно было ожидать промышленного прорыва. В художественной литературе, публицистике, театральном искусстве нужны были новые имена, таланты общенационального масштаба, нужна была такая творческая элита, которая помогла бы осознать место сербского народа в истории и современном мире. Такое «ожидающее» состояние умов тоже было доказательством зреющей и набирающей силу модернизации.

В заключение стоит отметить, что описанные П. А. Ровинским социальные типы, сложившиеся в сербском обществе в конце 60-х гг. XIX в., были характерны для эпохи перехода традиционного общества в качественно новое состояние. Сербь оставались еще патриархальным народом, не расставшимся с обычаями аграрной цивилизации. Они еще не обзавелись навыками демократического решения насущных проблем. Политическая борьба выливалась в насилие. Власть нередко вела себя эгоистично, принимала непопулярные решения. Политические партии и парламент поверхностно усваивали европейские приемы работы с избирателями, быстро переходили к более привычным, доставшимся от прежних времен способам борьбы с противниками, проявляя к ним чрезмерную жестокость. Однако это не означало, что нация упорствует в своей отсталости. Напротив, она постепенно рождала новую хозяйственную и политическую культуру. Пока еще малообразованный народ искал свой собственный путь развития, упорным трудом стараясь преумножить благосостояние отечества. Активно втягиваясь в предпринимательскую деятельность, стремясь к образованию, противостоя засилью полицейско-бюрократических структур, сербская нация осмысляла собственную идентичность. И эти поиски, по мнению П. А. Ровинского, должны были увенчаться успехом.

Надежда Сергеевна Пилько

Формирование словенского национального самосознания и словенской национальной идеи

Словения — небольшое государство в центре Европы. Его население составляет чуть более 2 млн человек. Независимость страны насчитывает всего 27 лет. До этого словенские земли всегда входили в состав других государств, что, несомненно, оказало влияние на формирование национального самосознания и словенской национальной идеи как таковой.

Начало зарождения словенской национальной идеи относится к середине XIX в. В словенской историографии этот период называют периодом национального возрождения. В это время словенские земли входили в состав Австрийской империи. Решающую роль в пробуждении словенского национального самосознания сыграла революция 1848–1849 гг. Проводниками национальной идеи стали священнослужители и интеллигенция, представители которой получали образование в основном в Венском университете. Изначально словенская национальная программа содержала только требования, касающиеся равноправия словенского языка, но спустя некоторое время появились требования объединения словенских национальных территорий без учета существующих государственных границ. Так, в 1848 г. священник Маяр-Зильский написал статью «Чего мы, словенцы, требуем». В ней он отметил: «Пусть каждый живет на своей земле, в своем доме так, как ему нравится: немец, как немец, итальянец, как итальянец, венгр, как венгр. Мы словенцы требуем, чтобы и нам дали жить у себя дома по-нашему: словенцам по-словенски»¹.

¹ Novice. 1848. 29. III.

В это же время Маяр заявляет о необходимости ввести в школы и административные учреждения словенский язык, поскольку большая часть словенского населения проживала в селах, а словенский язык как таковой употреблялся только в среде крестьянства, которое являлось его основным хранителем. Так, например, словенский поэт Франце Прешерн (1800–1849), который происходил из зажиточных крестьян, посвятил свои лучшие стихи девушке из богатой словенской семьи, проживавшей в Любляне, но она не смогла оценить их красоту, поскольку, будучи словенкой, говорила только на немецком.

С программой «Объединенная Словения» выступило венское общество «Словения», которое было образовано 20 апреля 1848 г. В ней говорилось: «Политически раздробленный народ словенцев нужно объединить, словенскому языку предоставить те же права, что и немецкому»². Самую сильную поддержку программа «Объединенная Словения» получила на славянском конгрессе в Праге. Она была также представлена в австрийском парламенте, однако с воцарением Франца Иосифа 2 декабря 1848 г. и с роспуском парламента 7 марта 1849 г. программа канула в Лету.

Другой вехой в развитии национального самосознания словенцев стало образование Австро-Венгерской империи. Словенцы оказались в Цислейтании (ее австрийской части). Поражение Австрии в войне против Пруссии и Италии в 1866 г. привело к тому, что Венецианская Словения была присоединена к Италии. Несмотря на то, что принятая в 1867 г. конституция гарантировала одинаковые права для всех наций империи, именно после ее принятия начался самый жесткий натиск на словенское население. Словенцы практически были выдавлены из политической жизни. В провинциальных собраниях и магистрате преобладали немцы. В это же время формируются два лагеря с противоположными взглядами на положение и будущее словенцев в государстве. Так, «старословенцы», лидером которых был Янез Блевейс, приняли дуалистическую конституцию 1867 г., что вызвало волну недовольства среди передовых слоев населения. «Младословенцы», лидером которых стал Фран Левстик, напротив выступили с требованием реализации программы «Объединенная Словения». Кроме того, общество раскололось в вопросе

² *Gestrin F., Melik V. Slovenska Zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 102.*

о конкордате, заключенном в 1855 г. между австрийским правительством и Святым Престолом, согласно которому надзор над школами должна была осуществлять церковь. Словенский либерал В. Зарник считал, что союз с духовенством необходим, поскольку оно составляет просвещенную основу словенского народа, и именно священники радели о введении в школах преподавания на словенском языке³. Другая часть выступала против конкордата и заключила союз с немецкими либералами.

Параллельно в словенских городах, где большинство населения составляли немцы, создавались немецкие спортивные и культурные общества, которые активно привлекали в свои ряды молодежь с целью германизации. Что касается детей, то в 1880 г. в Вене было создано общество «*Дойче Шулферейн*» (*Deutsche Schulferien*), которое должно было содействовать онемечиванию славянских детей со школьного возраста. По примеру немцев итальянцы в южных словенских землях создали подобную организацию «*Про патриа*» (*Pro patria*). Словенцы в противовес учредили Общество св. Кирилла и Мефодия, которое начало создавать словенские школы⁴.

Некоторых уступок словенцы смогли добиться при правительстве Эдуарда Таафе, которое опиралось на немецких консерваторов и на славянских политиков. Область Крайна была признана словенской провинцией, все начальные школы в ней стали словенскими, такого же успеха удалось достигнуть и в словенской Штирии.

Что касается экономического развития, то словенские земли значительно отставали от чешских и австрийских. Связано это было с тем, что основные средства вкладывались в освоение природных ресурсов. В два раза возросла добыча каменного угля в рудниках Трбовлье, Храстник, Засавье. Увеличилась добыча свинца и цинка в руднике Межице. Этот же рудник первым перешел на потребление электроэнергии. И только возле Триеста был построен крупный металлургический завод. В лесоперерабатывающем производстве преобладали лесопильные предприятия. Строились небольшие стекольные заводы, фабрики по производству бумаги и целлюлозы. В 1890-х гг. оживилось железнодорожное строительство. На словенских землях было запущено несколько железнодорожных веток.

³ Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. СПб., 2011. С. 206.

⁴ Там же. С. 206.

Однако все крупнейшие предприятия находились в руках немецко-австрийского, итальянского и даже чешского капитала (первый крупный люблянский банк был открыт на средства чешского Живностенского банка). Соотношение иностранного и местного капитала к 1914 г. составляло 1:10⁵.

Конец XIX в. на словенских землях был ознаменован рождением первых словенских политических партий в привычном понимании этого слова. Сразу же лидирующие позиции заняла Католическая национальная партия (с 1905 г. — Словенская народная партия (СНП)), идеологом которой был Янез Крек. Одним из главных вопросов, которому он уделял особое внимание — национальный. Крек считал необходимым преобразование Австро-Венгерской империи в многонациональное государство с автономией для всех его народов, что должно было быть закреплено в конституции. Эта позиция не отличалась оригинальностью. Для империи, где только один народ — венгерский, смог добиться относительного равноправия, было естественным стремление непривилегированных народов, к коим относились и словенцы, к некоторому виду самостоятельности. В связи с этим наиболее популярной стала идея преобразования Австро-Венгерской монархии на основе триализма, что подразумевало создание третьей славянской части империи, которой была бы предоставлена бóльшая автономия, вплоть до получения ими статуса Цислейтании и Транслейтании⁶. Эти настроения подогрела аннексия Боснии и Герцеговины, благодаря которой процент славянского населения значительно возрос. После аннексии возросла популярность СНП, к ней присоединились схожие по идеологии католические организации Нижней Штирии, Каринтии, Истры. Лидер партии И. Шуштершич выступил с предложением объединить все югославянские земли в отдельную территориальную единицу и наделить ее равными правами с австрийской и венгерской частями. Другой лидер партии А. Корошек полагал, что аннексия Боснии и Герцеговины и присоединение этих территорий, в том числе и словенской, к «хорватскому королевству», остановит распространение великосербской пропаганды. Франца Фердинанда руководство партии рассматривало как

⁵ Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 73–86.

⁶ Чуркина И. В. Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 271–273.

поборника интересов южных славян и сторонника триализма. Клерикалы видели свое будущее только в составе Австро-Венгрии и не принимали того, что имело антигабсбургский характер, в частности выступали против хорватско-сербской коалиции.

Главную опору и союзника в борьбе за национальные интересы Крек видел в хорватах, неоднократно указывая на то, что словенцы и хорваты являются единым народом. Эти прохорватские высказывания вполне понятны и закономерны, поскольку существовали опасения, что в случае реформы монархии, словенцев могли не включить в новую славянскую часть империи, а вместе с чехами оставить в Австрии. По духу из всех славянских партий католикам была близка Хорватская партия права. В октябре 1912 г. произошло их слияние, что привело к образованию Хорватско-словенской партии права. У нее было два председателя Старчевич и Шуштершич. Это объединение оказало немалое влияние на развитие сотрудничества хорватских и словенских депутатов в Хорватско-словенском клубе в рейхсрате. В совместной резолюции партии подчеркивалось, что новое политическое образование выступает за сохранение габсбургской монархии как великой державы, и одновременно выражалась надежда, что она выполнит свой долг по отношению к южным славянам⁷.

В 1890-е гг. обостряется противостояние немцев и словенцев в Штирии и Каринтии. Австрийские немецкие партии начали выступать против идеи национального и языкового равноправия. Немецкая пресса открыто писала, что не отдаст своих земель и выхода к морю славянам. Реакцией на это стал рост национального самосознания словенцев. В 1905 г. на открытии памятника Ф. Прешерну в Любляне (сбор народных средств на его установку длился 15 лет) словенский политик Иван Хрибар отметил, что «словенец, некогда презираемый, гордо поднимает свою голову, осозная, что он здесь хозяин».

Убийство эрцгерцога нанесло серьезный удар по югославянскому движению в империи, поскольку были закрыты все славянские общества, подозревавшиеся в антиправительственной пропаганде или просто имевшие югославянскую окраску. Либеральные и социал-демократические издания ликвидировались, деятельность словенских партий, за исключением клерикальной, которая полностью

⁷ Там же. С. 278.

поддержала объявление Веной войны Сербии, прекращалась. 25 июля Франц Иосиф издал «высочайшие повеления», которые остановили работу австрийского рейхсрата, местных саборов, ландтагов и сеймов. Кроме того, была создана служба безопасности при ставке, а на местах особые отряды по охране внутреннего порядка⁸, занимавшиеся выявлением неблагонадежных граждан. Также под угрозой штрафа запрещалось распространение книг и других изданий, напечатанных в Сербии⁹. Активизации политической деятельности славян способствовало развитие событий на мировой арене, которое показало, что положение югославянских народов может вскоре измениться, и не в лучшую сторону. Вступление в войну Италии побудило словенских либералов из Горицы и Триеста активизировать популяризацию югославянских идей, поскольку возникла реальная угроза захвата этих территорий итальянцами. Причем страх перед Италией был гораздо сильнее страха навсегда остаться под властью Вены и Будапешта. Весьма агрессивное поведение Италии явилось одним из факторов сближения с Сербией. 11 апреля в Триесте состоялось собрание представителей хорватских и словенских партий из Триеста, Истрии, Горицы, Крайны, Хорватии и Славонии. Участники обсудили две проблемы: достижение независимости и возможность объединения трех народов под скипетром Карагеоргиевичей. Австрийское правительство ощущало начавшееся национальное брожение. Чтобы хоть как-то укрепить авторитет оно освободило некоторых арестованных в начале войны либеральных деятелей. Исход Первой мировой войны дал почувствовать славянам Австро-Венгрии, что скоро их судьба может измениться. Об этом свидетельствовала Корфская декларация, заключенная 20 июля 1917 г. председателем сербского правительства Н. Пашичем и председателем Югославянского комитета А. Трумбичем, предусматривавшая объединение в одном государстве сербов, хорватов и словенцев. Новое государство должно было стать конституционной, демократической, парламентской монархией под руководством сербской династии Карагеоргиевичей. Первоначально Пашич надеялся, что австро-венгерский вопрос будет решать Россия, однако с ее выходом из войны оказалось, что оставшихся союзников: Францию, Англию, и тем более

⁸ Писарев Ю. А. Образование югославянского государства. М., 1975. С. 115.

⁹ Slovenec. 1914. 26. VI.

Италию, в последнюю очередь интересует дальнейшая судьба южно-славянских народов. Ощущение приближения конца войны повлияло на упорядочивание политической жизни словенцев. Постепенно появлялось понимание необходимости создания центральной власти на словенских землях, которая в случае необходимости могла бы защитить словенские национальные интересы. В середине августа был создан Национальный совет в Любляне, его возглавил А. Корошец. В него вошли все партии, которые поддерживали движение за декларацию. 28 июля состоялся Всеславянский съезд, принявший резолюцию, в которой выразил свое твердое желание объединить триединый народ в едином демократическом государстве. 5–6 октября в Загребе было образовано Народное вече словенцев, хорватов и сербов. Его возглавил А. Корошец. Вече провозгласило борьбу южнославянских народов Австро-Венгрии за независимость. 5 октября в газете «Словенец» вышла овеянная романтизмом и оптимизмом статья под заголовком «В желанной стране». Автор нарисовал перед читателем образ будущего государства «милрой Югославии», «в которой будет демократическая власть и конституция, но все это невозможно без автономии, без национального самоуправления. Автономия во всем и везде: в стране, в регионе, общине!»¹⁰. После объединения Государства словенцев, хорватов и сербов (Государство СХС) с Королевством Сербия чаяния словенцев не оправдались. В новом государстве они снова почувствовали притеснения, но уже со стороны Белграда. Словенскую политическую элиту после помпезной Вены поразила нищета нового домена. Объединение произошло 1 декабря 1918 г. Новое государственное образование получило название Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС).

Указом регента Петра I Александра Карагеоргиевича от 20 декабря 1918 г. было образовано правительство Королевства. Надежды словенцев на автономию в новом государстве не нашли отклика: министр внутренних дел С. Прибичевич начал проводить политику, направленную на укрепление централизма, словенское Национальное правительство было вскоре ликвидировано. Его заменило областное правительство, главу и заместителя которого назначал регент Петра I принц Александр. Возглавивший областное правительство Я. Брейц пытался сохранить остатки автономии, но пришедшие

¹⁰ Slovenec. 1918. 5. X.

к власти либералы, представители Словенской народной прогрессивной партии (впоследствии — Югославянская демократическая партия) продемонстрировали полную лояльность Белграду. Лидер СНП А. Корошек считал, что Словении нужна автономия с местным парламентом и подчиненным ему местным правительством, что особо оговаривалось в программе. Также было подчеркнуто, что партия стремится к равноправию словенцев, хорватов и сербов. Особое внимание уделялось идее объединения всех словенцев в югославянском государстве, свободе вероисповедания и равноправию религий, прежде всего православия и католичества, в многоконфессиональной стране.

12 февраля 1921 г. Югославянский клуб, в который помимо СНП входила Хорватская народная партия, представил свой проект конституции, согласно которому югославское государство должно было стать конституционной, парламентской и наследственной монархией с образованием отдельных автономных районов: Сербии, Хорватии со Славонией и Междумурьем, Боснии и Герцеговины с Далмацией, Черногории, Воеводины и Словении с Прекомурьем. В каждом из этих районов должна избираться своя скупщина, частично наделенная правом законодательной деятельности в вопросах общественного управления, областных финансов и налогов. Кроме того, области должны были иметь свои правительства. В их ведении находились бы внутренние дела, торговля и производство, строительство, полезные ископаемые, вопросы, связанные с аграрной реформой, образование, здравоохранение, социальная политика, правосудие и финансы¹¹. Одновременно с вопросом о будущем устройстве государства был поднят вопрос о культурной и языковой самостоятельности словенцев. Представители культурной интеллигенции выступили с так называемым «Заявлением» («Izjava»), где требовали для словенцев культурной автономии. Под этим документом подписались 43 представителя передовой словенской интеллигенции.

26 апреля 1922 г. правительство Николы Пашича объявило о разделе страны на 33 области, во главе каждой был поставлен наместник, назначенный королем. Словенские земли были разделены на Люблянскую и Мариборскую области, что вызвало недовольство прослойки общества.

¹¹ *Perozšek J.* Programi političnih strank, organizacij in združenj na slovenskem v času Kraljevine SHS (1918–1929). Ljubljana, 1998. S. 78.

Начало 1930-х гг. характеризовал глубокий политический и экономический кризис, сопровождавшийся безработицей. Всё это вело к тому, что люди стали тяготеть к более радикальным и популистским политическим течениям¹². Главным вопросом, вокруг которого велись наиболее жаркие дискуссии, был национальный. Часть словенского общества придерживалась мнения, что в области культуры и языка словенцы должны постепенно сливаться с другими народами Югославии и в итоге стать частью единого югославского народа. Другие же, напротив, выступили на защиту словенской идентичности.

3 октября 1929 г. был принят закон о новом административном делении государства, которое теперь было разделено на девять бановин. Словенцы вошли в состав Дравской бановины. В сентябре 1931 г. была провозглашена Октроированная конституция, т. е. «дарованная свыше». Согласно Конституции монарх получал абсолютную власть. Словенцы выступили против централизации государства. 1 января 1933 г. была опубликована Словенская декларация или, как ее называли, «Люблянские пунктуации». В этом документе СНП сделала основной упор на тот факт, что словенский народ по-прежнему остается разделенным между четырьмя государствами. Было выдвинуто требование предоставить Словении такое положение внутри страны, которое стало бы привлекательным для всех словенцев, проживающих за ее пределами, что возможно лишь при условии превращения государства в союз равноправных народов, одним из которых является словенский¹³. Декларация вызвала недовольство правительства, Корошек был отправлен в ссылку. Вплоть до Второй мировой войны словенцы боролись за свои права. Но безрезультатно.

В годы Второй мировой войны Словения была разделена между тремя государствами: Германией, Италией и Венгрией. На землях, оккупированных Италией, борьбу против оккупантов возглавила Коммунистическая партия Словении. Ее руководство смогло добиться значительных успехов. К 1943 г. большую часть оккупированных итальянцами земель им удалось взять под свой контроль. После 1943 г. контроль над словенскими землями осуществляла Германия. К 1945 г. словенцы освободили свои земли от оккупантов. Началось строительство принципиально нового государства, однако и в нем

¹² Slovenska novejša zgodovina... S. 265.

¹³ Jutro. 1933. 11. I.

они не отказались от борьбы за свое видение независимости и свободы.

Словенский народ и его лидеры в мае 1945 г. изъявили желание стать частью новой Югославии, в которой главенствующую роль взяла на себя Коммунистическая партия. Активист Народно-освободительного движения Борис Кидрич в одном из выступлений отметил, что Словения не может быть свободной без поддержки сильной Югославии¹⁴. 29 ноября 1945 г. на торжественном заседании Учредительной скупщины была принята декларация о создании Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ)¹⁵. Монархия была ликвидирована. С этого момента ФНРЮ провозглашалась союзным государством равноправных народов, добровольно решивших войти в состав нового государства.

Конечный вариант новой конституции был принят в конце января 1946 г. Республиканские конституции — приняты в 1946–1947 гг. Каждая из республик имела свой парламент и правительство. Новое государство рассматривалось словенскими коммунистами как централизованное и федеративное. Борис Кидрич считал, что после войны должна зародиться новая форма патриотизма. «Новый патриотизм — народный патриотизм, являющийся, по сути, патриотизмом рабочего народа, который завоевал свою настоящую Родину. И только поэтому патриотизм не должен и не смеет быть ограничен национальностью»¹⁶.

Страна пошла по пути строительства социализма, предполагалось, что экономический механизм будет единым для всех. Такой подход к экономике сразу не устроил некоторые республики. В первую очередь сюда относились Словения и Хорватия. По мнению отдельных представителей словенских политических кругов, «уравниловка» вела к деградации словенской экономики. В руководстве Словении не все соглашалась с тем, что значительная часть доходов республики идет на развитие экономически отсталых регионов. В Словении за период 1947–1955 гг. набрали мощь почти все крупные индустриальные предприятия, которые до 80-х гг. оставались хребтом словенской промышленности. Большинство предприятий

¹⁴ *Kidrič B.* Zbrano delo. Članki in razprave. Ljubljana, 1976–1978. Knj. 2. S. 294.

¹⁵ Deklaracija o proglašenju FNRJ / Od AVNOJa do Delegatske skupštine. Beograd, 1983. S. 169.

¹⁶ *Kidrič B.* Zbrano delo. S. 316–317.

было сосредоточено в больших городах: в Любляне, Мариборе, в Целле, Камнике.

В апреле 1958 г. в Любляне состоялся VII конгресс Союза коммунистов Югославии. На нем было решено в новой программе партии уделить особое внимание национальному вопросу. Основополагающими принципами провозглашались индивидуальность, равноправие и право на самоопределение народов Югославии. Как отметил словенский делегат: «Югославия — это федерация равноправных народов, и нет ничего пагубного в том, чтобы уважать самостоятельное культурное развитие всех народов»¹⁷. В программе также отмечалось, что равноправие касается и вопросов экономики, при этом оговаривалась необходимость проявить заботу о слаборазвитых регионах страны.

В конце 1950-х гг. руководящие посты в Социалистической республике Словения заняли представители младшего поколения политиков, которых возглавил Борис Крайгер. По их мнению, наступило время поиска механизмов сосуществования социализма и рынка, децентрализации и обеспечения свободы выбора и открытости внешнему миру¹⁸. Но они считали, что бессмысленно было говорить о большей роли республики в области экономики, пока Союзное исполнительное вече посредством Народного банка Югославии и отдельных банков республик распоряжается большей частью дохода и делит его по политическим критериям. В конце 1961 г. словенское руководство, используя все возможные средства, сумело создать Общий экономический банк Народной Республики Словения, задача которого заключалась в краткосрочном кредитовании внутри республики. Особо было отмечено, что это первый шаг «к укреплению роли республики в области экономики, с которого начался путь к ее самостоятельности»¹⁹.

В начале 1960-х гг. Югославия вступила в фазу экономического кризиса, что обострило межнациональные отношения. Пятилетний план, принятый в декабре 1960 г., не совсем отвечал словенским

¹⁷ *Režek M.* Program ZKJ / Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 991.

¹⁸ *Prinčič J.* Pot do slovenske narodnogospodarske uverenosti 1945–1991. Ljubljana, 2013. S. 116.

¹⁹ *Prinčič J.* V začarenem krogu. Slovensko gospodarstvo od nove ekonomske politike do velike reforme 1955–1970. Ljubljana, 1999. S. 149.

ожиданиям, однако со стороны других республик последовали жалобы, что именно Словения повлияла на его одобрение и что он приемлем только для развитых частей страны. Для обсуждения создавшейся ситуации в марте 1962 г. Тито созвал расширенное заседание Центрального комитета Союза коммунистов Югославии (ЦК СКЮ). Заседание не принесло никаких результатов, оно только еще больше обострило противоречия внутри правящей верхушки. Некоторые республики были обвинены в стремлении к разрушению единства внутри СКЮ и в дестабилизации государства. Вскоре состоялись заседания республиканских исполнительных комитетов. В Республике Словения оно прошло в конце марта 1962 г. На заседании представители республиканского правительства заявили о неприятии вмешательства партии в общественные дела и высказались против назначения на все главные посты только ее членов. Кроме того, словенские политические верхи заявили, что их не устраивает, как в средствах массовой информации отражается роль Словении в Народно-освободительной войне, и опровергли обвинения в том, что Республика слишком ориентирована на Запад. Особо отмечалось, что все эти претензии не следует воспринимать как проявление национализма, напротив, это требование уважения законных прав²⁰.

На заседании исполнительного комитета СКЮ в апреле 1962 г. Тито заявил, что в Словении разрастается национализм и стремление к отделению, хотя недовольство Республики экономической ситуацией и разделом инвестиций вполне понятно. В итоге партийное руководство на IV пленуме ЦК СКЮ (июнь 1962 г.) отказалось от принятого пятилетнего плана. Тито высказался за изменение отношения к слаборазвитым республикам. Он подчеркнул, что «нельзя требовать от Словении, чтобы она оставалась на уровне 1941 г. до тех пор, пока все другие республики не достигнут того же уровня. Необходимо помочь отстающим в развитии, если мы хотим получать от них пользу. Чем больше будет иметь Словения, тем больше она сможет дать другим»²¹.

13 июня 1966 г. Союзная скупщина приняла новый Общественный план экономического развития Югославии в 1966–1970 гг.

²⁰ *Režek M. Spopad dveh usmeritev / Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 995.*

²¹ Četrty plenum CK ZKJ. Ljubljana, 1962. S. 11.

Согласно плану необходимо было увеличить средства, выделяемые на модернизацию, улучшить организацию производства, увеличить импорт и производительность. Это был первый план, который давал больше свободы регионам. В Словении с воодушевлением приняли известие об изменении экономического курса. Однако трагическая гибель Крайгера в январе 1967 г. привела к тому, что реформа застопорилась и вскоре реформаторский пыл утих. К концу 1967 г. экономика оказалась перегруженной. Всё чаще стали говорить о необходимости прекратить реформу, пока государство не оказалось перед глубоким экономическим кризисом. В 1971 г. она была остановлена. Словении реформа принесла больше вреда, нежели пользы. В период с 1964 по 1967 гг. рост производства значительно снизился. Многие крупные промышленные предприятия после реформы 1965 г. оказались на грани закрытия. Среди них были Энергохимический комбинат Веленье и Искра, некоторые металлургические заводы продолжали функционировать только благодаря заказам армии. Но вскоре и комбинат Веленье был закрыт. Решение о его ликвидации приняло словенское Исполнительное вече, которое с мая 1967 г. возглавлял С. Каучич. Он придерживался новой концепции экономического развития, которая заключалась в повышении внимания к тем отраслям промышленности, которые давали возможность быстрого оборота капитала. Он считал, что в Словении не стоит увеличивать строительство больших промышленных объектов, для которых не хватало ресурсов, а напротив, особое внимание следует уделить банковским структурам, туризму, транспортной инфраструктуре, торговле, а также тем сферам деятельности, которые базируются на науке, знаниях, интеллектуальных способностях. Сюда он относил инженерные разработки, дизайнерские инновации и менеджмент²². Эта концепция не вписывалась в реалии того времени, поскольку она касалась только республиканских интересов, и практически игнорировала задачи, которые ставились перед страной как таковой. Словенские партийные функционеры некоторое время поддерживали идеи Каучича, однако восхваление рыночной экономики, его стремление установить непосредственные экономические связи между республиками, а также предложение наладить торговые отношения с зарубежьем, миную

²² *Vodopivec P.* Od Pohlinove Slovenice do samostojne države: slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 377–378.

мнение Белграда, вызвали в итоге осуждение. Что касается межреспубликанских отношений, то он полагал, что «нормальные» межнациональные отношения возможны, только если будут установлены «здоровые» экономические отношения. А это, по его словам, означало, что республикам должна принадлежать та часть общественного продукта, которую внесла их экономика²³.

В это же время одним из острых вопросов межнациональных отношений стал «языковый вопрос». Особый ажиотаж вызвала банкнота в 5 тыс. динар, на которой слово «Словения» была написана кириллицей, в то время как на банкноте 1955 г. надпись была сделана латиницей. Данный факт вызвал нарекания словенских депутатов в Союзной скупщине²⁴. Вообще вопрос о равноправности языков во второй половине 1960-х гг. стоял очень остро. Словенскую сторону раздражало, что в общественной жизни, в политике и в общих беседах с представителями политических кругов из других республик преобладал сербско-хорватский язык. Особые нарекания вызывало словенское телевидение, где большинство программ, а также новости передавались не на словенском языке. В феврале 1967 г. в открытом письме, опубликованном в газетах «*Delo*», «*Večer*» и «*Nedeljski dnevnik*», представители Общества словенских писателей, Института словенского языка и словенского ПЭН-клуба выразили протест²⁵. Они требовали, чтобы как можно больше передач было на словенском языке. Их поддержал Э. Кардель. 15 апреля 1968 г. на люблянском телевидении вышел первый вечерний выпуск новостей на словенском.

Яркой иллюстрацией обострения отношений с центром стала «дорожная афера», которая породила волну рассуждений о месте Словении в Федерации, о ее перспективах и реалиях. Конфликт разгорелся из-за отказа центра в выделении Республике средств на строительство двух автомобильных дорог между населенными пунктами Хоче — Левец и Раздрто — Постойна. 21 июля 1969 г. информационное агентство ТАНЮГ сообщило, что Словении не будет выделен кредит на строительство этих дорог. Спустя пять дней в газете «*Večer*» вышла статья, в которой отмечалось, что словенцы недовольны подобным

²³ *Prinčič J.* Pot do slovenske narodnogospodarske uverenosti. S. 123.

²⁴ *Čepič Z.* Federaliziranje federacije 1967–1971 / Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 1053.

²⁵ *Ibid.* S. 1054.

решением. 31 июля состоялось внеочередное заседание словенского Исполнительного веча, на котором было составлено письмо в адрес М. Рибичича с требованием пересмотреть решения и учесть интересы словенской стороны. Это был первый случай, когда Республика открыто выступила против решения федерального правительства. Главной причиной для выражения стала недостаточность финансирования государством развития инфраструктуры. Так, в частности, на тот момент Словения строила аэропорт и порт в Копере на свои деньги, в то время как другие республики получали значительную поддержку государства. В 40 словенских общинах, заинтересованных в строительстве дорог, прошли митинги. Политические круги и общественность осудили Словению, назвав подобные выпады проявлением национализма, который угрожает целостности Югославии²⁶. 7 августа на Бриони было созвано заседание Исполнительного бюро, на которое была приглашена и словенская сторона. Тито подверг критике действия руководства Республики и Каучича в частности. После этого в политической элите Республики Словения произошел раскол. С одной стороны были «либералы» во главе с Каучичем, с другой — «консерваторы», сплотившиеся вокруг Франца Попита, которого поддерживал Кардель. Словению обвинили в том, что она стремится к привилегированному положению в стране.

Централистская политика в 1960-е гг. стала основной причиной столкновения руководства республик с центральным руководством. Главной экономической причиной межнациональных споров в Югославии было то, что федеральное государство собирало огромные материальные средства и перераспределяло их на собственное усмотрение. Федеральное правительство указывало и как распоряжаться средствами, которые остались в других субъектах, экономических предприятиях, республиках и коммунах²⁷.

В ноябре 1972 г. Союзная скупщина приняла решение о подготовке новой югославской конституции. Проект был готов к маю 1973 г. Его представлял Э. Кардель. Конституцию приняли в 1974 г., она состояла из 406 статей, где были подробно прописаны основы организации общественно-экономической жизни. Конституция 1974 г.

²⁶ Čepič Z. Politična sprostitev / Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 1060.

²⁷ Bilandžić D., Tonković S. Samoupravljanje. 1950–1974. Zagreb, 1974. S. 152.

значительно расширила права союзных республик. Республики и края превратились, по сути, в независимые государственные образования и в сфере экономики, и в сфере государственно-политических прав. Это привело к тому, что единая экономическая система в стране перестала существовать²⁸.

Утрата вождя в 1980 г. способствовала нарастанию экономического и политического кризиса. Тяжелая экономическая ситуация в первую очередь была связана с внешним долгом, поскольку долгое время Югославия существовала за счет предоставляемых ей государственных кредитов. В начале 1980-х гг. инфляция составила 45 %, к середине 1980-х годов — 800 %, к началу 90-х — переросла в гиперинфляцию. Словенская экономика была одной из наиболее развитых экономик Югославии, поэтому на обывательском уровне все это вызвало недовольство, дескать, Словения платит за все экономические неудачи государства.

Скорее всего, тому, что идеи о суверенитете и независимости приобрели в Словении новое звучание и получили широкое распространение не только среди представителей политической элиты, но и в среде простых обывателей, в немалой степени способствовала ситуация, сложившаяся вокруг сербских автономных краев Косово и Воєводина. 23 февраля 1989 г. Сербия приняла новую конституцию, согласно которой автономные края лишались большей части привилегий. Для обсуждения сложившейся ситуации 27 февраля 1989 г. в доме Цанкара в Любляне впервые собрались вместе словенские власти, новоявленные союзы и другие оппозиционные группы. Словения продемонстрировала нежелание участвовать на стороне Белграда в конфликтной ситуации в крае, поскольку средства, затрачивавшиеся на его урегулирование, поступали не из бюджета Сербии, а из общефедерального, который состоял из средств всех республик, и, следовательно, напрямую затрагивал интересы Словении, которая все активнее выражала желание интегрироваться с Западной Европой, а не тратить деньги на урегулирование внутренних проблем Сербии. Позиция Словении недвусмысленно свидетельствовала о стремлении к независимости, и это не могло не беспокоить Белград, пытавшийся сохранить целостность государства. Решение о запрете митинга в Любляне привело к бойкоту словенских товаров в Сербии.

²⁸ Пашич Н. Общественно-политическая система СФРЮ. Белград, 1975. С. 21.

Постепенно с прилавков стали исчезать привычные словенские молочные продукты, техника, кожгалантерея и др.

20 января 1990 г. состоялся последний XIV съезд Союза коммунистов Югославии, после которого он практически перестал существовать. Делегации Словении и Хорватии сочли невозможным свое участие в съезде и покинули его. Союз коммунистов Словении трансформировался в Партию демократических преобразований. Государственная самостоятельность Республики Словения и ее отделение от СФРЮ были провозглашены 25 июня 1991 г. Полтора века словенский народ шел к независимости и в итоге сумел ее добиться. На протяжении 150 лет требования словенцев были практически неизменными: признание языка, права на отделение и независимость.

Никита Сергеевич Гусев

Сербия в «Правде о войне на Балканах» Н. И. Гасфельда¹

Использование свидетельств русских очевидцев для изучения истории Балкан XIX–XX вв. уже не является новшеством в отечественной славистике, перспективность данного подхода обоснована не в одной работе². Однако к сведениям каждого источника требуется относиться с осторожностью, а к источнику личного происхождения — с двойной осторожностью. «В любом случае нам не следует ожидать от путешественников “фотографического” отчета», — точно выразился российский историк М. В. Белов³. Авторы текстов никогда не бывают для нас идеальными проводниками в мир увиденного ими, а всегда

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18–09–00346 «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».

² *Белов М. В.* «Служебное» славяноведение в России первой половине XIX века // *Славяноведение*. 2012. № 4; *Гусев Н. С.* Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // *Славяноведение*. 2019. № 1; *Шемакин А. Л.* Сербское общество последней трети XIX — начала XX века глазами русских наблюдателей // *Славяноведение*. 2004. № 3; *Он же.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) // *Славяноведение*. 2010. № 5; *Он же.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // *Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)* / Отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемакин М., 2012; *Он же.* Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // *Славяноведение*. 2017. № 3.

³ *Белов М. В.* Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические апории // *Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века*. СПб., 2018. С. 521.

являются призмой, через которую преломляется картина прошлого. И для того, чтобы полноценно задействовать эти источники, необходимо, по словам отечественного филолога и культуролога Ю. М. Лотмана, выявить «коэффициент искажения»⁴. А именно — понять, кем был автор и в каких условиях он создавал свой труд. Книга, вынесенная в заглавие настоящей статьи, известна историкам, используется ими (хотя и незаслуженно мало), но биография автора и обстоятельства написания «Правды о войне на Балканах» в работах исследователей пока не рассматривались целостно и подробно.

Николай Исидорович Гасфельд — персона, в биографии которой много лакун, не удалось выяснить и год его рождения. Известно, что в молодости он недолго учился на философском факультете Берлинского университета, затем стал офицером одного из Восточно-Сибирских стрелковых полков и принял участие в русско-японской войне, воспоминания о которой опубликовал⁵. К этому моменту у него уже был опыт журналистской деятельности. В 1902 г. он составил сборник статей о творчестве М. Горького, завершив его собственным очерком, ранее опубликованным в газете «Варшавский дневник». Н. И. Гасфельд крайне отрицательно отнесся к произведениям писателя, раскритиковав его романтическое изображение обитателей социального дна. Их гибель, по словам рецензента, обусловлена не несправедливостью общества, а тем, «что, выражаясь словами самого Горького, “рожденный ползать летать не может”»⁶. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Н. И. Гасфельд принял участие в работе газеты «Военный голос», неоднозначно воспринимавшейся в офицерской среде. В 1913 г. этот факт стал причиной того, что «рыцари чести», как он сам их называл в письме, настаивали на его удалении из издания «День»⁷. «Не обладая склонностью к службе, я предпочитал газетную работу. Помимо живого характера этой деятельности, она оставляла много досуга», — объяснял он в мемуарах

⁴ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 683.

⁵ Гасфельд Н. И. На походе и в бою: Отрывки из воспоминаний. Варшава, 1906.

⁶ Он же. Критический очерк о М. Горьком // *Порицкий Е. И.* Максим Горький и его произведения. С прибавлением отзывов о Горьком Михайловского, Меньшикова, Скабичевского, Минского и др. и избранных из его произведений афоризмов. Составил и перевел с немецкого Н. И. Гасфельд. Варшава, 1903. С. 62.

⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 1.

причину оставления военной стези. После всех бурных событий начала века он жил в Варшаве и Петербурге, писал очерки в газеты.

В 1912 г. ему поступило предложение отправиться в Туркестан, найти там подходящее место для возделывания хлопка и подготовить план строительства оросительной системы. Он согласился, но пока Н. И. Гасфельд находился в Средней Азии, заказчик перестал выходить на связь, а после сообщил, что не располагает нужными для проекта средствами. Несолоно хлебавши пришлось вернуться в Петербург.

А тут началась Первая балканская война, в которой Болгария, Сербия, Греция и Черногория выступили против Османской империи. Русское общество интересовалось событиями на полуострове, и при содействии своего знакомого Н. И. Гасфельд устроился корреспондентом в московскую газету «Раннее утро». 1 октября после «обхода» ресторанов, в которых настроение было приподнято и вином, и событиями («произносились патриотические тосты в честь “братушек”, и хором пели гимн “Шуми Марица”») он покинул первопрестольную и отбыл на Балканы⁸.

Отметим, что в отличие от гражданских, отправившихся журналистами по тому же маршруту⁹, он не пускался в рассуждения о причинах поездки и рассказы о своих мытарствах при сборах и получении документов. Об этой стороне своей работы он лишь сообщил, что в два дня подготовил все снаряжение¹⁰. Тем самым Н. И. Гасфельд отошел от построения сюжета по классическим образцам травелогов, а соответственно, — и от литературного характера своей книги. Единственно, он в предисловии оговорил, что пишет беспристрастное повествование о южных славянах. «Задача, повторяю, крайне неблагодарная, если в изложении виденного и пережитого не прибегать к эффектному бенгальскому освещению, и, не считаясь с традиционными симпатиями некоторых кругов русского общества, иметь мужество изображать картины такими, какими они были на самом деле, а не какими их хотелось бы видеть! И те, кто полагает, что “тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман” — хорошо сделают,

⁸ Гасфельд Н. Пол века. Воспоминания бывшего офицера французской службы. Париж, 1950. С. 57–63.

⁹ Например, А. А. Пиленко (*Пиленко А. А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий*. СПб., 1913) и Е. Н. Чириков (*Чириков Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента*. М., 1913).

¹⁰ Шевалье Н. Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 5.

отложив мою книгу прочь...», — буквально завлекал он¹¹. Сознательный или нет уход от канонов травелогов в данном случае лишь усиливал эффект корреспондентской объективности.

До Киева, как позднее писал Н. И. Гасфельд, с ним ехал генерал Н. А. Кашталинский, вспоминая о событиях 1877–1878 гг.¹². Подобное восприятие Первой балканской войны как продолжения русско-турецкой 1877–1878 гг. и в целом русского дела на Балканах было довольно распространено, в силу чего действия молодых балканских государств вызывали в русском обществе чувства симпатии и сопереживания¹³.

Однако в книге 1913 г. Н. И. Гасфельд этого разговора не упомянул, зато рассказал о других своих попутчиках, уже на следующем отрезке пути — от Киева до Одессы. Молодой корнет называл поднявшихся на борьбу с турками «нашими славянскими бурами», а «светило московской адвокатуры» — «бедными, но назойливыми родственниками». Он не считал, что Россия так должна их опекать: «Как и подобает бедным родственникам — они неблагодарны, а их профессия — вечно кланчить и жаловаться, воспитала в них далеко не благородные чувства. Мы можем давать им крохи от нашего стола, но делать больше — это преступление по отношению к русскому народу». «В праве ли мы делать драгоценные подарки любовнице, когда голодает законная жена?» — спрашивал он. Третий, бывший морской офицер, а в тот момент — директор банка, путешествовавший по России и имевший широкие связи, утверждал, что никаких особых симпатий к балканским славянам он не замечал, а «все это вздуто печатью, которая взгляды небольшой группы лиц приписывает всей России»¹⁴. Выдуманы попутчики или нет, не ясно, но скорее — это собирательные образы, поскольку собеседники представляли три различных типа отношения русского общества к балканским событиям в 1912 г. В пользу этого говорит и то, что в абсолютном большинстве случаев автор либо открыто называл тех, с кем общался, либо скрывал их, сокращая фамилию. Лишь единственный раз он

¹¹ Шевалье Н. Правда о войне. С. 3.

¹² Гасфельд Н. Пол века. С. 64.

¹³ Гусев Н. С. Актуализация памяти об освобождении Болгарии во время войн первой половины XX в. // Славяне и Россия. Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность) / Гл. ред. К. В. Никифоров. М., 2019.

¹⁴ Шевалье Н. Правда о войне. С. 10–11.

прямо оговорил причину умалчивания имени своего собеседника — дабы тот из-за самого корреспондента не был предан трибуналу¹⁵.

Проехав через Болгарию, Н. И. Гасфельд первым посетил Ниш, где описал местный госпиталь, обустройством которого остался разочарован: «Получается такое впечатление, как будто сербы совершенно не рассчитывали иметь потери в своих рядах и не готовились для ухода за ранеными»¹⁶. Впрочем, и в болгарской армии «самым большим вопросом» он назвал помощь раненым¹⁷. В данной сфере, как отмечали многие русские корреспонденты, балканские союзники действительно оказались не на высоте, объяснения подобному отношению к солдату давались разные — от бедности страны до пренебрежения чужой жизнью. Лишь И. П. Табурно и Е. И. Мартынов хвалили сербскую медицинскую службу¹⁸, но к этим авторам и объективности их оценок мы обратимся позже.

Сам Н. И. Гасфельд оправдывать такое положение дел не стал. Затем корреспондент побывал во Вранье, в Скопье и Белграде. Причем Вранье он увидел, сбежав из-под опеки властей, где, собственно, и встретил своего приятеля, чье имя не назвал. Интересны оценки Николая Исидоровича, описания увиденного, примечателен и сам набор тем.

Немалое внимание он уделил насилию над местным населением. Не считая, что его инициаторами являлись сербские власти («Я имею в виду, конечно, не начальников сербской армии, а отдельных нижних чинов, и, главным образом, четников», — уточнил он¹⁹), Н. И. Гасфельд тем не менее не снимал с властей ответственности, поскольку они не пресекли расправы: «Массовые грабежи и убийства, пожары, мародерство сербских четников и непрекращавшаяся пальба по городу ознаменовали собою торжественное занятие города (Скопье. — *Н. Г.*) армией королевича Александра»²⁰. Однако он признавал и даже несколько оправдывал причину такого отношения к туркам

¹⁵ Там же. С. 64.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 29–30.

¹⁸ *Мартынов Е. И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 30; *Табурно И. П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 122.

¹⁹ *Шевалье Н.* Правда о войне. С. 60.

²⁰ Там же. С. 75.

и албанцам: «Говорят, нет ничего опаснее раба, расковавшего свои цепи и в остервенении вымещающего вековую злобу»²¹. Сербский солдат же вызывал у него сочувствие и уважение. Он поразил Н. И. Гасфельда своей выносливостью и способностью переносить лишения, вызванные, в том числе, и плохим обеспечением, и вопреки всему «сербский воин» «шлепает, не унывая, по ужасной грязи македонских дорог и никакая усталость, никакие лишения не пугают его»²².

Говоря о Македонии и населении Скопье, автор словно подчеркивал их этническую принадлежность: «заключенные христиане, среди которых было много *болгарских* (здесь и далее курсив мой. — Н. Г.) учителей, священников и македонских общественных деятелей», «консул Калмыков организовал охрану из местных христиан, главным образом, *болгарских* граждан», «выборные от *болгарского* населения»²³. Но в то же время исторические права он признавал за другой стороной, называя Скопье «древней столицей Старой Сербии»²⁴.

Огромное внимание, видимо, вызванное обуревающим его возмущением, он уделил сербской цензуре, пытавшейся выставить свою страну в лучшем свете. Необходимо признать, что все участники Балканской войны довольно ревностно хранили военные тайны и старались скрыть изнанку боевых действий. Журнал «Нива» писал, подразумевая печать: «И турки, и союзники заключили между собой оборонительный союз против седьмой великой державы»²⁵. Болгары к линии фронта поначалу допустили лишь пятерых иностранцев (из них троих русских), сербы здесь вели политику еще жестче, никому не выдав разрешение. «Исключение было сделано для г. Г-ча и г. Т-о, сербов по происхождению, состоявших корреспондентами двух русских газет»²⁶, — утверждал Н. И. Гасфельд, скрыв под сокращениями Дж. Генчича²⁷ и И. П. Табурно²⁸.

²¹ Там же. С. 77.

²² Там же. С. 85.

²³ Там же. С. 55–60.

²⁴ Там же. С. 60.

²⁵ Нива. 1913. 16 II. С. 1406.

²⁶ *Шевалье Н.* Правда о войне. С. 82.

²⁷ Джордже Генчич — бывший министр внутренних дел Сербии, один из организаторов свержения Александра Обреновича.

²⁸ Иероним Павлович Табурно — российский журналист сербского происхождения, друг Н. Пашича. О нем см.: *Гусев Н. С., Шемякин А. Л.* «Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского

Однако и в тылу не все было позволено. По словам русского журналиста, Скопье, Митровица и Призрен сдали сами турки под влиянием русских консулов, желавших избежать кровопролития среди мирного населения. Тем не менее, как писал Николай Исидорович, сербская военная цензура не пропустила об этом телеграмму корреспондента Санкт-Петербургского телеграфного агентства Редкозубова²⁹: «Таких телеграмм мы не будем пропускать, — заявил представителю официального русского агентства в моем присутствии один из цензоров, — а то еще в России воображат, что Старую Сербию завоёвали русские консулы, а не мы»³⁰.

«Ежедневные религии, составляемые сербским Pressebureau по поручению “верховой команды” и подносимые два раза в день корреспондентам, были не только далеки от истины, но по своей фантастичности, по смелости, с которой они составлялись, граничили с насмешкой», — возмущался Н. И. Гасфельд. При этом, как он указывал, реальность была очевидной: «Но какая разумная цель побуждала сербов ежедневно сочинять бюллетени о покорности и преданности албанцев Ускюбского санджака, о твердой власти и порядке в сфере военного управления сербской армии, когда каждый из тех, для кого сочинялись эти сообщения, видел своими глазами совершенно обратное»³¹.

Гнев Н. И. Гасфельда в первую очередь связан с тем, что представление русских о сербах было совершенно стереотипизированным и основанным на «витринном» образе народа: «Бытописатели юго-славянских земель наблюдавшие сербов из вагон-салона и изучавшие их по рассказам и со слов сербских политических деятелей, лишены возможности видеть и слышать сербов в серенькие будни, когда они не надевают париков и не накладывают грима»³². Ознакомившись с реальным положением дел, разочаровался в сербах, по словам корреспондента «Раннего утра», мистер Бэринг, сотрудник британской «The Times», изъездивший всю Россию и влюбившийся в ее

журналиста черногорского происхождения И. П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г. // Славянский альманах. 2019. № 3–4.

²⁹ Здесь отметим, что этого Редкозубова в других местах он прячет за сокращенной фамилией, что говорит о недостаточной вычитанности и работе над редактурой книги.

³⁰ Шевалье Н. Правда о войне. С. 63.

³¹ Там же. С. 72–74.

³² Там же. С. 97.

народ. На Балканах же «он пришел к убеждению, что между северными славянами и югославянами — громадная разница, и, что если бы не общность религии и корней языка, их можно было бы счесть чуть ли не антиподами»³³. Сам Н. И. Гасфельд сербам дал хлесткое и неприятное определение: «Ленивые по природе, избалованные богатным климатом и плодородием почвы, они только и занимаются политическими разговорами»³⁴. Восприятие южных народов как более ленивых было традиционным в Новое время³⁵, однако в случае с сербами под этим имелась и основа³⁶.

Более жесткой, хотя тоже не новой, являлась другая характеристика Н. И. Гасфельда. Как он писал, в Сербии сложилось представление, что «весь смысл существования России — в служении интересам царства Душана», а реального интереса, а уж тем более любви к крупнейшей славянской державе нет³⁷. Подобное восприятие южных славян наряду с агитацией против траты людских и материальных ресурсов на славянство имело к тому моменту уже более чем полувековую историю³⁸, а в начале XX в. было присуще крайним националистам. По всей видимости, этой же точки зрения придерживался сам Н. И. Гасфельд, вложивший в уста попутчика-«светила московской адвокатуры» собственные мысли.

Интересно, что далеко не всех сербов Н. И. Гасфельд оценивал негативно. Едва ли не антиподом своих соплеменников на страницах «Правды о войне...» предстает премьер Сербии Н. Пашич. С ним автор познакомился во время визита того в 1908 г. в Петербург. Правда, указал в воспоминаниях, что сопровождал Николая Петровича Георгий (Джордже) Карагеоргиевич, и встретились они в Гатчине³⁹,

³³ Там же. С. 79.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ *Куприянов П. С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // *Этнографическое обозрение*. 2004. № 1. С. 28–29.

³⁶ *Гришина Р. П., Шемякин А. Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // *Новая и новейшая история*. 2013. № 4. С. 125.

³⁷ *Шевалье Н.* Правда о войне. С. 100–102.

³⁸ Примечательно, что в этой полемике впервые была произнесена со страниц печати чеканная фраза «Россия для русских». В 1867 г. газета «Весть» написала: «Русские интересы приносить в жертву славянским? Нет, и тысячу раз нет! Россия для русских!» (*Иванов А. А.* Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016. С. 26).

³⁹ *Гасфельд Н.* Пол века. С. 57.

хотя в реальности визит был в Царское село, и наследник сербского престола не присутствовал⁴⁰. В книге 1913 г. образ Н. Пашича исключительно позитивен. Лидер радикальной партии симпатичен внешне («на его красивом лице, окаймленном большой белой бородой, появилась добрая, приветливая улыбка»⁴¹), лестно охарактеризован («один из умнейших и наиболее честных государственных людей Сербии») и представлен едва ли не как Моисей среди неблагочестивых евреев: «Г[осподин] Пашич, как патриот, конечно, говорить об этом не будет; но сколько горьких дней в своем изгнании в Болгарии и в нищете у себя на Родине благодаря клевете и жестокости своих родичей пережил этот смелый борец, воспитанный на русских заветах»⁴². Симпатии к Н. Пашичу Н. И. Гасфельд сохранил и спустя годы, описав его в воспоминаниях следующим образом: «Тонкий политик, опытный государственный деятель, он внушал уважение спокойной речью, простотой и симпатичной внешностью. Невзирая на преклонный возраст, Пашич нес на своих плечах всю тяжесть государственных забот своей страны в самые трудные годы ее истории»⁴³.

Пробыл в Сербии Н. И. Гасфельд недолго. Нигде, по его признанию, не мог найти дела, поскольку к моменту его прибытия война фактически закончилась. Боевые действия в Македонии действительно быстро подошли к концу, однако и дата выезда корреспондента на Балканы являлась крайне поздней. Начало войны ожидалось задолго до официального объявления, и журналисты направились на полуостров заранее. А патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко получил от болгарского командования разрешение прибыть на фронт уже 24 сентября⁴⁴, т. е. в номинально мирное время.

В итоге опоздавший на войну Н. И. Гасфельд вместе с корреспондентом «Русских ведомостей» А. Деренталем (наст. фамилия — Дикгоф)⁴⁵

⁴⁰ Газетные старости. 12 XI (30 X) 1908 года. URL: <http://starosti.ru/archive.php?y=1908&m=11&d=12> (дата обращения: 30.09.2019).

⁴¹ Шевалье Н. Правда о войне. С. 48.

⁴² Там же. С. 99.

⁴³ Там же. С. 57.

⁴⁴ Централен държавен архив на България (далее — ЦДА). Ф. 176 К. Оп. 2. А.е. 1222. Л. 2.

⁴⁵ В мемуарах Н. И. Гасфельд написал, что уехал с корреспондентом «Русских ведомостей» Завадовским-Деренталем, но в то время в Сербии данное издание представлял именно А. А. Дикгоф (псевдоним — А. Деренталь).

покинул Скопье, затем, бесплодно пробыв в Белграде некоторое время, отправился путешествовать по Италии⁴⁶. Первая мировая война застала за границей сотрудника «Раннего утра», и он, по его словам, «из опасения, что война кончится прежде, чем я доберусь до России»⁴⁷, поступил на французскую службу добровольцем. Узнав о подготовке высадки в Салониках, он подал прошение включить его в состав экспедиционного корпуса, и в составе армии генерала М. Саррая в 1915 г. вновь попал на Балканы⁴⁸. После Февральской революции Николай Исидорович на некоторое время вернулся в Россию, для того чтобы убедить солдат и офицеров продолжать войну, но в 1920 г. окончательно покинул страну и далее уже жил во Франции, где умер после Второй мировой войны.

Как уже упоминалось, автор заявил о своей объективности, об этом и свидетельствует и название книги — «Правда о войне на Балканах». Однако он не оговорил, почему скрылся под псевдонимом Шевалье, на обложке добавив в скобках «Н. Г-д». Возможно, это связано с тем, что он понимал, какую реакцию вызовет его труд, прежде всего среди, как он выразился, «горсточки русских славянофилов». И действительно, ими книга была замечена.

Высказанные оценки вызвали негодование у автора рецензии на «Правду о войне на Балканах» в журнале «Исторический вестник». Скрывшийся под инициалами «Л. Н.» критик обвинил Н. И. Гасфельда в том, что он, увидев сравнительно мало, но сделал заключения, требующие глубокого знания дела. «Вообще из краткого обозрения содержания брошюры видно, что взгляды автора не составляют результата его поверхностных наблюдений, а привезены им на театр войны из редакции пославшей его газеты и явно критически относятся к действиям балканских славян, заливающих в настоящее время своею кровью поля своих предков <...>. Едва ли теперь время односторонним суждениям придавать значение беспристрастных заключений», — поучал автор рецензии⁴⁹. Критический взгляд оказался не по нраву защитникам славянства.

Указывал на долю вымысла в книге Н. И. Гасфельда другой корреспондент — сотрудник газеты «Утро России», генерал-лейтенант

⁴⁶ Гасфельд Н. Пол века. С. 66–67.

⁴⁷ Там же. С. 79.

⁴⁸ Там же. С. 98.

⁴⁹ Исторический вестник. 1913. № 5. С. 686–687.

в отставке Е. И. Мартынов. Он спрашивал русского консула в Скопье С. В. Тухолку о том, «насколько верны, помещенные в брошюре Шевалье “Правда о войне на Балканах” крайне резкие обвинения сербских войск в насилиях и жестокости при занятии Скопье». Дипломат ничего конкретного не ответил, лишь указав на корректность поведения сербов по сравнению с болгарами. «Любопытно, что Шевалье упоминает о поджогах и пожарах в турецкой части Скопье. Между тем за две недели моего пребывания в этом городе я почти ежедневно гулял именно по турецкому кварталу и нигде не видел ни одного сгоревшего здания», — закончил свои обвинения автор⁵⁰. Хотя здесь надо отметить, что Е. И. Мартынов писал книгу уже по завершению Второй балканской войны, когда общий дискурс приобрел сербофильский характер, и в описаниях Сербии и сербов, вышедших из под пера генерал-лейтенанта, это четко отразилось...

«Правда...» Николая Исидоровича Гасфельда остается одним из самых необычных описаний Балканских войн. Не следуя мейнстриму, идя наперекор общественному мнению, когда настроения на поддержку славян были сильны, он решился опубликовать подобную книгу. Возникает, конечно, вопрос, чем при этом руководствовался и он, и издатель. Версий может быть несколько.

Н. И. Гасфельд представлял «Раннее утро», газету П. П. Рябушинского и близкую к кадетам. Кадетов возглавлял П. Н. Милуков, чьи симпатии, что общеизвестно, были на стороне болгар. Н. И. Гасфельд же много говорил о болгарском населении Македонии и неблагородном поведении сербов по отношению к нему. Однако данная версия выглядит весьма натянутой. Против нее и тот факт, что П. Н. Милуков был единственным среди кадетской верхушки, кто выступал за поддержку Болгарии, а не славянского авангарда, как тогда называли Сербию⁵¹. Исходя из фигуры издателя, скорее можно оправдать антивоенный настрой книги, поскольку в торгово-промышленных кругах во время Балканских войн 1912–1913 гг. царили настроения, четко сформулированные сотрудником охранного

⁵⁰ Мартынов Е. И. Сербия в войне. С. 72.

⁵¹ Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 210; Воронкова И. Е. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 27.

отделения: «Проскальзывает нотка, что сочувствие сочувствием, а не надо забывать своих экономических интересов»⁵².

Нельзя все списывать и на необъективность автора. Многое подтверждается — цензура, расправы четников над албанцами, первые шаги по сербизации населения. Спорить по большому счету можно лишь о масштабах этих явлений и о том, каково было сербское отношение к России. Тут Н. И. Гасфельд, действительно, противостоит сложившимся стереотипам, каковые ретранслировали многие (за исключением, пожалуй, Л. Д. Троцкого⁵³) корреспонденты на Балканах.

И вопрос о степени объективности и точности его информации остается открытым. Но в любом случае, правда у всех своя, а упускать из виду оценки Н. И. Гасфельда (Шевалье) не стоит. Они, как минимум, повод задуматься о том, какова же истина о войне на Балканах 1912–1913 гг.

⁵² Гусев Н. С. Русское общество и сербско-австрийский конфликт 1912–1913 гг.: хотели ли русские войны // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 144.

⁵³ О его корреспонденции из Сербии см.: Нюркаева А. З. Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994; Шемякин А. Л. Л. Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 10. Славянский мир профессора Матвеева / Отв. ред Ю. А. Борисенко; Шемякин А. Л. Лав Троцкий о Сербии и сербам током Балканских ратова (1912–1913) // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења / Уред. С. Рудић, М. Милкић. Београд, 2013.

Алексей Юрьевич Тимофеев

Поездка сербского митрополита Димитрия на празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г.

Балканские войны стали одним из тех событий, которые способствовали накоплению международных противоречий, послуживших топливом для Первой мировой войны. Негативное отношение Габсбургов к успешным результатам борьбы балканских народов, освобождавших свои земли от власти османов, было очевидным. В конце 1912 — начале 1913 г. напряженная антипатия Австро-Венгрии к этим успехам стала столь очевидной, что в декабре 1912 г. была инициирована неофициальная подготовка к эвакуации Белграда. Глава православной церковной организации в Королевстве Сербия митрополит Димитрий в письме 17 декабря 1913 г. сообщал епископу Жичскому Саве: «Похоже, на нас вскоре нападут. Враги не желают мира и мешают, чтобы его заключили в Лондоне. Тройственный союз нам никак не поможет и не начнет войну из-за нас. Россия одна этого сделать не сможет. Итак, мы будем предоставлены своей судьбе. Из-за этого, вероятно, все канцелярии и государственные учреждения переносят свои капиталы и важное имущество в Ниш. Из-за этого и я тоже хоть что-то начну паковать и пересылать туда. Будет просто вернуться, если все закончится мирно»¹.

Отношение военно-административной верхушки Австрийской империи к Сербии было в то время однозначным. Губернатор Боснии и Герцеговины генерал Оскар Потioreк в письме 28 мая 1913 г. к министру Леону Билинскому (в то время курировавшему эти

¹ *Страњаковић Д.* Мисија митрополита Димитрија у Русији 1913 // Гласник: службени лист Српске православне цркве. 1956. № 10–11. С. 191.

аннексированные земли) выразил негативное отношение к независимой Сербии и вообще к сербам, бывшим в то время самым многочисленным народом в подвластной ему провинции². В частности, он писал: «Я полностью согласен с мнением Вашего Превосходительства, что, если вооруженный конфликт не возникнет уже сейчас, мы должны видеть нашу главную задачу в том, чтобы систематически готовить себя к неизбежной большой войне, которая будет вестись в чрезвычайно трудных условиях. Само собой разумеется, что нужно стараться сохранить терпимые отношения с Сербией в этот мирный, или лучше сказать подготовительный период. Но было бы фатальной ошибкой, если бы мы поверили, что даже ценой крайней предупредительности в области внешней и внутренней политики мы могли бы добиться того, чтобы сделать из Сербии надежного друга... необходимо безоговорочно рассчитывать на то, что в любой будущей войне эта страна будет сражаться как открытый и ожесточенный противник на стороне всех наших врагов. И следует также иметь в виду, что, несмотря на все заверения и тому подобное, Сербия будет интенсивно использовать время, предшествующее этой войне, чтобы готовить мнение о себе в Боснии и Герцеговине, Далмации, Хорватии и на юге Венгрии <...>. Наивысшим принципом должно быть и остается <...> управлять всей страной и в парламенте с опорой на хорватов и мусульман и воспринимать противостояния с сербами как нечто, чего нельзя избежать»³.

В этих условиях особое значение приобрел визит сербского митрополита Димитрия в Россию, посвященный торжествам, связанным с 300-летием династии Романовых. Детали этой поездки сравнительно долго были известны только по статье Д. Страняковича, опубликованной в малотиражном «Гласнике СПЦ» без ссылок, но с несомненной опорой на имевшиеся в его личной коллекции, ныне утраченные документы⁴. Талантливый сербский историк Драгослав Странякович (1901–1966) прожил бурную жизнь, был профессором

² По переписи 1910 г., население аннексированной незадолго до этого Боснии и Герцеговины составляло 1 898 044. Из них православные сербы — 43,49%; славяне-мусульмане — 32,26%; католики (в том числе и хорваты) — 22,88%. (Die Ergebnisse der Volkszählung in Bosnien und der Hercegovina vom 10. Oktober 1910. Sarajevo, 1912.)

³ Поћорек — Билинском, 28. маја 1913 // Историјске свеске Андрићевог института. 1914. № 1. С. 3–5.

⁴ Страняковић Д. Указ. соч. С. 191–199.

Белградского университета и вице-президентом Сербского культурного клуба накануне Второй мировой войны. В военные годы он являлся членом Центрального национального комитета, который поддерживал Дражу Михайловича и Югославскую армию в отечестве (ЮАВО). После победы партизан профессор Странякович оказался в тюрьме и вышел на свободу лишь в 1954 г. С 1955 г. он преподавал на православном Богословском факультете. В послевоенные годы Странякович собрал значительное число «новых, неизвестных и неопубликованных документов для публикации исследования на тему “Сербия с 1903 по 1918 г.”». Местонахождение этой коллекции неизвестно. Учитывая отсутствие документов, о рассматриваемой нами поездке лишь вскользь сообщалось в обширном современном исследовании биографии сербского митрополита (а после 1920 г. патриарха) Димитрия⁵. Об этом визите упоминает также и современный российский исследователь Н. С. Гусев⁶.

Сербская печать того времени, конечно же, не обходила вниманием торжества в России по поводу 300-летия дома Романовых. В соборной церкви в Белграде состоялись, как и в Москве, торжественная панихида по упокоившимся (20 февраля) и молебен о здравии и долголетию живых членов династии (21 февраля 1913)⁷. На торжественных богослужениях 20/21 февраля присутствовали принц Георгий Карагеоргиевич (как представитель династии), глава императорского российского посольства со всем персоналом миссии, представители дипломатического корпуса, градоначальник Белграда и представители всех гражданских и военных учреждений сербской столицы⁸. Юбилей трехсотлетнего правления Романовых воспринимался как величественное событие истории России, исключительно важное для Сербии в рамках эмоционального толкования «славянских побед на Балканах как побед России и русского царя» и «русской радости как сербской»⁹. Однако дипломатическая составляющая визита ми-

⁵ *Средојевић А.* Патријарх српски Димитрије Павловић (1920–1930). Докторска дисертација. Филозофски факултет. Универзитет у Београду. Београд, 2013. С. 356.

⁶ *Гусев Н. С.* Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг. Дис. канд. истор. наук. Ин-т славяноведения РАН. М., 2015. С. 232–233.

⁷ Гласник: службени лист Српске православне цркве. 1913. № 4–5. С. 77.

⁸ Политика. 1913. 21. Февраля. С. 1.

⁹ *Живановић М.* Успомене на цара Николаја II код Срба // Историјске свеске Андрићевог института. 2015. № 16. С. 33.

трополита в сербской печати, по понятным причинам, не прослеживалась. Российская пресса обратила намного больше внимания именно на подтекст визита митрополита Димитрия в Россию в 1913 г.¹⁰ Впрочем, и там речь шла лишь об общественной и церковной составляющих визита, без особого внимания на ее дипломатическую составляющую¹¹.

Детализации визита митрополита Димитрия в Россию в 1913 г. и оценке политического значения этого визита способствовала неожиданная находка в переданных в 2005 г. в Архив Югославии 16 микрофильмах документального собрания Павла Карагеоргиевича (оригиналы документов хранятся в архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, США)¹². Любопытный князь-регент собирал не только собственные документы, но и то, что было связано со славными днями прошлой династии и государства, которым она правила. Поэтому в микрофильмах фонда встречаются документы, представляющие значительный исторический интерес. Среди прочего там находится и часть фонда № II с условным названием «Документация князя Павла Карагеоргиевича, возникшая от его рождения 15.03.1893 и до убийства короля Александра I Карагеоргиевича 09.10.1934», где сохранился документ с инвентарным номером 7 на микрофильме № 6 (снимки 36–60). В комментариях в путеводителе фонда указано, что документ происходит из Венского архива. Архивная папка, в которой находится документ, имеет надпись «Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien I., Minoritenplatz 1», т. е. происходит из неизвестного фонда из состава Австрийского государственного архива в Вене. На обороте первой страницы папки документа стоит рукописное уточнение на немецком языке — «N. B. Beilage 15–18 und beim...» («Н. Б. Дополнение 15–18 и в...»), после которого есть еще два неразборчивых слова. На папке нет архивных шифров из Венского или какого-либо иного архива. На самом документе также нет архивных шифров. При этом интересно, что присутствует пагинация от 75/526 до 75/548. В документах в том же микрофильме и коллекции эта пагинация отсутствует, что

¹⁰ Голос Москвы. 1913. 3. III. № 52. С. 5.

¹¹ Москва — Сербия, Белград — Россия. Сб. документов и материалов. М.; Белград, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. С. 327–330.

¹² Архива кнеза Павла Карађорђевића. Микрофилмска архивска збирка. Водич АЈ, Београд, 2005.

свидетельствует, что она являлась частью общей пагинации крупного документального собрания, к которому относился документ до того, как его копия попала к князю Павлу Карагеоргиевичу. Сам документ представляет собой 23 страницы текста без подписи, густо напечатанного на сербской кириллической печатной машинке. Документ напечатан профессионалом, так как в относительно пространным тексте практически нет исправлений. В тексте имеется всего одно рукописное исправление (пропущенная красная строка), внесенное, вероятно, при печати. Внешний вид документа и формат бумаги не похожи на документы того времени, с которыми приходилось работать в Архиве Сербии и Архиве Сербской академии наук в фонде Н. Пашича и в Архиве Сербской православной церкви в фонде митрополита Димитрия. К слову сказать, ни в одном из этих фондов, а также ни в одном другом фонде в Сербии этот документ обнаружен не был. Можно предположить, что его захватили австрийские войска в годы Первой мировой войны и таким образом он оказался в Вене, где использовался для подготовки документального собрания, которое должно было возложить вину за разжигание мировой войны на Сербию и Россию. Этот документ — секретное донесение митрополита Димитрия на имя Н. Пашича, датированное 25 апреля 1913 г.¹³

Несомненно, русско-сербские взаимоотношения периода Первой мировой войны и накануне ее достаточно изучены¹⁴. Вышло несколько сборников документов, посвященных этой теме¹⁵. И все-таки визит митрополита Димитрия накануне Первой мировой войны оставался до сего времени в относительной тени, затерявшись в вихрях Балканских и мировой войн.

¹³ Документ опубликован на языке оригинала в белградском журнале, доступном через интернет: Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија на 300-годишњицу руске царске династије Романов. Приред. А. Тимофејев // Годишњак за друштвену историју. 2018. № 2. С. 135–155.

¹⁴ Поповић Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977; Он же. Србија и царска Русија. Београд, 2007; Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985; Шевцова Г. Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917. Београд, 2010; Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Приређ. А. Тимофејев, Д. Кремић. Београд, 2014.

¹⁵ Русские о Сербии и сербах / Ред. А. Л. Шемякин. СПб., 2006. Т. I; Срби о Русији и Русима 1750–2010: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина. Антологија / Приређ. Јовановић М. Београд, 2011; Москва — Србија, Београд — Русија / Приређ. А. Тимофејев, М. Перишић, Г. Милорадовић, А. Шемјакин, Е. Иванова. Београд-Москва, 2012. Т. 3. Друштвене и политичке везе 1878–1917.

Обнаруженный мною документ проливает свет на многие вопросы, в первую очередь, на взаимоотношения русской и сербской православных церквей, а конкретно на отношения митрополита (и будущего патриарха) Димитрия к России и к русским¹⁶. В отличие от своих предшественников, митрополитов Михаила и Иннокентия, а также от наследника (Варнавы), митрополит Димитрий не получил образование в русских богословских учреждениях. Известно и то, что первая хиротония Димитрия в епископа Нишского была результатом неканонического решения. Это прискорбное событие произошло в результате насильственного изгнания главы православной церкви независимой Сербии митрополита Михаила королем Миланом Обреновичем¹⁷. После отречения последнего в 1889 г. и восстановления, при русской поддержке, митрополита Михаила в его законных правах епископу Нишскому Димитрию вместе с другими членами так называемой напредняцкой иерархии пришлось освободить неканонически занятый престол для законных иерархов. Димитрий покинул епископскую кафедру столь же быстро, как и занял ее, по государственному указу, настаивая при этом только на сохранении за собой причитавшейся пенсии. После этого он выехал во Францию, где три года изучал литературу и философию, а затем еще два года — агрономию в Национальном агрономическом институте. Поиздержавшись, в 1894 г. он вернулся на родину, где за лояльное сотрудничество сразу же был включен в состав Государственного совета. Впрочем, там он не задержался, и в 1897 г. 50-летний Димитрий выхлопотал пенсию государственного советника. После смерти митрополита Михаила государство вспомнило покладистого сотрудника и вернуло с помощью Министерства просвещения и церковных дел в церковную иерархию: сначала на место епископа Шабацкого, а потом и вовсе на роль митрополита Белградского¹⁸.

¹⁶ Этот вопрос разбирался в двух достаточно пристрастных книгах: *Батаковић Д.* Дечанско питање. Београд, 1989; *Маевский В.А.* Русские в Югославии. 1920–1945 гг. Нью-Йорк, 1966. Т. 2.

¹⁷ Русский император Александр III назвал Милана за это насилие над церковью, а также за безобразную семейную жизнь и общий моральный уровень достаточно эмоционально: «Этот скот Милан». См.: *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 39, 45.

¹⁸ *Средојевић А.* Патријарх српски Димитрије Павловић (1920–1930). С. 121–129.

Судя по документу, отношения митрополита Димитрия к России были намного более теплыми, чем можно было ожидать. Особая дружба связывала митрополита Белградского с епископом Антонием (Храповицким) в пору его пребывания на Волынской кафедре, что не могло не повлиять на счастливую судьбу Русской православной церкви в Королевстве СХС, обретшей там свой второй дом (в Сремских Карловцах). Хотя В.А. Маевский и склонен объяснять устройство русских церковных дел в Королевстве СХС случайным стечением обстоятельств и невниманием патриарха Димитрия¹⁹, тот, по-видимому, все-таки испытывал определенное сочувствие к митрополиту Антонию и его пастве. Вот что писал сам митрополит Димитрий: «Неподалеку от границы, как я уже говорил выше, на станции в Бердичеве я сошел с поезда и поехал оттуда в Почаевскую лавру, чтобы посетить знаменитую лавру юго-запада России по просьбе Житомирского и Волынского архиепископа Антония. Я лично подружился с этим архиепископом в Санкт-Петербурге, потому что он один из самых выдающихся русских епископов и большой друг нашей молодежи, который учится на семинаре (в семинарии. — А.Т.) в Житомире»²⁰. Интересно, что Димитрию, радушно встреченному во всех трех русских столицах — в холодном Петербурге, древнем Киеве и хлебосольной Москве, — больше всего по сердцу пришлось именно московское гостеприимство. В то же время он констатировал общий уровень эмоциональности, с которым принимали сербского митрополита: «Когда мы переехали в Австрию, прервалось то братство и дружба, которые сопровождали нас по всей России, но и там к нам относились любезно и оказывали нам знаки внимания, заботясь о моем удобстве и на пути туда и обратно»²¹.

Этот документ является значимым и с точки зрения российской церковной истории. Он помогает в реконструкции ситуации, сложившейся в православном мире в 1913 г., который некоторые историки называют годом наивысших достижений Российской империи, основой которой было православие. В это время на самый значительный для монархии юбилей не прибыл ни один глава канонической православной организации независимых государств, кроме

¹⁹ *Маевский В.А.* Указ. соч. С. 23.

²⁰ Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија... С. 153.

²¹ Так же. С. 155.

Сербии. На торжествах не присутствовали главы румынской, болгарской, греческой и черногорской церковных организаций. Не посетили празднества и греческие патриархи древних (фантомных) церковных организаций (Константинопольский, Александрийский и Иерусалимский)²². Прибыл лишь патриарх Антиохийский, связанный с Россией узами давнего сотрудничества²³.

Интересно и то, насколько утилитарно в МИД императорской России периода апогея относились к вопросу веры²⁴. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов настаивал в разговоре с посланником Сербии Дмитрием Поповичем, чтобы митрополит Димитрий присутствовал на богослужениях как торжественный гость, без участия в литургии. Это оскорбительное предложение единственному прибывшему главе канонической православной церкви независимого государства было сделано, чтобы... не обижать раздумывавшего о приезде болгарского митрополита Василия, чью каноничность не признавали не только греческие патриархи, но и Русская православная церковь. Болгарская сторона активно лоббировала в этом направлении²⁵, убедив российский МИД поступиться религиозными условностями ради политических целей. Сербская сторона крайне осторожно, но решительно отказалась от такого странного предложения, выступив со своим видением компромисса: если Россия хочет уравнивать в правах болгар и сербов на празднестве в Санкт-Петербурге, то может позволить участвовать в литургии как сербскому, так и болгарскому митрополиту²⁶. На это МИД императорской России пойти не осмеливался²⁷. Ситуацию сгладил лишь обер-прокурор Владимир Карлович Саблер, попросивший передать

²² Правительственный вестник. 1913. 23 февраля (44). С. 2.

²³ Григорий IV (Гантос Георгий Хаддад) сотрудничал в 1890-е гг. с российским Императорским православным палестинским обществом в создании школ в Триполитской епархии. После смерти (в результате отравления) первого Антиохийского патриарха — араба Мелетия II (Думани), 5 июня 1906 г. Григорий IV (также араб) при поддержке России был избран на патриарший престол. Его избрание было незамедлительно признано российским Святейшим синодом, в отличие от греческих патриархов древних (фантомных) церковных организаций, тянувших до лета 1909 г.

²⁴ Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија... С. 138.

²⁵ Хотелось бы выразить благодарность Н. С. Гусеву за указание на данный архивный фонд: ГАРФ. Р-8091. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 89.

²⁶ Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија... С. 139.

²⁷ *Ведерников А.* Восстановление патриаршества в Болгарии // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 6. С. 38-45.

митрополиту Димитрию, что манипулятивное предложение МИД можно игнорировать²⁸.

В интервью московскому журналисту митрополит Димитрий, и сам государственный выдвиженец на церковном посту, все-таки выразил мягкую озабоченность по поводу сложившейся ситуации: «Для России патриарх необходим. Нельзя стране, в которой 80 миллионов православных, оставаться без верховного духовного владыки. Все православные церкви имеют патриархов, должна иметь их и русская. На мой взгляд, патриаршество в России будет восстановлено»²⁹.

Наиболее интересен этот документ, конечно же, в контексте определения международных политических приоритетов двух стран. Очевидно, что основной задачей митрополита Димитрия было убедить русское общество в стремлении сербских элит найти компромисс с Болгарией, в отсутствии ненависти и даже неприязни к соседней православной славянской стране. Несколько раз в официальной и неофициальной обстановке митрополит Димитрий уверял, что сербы не испытывают неприязни к болгарам. При этом он сказал, что совместное государство православных южных славян было бы лучшим решением после начала освобождения от турок (в 1878 г.) во избежание вмешательства врагов славянства и православия, но раз уж этого не произошло — необходимо найти общий язык. Он также подчеркнул отсутствие антипатии болгарских и сербских крестьян друг к другу и напомнил, что сербские солдаты беззаветно боролись вместе с болгарскими на подступах к Адрианополю ради передачи его Болгарии. Митрополит Димитрий пытался подтвердить свои взгляды делами: на торжественных собраниях, где присутствовали болгары, он с готовностью общался с ними, здоровался и говорил об общих целях в борьбе за освобождение славянских земель Балкан от чужого господства. При посещении образовательных учреждений митрополит Димитрий показательно общался не только с сербскими, но и с болгарскими питомцами, не делая между ними различий в ласковом слове увещевания и в скромных подарках. Наконец, на торжественном приеме в Петербурге, на котором исполнялись церковные и патриотические песни, митрополит Димитрий после исполнения сербского гимна обратился к присутствовавшему обер-прокурору

²⁸ Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија... С. 139.

²⁹ Политика. 1913. 21. II. С. 1.

В.К. Саблеру с просьбой исправить ошибку, вернув вечеру общеславянский характер, и исполнить болгарский гимн. Это нарочито братское заявление было встречено всей присутствовавшей публикой с восторгом, громкими аплодисментами и криками на сербском «Живио!»³⁰.

Наконец, не менее интересными оказались обещания, которые непублично делали русские официальные и неофициальные лица, настаивая на уступчивости Сербии при разделе Македонии с Болгарией. «Мне несколько раз приходилось вести такой разговор с людьми, которые интересуются славянской политикой, особенно в Петрограде, а также в Москве и Киеве. Но повсюду в беседах с лучшими друзьями славянских народов я все еще замечал некоторый страх, что мы и болгары не любим друг друга, и что мы, сербы, виноваты в этом. Они признают, что наши чаяния справедливы, но мы должны уступить, лишь бы болгары вышли из этой войны как можно более крупными и могущественными. Болгары, говорят они, сейчас завершают объединение, и им некуда больше расширяться, а у вас есть Босния и Герцеговина, у вас Далмация, Хорватия, Банат и т. д. Из этих рассуждений, которые характерны почти для всех русских, я заметил, что все они, без исключения, все еще находятся под влиянием Сан-Стефанского договора <...>. Мне было трудно убедить некоторых из них, что сербы, хотя и являются непосредственными соседями Австрии, но с тех пор, как восстановили свою независимость, ни одну другую страну не ненавидели так сильно, как Австрию из-за ее лицемерной политики в отношении сербского народа. И хотя наше непосредственное соседство с Австрией обуславливает торговые и экономические связи с ней, у России аналогичные отношения с этой страной. Я указал им на то, что фатальность ситуации в том, что вы, русские, прилагаете очень мало усилий, чтобы поближе познакомиться с сербами и установить с ними другие связи, кроме политических»³¹. Видимо, именно эти русские обещания австрийских территорий («Боснии и Герцеговины, Далмации, Хорватии, Баната») сербам и сербское признание в крепкой неприязни к «швабам» (даже тогда, когда общение с ними приносит прямую экономическую выгоду) и привлекли внимание составителей антологии русско-сербских «грехов» в Вене.

³⁰ Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија... С. 142.

³¹ Там же. С. 141.

Все это делает документ, заплутавший между Санкт-Петербургом, Москвой, Киевом, Белградом, Веной и Нью-Йорком, интересным и важным дополнением при реконструкции деталей сербско-русских связей начала XX века. Кроме того, это след еще одной доселе малоизвестной тайной сербской миссии в России, организованной сербским премьером. Как же печально, что мы никогда не сможем рассказать об этом А.Л. Шемякину — лучшему знатоку биографии «Николая Петровича Пашича»³²...

³² Так ласково А.Л. Шемякин любил в духе русской традиции XIX в. называть своего героя.

Наталия Михайловна Куренная

**Солдатские письма Великой войны:
К. Чуковский «Заговорили молчавшие:
Томми Аткинс на войне» (1915)**

Книга Корнея Ивановича Чуковского (1882–1969) «Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне» была опубликована в 1915 г. уже известным к тому времени журналистом и литературным критиком. Перед изданием книги отдельные ее главы печатались в газете «Русское слово» и журнале «Нива». В советском, а затем и российском общественном мнении имя Корнея Чуковского неразрывно связано в первую очередь с детской литературой, и это неудивительно, поскольку его дореволюционное творчество мало известно широкой публике, однако К. Чуковский — автор серьезных литературоведческих, автобиографических и мемуарных книг и статей. Увлечение писателя детской литературой начнется позже, в советское время, в 1923 г. Между тем Чуковский уже в двадцатилетнем возрасте в 1902 г. начинает сотрудничать с российскими периодическими изданиями. Более того — в течение 1903–1904 гг. он работает в Лондоне в качестве корреспондента газеты «Одесские новости». Великобританию К. Чуковский посетит еще дважды: в 1916 г. по приглашению британского правительства в составе группы писателей и журналистов (В. Набоков, В. Немирович-Данченко, Е. Егоров, А. Толстой, А. Башмаков) и в послевоенное время как член официальной делегации. Свои впечатления, оставленные этой поездкой, К. Чуковский описал в серии очерков «Англия накануне победы».

Собственные симпатии к Англии Чуковский подтверждал неоднократно. Наиболее значительной в этом ряду стала публикация богато иллюстрированной рисунками и фотографиями книги «Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне», изданной в Петрограде довольно большим для того времени тиражом (10 тыс. экз.). Весьма

показательным представляется тот факт, что ее распространение в войсках и гимназиях было одобрено Министерством духовных дел и народного просвещения, Военным министерством и британским послом в России.

Очевидно, что в определенной мере эта книга имела пропагандистский характер, ее основная задача состояла в формировании положительного образа союзника, отличного от прежнего, стереотипного, не вызывавшего симпатий в русском обществе. Наряду с этой целью автор преследовал и собственно гражданскую, литературную задачу — на английском примере призвать собратьев по перу не оставлять без внимания переписку солдат российской армии, публиковать их письма в периодической печати, превращать эти письма в события общественной жизни, как это происходило в Англии.

Несмотря на статус союзника, на начальном этапе войны отношение к англичанам в российском обществе по-прежнему колебалось от осторожного недоверия до плохо скрываемой неприязни. Российская творческая интеллигенция делала усилия по преодолению существующего положения вещей. Многие литераторы, в том числе А. Толстой, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, в своих публичных выступлениях и в периодической печати высказывали соображения по поводу необходимости сближения между Англией и Россией. Так, например, Ф. Сологуб писал: «Как для нас Англия нужна как совершеннейшее выражение Запада, так и для Англии Россия интересна и значительна как ближайшая держава Востока»¹. Необходимость сближения и союзничества отмечал Вяч. Иванов в статье «Россия, Англия и Азия», считая, что это задача и культурная, и политическая, и государственная.

К. Чуковский намеревался своей книгой хотя бы отчасти разрушить привычные обывательские клише и стереотипы, перевести собирательный образ англичанина как «чужого» в регистр «своего». В предисловии писатель сделал акцент на характерном отношении русских к англичанам: «Широкие круги, обыватели, — писал он, — не знают и чуждаются Англии. Они все еще, по старой обывательской привычке, перешептываются о “коварном Альбионе”... Моя книжка предназначена для них. Оттого она такая примитивная. Задача этой незатейливой книжки — привлечь к английскому народу симпатии»².

¹ Сологуб Ф. К. Мировая громада // Биржевые ведомости. 1915. 28 I.

² Чуковский К. Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне. Петроград, 1915. С. 3.

$$\begin{array}{r} 911 \\ 2494 \end{array}$$

К. ЧУКОВСКИЙ

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!

(АНГЛИЧАНЕ
И ВОЙНА)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Библиотека
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
РАБОТНИКОВ
Народный Связи
в Петрограде
№ ~~10~~ 10

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗД.Т-ВА А.Ф.МАРКСЪ
1916

Цена 1 р.

Проверено
ЦНБ 1939

ЦЕНТРАЛНА БИБЛИОТЕКА

История русской литературы умалчивает о том, было ли глубоко личным намерение Чуковского собрать в одной книге солдатские письма, опубликованные в британской печати, представив тем самым российским читателям реальный, документально обоснованный, вызывающий симпатию образ британского солдата, или же это был, говоря современным языком, политический заказ. Можно предположить, что желание Чуковского разделить с русским читателем в условиях новых союзнических отношений свое давнее расположение к Англии, английскому языку и литературе совпало с идеологической задачей изменить отношение российского общества к Англии и англичанам, признать в них надежного союзника, которого Чуковский называет «соратником, сподвижником». Его книга стала, по существу, своеобразным

документально-художественным пособием, предназначенным для знакомства «широких обывательских кругов» с военным союзником в лице ее рядовых «Аткинсов».

Кто же такой Томми Аткинс? Его имя принадлежит реальному человеку, британскому часовому, участвовавшему в одной из военных операций времени покорения Индии. Своевременно не получив приказа об отступлении, он не покинул свой боевой пост и героически погиб. «С той поры имя героя, — как пишет Чуковский, — увековечено

народной молвой и стало нарицательным именем каждого британского солдата»³.

С литературоведческой точки зрения книга Чуковского в определенной мере стала новаторской. Она представляет собой сплав основных черт документально-художественного произведения с чертами социально-этнографического аналитического исследования опубликованных в английской периодической печати фронтовых писем британских солдат на фоне широкого социально-политического и военного контекста того времени. Оценивая письма с фронта как новое социальное явление, Чуковский утверждает: «Дело не в отдельном солдатском письме как бы ни было оно занимательно, а в целой Ниагаре этих писем, пускай однообразных, банальных, но затопивших собою весь мир! Тем-то и дорого это явление, что оно хоровое, гуртовое, оптовое. Для социолога в нем откровение. Для изучателя массовой психики оно — драгоценнейший клад»⁴.

Глубоко погружаясь в анализ фронтовых писем англичан, Чуковский постоянно анализирует безыскусное солдатское эпистолярное творчество и искренне печалится о том, что еще не собраны письма российских рядовых: «Я уверен, что-то коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы в них, было бы духовной красоты удивительной. Может быть, перед нами явился бы лик нового Платона Каратаева, широчайший поэтический образ всемужицкой, всеславянской души, а, может быть, другой, неожиданный, еще святее и благостнее»⁵. В качестве примера писатель публикует письмо русского автора, некоего казака Владимирова. В этом послании, как в капле воды, отразились многие характерные типические черты писем русских солдат — склонность к преувеличениям, которые сродни поэтическим, народное мифотворчество, использование древнепесенного зачина, в том числе и традиционных деревенских приветов-поклонов многочисленной родне. Чуковский считает, что «часто в основе этих писем лежит то неосознанное религиозное чувство, которое прорывалось такими вулканами в творчестве наших народнейших гениев: та же тревога о совести, о Боге, о душе, о праведной, правильной жизни»⁶. Полной противоположностью

³ Там же. С. 19.

⁴ Там же. С. 5, 6.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 15.

представляются письма английских рядовых. Они сухи, неэмоциональны, «там почти всегда протокол, главное в них голые факты», поскольку Чуковский придерживается мнения, что «Факт — для британца всё. В мире фактов он — хозяин и царь. Наблюдает он их гениально; описывает с таким аппетитом и в то же время так методично, отчетливо, что стоит только собрать воедино эти письма британских солдат, и получится классически-точная хроника всех эпизодов кампании»⁷. Однако, отмечает автор, по сравнению с русскими письмами в письмах британских солдат нет ни самонаблюдения, ни самоанализа. По существу, они служат своеобразным дополнением к газетным публикациям, которые расширяют, иногда уточняют их смыслы и выводы. По мнению Чуковского, из этого эпистолярного материала можно легко «конструировать всю историю этой грандиозной войны, — для чего совсем непригодны русские солдатские письма»⁸. Поразительно, но для описания солдатских чувств и эмоционального настроения перед первым боем в одном из английских эпистолярных сборников составители обращаются к письмам не отечественных солдат, а солдат русских: «Самый яркий, живой и подробный отчет о первых впечатлениях под адским огнем современных батальев дан русским раненым артиллеристом в письме из петроградского госпиталя»⁹, поскольку главное в письмах русских солдат — «душа, психея».

Чуковский как бы невзначай, между делом очень зорко обозначает основные отличительные черты национального характера двух народов. «Русские — самонаблюдатели, без «психологии» ни шагу, самый психологический народ во всем мире. Это и в наших романах, и в солдатских письмах, а британский солдат наблюдать за своею душою не охотник. Он сверхъестественно зорок на внешнее — на факты и факты»¹⁰.

В 16 главах книги англичане представлены автором с самых разных ракурсов — в повседневной жизни и в самых неожиданных обстоятельствах военной жизни: в значительных победных сражениях и поражениях, отношении к беженцам, к мирному гражданскому населению Франции. Собирательный образ рядового Томми Аткинса

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 16–17.

⁹ Там же. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 17.

в интерпретации Чуковского почти идеален: он ироничен и одновременно великодушен к противнику, бережно относится к детям и женщинам, ему от природы свойственен патриотизм, он смел, не приемлет любого обмана или подлой хитрости: «С презрением отзывается Аткинс об ухищрениях врагов. «Ах, сколько среди них негодяев! — пишет гвардеец Рирдон. Как-то утром нарядились в английские мундиры и кричат: “Не стреляйте, мы — штаб!” А сами как пошли в нас палить. Ну, уж и получили они сдачи! Целые тонны свинца!»¹¹. Национально окрашенный знаменитый английский юмор, отраженный в произведениях Свифта, Гоггарта, Филдинга, Диккенса, Теккерея и других писателей, помогает Аткинсам в бою и в житейских буднях. Даже в трагические минуты поражений к армии приходит на помощь «великая сила, которая и помогла им бестрепетно вынести эту злую грозу. Эта сила называется юмором»¹². Ознакомившись с массой писем рядовых Аткинсов, Чуковский признает, что солдаты, которые обладают способностью смешить, их он называет «полковыми шутами», «выполняют великую функцию: они анестезируют боль, они облегчают все тягостное»¹³.

Компаративистский метод, которым пользовался Чуковский при структурировании обширного эпистолярного материала, позволил читателю погрузиться в лавину личных переживаний рядовых солдат самых разных наций по поводу их участия в боевых действиях, военного быта, уловить различия в картине мира, отношении к родному отечеству, родственникам, сослуживцам. Тысячи писем с фронта — сингалезцев, шотландских гвардейцев, ирландских драгун, казаков, бедуинов, чешских и хорватских соколов и многих других народов сливаются, по мнению Чуковского, в один голос — в «голос народа»¹⁴.

Посвятив свое художественно-публицистическое произведение анализу солдатских писем с различных фронтов Великой войны, Чуковский представил в книге и личный авторский комментарий, иногда неожиданный и парадоксальный, порой пафосный и художественно яркий. Эти комментарии представляют собой своеобразные

¹¹ *Stories of the War*, by A. St. John Adcock. P. 116; Чуковский К. Заговорили молчавшие... С. 38.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Там же. С. 73.

¹⁴ Там же. С. 7.

очерки и о повседневной жизни английского общества в условиях военного времени. Например, писатель акцентирует внимание русских читателей на особенностях отношений англичан с прессой: «Вообще обращаться “в газету” со всеми своими желаниями, нуждами, мнениями вошло у британца в привычку. Не к начальству он всегда апеллирует, а к обществу, к народной “громаде”». В каждой английской газете того времени существовала рубрика «Личные дела» — раздел личных объявлений. Англичанин искал в газете защиты и правды, «утоления скорбей». Чуковский убежден, что «нам русским было бы конфузно просить через газету, чтобы кто-нибудь дал нам бинокль или заплатил за нас долг, но это просто непривычка к публичности»¹⁵. Однако письма частных лиц в английские газеты, нередко по поводу совсем незначительных историй, мелких по сравнению с масштабными военными событиями, делают картину мира англичан того времени глубже и объемнее. Особое место в очерках, вошедших в книгу, уделено отношению английских подданных к беженцам. Вот только один пример: «Тысячи бельгийских семей хлынули толпами в Англию — искать утешения и крова... Устраивались на чужбине как дома, ибо чужбина приняла их так нежно, с таким экзальтированным, щедрым радушием, какого и нельзя было ждать от “угрюмой и неприветливой” Англии»¹⁶.

Естественно, что, создавая свой труд о наиболее симпатичных чертах англичан, Чуковский не мог обойти стороной их великодушное и ироничное отношение к врагу. Одна из глав книги «Гимны ненависти» и «Гимны любви» посвящена особенностям отношений противников друг к другу. Немцы считали своими единственными в мире злейшими врагами исключительно англичан, к которым они испытывали почти патологическое чувство ненависти. Именно этому состоянию и посвятил свое, широко востребованное немецким обществом произведение Эрнст Лиссауэр с характерным названием «Гимн ненависти». Оно было проникнуто такой лютой злобой, что даже союзникам немцев — австрийцам, которых Чуковский называл «разорителями Сербии, приверженцами пули “дум-дум”», был противен этот гимн. О его характере можно составить впечатление даже по одному из куплетов:

¹⁵ Там же. С. 174.

¹⁶ Там же. С. 176.

Но к вам наша злоба до гроба,
Злоба всегда и везде,
Злоба на земле, на воде,
Злоба наших рук и голов,
Злоба наших молотков и жезлов,
Злоба миллионов людей,
Злоба в миллионах грудей,
Одна у нас ненависть, одна, одна!
Одна нам на веки веков дана,
Ее мы выпьем до дна, до дна!
Будь проклят наш единственный враг — Англия!

Данное немцами звание «единственного врага» необычайно льстило британцам, о чем свидетельствовали письма и публикации в английских газетах. Комментируя подобный феномен, Чуковский констатирует: «А те, против кого она направлена, не только не возмущаются ею, но заучивают наизусть, распевают ее на всех перекрестках и готовы даже хвастаться ею перед своими друзьями, которые не сподобились таких исступленных проклятий... Это капитальная вещь! — пишет в своем письме сержант Вильям Эдвардс»¹⁷.

Книга Чуковского вовсе не «такая примитивная», как ее охарактеризовал сам автор, она — литературный гибрид, для которого свойственны как художественные, так и публицистические авторские приемы, например, лирические комментарии чередуются с публикацией аутентичных, не приглашенных рукой редактора солдатских писем. Произведения подобного рода вызывают постоянный интерес не только у рядового читателя, они значимы и для представителей двух ветвей гуманитарной науки — истории и филологии. Так, например, включение в художественный текст документов, по существу, своеобразный поэтико-стилистический прием, который способствует воссозданию духовной или бытовой атмосферы описываемого времени, позволяет читателю приблизиться к истинному и объективному, увидеть, по выражению Б.Л. Пастернака, «великой эпохи след». Книга Чуковского «Заговорили молчавшие» стоит в ряду подобных произведений, это тоже

¹⁷ Там же. С. 128.

один из таких «следов» — судьбоносного для Европы времени Первой мировой войны.

Конечно, можно говорить о том, что книга Корнея Чуковского «Заговорили молчавшие...» и серия очерков «Англия накануне победы» сыграли определенную роль в углублении и расширении представлений русских об англичанах, пропагандистские задачи, которые были поставлены перед автором, хотя бы отчасти, были решены. Несколько преувеличивая, очевидно имея в виду прежде всего образованную часть городского населения, Чуковский в одном из очерков писал, что в обществе жажда «обангличаниться страшная! Не хватает ни учителей, ни учебников. Гостинодворцы щеголяют в ватерпруфах и цедят сквозь зубы “ол-райт”. Картежники играют лишь в вист, барышни читают лишь Вильяма Локка, курильщики курят лишь *pau Cut*»¹⁸.

Однако отношение русских к англичанам, даже после знакомства с ними в такой увлекательной и иллюстрированной форме, все же нельзя переоценивать. Что же касается писем русских солдат с фронтов Первой мировой войны, то их публикация в течение всего периода войны была очень незначительна и, к великому сожалению, основной их массив безвозвратно канул в Лету.

¹⁸ Чуковский К. Англия накануне победы. СПб., 1917. С. 115.

**«Материал для будущего историка,
который займется составлением правдивой
истории нашего Генерального штаба»:
Обзор переписки генерал-лейтенанта
П. И. Аверьянова о роли офицеров Генерального
штаба в революции и Гражданской войне**

Русская дореволюционная военная элита в лице старших офицеров Генерального штаба сыграла неоднозначную роль в революции и Гражданской войне¹. Этим вопросом терзались сами представители этой группы офицерского корпуса, в том числе оказавшиеся в эмиграции. Благодаря возможности относительно свободного обсуждения произошедших событий, военные эмигранты оставили значительный объем свидетельств о революционных событиях. Часть из них опубликована и известна исследователям, но немало таких материалов остаются не введенными в научный оборот. Среди них исторический интерес представляет обзор переписки генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова о роли офицеров Генерального штаба в революции и Гражданской войне

Петр Иванович Аверьянов (05.10.1867–13.10.1937) был видным отечественным военным деятелем. В годы Первой мировой войны он исполнял должность начальника Генерального штаба. Участвовал в Белом движении на Юге России, эвакуировался из Крыма в 1920 г., поселившись в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Умер в Белграде и похоронен на Новом кладбище.

Аверьянов оставил обширное документальное наследие, центральное место в котором занимают его неопубликованные воспоминания «Страницы прошлого». Документы и мемуары генерал сдал

¹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013; *Он же.* Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2013; *Он же.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016 (2-е изд., испр.: М., 2017).

в Русский заграничный исторический архив в Праге, попавший после Второй мировой войны в СССР и ныне, в значительной степени, входящий в состав Государственного архива Российской Федерации. Материалы генерала Аверьянова хранятся в его личном фонде. В качестве приложений к воспоминаниям Аверьянов сохранил большой объем интересных документальных материалов. Среди них и объяснительная записка под названием «Переписка с друзьями и другими лицами по поводу событий и некоторых лиц, о которых упоминается в I, II и III томах воспоминаний “Страницы прошлого”». Записка представляет собой объемный аналитический обзор переписки с пояснениями самого Аверьянова. Тематически в записке можно выделить обзор писем по поводу участия генштабистов в революции и Гражданской войне в связи с выдвинутыми известным государственным и общественным деятелем Владимиром Иосифовичем Гурко обвинениями в адрес офицеров Генерального штаба.

Предыстория этой переписки следующая. В. И. Гурко в воспоминаниях «Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу» отметил, что в 1918 г. именно «в среде офицеров Генер[ального] штаба... впервые вполне постиг ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры в развале русской армии и тем самым в развале государства. Наша академия Генерального штаба, имевшая по существу задачей создать мозг русской армии и заполонившая своими воспитанниками все высшие командные должности, фактически привела к двум результатам. С одной стороны, она развила в обучаемой ею среде рассудочность в ущерб волевых качеств, с другой — она породила в ней дух интриги и беспринципного карьеризма. Достаточно вспомнить, что декларация прав солдата была единогласно одобрена штабными офицерами, а также, что те же штабные офицеры первые перелицевались на революционный лад до такой степени, что собрание этих офицеров в Петрограде, где участвовали верхи Военного министерства, пришло к заключению, что им следует всем *in corpore*² записаться в члены партии социал-революционеров. От решения этого отказались лишь после того, как одним из собравшихся было резонно заявлено, что в искренность такого массового перехода никто не поверит, а потому выгоды им не доставит. Наконец, спрашивается, кто же составляет ядро Красной армии, кто первый пошел на зов

² В полном объеме (*лат.*).

большевиков поступить к ним на службу, как не те же офицеры Генерального штаба»³.

В целом высказывание Гурко было справедливым. Генштабисты действительно сыграли решающую роль в Февральской революции⁴. Начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев и главнокомандующие армиями фронтов повлияли на решение императора Николая II отречься от престола, другая группа генштабистов пошла на сотрудничество с представителями Временного комитета Государственной Думы в Петрограде. Последствия революционного слома в краткосрочной перспективе оказались губительными — к осени 1917 г. Россия осталась без боеспособной армии. Это обстоятельство повлекло за собой свержение Временного правительства, выход страны из Первой мировой войны и втягивание в Гражданскую войну. В период Гражданской войны генштабисты составили военное руководство основных противоборствующих сторон.

Разумеется, лидерам Белого движения было трудно признать свою ответственность за развал страны и армии. Тем более что тот же генерал М. В. Алексеев осенью 1917 г. стал основоположником Добровольческой армии и Белого движения на Юге России. Неудивительно, что обвинение Гурко, опубликованное в 1924 г. в Берлине в «Архиве русской революции», вызвало резкое неприятие в среде военной эмиграции.

Эмигрантское Центральное правление Общества русских офицеров Генерального штаба выступило с инициативой подготовки опровержения. Правление обратилось ко всем членам общества, занимавшим ответственные посты в первый год революции, с просьбой присылать свои свидетельства, чтобы составить коллективный ответ. Однако собранные ответы так и не увидели свет в связи с началом работы штаба генерала П. Н. Врангеля по сокращению штатов, ликвидации дел и отъезду из КСХС. Опровержения не получилось еще и потому, что, как отметил генерал П. И. Аверьянов, «в общем все эти материалы освещали деятельность сравнительно ограниченного количества генералов и офицеров Генерального штаба, причем

³ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сб. докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 208–264.

в отношении этого ограниченного числа лиц давали такие данные, которые могли скорее подтвердить справедливость суждений и выводов В. И. Гурко, нежели их опровергнуть»⁵. Из публикуемого текста видно, что и сам Аверьянов сомневается в том, так ли уж неправ был Гурко.

Как бы то ни было, материалы этой переписки Аверьянов постарался обобщить и проанализировать. Поскольку они представляют очевидный интерес как для истории России, так и для истории русской военной эмиграции в КСХС, эти свидетельства предлагаются вниманию читателей.

Публикация осуществлена в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок.

Три письма Ген[ерального] штаба генерал-лейтенанта Владимира Михайловича Драгомирова (ныне уже покойного)⁶

В первой главе II тома моих воспоминаний я упомянул о том, что появление в издаваемом Гессеном⁷ «Архиве русской революции» статьи В. И. Гурко⁸, в которой автор обрушивается с тяжелыми обвинениями на русский Генеральный штаб, очень легко воспринявший русскую революцию, быстро и легко с ней примирившийся и, в лице большинства его представителей, много и с успехом поработавший в деле «углубления революции» и т. п., — вызвало в Центральном правлении русских офицеров Генерального штаба за границей намерение — собрать достаточный материал и на основании такового написать на статью В. И. Гурко опровержение, поместив последнее в том же «Архиве русской революции» или в ином широко распространенном печатном органе. С этой целью Центральное правление

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 45об.

⁶ Драгомиров Владимир Михайлович (07.02.1867–27.01.1928) — генерал-лейтенант, председатель общества русских офицеров Генерального штаба.

⁷ Гессен Иосиф Владимирович (14.04.1865–22.03.1943) — публицист и издатель. В эмиграции издавал документальный альманах «Архив русской революции».

⁸ Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (30.11.1862–18.02.1927) — действительный статский советник, камергер.

обратилось ко всем членам Общества⁹, занимавшим в первый год революции ответственные служебные посты и ныне проживающим вне Совдепии, с просьбой — высказаться по затронутым В. И. Гурко вопросам и предоставить в распоряжение Центрального правления материал, потребный для составления упомянутого опровержения. В числе таких лиц это предложение Центрального правления получил и я, как занимавший до революции и в первые месяцы после переворота пост начальника Генерального штаба. В ответ на это предложение я немедленно отправил Центральному правлению краткое описание тех событий и той деятельности некоторых офицеров Генерального штаба (имена которых стали одиозными в первые же дни революции), коих свидетелем мне привелось быть и которые впоследствии были мной описаны более подробно во второй главе тома II-го моих воспоминаний.

Со времени этой отправки Центральному правлению имеющегося у меня материала прошло более 20 месяцев, в течение коих я с большим нетерпением ожидал появления в печати опровержения на статью В. И. Гурко.

Тогда я обратился к председателю Центрального правления генерал-лейтенанту Владимиру Михайловичу Драгомирову с запросом — когда появится в печати проектированное опровержение, и с предложением — взять на себя составление этого опровержения, если оно еще не составлено, для чего просил выслать мне все поступившие в Центральное правление материалы.

В ответ на это мое письмо генерал Вл[адимир] Мих[айлович] Драгомиров письмом от 23 октября 1926 года сообщил мне ниже следующие сведения (цитирую выдержки из его письма): «Опровержение на статью Гурко еще нигде не появилось. Сначала довольно долго мы поджидали ответы; наконец, все возможные ответы были получены, но вместе с тем — начались хлопоты в штабе главнокомандующего¹⁰, различные сокращения штатов, подготовка ликвидации дел, к переезду и т. п. Таким образом, дело все откладывалось различными срочными хлопотами, а экстренности за ним не признавалось, т. к. полагалось напечатать опровержение

⁹ Общества русских офицеров Генерального штаба.

¹⁰ Т. е. в штабе генерала Врангеля в Сремских Карловцах. Примечание автора воспоминаний (*примеч. П. И. Аверьянова*).

в том же “Архиве” революции, а №№ позже или раньше — все равно. Тем не менее, дело это не было забыто, и его полагалось возобновить при более благоприятных условиях. Ваше предложение взять на себя труд по составлению опровержения принимаю с благодарностью. Напишу Архангельскому¹¹, чтобы весь имеющийся материал он выслал Вам. После его разработки вышлите мне черновики и переписывать не трудитесь. У меня дома есть пишущая машина и перепишу Ваш проект лично». Затем генерал В. М. Драгомиров в том же письме пишет: «Материал подобран, по моему мнению, достаточный. Ваши показания были одними из самых ценных, если не самыми ценными. Мы все в историческом отделе¹² ими зачитывались с огромным интересом. Впечатление со-

¹¹ Архангельский Алексей Петрович (05.03.1872–02.11.1959) — генерал-лейтенант, помощник начальника штаба главнокомандующего генерала П. Н. Врангеля (1925–ор1926).

¹² Т. е. в историческом отделе Генерального штаба Югославии, в каковом отделе служили и служат: генер[ал] от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров (быв[ший] главнокомандующий Север[ного] фронта и председатель Особого совещания при Деникине), ген[ерал]-лейт[енант] Владимир Михайлович Драгомиров (ныне покойный, автор цитируемого письма), ген[ерал]-лейт[енант] Вениамин Иванович Баскаков (заслужен[ный] профессор Николаевской академии Генер[ального] штаба), ген[ерал]-майор Владимир Михайлович Черемисиннов, ген[ерал]-лейт[енант] Борис Иванович Казанович (известный боевой начальник дивизии в Добрармии времен Корнилова и Деникина), ген[ерал]-лейт[енант] Николай Афанасьевич Обручев (ныне покойный), генерал-лейт[енант] А. П. Филимонов (по образованию военный юрист, бывший первый выборный атаман Кубанского казачьего войска), генерал-майор Виктор Алексеевич Артамонов (бывший наш военный агент в Сербии перед Великой войной и в течение всей этой войны). Наконец в этом же историческом отделе с мая 1928 года служит и автор настоящих воспоминаний. Все мы размещены в двух просторных высоких комнатах нового великолепного и огромного здания на улице Милоша Великого (построенного русским военным инженером Баумгартеном), в котором с осени 1928 года помещаются все отделы Главного упр[авле]ния Генер[ального] штаба Югославии. В наших двух комнатах чиновников или офицеров сербов не имеется; в них размещены только русские.

В соседних с ними нескольких больших комнатах находится библиотека Генерального штаба Югославии, которой заведует серб-майор, а его помощниками состоят: генерал-от-инфантерии Пржевальский (главнокомандующий Кавказским фронтом), генерал-от-кавалерии Абациев, Генер[ального] штаба генерал-майор Владимир Николаевич Полтавцев и Генер[ального] штаба генерал-майор Шуберский. В остальных отделах Генерального штаба, а равно и в «Военном министерстве» также служат многие генералы и офицеры русской армии; служат они и в интендантстве, как, например, Ген[ерального] штаба генер[ал]-лейт[енант] Богатко, бывший главный интендант, после генерала Шувалова; как и все остальные — Богатко тоже «контрактуральный

здалось в общем такое: несколько офицеров Генер[ального] штаба, карьеры ради, действительно играли в руку революционерам. Господа эти известны, и никем никогда не апробировались. В Белграде и по настоящее время находится один из них; его раскусили и третируют не только свои офицеры, но даже теперешние сослуживцы, дамы, штатские и т. п. публика, непричастная к военным служебным делам и отношениям. Кампания этих господ вела вредную политику с «товарищами», остальные терпели и посильно боролись, но с общим полуумным настроением справиться не могли, т. к. бороться надо было только крутыми мерами, а для этого надо было опираться на какую либо силу. Но такой силы не было, приходилось говорить с опьяненными людьми, что раньше запрещалось даже дисциплинарным уставом. Следовательно, они ничего не могли сделать, хотя и пытались бороться. Ставить их на одну доску с несколькими крикунами, забывшими свой долг, значит обобщать единичные явления и исказить общий фон картины. Гурко так и сделал. Полагаю, в таком духе и должно быть составлено опровержение. Но, ради Бога, не подумайте, что я навязываю Вам свою программу. Передавая Вам дело, я ни малейшим образом не хочу стеснять Ваших концепций. Делайте, как считаете лучше, и мы всегда согласимся на опровержение, правильно рисующее положение, хотя и по другому варианту».

Вскоре я получил и собранные генералом Архангельским материалы, в том числе и составленное мною описание первых месяцев революции. Материалы эти оказались малочисленными, далеко не полными и не исчерпывающими вопроса; сам генерал Архангельский, занимавший в период мартовской революции должность дежурного генерала Главного штаба, своих показаний не написал за неимением свободного времени; начальник канцелярии Военного министерства и профессор Военной академии в этот период Ген[ерального] штаба ген[ерал-]лейт[енант] Филатьев¹³ дал довольно обширный и очень интересный материал, но значительная часть такового рисует скитания и деятельность Военной академии на Урале, в Сибири и во

чиновник». В управлении инспектора кавалерии служат Генер[ального] штаба ген[ерал-]лейт[енант] князь Николай Петрович Вадбольский, б[ывший] командир корпуса на Кавказском фронте (примеч. П. И. Аверьянова).

¹³ Филатьев Дмитрий Владимирович (03.09.1866–21.09.1932) — генерал-лейтенант.

Владивостоке, относительно же деятельности офицеров и генералов Генерального штаба в первый период революции в Петрограде генерал Филатьев рекомендует получить нужные сведения от меня, как бывшего начальника Генерального штаба. Затем были еще показания Ген[ерального] штаба ген[ерал]-лейт[енанта Минута]¹⁴ (начальника Главного штаба после генерала Михневича¹⁵, при воен[ном] министре Гучкове¹⁶), генерал-майора Андриевского¹⁷ и немного других лиц. В общем все эти материалы освещали деятельность сравнительно ограниченного количества генералов и офицеров Генерального штаба, причем в отношении этого ограниченного числа лиц давали такие данные, которые моли скорее подтвердить справедливость суждений и выводов В. И. Гурко, нежели их опровергнуть. Огромным недостатком собранных материалов было еще и то, что они касались только первых месяцев революции и, по преимуществу, событий в Петрограде, тогда как В. И. Гурко в своей статье касается событий, происходивших в течение значительно большего периода времени и, не только в Петрограде, но и в Москве и других пунктах.

Пытаясь написать на основании этих материалов требуемое опровержение, я попал в то самое трудное и безвыходное положение, в котором я очутился тогда, когда военный министр генерал Беляев¹⁸ приказал мне, как начальнику Генерального штаба, имеющему в своем ведении военнопленных, написать официальное опровержение на тенденциозную заметку газеты «Русское слово», подчеркивавшую якобы чрезмерную заботливость государыни Александры Феодоровны о германских военнопленных, о чем мною подробно рассказано во II томе моих воспоминаний. Даже ныне положение мое было труднее, нежели тогда! Ведь тогда заметка «Русского слова» только тенденциозно осветила некоторые распоряжения государыни, которая хотя и была в действительности Ею отдана (по недомыслию советников государыни), но вовсе не имели в виду

¹⁴ Минут Виктор Николаевич (17.08.1868–02.01.1934) — генерал-лейтенант.

¹⁵ Михневич Николай Петрович (07.10.1849–08.02.1927) — генерал от инфантерии.

¹⁶ Гучков Александр Иванович (14.10.1862–14.02.1936) — российский политический деятель, военный и морской министр Временного правительства (март — май 1917).

¹⁷ Андриевский Дмитрий Иванович (06.02.1875–29.05.1951) — генерал-майор.

¹⁸ Беляев Михаил Алексеевич (23.12.1863–09.1918) — генерал от инфантерии (с 06.12.1914), военный министр (03.01–01.03.1917).

каких-либо особых забот исключительно о германцах. Теперь же В. И. Гурко сообщал и обсуждал в своей статье такие факты и такие действия, которые не только были в действительности, но и преследовали революционные цели, осуждаемые В. И. Гурко и поставленные им в вину нашему Генеральному штабу. Тогда, со стороны «Русского слова», было искажение истины, которое легче выяснить рядовой массе в опровержении. Теперь же в статье В. И. Гурко были лишь чрезмерно широкие обобщения на всю корпорацию деяний, надо сознаться, довольно значительного количества членов этой корпорации!

Затем, составляя опровержение на статью В. И. Гурко, нельзя было ограничиваться деятельностью лишь младших и средних (по своему положению) чинов нашего Генерального штаба; нельзя было не принять во внимание деяний в первые же дни революции его верхов, нельзя было умышленно закрыть глаза на те последствия, которые имели, и на то влияние, которое оказали «деяния» этих верхов Генерального штаба на развитие событий и на направление, которое приняла русская революция после отречения императора от престола, каковое отречение и было результатом главным образом «деяний» ближайших к государю верхов Генерального штаба. После тех документальных данных, которые были опубликованы в русской заграничной печати о том моральном насилии, которое совершил над государем в вопросе его отречения от престола его ближайший сотрудник, генерал-адъютант Алексеев¹⁹, нашедший единомышленника в своем генерал-квартирмейстере генерале Лукомском²⁰, а равно и о таковом же насилии со стороны генерал-адъютанта Рузского²¹, мышления которого в критическую минуту были поддержаны генералами Юрием

¹⁹ Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–08.10 (25.09).1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник штаба Верховного главнокомандующего (1915–1917).

²⁰ Лукомский Александр Сергеевич (10.07.1868–25.02.1939) — генерал-лейтенант, в период отречения Николая II — генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего.

²¹ Рузский Николай Владимирович (06.03.1854–18.10.1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в период отречения Николая II — главнокомандующий армиями Северного фронта.

Даниловым (черным)²² и Саввичем²³, наконец — после опубликования данных об отношении к вопросу отречения государя главнокомандующих фронтами (опять — генерал-адъютантов или генералов Генерального штаба — Брусилова²⁴, Эверта²⁵, Сахарова²⁶) и о поведении с каждым идущим днем революции в геометрической прогрессии генерала Брусилова, — после ознакомления широкой публики со всеми этими документальными данными, — казалось бы, по моему мнению, даже не только неловким и смешным, но и недобросовестным видеть центр тяжести затронутого В. И. Гурко вопроса в деятельности таких чинов Генерального штаба с одиозными именами, как не вполне нормальный генерал-майор Потапов²⁷, полковник Якубович²⁸ и молодые полковники князь Туманов²⁹ и Туган-Барановский³⁰, потом полк[овник] Верховский³¹ и другие, о которых я под-

²² Данилов Юрий Никифорович (13.08.1866–03.02.1937) — генерал от инфантерии, в период отречения Николая II — начальник штаба главнокомандующего армией Северного фронта. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске, 25.03.1918 вышел в отставку и уехал на Украину.

²³ Саввич Сергей Сергеевич (01.04.1863 до 08.07.1939) — генерал от инфантерии, в период отречения Николая II — начальник снабжения Северного фронта.

²⁴ Брусилов Алексей Алексеевич (19.08.1853–17.03.1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, в период отречения Николая II — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

²⁵ Эверт Алексей Ермолаевич (20.02.1857–12.11.1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в период отречения Николая II — главнокомандующий армиями Западного фронта.

²⁶ Сахаров Владимир Викторович (20.05.1853–08.1920) — генерал от кавалерии, в период отречения Николая II — помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта.

²⁷ Потапов Алексей Степанович (17.03.1872–?) — генерал-майор, сотрудник Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы в период Февральской революции.

²⁸ Якубович Григорий Андрианович (15.03.1880–16.01.1926) — полковник, начальник отделения Главного управления Генерального штаба (на 1917), помощник военного министра (1917).

²⁹ Туманов Георгий Николаевич, князь (29.07.1880–10.1917) — полковник, позднее — генерал-майор. Помощник председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы в период Февральской революции.

³⁰ Туган-Барановский Лев Степанович (09.03.1880–?) — полковник, помощник председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы в период Февральской революции, начальник отделения Главного управления Генерального штаба (на 1917), и.д. начальника канцелярии военного министерства (с 09.05.1917).

³¹ Верховский Александр Иванович (27.11.1886–19.08.1938) — полковник, позднее — генерал-майор. И.д. начальника штаба отдельной Черноморской морской

робно упоминал во II томе моих воспоминаний. Я уже не говорю об опубликованных сведениях не документального и не официального характера, как напечатанные в «Русской летописи» воспоминания официального военного «историографа» генерала Дубенского³² или изданные фон-Лемке³³ воспоминания «250 дней в Ставке» и некоторые другие, внимательное чтение которых наводит на тягостные размышления о роли и значении генерала М. В. Алексеева в постигшей Россию катастрофе. Затем, составляя опровержение на статью В. И. Гурко, нельзя было совершенно игнорировать того факта, что (как мне написал ген[ерал]-лейт[енант] Н. А. Обручев³⁴, член правления общества офицеров Генерального штаба в королевстве С. Х. С.³⁵, в своем письме от 12 марта 1923 года), «подавляющее большинство офицеров Генерального штаба находится в Совдепии. За границей же сравнительно небольшая часть, из коих большинство, около 250 (считая в том числе и офицеров ускоренных выпусков из академии уже во время войны), в Сербии и очень мало в других странах»³⁶.

дивизии. В марте 1917 г. избран членом и товарищем председателя севастопольского совета рабочих депутатов. Разработал Положение о местных солдатских комитетах. Командующий войсками Московского военного округа (с 31.05.1917). Военный министр (30.08–22.10.1917) с производством в генерал-майоры.

³² Дубенский Дмитрий Николаевич (26.10.1857–05.07.1923) — генерал-майор, состоял в императорской Свите как официальный историограф.

³³ Лемке Михаил Константинович (31.10.1872–18.08.1923) — историк и журналист, военный цензор Ставки. Автор книги «250 дней в царской Ставке».

³⁴ Обручев Николай Афанасьевич (31.05.1864–04.01.1929) — генерал-лейтенант.

³⁵ Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

³⁶ Передо мной лежат 4 официальных «Списка Генерального штаба» за 1903, за 1912, за 1913 и за 1917 годы. С величайшим трудом удалось мне найти во всей Югославии эти 4 толстейших (до 750 страниц каждая, кроме «списка» за 1917 год, имеющего всего 164 стр., т. к. в нем нет «прохождения службы» каждого офиц[ера] Ген[ерального] штаба) книги, которые ежегодно печатались Главным управлением Генерального штаба. Последний «список» Генерального штаба был напечатан в бытность мою начальником Генерального штаба по моему распоряжению. Этот «список» исправлен по 3 января 1917 года и к нему приложены «изменения» по 8 февраля 1917 [года]. В этом списке указана лишь последняя должность офицера Генер[ального] штаба, без подробного описания прохождения им предшествующей службы. Этот последний (за 1917 год) список считался «секретным», т. к. он давал опытному глазу массу ценных сведений об организации нашей армии в Великую войну. На нем была надпись «секретно», и он рассылался лишь официальным лицам и учреждениям, причем каждый экземпляр имел свой номер. Из этих с великим трудом отысканных мною 4-х списков я извлеку и привожу здесь следующие интересные Статистические данные

Нельзя было забывать при составлении этого опровержения и перехода уже из эмиграции на сторону большевиков генералов Генерального штаба Слащева-Крымского³⁷, Достовалова³⁸ и С.К. Добrorольского³⁹. Добросовестность не позволяет забыть умышленно и факта суждения судом чести в Югославии Генерального

о составе нашего Генерального штаба в 1903, 1912, 1913 годах и в 1917 году непосредственно перед революцией:

Состояло на действительной службе

Названия чинов	по 15 июля 1903 г.	по 10 сент[ября] 1912 г.	по 20 авг[уста] 1913 г.	по 3 янв[аря] 1917 г.
Полных генералов	60	64	82	98
Генерал-лейтенантов	119	132	118	183
Генерал-майоров	199	208	224	349
Полковников	283	511	463	401
Подполковников	247	47	83	201
Капитанов	210	224	236	253
Штабс-капитанов	-	2	5	-
Причисленных к Генеральному штабу обер-офицер[ов]	141	118	185	26
Итого	1259	1306	1396	1511

Таким образом, в составе нашего Генерального штаба было к началу революции 1511 генералов, штаб- и обер-офицеров. Из них, по данным «Центр[ального] правления общества русск[их] офиц[еров] Ген[ерального] штаба», в эмиграции, в Совет[ской] России, только 250 чел[овек], считая в этом числе и тех офицеров, которые окончили уже после революции, при воен[ном] мин[истре] Керенском, учрежденные при Воен[ной] академии «курсы Генер[ального] штаба». Ясно, что подавляющая масса офицеров Ген[ерального] штаба осталась в России. В конце этой записки приложена интересная, составленная мною по «списку 1917 года» таблица распределения 1511 генералов и офицеров по должностям (строевым и штабным, а также — в тылу и на фронте, а равно и в плену).

Там же приложен и «Список офицеров Ген[ерального] штаба, находящихся в королевстве Югославия, а также и 1 экземпляр издаваемого ими «Вестника» (*примеч. П. И. Аверьянова*).

³⁷ Слашов (Слашов-Крымский) Яков Александрович (29.12.1885–11.01.1929) — генерал-лейтенант. Один из видных деятелей Белого движения на Юге России. Вернулся в Советскую Россию.

³⁸ Достовалов Евгений Исаакович (26.06.1882–1938) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России, вернулся в Советскую Россию.

³⁹ Добrorольский Сергей Константинович (11.10.1867–1933) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России, уехал в СССР.

штаба генерал-лейтенанта Борисова⁴⁰, многолетнего интимного друга генерала М. В. Алексеева, единственного и ближайшего сотрудника последнего в бытность генерала Алексеева главнокомандующим Северо-Западного фронта⁴¹ и начальником штаба Верховного главнокомандующего⁴², того генерала Борисова, который пользовался исключительнейшим и полнейшим доверием генерала Алексеева, «стратегическим вдохновителем» последнего или, как еще теперь говорят, «его злым гением»⁴³. Вследствие вышеизложенных соображений я увидел, что нет возможности написать сколько-нибудь

⁴⁰ Борисов Вячеслав Евстафьевич (24.09.1861–20.05.1941) — генерал-лейтенант. Ближайший помощник генерала М. В. Алексеева. Генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 24.04.1916) и при верховном главнокомандующем (с 20.05.1917).

⁴¹ Генерал от инфантерии М. В. Алексеев занимал пост главнокомандующего армией Северо-Западного фронта с 22.03.1915.

⁴² Генерал от инфантерии М. В. Алексеев занимал пост начальника штаба Верховного главнокомандующего с 18.08.1915 по 02.04.1917.

⁴³ Итак, уже 3 «злых гения» отыскал «глас народа — глас Божий» среди военных деятелей Великой и Гражданской войн: при Алексееве — злой гений Борисов, при Деникине — злой гений Романовский и при Врангеле — злой гений Павлуша Шатилов. Но нужно не забывать, что «глас народа», а точнее — общественное мнение, мнение интеллигенции — у нас очень часто ошибается: оно ошиблось, приветствуя назначение в Маньчжурию генерала Куропаткина; по-видимому, не менее жестко оно ошиблось, радостно приветствуя и назначение начальником штаба Верховн[ого] главнокомандующего генерала Алексеева; ошиблось оно и ожидая чудес от А. Ф. Керенского; ошиблось оно и предсказывая недолговечность Советского правительства.

В своем письме от 12 марта 1923 года покойный генерал Н. А. Обручев писал мне: «Много ли сменовеховцев? Мне известен один случай — это генерал Борисов, который собирается летом ехать в Совдепию; сегодня этот вопрос разбирался в суде чести. Суд приговорил его к исключению из службы с лишением чинов». Дело в том, что генерал Борисов совершенно открыто высказывал свои симпатии большевикам и находил, что они ведут национальную великую политику, сохраняют единство и целостность России. Он деятельно готовился к возвращению в Совдепию, однако, по неизвестным причинам, продолжает проживать в Белграде и в настоящее время, т. е. в середине 1929 года. Исключение его в 1923 году судом чести из службы с лишением чинов имело, конечно, лишь моральное, но не практическое значение. И потому генерал Борисов и по настоящее время продолжает служить «чиновником», заведующим довольно обширной библиотекой югославянской Военной академии, среди чинов которой пользуется большим авторитетом, благодаря своей действительно довольно обширной, хотя и односторонней, эрудиции. С русскими военными эмигрантами, да и вообще с эмиграцией, он порвал всякие связи. По возрасту — он ровесник покойного М. В. Алексеева, т. е. ему теперь около 71–72 лет. Он носит длинные, до плеч, волосы (à la Бальмонт), защитный френч с генеральскими погонями, аксельбантом и значком Генеральского штаба, черные штатского образца длинные панталоны; на улице же, несмотря на страшную

«приличное» опровержение на статью В. И. Гурко, во всяком случае, я почувствовал, что под моим пером оно было бы неискренним, звучало бы фальшиво, раз я сам считал верх Генерального штаба виновными в том гибельном для России направлении, которое приняла наша революция после вынужденного отречения государя от престола. И это независимо от моего личного отношения к самой революции. Лично я могу ее или приветствовать как долгожданное благо для Родины, или проклинать ее как вызванное злыми и темными силами зло, или, наконец, мириться с ней как с исторической неизбежностью. Но во всех трех случаях я не могу не сознавать, что вышеуказанные верхи Генерального штаба поработали на пользу революции несоизмеримо больше, нежели та мелкота Генерального штаба, которая приобрела одиозные имена.

Все эти мои соображения и размышления я подробно сообщил председателю Центрального правления нашего общества, генералу Владимиру Михайловичу Драгомирову, причем высказал нижеследующее свое мнение о том, как поступить с намеченным опровержением на статью В. И. Гурко, а именно: ни Гурко, ни мы не можем быть нелицеприятными судьями нашего Генерального штаба; правильный приговор над ним сможет вынести только в отдаленном будущем беспристрастный историк (если когда-либо появится такой «беспристрастный» историк) на основании всего (а не частичного лишь, как ныне) документального материала о деятельности чинов нашего Генерального штаба; кроме того, революция ведь еще не закончилась, она, в сущности, еще продолжается и проходит через известные уже истории этапы, причем мы еще не знаем, какую положительную или какую отрицательную роль сыграют еще на этих этапах наши коллеги по Генеральному штабу; может быть еще появятся среди них светлые герои или же мы еще не раз будем огорчены наличием в нашей среде гнусных предателей⁴⁴; при таких условиях, по моему мнению, нам нужно отказаться от писания опровержений, а собрать и предать гласности возможно более документального материала,

жару, он всегда завертывается в старую, неопределенного цвета, офицерскую накидку без погон. Теперь он седой, как «лунь» (*примеч. П. И. Аверьянова*).

⁴⁴ К великому моему огорчению в скором же времени пронеслись вести о самоубийствах генералов Монкевича (во Франции) и Болховитинова (в Болгарии), якобы уличенных в сношениях с большевиками и работе на пользу Советской власти, о чем, несколько подробнее, я говорю ниже (*примеч. П. И. Аверьянова*).

освещающего деятельность чинов русского Генерального штаба непосредственно перед революцией и в течение самой революции, еще не закончившейся; поэтому я полагал бы наиболее целесообразным отправить для напечатания в «Архиве русской революции» весь собранный материал, предназначенный для составления опровержения на статью В. И. Гурко, указав лишь в предисловии к этому материалу, что таковой печатается с целью дать читателям «Архива» возможность судить — насколько справедливы деланные В. И. Гурко обобщения.

На это мое письмо генерал В. М. Драгомиров ответил письмом от 17 января 1927 года в таких выражениях: «Очень Вам признателен за Ваше обстоятельное письмо и высказанные Вами ценные мысли по поводу направления всего дела. В общем я вполне согласен с Вами, но для окончательного решения дела его следует провести через Центральное правление. Поэтому прошу Вас прислать весь имеющийся у Вас материал мне или Базаревичу⁴⁵. По его рассмотрении будет составлено постановление, а затем мы спланируем с Архангельским и с его мнением⁴⁶, или без него, направим материал по принадлежности».

Я немедленно выслал генералу Драгомирову все материалы заказной бандеролью и получил от него уведомление почтовой открыткой о получении им высланных мною материалов в полной исправности.

Через несколько месяцев после окончания этой переписки со мной по поводу статьи В. И. Гурко генерал Владимир Михайлович Драгомиров умер от воспаления легких, не успев довести этот вопрос до намеченного конца. По наведенной мною (в июне 1929 года) справке у секретаря и члена районного правления (не смешивать с «центральным» правлением) Общества русских офицеров Генерального штаба в королевстве С. Х. С., генерал-майора В. Н. Полтавцева, возвращенные мною генералу В. М. Драгомирову материалы

⁴⁵ Полк[овник] Базаревич — член Центрального правления Общества русских офицеров Генерального штаба в эмиграции (*примеч. П. И. Аверьянова*). Базаревич Владимир Иосифович (04.11.1880–31.10.1943) — полковник, участник Белого движения на Юге России. В эмиграции — в КСХС.

⁴⁶ С генералом Архангельским, переехавшим из Югославии в Бельгию вместе с генералом Врангелем и не успевшим написать просимые от него воспоминания и «мнение» по поводу статьи В. И. Гурко (*примеч. П. И. Аверьянова*).

о деятельности офицеров Генер[ального] штаба в первый год революции, не были отправлены для напечатания в «Архив русской революции» и, вероятно, находятся в делах «Центрального правления» Общества офицеров русского Генерального штаба, председателем которого ныне (вместо покойного В. М. Драгомирова) состоит генерал-от-инфантерии Я. Ф. Шкинский⁴⁷. Упоминаю обо всем вышеизложенном с той целью, чтобы осведомить «будущего историка» и русской революции и, особенно, русского Генерального штаба о существовании довольно интересных исторических материалов, специально освещающих затронутый В. И. Гурко вопрос, и указать этому будущему историку путь, по которому следует направиться в поиски за этими материалами.

Одно письмо генерала Генерального штаба Николая Августовича Монкевица⁴⁸ от 2 апреля 1924 года

Во втором томе моих воспоминаний я упомянул, что проживающий во Франции Генерального штаба генерал Николай Августович Монкевиц, бывший мой сослуживец по службе в Главном управлении Генерального штаба (он был помощником 1-го обер-квартирмейстера, когда я был 2-м обер-квартирмейстером) обратился ко мне с письмом от 2 апреля 1924 года, в котором он просил меня сообщить ему мое заключение (а если возможно, то и выслать ему документальные данные) по поводу появившегося в № 1208 от 30 марта 1924 г. в газете «Последние новости» письма, под заглавием «Те, которые участвовали в этом», в конце которого говорится буквально следующее: «Могла ли затеянная интрига остаться в тайне? Конечно, нет! Ведь на место Беляева надо было назначить кого-нибудь начальником Генерального штаба. Выбор пал на генерала Аверьянова, столь же способного и молодого, как и безусловно честного человека. Исполняя по долгу службы секретнейшие распоряжения триумвирата, он сохранил важнейшие документы у себя, с целью опубликовать их, когда придет время». Далее ген[ерал] Монкевиц пишет мне: «Вот по этому-то поводу я и обращаюсь к Вам. В письме идет речь

⁴⁷ Шкинский Яков Федорович (04.06.1858–22.04.1938) — генерал от инфантерии.

⁴⁸ Монкевиц Николай Августович (22.11.1869–11.1926) — генерал-лейтенант.

об интриге триумvirата Протопопов⁴⁹, Беляев и Хабалов⁵⁰ с целью инсценировать в Петрограде мятеж и затем подавить его при помощи полиции с пулеметами, но без участия войск, и свалить всю ответственность за происшедшее на Государственную Думу. Анонимный автор этого письма говорит, что у Вас будто бы есть документы, доказывающие существование этой интриги. Я давно уже веду идейную борьбу с Милюковым⁵¹, Керенским⁵² и всей этой компанией и в особенности с рассказываемыми ими небывицами о событиях февраля 1917 года и всех мерзких обвинений их против императора и императрицы. Поэтому я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сочли возможным сообщить, насколько правдоподобны заявления этого письма, и какие у Вас имеются документы, которые Вы собираетесь опубликовать. Если Вы желаете, я обязуюсь не использовать ничего того, что вы мне сообщите, но мне необходимо знать истину. Зная Беляева и Хабалова и не будучи высокого мнения об их талантах, я, тем не менее, безусловно не считаю их способными участвовать в такой подлой интриге и думаю, что это лишь злостное уверение автора письма».

Я ответил генералу Монкевицу, что анонимный автор цитируемого им письма, видимо, совершенно не знает вопроса, о котором взялся писать: я был назначен на должность начальника Генерального штаба не по представлению военного министра Беляева, после предварительного «избрания» меня триумvirатом, а по представлению военного министра генерала Шуваева⁵³, избравшего меня на эту должность вместо уволенного с этой важной должности (по его, Шуваева, настоянию) генерала Беляева. Когда же на место генерала Шуваева военным министром был назначен генерал Беляев,

⁴⁹ Протопопов Александр Дмитриевич (18.12.1866–27.10.1918) — последний министр внутренних дел Российской империи (1916–1917).

⁵⁰ Хабалов Сергей Семенович (21.04.1858–1924) — генерал-лейтенант, командующий войсками Петроградского военного округа (1916–1917).

⁵¹ Милюков Павел Николаевич (15.01.1859–31.03.1943) — русский политический деятель, министр иностранных дел Временного правительства (1917).

⁵² Керенский Александр Федорович (22.04.1881–11.06.1970) — российский политический деятель, министр юстиции Временного правительства (02.03–18.04.1917), военный и морской министр (05.05–01.09.1917), министр-председатель Временного правительства (07.07–26.10.1917).

⁵³ Шуваев Дмитрий Савельевич (12.10.1854–19.12.1937) — генерал от инфантерии (с 12.07.1911), военный министр (15.03.1916–03.01.1917).

то я с ним не ужился и десяти дней, самовольно оставил пост начальника Генерального штаба, подав рапорт о болезни (к моему счастью — случившейся именно в подходящий и нужный момент), и добился назначения меня на фронт, каковое назначение не состоялось только вследствие того, что вспыхнувшая в Петрограде революция помешала генералу Беляеву представить на подписание императору, заготовленный Главным штабом указ Правительствующему Сенату об увольнении меня с должности начальника Генерального штаба и приказ по военному ведомству о назначении меня на Кавказский фронт. Вследствие этих обстоятельств революция застала меня на посту начальника Генерального штаба числившимся официально «больным» и не несшим служебных обязанностей, и только вследствие настояний посетившей меня делегации от чинов Главного управления Генерального штаба я вступил снова в должность начальника Генерального штаба именно в тот момент, когда арестованный военный министр генерал Беляев садился в автомобиль, который его отвез в Таврический дворец. Вместе с тем, я сообщил генералу Монкевицу, что в Петрограде действительно очень упорно циркулировали слухи о том, что «триумvirат» вооружил военными (предназначенными для снабжения армии) пулеметами городскую полицию, которая, якобы, стреляла из этих пулеметов по народу, расположив их на крышах казенных зданий. Однако проведенное мною и помощником военного министра, генералом Маниковским⁵⁴, расследование не дало достаточных данных для того, чтобы утверждать, что генералы Беляев и Хабалов отпустили Протопопову военные пулеметы для вооружения полиции.

На этом моя переписка с генералом Монкевицем прекратилась. В конце 1926 года до меня дошли слухи о том, что генерал Монкевиц застрелился, якобы, вследствие того, что был уличен французскими властями в работе для Советского правительства. А уже 18 января 1927 года генерал Н. А. Обручев (помощником коего был генерал Монкевиц в Главном управлении Генерального штаба) написал мне: «Получил письмо от Гиссера⁵⁵, который пишет мне, что

⁵⁴ Маниковский Алексей Алексеевич (13.03.1865–01.1920) — генерал от артиллерии, помощник военного министра (с 06.03.1917). Временно управляющий военным министерством.

⁵⁵ Генер[ального] штаба генерал Гиссер, служивший делопроизводителем в части 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба, непосредственно

Н. А. Монкевиц, надо полагать, виновен в том, в чем его обвиняют, ибо французская полиция имеет данные, удостоверяющие, что Монкевиц имел сношения с большевиками, но эти данные полиция отказывается дать даже великому князю⁵⁶. Вот какой вышел негодяй из Монкевица. Кто бы мог это думать!»

Немного времени протекло после такого печального конца генерала Монкевица, когда из Болгарии получилось сообщение о самоубийстве (при том — из ружья!) Генер[ального] штаба генерал-лейтенанта Леонида Митрофановича Болоховитинова, о котором я неоднократно упоминал во II и в III томах моих воспоминаний, моего бывшего талантливого подчиненного (был делопроизводителем во вверенной мне части 2-го обер-квартирмейстера Генерального штаба), главного начальника снабжения Кавказского фронта, рядового в одном из пехотных полков Добрармии (по приговору суда, назначенного Деникиным, был приговорен к смертной казни, замененной разжалованием в рядовые; впоследствии был прощен с возвращением чина генерал-лейтенанта) и, наконец, «последнего» военного министра Кубанского краевого правительства. И вновь — смерть эта связывается с толками и слухами о том, что причиной самоубийства является обнаружение службы и работы самоубийцы на пользу Советской власти! Утверждают, что генералу Болховитинову пришлось прочитать в издаваемом в Советской России «Красном архиве» статью или чьи-то воспоминания, которые подтверждали добровольную службу его у большевиков, его добросовестную работу в их пользу и, следовательно, и правильность решения, вынесенного судом Добрармии, приговорившего его к смертной казни.

Полагаю, что при наличии таких фактов не следует писать опровержений на статью В. И. Гурко, а должно накапливать исторический материал для будущего историка, который займется составлением правдивой истории нашего Генерального штаба. Вот почему и я лично стараюсь собрать все доступные мне сведения о деятельности чинов Генерального штаба и занести их на страницы моих

подчинявшийся генералу Монкевицу (примеч. П. И. Аверьянова). Гиссер Георгий Георгиевич (03.01.1872 — не ранее 1934) — генерал-майор. В эмиграции — в Швеции.

⁵⁶ Великий князь Николай Николаевич (примеч. П. И. Аверьянова). Николай Николаевич (младший) (06.11.1856–05.01.1929) — великий князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Принял на себя формальное руководство Русским Общевоинским союзом (1924).

воспоминаний, предназначенных для будущего историка. Оценивать же своих современников, делить их на «светлых» и «темных» деятелей нашей смутной эпохи, видеть в одних «мучеников в светлых ризах», а в других «предателей и виновников гибели России», я лично считаю очень преждевременным. У нас нет еще нужного критерия для такой оценки, и нам неизвестны еще многие и многие факты, потребные для справедливого суждения. Два военных эксперта, два «воен-спеца» участвуют в обсуждении Брестского «похабного» мира: генерал-от-инфантерии Данилов (черный) и генерал-майор Скалон⁵⁷; второй — не в состоянии пережить позора Отечества и предпочитает смерть подписанию протокола «мира», а первый — участвует в совещаниях до конца и подписывает его постановления и решения. Если второй — «светлый» герой, то кто же первый? Неужели «темный» предатель? Или еще более яркий и более значительный по своему существу пример: с одной стороны: «основоположник» Добармии, «зажегший светоч в том мраке, который окутал Россию»⁵⁸, как называют генерала М. В. Алексеева одни, и «замаливавший созданием Добармии свой тяжкий грех перед Россией», «оставшийся без поддержки своего государя в тяжелую минуту его жизни, совершивший над ним моральное насилие», «своим водительством русских вооруженных сил в Великую войну безумно легкомысленно растративший огромнейшие людские и конские запасы России, бестолково истощивший ее материальные силы», как мыслят о нем многие другие. Кто из них прав в своих оценках генерала М. В. Алексеева? Нет еще достаточного исторического материала для правильного суждения и оценки деятельности этого человека!

ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 42–55. Автограф.

⁵⁷ Скалон Владимир Евстафьевич (28.11.1872–29.11.1917) — генерал-майор. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске. По прибытии в Брест-Литовск покончил с собой.

⁵⁸ Искаженная цитата из письма генерала М. В. Алексеева: «Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы» (цит. по: Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Париж, 1922. Т. 2. С. 223).

Сербские политические партии и конституционный вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1921)¹

Десять лет тому назад Мирослав Йованович в книге «Кризис истории» рассуждал о том, как повлияли на сербское «общественное и историческое сознание» потрясения 1990-х — начала 2000-х гг. Их следствием, помимо прочего, стали «попытки формирования новой системы общественных ценностей», а также «появление новых и переосмысление старых мифов»². Переосмысление, прежде всего, выразилось в утверждении бескомпромиссного максималистского подхода к собственной истории, в рамках которого отдельные ее «сегменты» осуждались и предавались забвению, а другие «некритично абсолютизировались, прославлялись и выпячивались». В этой ситуации сербская историческая наука в лице многих ее представителей, по словам покойного белградского профессора, оказалась не на высоте своего предназначения. Она «вместо того, чтобы формировать рациональное историческое сознание», стала «загромождать мифологическими конструкциями общественную память, и без того травмированную и одурманенную мифами»³. Соглашаясь с мнением покойного белградского профессора, оговоримся, что оно справедливо в отношении далеко не одной лишь сербской историографии.

Что касается присущих именно ей «конструкций», описывавших «славные» страницы истории, то одной из них является

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19–09–00163

² *Јовановић М., Радић Р.* Криза историје: српска историографија и друштво изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009. С. 139–143.

³ Там же. С. 106.

распространенный тезис о том, что после обретения независимости от Османской империи в 1878 г. сербское княжество/королевство в течение двух с небольшим десятилетий преобразилось в «современное европейское государство». За считанные годы в стране сложились условия для формирования политических партий, введения парламентаризма, а к началу XX в. в ней «почти воплотилась британская двухпартийная модель демократии»⁴. Кульминации процесс европеизации якобы достиг в период правления короля Петра Карагеоргиевича (1903–1914), именуемый «золотым веком» или «Перикловой эрой». Сербия тогда могла считаться «передовой демократией, одной из самых развитых в Европе».

Процитированный А.Л. Шемякин, а также Ольга Попович-Обрадович⁵ посвятили немало работ демонстрации несоответствия данного умозрительного представления реальному положению вещей в Сербии в 1878–1914 гг. Однако комплиментарный взгляд на политическое развитие Сербии не ограничивается указанными хронологическими рамками. Когда речь заходит о межвоенном периоде (1918–1941), некоторые историки склонны трактовать обострение межнациональных отношений в Королевстве СХС/Югославия как следствие противостояния передовой сербской интеллектуальной/политической элиты с косными и ретроградно настроенными представителями югославян бывшей Австро-Венгрии. По словам Любомира Димича, сербы «видели новое государство парламентской демократией, основанной на европейских стандартах и сербском опыте» (курсив мой. — А.С.)⁶. Со своим коллегой соглашался Джордже Станкович, который подобное «видение» приписывал главе сербской Народной радикальной партии (НРП) Николе Пашичу. Тот якобы «представлял югославянское государство, построенным на либеральных принципах гражданского государства с простым, а не сложным внутренним устройством, с правом голоса для всех совершеннолетних

⁴ Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1903): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. М., 2016. С. 172.

⁵ Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији од 1903. до 1914. године. Друго издање. Београд, 2008.

⁶ Димић Љ. Историја Српске државности. Књига III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 50.

обоих полов, а также народной скупщиной как верховным и неограниченным в своих правах законодательным органом»⁷.

Возвращаясь к тезису Л. Димича, отметим, что одним из проявлений прогрессивности взглядов сербских политиков названа приверженность большинства их «модерной политической интеграционной югославянской идее». «Ее последователи, — продолжает автор, — лелея у югославян осознание ими собственной этнической близости, общности языка, территории проживания, стремились к преодолению раздробленности и барьеров, которые оставили предыдущие столетия»⁸.

Неуспех реализации «модерной идеи» объясняется тем, что ей «противодействовало партикуляристское сознание аграрного общества с укоренившимися в нем национальными идеологиями, по своей природе клерикальными, консервативными и авторитарными». Носителями оных провозглашаются, прежде всего, югославяне-католики, центробежные устремления которых стали основной причиной кризиса первой Югославии. По словам Смиляны Джурович, «бросалось в глаза сопротивление интеграции и централизации со стороны отдельных субъектов политики, которые... претендовали на представительство отдельных регионов государства, которые они — эти субъекты — стремились представить в качестве так называемых исторических областей. Противоречия между инициаторами процесса становления нового современного капиталистического государства, с одной стороны, и носителями историзма, с другой, в 1920-е гг. всерьез препятствовали нормальному функционированию Королевства СХС»⁹.

Первый этап указанного противостояния пришелся на отрезок времени, отделявший провозглашение Королевства сербов, хорватов и словенцев (1 декабря 1921 г.) от принятия конституции (28 июня 1921 г.). Именно тогда сербские правящие партии, обличая своих хорватских и словенских оппонентов, прибегли к риторике, которую воспроизвели в своих работах процитированные выше современные сербские авторы. Насколько она отражала характер происходившего, нам предстоит определить в настоящей работе.

⁷ *Станковић Ђ.* Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника. II. Београд, 2007. С. 314.

⁸ *Он же.* Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 108.

⁹ *Ђуровић С.* Основне тенденције привредног развоја Југославије 1918–1941 // Југословенска држава 1918–1998. Београд, 1999. С. 274.

* * *

В день святого Вита — 28 июня 1921 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) обрело конституцию — так называемый Видовданский устав. За правительственный законопроект проголосовали 223 депутата — фракции правящих Радикальной и Демократической (ДП) партий, а также мусульманские группы (Югославянская мусульманская организация (ЮМО) и Джемиет). Против высказалось всего 35 человек. Зато впечатляющим выглядело число тех, кто бойкотировал знаменательное событие, — 158. 58 из них — члены Коммунистической партии Югославии (КПЮ), а остальные — партий Хорватии и Словении, заявивших о нелегитимности голосования и принимаемого основного закона.

Несмотря на скандальный характер произошедшего, представители сербского политического истеблишмента усматривали в нем по истине эпохальное значение. Показательно парламентское выступление радикала и министра, ответственного за работу Учредительного собрания Марко Трифковича: «Спустя два с половиной года мучительной и упорной работы по решению конституционного вопроса <...> сегодня мы завершаем великое дело народного освобождения, начатое в селе Орашац в 1804 г.»¹⁰.

Основной закон описывал «единое, неделимое и компактное» в территориально-административном отношении государство — «конституционную парламентскую монархию», подданным которой причиталась «вся полнота власти»¹¹. «Конституция дает все права, все свободы и гарантии народу, что он будет полновластным хозяином в своем доме <...> Ни одно решение не сможет быть принято без одобрения народного представительства»¹², — так, по словам Н. Пашича, надлежало воплощаться «народному суверенитету». Основанием одного служили индивидуальные права и свободы, обретение которых должно было «компенсировать» упразднение коллективных

¹⁰ Stenografske beleške Ustavotvorne skupštine Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. LXII redovni sastanak. 28 juna 1921. god. Beograd, 1921. S. 1–2.

¹¹ Марковић Л. Из Уставотворне у законодавну скупштину // «Нови живот». VI књига. Београд. 1921. С. 3.

¹² Говор Николе Пашића у Уставотворној скупштини 12. маја 1921. године // Станковић Ђ. Сто говора... С. 322–323.

прав югославян, которыми они до 1918 г. пользовались в собственных «племенных государствах и локальных автономиях»¹³.

Опасения тех, кто боялся остаться в меньшинстве в этом *l'État unitaire*, должно было развеять следующее пояснение авторов Устава, которое мы воспроизводим в «пересказе» выдающегося сербского правоведа и историка Слободана Йовановича: «Парламентаризм и самоуправление исключают какую-либо тиранию, в том числе тиранию одного племени над другим»¹⁴. Или, говоря словами самого Н. Пашича, «конституция не создает такого централизма, при котором отсюда всем раздаются приказы, и все должны их слушаться. <...> Не может быть такого централизма, когда все братья собираются в одной Скупшине, вместе совещаются, вместе договариваются, как нам обустроить наше общее братское государство»¹⁵.

Европейский характер «конституции современной демократии»¹⁶ составлял предмет гордости правящих НРП и ДП. Незадолго до итогового голосования — в мае 1921 г. — один из лидеров демократов Светозар Прибичевич убеждал оппозицию: «Это типичная конституция всех стран континентальной Европы, которые представляют собой унитарное государство. Этот тип мы имеем в Норвегии, Швеции, Дании, Франции, Италии, Испании, Чехии, Польше, Болгарии, Греции и т. д.»¹⁷. В том же духе выступал Н. Пашич, утверждавший, что правительственный проект возник «при помощи новых идей, появившихся в Европе и в мире». Более того, по словам премьер-министра, в области конституционного строительства Королевство СХС находилось впереди планеты всей. Ведь в основу будущего Видовданского устава легла сербская конституция 1903 г., а та «вызывала зависть у всех остальных демократических народов»¹⁸. Как, по-видимому, и избирательный закон, который был «совершеннее, чем какой-либо аналогичный»¹⁹. Дос-

¹³ *Jovanović S.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1995. С. 94–95.

¹⁴ Там же. С. 98.

¹⁵ Самоуправа. 1923. 8. VI. «Говор г. Н. П. Пашића у Народној скупштини 7 јуна 1923. године».

¹⁶ *Marković L.* Jugoslovenska država i Hrvatsko pitanje. Zrenjanin, 1991. S. 154.

¹⁷ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. XXIX редовни састанак. 12 маја 1921. године. Београд, 1921. С. 7.

¹⁸ Говор Николе Пашића у Уставотворној скупштини 12. маја 1921... С. 322–323.

¹⁹ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. XLIX редовни састанак. 11 јуна 1921. године. Београд, 1921. С. 7.

тоинства законодательства сулили югославянам «скорое присоединение к числу самых прогрессивных народов» и построение «модерного демократического государства».

Что касается представленной Н. Пашичем либерально-демократической модели, подразумевавшей возможность преодоления любых общественных противоречий посредством популярно описанных парламентских процедур, то она не имела ничего общего с политической практикой ни 1918–1921 гг., ни более позднего времени. Лейтмотивом так называемого Переходного периода был не поиск «братского» согласия, а жесткая конфронтация, которая разворачивалась по двум главным направлениям. Одно из них обусловил ставший фатальным для межвоенной Югославии вопрос ее внутреннего территориально-административного устройства. Промежуточным итогом конфликта между «сербиянцами» и югославянами-католиками стал бойкот последними голосования по принятию Видовданской конституции.

Второе служило продолжением начавшейся еще в довоенной Сербии междоусобицы правящих радикалов, оппозиционных партий и двора. Для перечисленных сведение старых счетов имело куда большее значение, чем поиск *modus vivendi* с хорватами и словенцами. Показателем такого выбора приоритетов можно считать тот факт, что у участников «треугольника» на совместную разработку и принятие конституции ушло не «два с половиной года упорной работы», а всего 6 месяцев с начала 1921 г., что заседало Конституционное собрание. Зато около двух лет — с конца 1918 г. по конец 1920 г. — потребовалось, чтобы осознать тщетность усилий отстранить друг друга от кормила власти.

* * *

Начало/продолжение внутрисербского противостояния на югославской политической арене знаменовал отказ принца-регента Александра Карагеоргиевича (15 декабря 1918 г.) утвердить Н. Пашича главой первого кабинета Королевства СХС, о составе которого предварительно договорились сербские партии и прибывшая из Загреба делегация Народного вече СХС²⁰. Этот «непарламентский»,

²⁰ Народное вече СХС представляло собой представительный орган власти в Государстве словенцев, хорватов и сербов, образованном из отдельных югославянских

по мнению современников²¹, поступок нарушал политический консенсус, сложившийся в Белграде после «перводекабрьской» церемонии, на которой представители Вече и сербский престолонаследник объявили об объединении Сербии и югославянских земель бывшей Австро-Венгрии. В конце концов, 20 декабря концентрационное правительство²² возглавил Стоян Протич — второй человек в иерархии НРП.

«Опала», наложенная Александром на Пашича, отправившегося в Париж главой югославской делегации на мирной конференции, свидетельствовала о разрыве их негласного союза. Тот возник примерно за десять лет до описываемых событий — после того, как в 1909 г. младший сын сербского короля Петра Карагеоргиевича неожиданно стал престолонаследником в результате отречения от прав на престол кронпринца Георгия. Александра и главу НРП сблизил опасность, исходившая от офицерского объединения «Объединение или смерть» («Черная рука»). Его основатели, в 1903 г. свергнувшие Обреновичей и возведшие на престол Карагеоргиевичей, считали тех своей марионеткой, а радикалов — конкурентом в борьбе за право определять внутри- и внешнеполитический курс королевства.

Устанавливая отношения с Н. Пашичем, Александр искал не только защиту от угрозы физической расправы, которую в 1911 г. в личной беседе озвучил лидер заговорщиков Драгутин Димитриевич-Апис²³, но и возможность избежать политической изоляции. Ведь армия, в которой он хотел утвердить свое влияние, в значительной степени находилась под контролем «чернорукцев». Кроме того, их воле подчинялся и престарелый король Петр, который, по словам Б. Глигориевича, «считал себя обязанным за то, что они для него сделали, возведя на престол»²⁴.

территорий бывшей Австро-Венгрии. Государство СХС просуществовало с 29 октября по 1 декабря 1918 г. Прекратило свое существование в результате объединения с Королевством Сербия, решение о котором приняло Народное вече СХС.

²¹ *Gligorijević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929). Beograd, 1979. S. 23.*

²² «Концентрационное правительство» формируют члены всех крупных партий, представленных в парламенте.

²³ *Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 331.*

²⁴ *Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић и Никола Пашић // Никола Пашић: живот и дело. Београд, 1997. С. 419.*

В свою очередь, для Н. Пашича неформальный альянс с молодым принцем служил лишним подтверждением легитимности политической гегемонии радикалов. Союз крупнейшей парламентской партии и престолонаследника — будущего короля — олицетворял гармонию отношений народа/народного представительства и династии, как ее видели партийные идеологи: «Авторитет престола поддерживается лучшим образом, когда парламентское большинство управляет государством». <...> «Конституционный правитель» должен «следовать» за правительством, пока оно располагает большинством, «ограничиваясь оказанием морального воздействия и прибегая только к силе убеждения»²⁵. Кроме того, поддержка Пашичем Александра объяснялась пониманием того, что внутреннему развитию государства и его внешнеполитическому реноме вредит ситуация, в которой династия является объектом произвола со стороны доморожденных «преторианцев».

Итак, участников политического тандема объединяло отнюдь не «сердечное согласие». Н. Пашич суверенитет народного представительства, то есть, фактически, свой и своей партии, ставил много выше прав династии, что предопределило подчеркнуто менторское отношение к молодому престолонаследнику. Тот, как вспоминал российский посланник в Белграде Г.Н. Трубецкой, «робкий, но в то же время самолюбивый, тяготился авторитетом Пашича и пытался проявить собственную власть, но не всегда знал, как это сделать»²⁶.

Перспектива освобождения от уз опостылевшего принцу-регенту союза забрезжила лишь после сфабрикованного совместно с радикалами Салоникского процесса. Вынесенный весной 1917 г. смертный приговор Апису и его соратникам, по словам осведомленного современника, позволил Александру «уничтожить источник любого другого влияния на армию, кроме своего собственного»²⁷. В результате на завершающем этапе Первой мировой войны и сразу после нее авторитет верховного командующего победоносной армии позволил принцу-регенту приобрести такой политический вес, о котором не мог и мечтать его отец. Если в 1903–1914 гг.

²⁵ Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 345.

²⁶ Цит. по: Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 324.

²⁷ Stojadinović M. Ni rat, ni pakt. Jugoslavija izmedju dva rata. Buenos Aires, 1963. S. 135.

«границы власти монарха были жестче и уже тех, что предусматривала конституция»²⁸, то теперь аппетиты Александра далеко выходили за ее рамки. Он одновременно выступал в роли и «конституционного фактора», и «внеконституционной политической силы», то есть армии, которую ранее на политической арене представляли заговорщики²⁹. От них он «унаследовал» и союзников, вместе с которыми на протяжении «Переходного периода» попытался ослабить НРП.

Речь идет о «сербиянской» оппозиции, к которой относились Либеральная (Народная), Напредняцкая и Независимая радикальная («младорадикалы») партии³⁰. В «Периклову эру» острота противоречий каждой из них со «старорадикалами» во многом определялась тем, как те «воспринимали демократию, парламентаризм, политический плюрализм... другие европейские институты и идеи» и, следственно, оценивали себя и окружающих в силу этого восприятия. А оно весьма диссонировало с вышеприведенным описанием толерантного «братского» взаимодействия парламентских групп. Глава НРП и его соратники, по словам А.Л. Шемякина, «рассматривали демократию как ничем не ограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм как институционализацию такого права; решительно отвергая при этом плюрализацию власти и считая одних лишь себя выразителями интересов народа»³¹. Претендуя на «эксклюзивный патриотизм», радикалы в других партиях видели не политических оппонентов, а врагов и изменников сербского народа — «австрийских шпионов», внутренних «Бранковичей» и т. п.

Оппозиция платила радикалам той же монетой, называя их парламентское большинство результатом не народного волеизъявления, а злоупотребления, говоря современным языком, административным ресурсом. В эпитетах, которыми награждался «антинародный»

²⁸ Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 259.

²⁹ По словам О. Попович-Обрадович, «проблема существования заговорщиков как фактор функционирования политических институтов, по сути, представляла собой проблему роли армии в политической жизни» (Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 309).

³⁰ Последняя откололась от НРП в 1901 г. и окончательно оформилась в 1904 г.

³¹ Шемякин А.Л. Политическое развитие Сербии в 1903–1914 гг. // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. С 32.

режим НРП, также можно услышать отголоски борьбы, которую сербы с былинных времен вели со своими извечными неприятелями. Правление Пашича и «подлинного турка» С. Протица именовалось «янычарской политикой»³².

Неспособность в одиночку противостоять оной заставила младорадикалов, либералов и напредняков забыть об идеологических разногласиях. Как пишет О. Попович-Обрадович, к 1914 г., «утратив терпение в ходе продолжительной борьбы против многолетнего правления пашичевских радикалов, которое единодушно оценивалось как систематическое нарушение, по праву большинства, основных ценностей конституционного государства и парламентского правления (а именно, соблюдения законов, политических и, особенно, избирательных свобод), оппозиционные партии устранение от власти радикалов сделали краеугольным камнем собственных политико-практических программ. Поставив перед собой эту цель, они в конце концов пришли к соглашению»³³.

К соглашению не только друг с другом, но и с «Черной рукой», которая в первой половине 1914 г. предприняла очередную попытку сбросить радикалов с политического Олимпа. Оппозиция, действуя синхронно с «внеконституционными силами», посредством многомесячной обструкции спровоцировала роспуск скупщины и объявление новых выборов, назначенных на 1 августа 1914 г. Со своей стороны, «чернорукцы» принуждали короля Петра вручить младорадикалам мандат на формирование кабинета, которому предстояло провести избирательную кампанию. Осуществить задуманное не удалось из-за позиции российского посольства, настоявшего на сохранении Н. Пашичем поста премьер-министра. Не сумев выполнить свое слово, данное Апису и Ко, 11 июня 1914 г. Петр издал указ о перенесении «в связи с болезнью» монарших prerogatives на Александра, провозглашенного принцем-регентом.

Сотрудничество с «чернорукцами» красноречиво свидетельствует о приоритетах сербской оппозиции. Ради укрепления собственных позиций и ослабления НРП она была готова к неоднозначным союзам и идеологическим кульбитам. Сразу по окончании войны эта «гибкость» позволила оппозиционерам участвовать в создании

³² Цит. по: Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 213.

³³ Там же. С. 428.

Югославянской демократической лиги³⁴, а также встать на сторону Югославянского комитета и Народного вече СХС в пику Н. Пашичу в ходе Женевской конференции³⁵. В 1919 г., руководствуясь извечным стремлением насолить радикалам, напредняки, либералы и младорадикалы переходят под знамена С. Прибичевича, который по сравнению с их прежними союзниками занимал противоположную позицию по проблеме национально-территориального устройства нового государства.

Подобная тактика становилась объектом филиппик со стороны радикалов, возмущенных поведением оппонентов в Женеве: «Видные представители... оппозиционного блока присоединились к противникам полного единства (территориального единства, вытекающего из теории народного единства югославян. — А.С.). Как же, все-таки, могло произойти, что спустя всего несколько месяцев... позиция снова переменилась, и состоялась новая противоестественная перегруппировка партий?»³⁶. Имелось в виду вступление в Демпартию (в апреле 1919 г.), болезненно воспринятое хорватскими представителями, считавших сербских оппозиционеров, в частности, младорадикалов собственными единомышленниками: «В изумление нас привело понимание народного единства теми сербскими партиями, которые, как нам раньше казалось, крепко стоят на позиции полного равноправия всех племен»³⁷.

³⁴ Югославянская демократическая лига — объединение политиков, ученых и общественных деятелей из Сербии и югославянских областей Австро-Венгрии, созданное в Париже в 1918 г.

³⁵ 6–9 ноября 1918 г. состоялась Женевская конференция, в которой приняли участие руководители Югославянского комитета, Народного вече СХС, а также представители Сербии — Н. Пашич, напредняк Воислав Маринкович и младорадикал Милорад Драшкович. В пику премьеру-радикалу двое последних поддержали «дуалистическую» позицию хорвата Анте Трумбича и словенца Антона Корошеца. Те настаивали на признании Сербией Государства словенцев, хорватов и сербов, а также сохранении им обособленности, т. е. стремились предотвратить ускоренное объединение югославянских земель Австро-Венгрии с Сербией. Оставшись в одиночестве, Пашич подписал удовлетворявшую хорватско-словенские требования Женевскую декларацию, которая, однако, так и не вступила в силу, будучи отвергнутой остальными членами сербского правительства, находившимися на Корфу.

³⁶ *Marković L.* Op. cit. S. 227.

³⁷ *Шурмин Б.* Хрватска заједница // «Нови живот». Књ. 1. Св. 2. Београд. 27 марта 1920. С. 38.

Организациям, вошедшим в состав ДП, — трем вышеупомянутым сербским партиям, загребской Хорватско-сербской коалиции (ХСК), а также мелким хорватским и словенским группам — их отношения друг с другом и с оказывавшим им покровительство двором не казались «противоестественными». Еще в «золотую эпоху» сербские оппозиционеры призывали монарха воспользоваться собственными конституционными prerogative и положить конец произволу радикального большинства: «Больше, чем “хрупкие формы парламентаризма”, правитель “должен охранять основы... конституционности и законности”»³⁸.

Что касается взаимной заинтересованности сербских политиков и сторонников С. Прибичевича, то она объяснялась тем, что, только объединившись, и те, и другие могли освободиться от роли меньшинства в той или иной исторической области и стать частью общегославской организации. По словам радикала Л. Марковича, «основатели партии полагали, что ее предназначение — в том, чтобы заменить радикалов у кормила власти в новом королевстве... Они рассчитывали, что сосредоточат вокруг себя лучшие силы из всей страны и возглавят объединенных сербов, хорватов и словенцев»³⁹. Идеологической подоплекой подобных претензий служила положенная в основание Королевства СХС теория народного единства сербов, хорватов и словенцев, которую поначалу разделяло большинство партий. Однако только ДП, составленная из групп, формально представлявших все части «сербо-хорвато-словенского народа», по мнению ее руководителей, могла считаться «единственной партией всех племен, всех религий и всех сословий»⁴⁰.

Как и в случае с радикалами, убежденность разношерстных демократов в собственной «народности» подразумевала, что остальные партии таковыми считаться не вправе. Показательно, как С. Протич в записке «Появление первого правительства» воспроизводит позицию младорадикала и будущего председателя ДП Любомира Давидовича в связи с отказом престолонаследника вручить мандат Н. Пашичу: «Г. Давидович со товарищи уверяли... что г. Пашич остался в одиночестве, что он не представляет не только Сербию, но и

³⁸ Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 347.

³⁹ Марковић Л. Из Уставотворне у законодавну скупштину // «Нови живот». VI књига. Београд. 1921. С. 4–5.

⁴⁰ Политика. 1923. 16. I. «Проглас Демократске странке».

Радикальную партию, которая... находится в меньшинстве, и которую первым ветром сдует»⁴¹. Достоверность данной реконструкции подтверждается свидетельством хорватских депутатов, которым в августе 1919 г. Давидович предлагал вступить в его правительственную коалицию, формировавшуюся после отставки первого югославского кабинета. В ответ хорватские представители заявили, что «правление без участия радикалов могло бы вызвать подозрение, что в новом государстве Сербию отодвигают на второй план». Давидович на это возразил, что «радикалы в старом королевстве не располагают устойчивыми массами сторонников»⁴². В том же духе высказывалось официальное издание ДП «Демократия»: «Радикализм больше не представляет собой серьезную силу в Сербии»⁴³.

Убежденность партийного лидера, что не имеет социальной поддержки оппонент, получивший на последних выборах⁴⁴ в полтора раза больше голосов, не только позволяет судить о распространенной политической культуре, носителем которой он являлся, но и отражает остроту радикально-демократического антагонизма. О значении оного для развития югославянского государства в первые два года его существования неоднократно писал процитированный выше Л. Маркович. По словам функционера НРП, «борьба двух крупнейших политических групп, продолжавшаяся весь 1919 и 1920 г. и представлявшая собой продолжение старых споров на новой арене, обернулась разбазариванием народных сил в бесцельных межпартийных склоках»⁴⁵. Их результатом стал «паралич политической жизни нового государства, исключавший наведение маломальского порядка во внутренних делах»⁴⁶. Демократы итоги 1919–1920 гг. оценивали примерно так же. Брат Светозара Прибичевича Милан Прибичевич констатировал с трибуны Конституционного собрания: «Спустя два

⁴¹ *Промућ С.* Срби и демократија: записи из наше политичке историје. Ниш, 1998. С. 116. (Книга написана внуком деятеля НРП, которого звали так же, как и его деда — Стоян Протич. В работе цитируются материалы семейного архива.)

⁴² *Matković H.* Hrvatska zajednica. Prilog proučavanju političkih stranaka u staroj Jugoslaviji // Istorija XX veka. Zbornik radova. V. Beograd, 1963. S. 36.

⁴³ Демократија. 1919. 14. XI. «Криза опозиције».

⁴⁴ На парламентских выборах, состоявшихся в Сербии в 1912 г., НРП набрала 40 % голосов, «младорадикалы» — 25 %.

⁴⁵ *Marković L.* Op. cit. S. 228.

⁴⁶ *Марковић Л.* Одломци из «успомена» (1925–1926) // Никола Пашић у Народној скупштини. Књига IV. Београд, 1998. С. 349.

года после создания нашего государства мы наблюдаем в нем полную необустроенность... куда ни глянь — везде беспорядок. Министерства не в состоянии навести порядок в разных областях государственной жизни — ни в культуре, ни в экономике»⁴⁷. Не лучше, чем в министерствах, дела обстояли во Временном народном представительстве, которое «паралич» разбил в первую очередь.

* * *

Королество СХС, первоначальный правовой облик которого оговаривался в Акте объединения от 1 декабря 1918 г., должно было основываться на трех столпах: династии, народном представительстве, и происходящем из его состава правительстве⁴⁸. Однако поначалу из трех государственных институтов существовал лишь первый. Именно монаршая воля дала импульс к формированию законодательной власти и правительства. Указом регента Александра Карагеоргиевича от 20 декабря 1918 г. образован Совет министров, приоритетной задачей которого должен был стать созыв ВНП, первое заседание которого состоялось в Белграде 1 марта 1919 г.⁴⁹

Демпартия располагала самой большой во временном парламенте фракцией в 115 человек. Второе место по численности депутатов (55) занимала НРП. Крупнейшей хорватской организацией в ВНП стал Народный клуб — фракция (30 депутатов) партии Хорватское объединение (ХО), образованной из Старчевичевской партии права, Прогрессивно-демократической партии, Хорватского народного объединения из Боснии и Герцеговины и т. д. Словенцы были представлены Словенской народной партией (СНП), чья фракция называлась Югославянский клуб (19), возглавляемый Антоном Корошцем.

Перечисленные партии, а также менее значительные группы депутатов приняли участие в жесткой борьбе, в ходе которой

⁴⁷ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. XLII. Редовни састанак — 30. маја 1921. године. Београд, 1921. С. 30.

⁴⁸ *Šišković F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 283.*

⁴⁹ Состав ВНП был сформирован из депутатов Народной скупщины Сербии, загребского Народного вече СХС, воеводинской Великой народной скупщины в Нови Саде, черногорской Великой народной скупщины в Подгорице. В территориальном плане в состав ВНП вошли 62 депутата из Хорватии и Славонии, 16 — из Истрии и Далмации, 32 — из Словении, 42 — из Боснии и Герцеговины, 84 — из Сербии, 24 — из Воеводины, 12 — из Черногории, 24 — из Македонии, Косова и Санджака.

образовались два соперничавших парламентских блока. Промежуточным итогом противостояния стала отставка 1 августа 1919 г. первого югославского правительства — так называемой концентрации⁵⁰, образованной 20 декабря 1918 г. и возглавляемой С. Протичем. Новый кабинет Л. Давидовича представлял собой парламентскую коалицию ДП и Социал-демократической партии. Она продержалось у власти до февраля 1920 г., когда на ей смену пришло Парламентское объединение (ПО), ядром которого стали сербская, хорватская и словенская партии: НРП, ХО и СНП. Второе правительство С. Протича в свою очередь пало в мае 1920 г.

Неспособность соперничавших группировок длительное время находиться у власти предопределялась паритетом их сил в ВНП. Численности коалиций не хватало для формирования прочного правительственного большинства, но было достаточно, чтобы путем «абстиненции» или «обструкции» доказать парламентскую нелегитимность вражеского кабинета. В результате, согласно оценке Б. Глигориевича, из 20 месяцев существования ВНП только на протяжении 10 оно имело возможность заниматься законотворчеством⁵¹. Остальное время депутаты проводили в вынужденных каникулах, так как правительство, возглавляемое попеременно то демократом, то радикалом, вынуждено было распускать недостаточное лояльное ВНП.

Исходной причиной парламентских пертурбаций послужило наступление, которое демократы с первых дней существования Югославии повели на своих конкурентов — радикалов, Хорватское объединение⁵² и Словенскую народную партию⁵³. Методом ослабления традиционных представителей югославянских «племен» стало сокращение полномочий или упразднение тех правовых и государственных институтов, в рамках которых они могли ставить под сомнение гегемонию ДП, пользовавшейся покровительством двора. В этом контексте следует рассматривать и удар по хорватской автономии, унаследованной от Австро-Венгрии, и уменьшение роли ВНП, в результате чего в первую очередь пострадали радикалы, стремившиеся

⁵⁰ В состав «концентрационного правительства» входят все крупные партии, представленные в парламенте.

⁵¹ *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke... S. 63.

⁵² Фракция Хорватского объединения в ВНП называлась Народный клуб.

⁵³ Фракция Словенской народной партии — Югославянский клуб.

использовать парламентские процедуры в качестве главного инструмента сопротивления демократам.

Усилиями последних законотворческие функции ВВП присваивались правительством, пользовавшимся обстановкой правового хаоса, в котором находилось молодое государство, и издававшим «постановления, обладавшие силой закона». Всего в течение переходного периода появилось около восьмисот подобных постановлений. Из-за позиции С. Прибичевича, занимавшего пост главы МВД в течение всего 1919 г., не состоялся созыв хорватского сабора с целью ратификации 1-декабрьского акта. Кроме того, распускались местные органы самоуправления. Уменьшались компетенции областных правительств, была отменена их ответственность перед представительными органами.

Подобные меры Прибичевич обосновывал необходимостью воплотить принцип «народного единства», в котором должны были «раствориться все отдельные индивидуальности, все сепаратизмы и автономизмы, все областные и исторические традиции»⁵⁴. Возражения против грубой централизации наталкивались на утверждение, что «вопросы отношений между сербами и хорватами не могут решаться путем уступок. В Вене, в парламенте венском могло австрийское правительство оплачивать голоса депутатов словенских, польских и прочих народностей и партий уступками политического свойства. <...> Проблема сербов, хорватов и словенцев может быть решена только на базе... народного единства».

Требования уважать суверенитет народного представительства и соблюдать 1-декабрьский акт объединения, гарантировавший сохранение в неизменном виде «пречанских» областных органов власти как минимум до принятия конституции, отвергались. Утверждалось, что смысл существования ВВП и тех обязательств, которые взял на себя принц-регент⁵⁵ состоит лишь в том, чтобы служить

⁵⁴ Демократија. 1919. 31. X. «Скупштина Демократске странке у Загребу. Говор министра господ. Светозара Прибићевића».

⁵⁵ 1 декабря 1918 г. делегаты Народного вече СХС, обращаясь к принцу-регенту, выразили пожелание, чтобы до принятия конституции продолжили функционировать «прежние автономные административные органы, ответственные перед автономными представительствами». Александр Карагеоргиевич на это ответил: «Что касается пожеланий, которые вы изволили высказать, и которые я и мое правительство полностью принимаем, то правительство немедленно позаботится о том, чтобы все, что вы говорили о переходном периоде до созыва и конца работы Конституционного собрания, было

«манифестацией, предназначенной зарубежному миру — Америке, Франции, Англии, нашим друзьям и великим союзникам»⁵⁶. Представление, будто 1 декабря 1918 г. между делегацией Народного вече СХС и престолонаследником достигнуто подлежащее выполнению соглашение, преподносилось как проявление «особого менталитета, унаследованного от покойной австро-венгерской монархии». Его носители ошибочно считали «манифестацию» чем-то вроде «австро-венгерского соглашения или пакта между хорватскими аристократами и королем Коломаном».

Югославистский догматизм обусловил позицию демократов по вопросу будущего административного устройства Королевства СХС. Проект программы Демпартии, принятый в мае 1919 г., «исключал все исторические, племенные, религиозные и областные различия как предпосылку или основу для политического или административного обустройства». Ту же мысль, но более образно и развернуто выразил С. Прибичевич в процитированном выше выступлении, в котором он говорил от имени югославского «молодого света». «Верно понимая нашу народную проблему», тот уже для себя «покончил с традициями и преисполненный великого идеализма и фанатизма хотел бы осушить Саву и Дрину, чтобы исчезли реки и ручьи, нас разделяющие, чтобы все слилось в одно великое и неделимое целое».

Как подобный подход влиял на отношение к политическим оппонентам, в 1920 г. описывал Л. Маркович: «Упразднение всех областных границ и следов бывших административных делений — все это стало считаться единственным, соответствующим народному единству. Так появилась идея, что национальное государство обязательно должно быть централизованным. Демократы настолько перегнули палку, что каждый сторонник децентрализации рисковал получить уродливое клеймо противника народного единства»⁵⁷. Поэтому наряду с водными преградами препятствием к достижению идеала объявлялись «сербские эксклюзивисты и сепаратисты, хорватские сепаратисты и ультра-сепаратисты, а также словенские клерикалы»⁵⁸.

немедленно выполнено» (Цит. по: *Stanković D. Srbija i stvaranje Jugoslavije*. Beograd, 2009. S. 258–260. Prilog 4. Proglašenje ujedinjenja. 1. Decembar 1918. godine).

⁵⁶ Скупштина Демократске странке у Загребу...

⁵⁷ *Marković L.* Op. cit. S. 113. (Pred saziv Ustavotvorne skupštine // *La Revue de Gen ve*. Vol. II. 1920.)

⁵⁸ Демократија. 1919. 14. XI. «Криза опозиције».

По утверждению демократической партийной прессы, членов коалиции НРП–ХО–СНП, уличенных в отсутствии «идейной и принципиальной общности», объединяло лишь стремление удержаться у власти или захватить ее. Ради этого лидер ПО С. Протич, по словам бывшего «младорадикала» Милорада Драшковича, пошел бы «на сделку с самим дьяволом»⁵⁹. Конечная цель «консервативно-сепаратистской группы» виделась в том, чтобы «низвергнуть идею народного единства», дабы «государство сербов, хорватов и словенцев, подобно Австро-Венгерской монархии, было объединено лишь персональной унией и двумя-тремя ведомствами»⁶⁰.

Пороки оппонентов, а также собственные достоинства демократы объясняли принадлежностью к «двум разным мирам и поколениям». «Старшие» радикалы служили воплощением реакционности, провинциализма и бескультурия. Свою сущность руководство НРП, в частности, продемонстрировало, спровоцировав в августе 1919 г. отставку правительственной концентрации, в результате чего Королевство СХС в глазах Европы «вернулось в ряд азиатских государств»⁶¹. Другого и ожидать было нельзя, принимая во внимание характеристику С. Протича, озвученную М. Драшковичем: «Он не сильный человек, а цыган, дорвавшийся власти»⁶².

Демократы, представлявшие, как мы уже знаем, «молодой свет», на своем гербе начертали: «Да здравствуют ценности и способности, а также творческие порывы к новому и великому! Долой традиционализм!»⁶³. Следование этому «девизу» позволило «превзойти племенные партии по трем направлениям. Демократическая партия делает больше во благо государства, культуры и народа. Ее политика, с точки зрения государственной, национальной и экономической, *прогрессивна*»⁶⁴. Как ни странно, устремленность в будущее не побудила демократов к более детальному изложению собственных взглядов на должное устройство Королевства СХС, то есть к написанию проекта конституции. И это несмотря на то, что представитель

⁵⁹ *Јовановић Пижон Ј. М.* Дневник (1896–1920). Београд, 2015. С. 609.

⁶⁰ Демократија. 1919. 17. IX. «Два поколења».

⁶¹ Демократија. 1919. 3. X. «Државни углед пре свега».

⁶² *Јовановић Пижон Ј. М.* Указ. соч. С. 606.

⁶³ Демократија. 1919. 17. IX. «Два поколења».

⁶⁴ Демократија. 1919. 7. XI. «У чему је наш демократизам».

ДП с момента объединения более года возглавлял министерство по подготовке Конституционного собрания.

«Порывы к новому и великому» со стороны демократов не оставили НРП, ХО и СНП другого выбора, кроме создания парламентской коалиции, которой в феврале 1920 г. удалось сформировать правительство. Отношения партнеров обременялись давним взаимным недоверием, вызванным различиями во взглядах на объединительный процесс. С военных лет деятели Югославянского комитета и Народного вече подозревали радикалов в том, что они, будучи сербскими националистами, лишь используют югославистские лозунги для прикрытия шовинистических планов «возвращения к жизни Великой Сербии Душана»⁶⁵.

По иронии судьбы именно нежелание радикалов отречься от собственного сербства в пользу югославянской идентичности в 1919–1920 гг. открыло им путь к сотрудничеству с ХО и СНП, отставившими обособленное существование собственных «племен» в новом государстве. «Полагая, что вопрос слияния всех трех югославянских элементов в одну нацию может решиться лишь со временем, а не путем издания каких-либо декретов, радикалы решили заключить с хорватами и словенцами особое политическое соглашение»⁶⁶, — свидетельствовал Л. Маркович. Шагом навстречу новым союзникам стало выполнение руководством НРП своего обещания в случае формирования кабинета ПО обеспечить ХО и СНП властные позиции в хорватской и словенской областных администрациях и восстановить утраченные ими по воле С. Прибичевича полномочия. Не без основания, по-видимому, в апреле 1921 г. Л. Маркович следующим образом описывал разницу между НРП и ДП: «Демократы грубее нас. Мы больше европейцы»⁶⁷.

От Народного клуба партнерство с радикалами, заинтересованными в гораздо более высокой степени интеграции Сербии с областями бывшей Австро-Венгрии, потребовало сбалансировать собственные автономистские устремления с общими надплеменными интересами. Этими соображениями было продиктовано заявление, с которым солидаризировалась и Словенская народная партия:

⁶⁵ *Смодлака* J. Наш задатак // Nova Evropa. Knj. 6. Br. 2. Zagreb. 11 septembar. 1922.

⁶⁶ *Marković* L. Op. cit. S. 114.

⁶⁷ Архив Србије (далее — АС). Збирка Риста Одавић. XI. Бр. 20.

«1. Наше молодое государство должно быть конституционной и парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей и со столицей в Белграде.

2. Оно должно иметь одну государственную власть для всего Королевства.

3. Оно должно иметь только один единственный парламент.

4. Этот парламент должен будет принимать законы для всего королевства.

5. Конституция должна гарантировать широкое самоуправление общины, уезда, жупании и больших территориальных единиц»⁶⁸.

По сравнению с вышеописанными тактическими уступками, более значимым фактором сближения хорватов, словенцев и радикалов стало присущее последним понимание, во-первых, необходимости скорейшего принятия конституции и, во-вторых, того, что в поиске оптимального территориального и политического устройства государства следует руководствоваться не только умозрительным «народным единством», но и «актуальным положением, которое сложилось ко времени объединения». «Надо уважать, — продолжал Стоян Протич, — исторический момент, если он еще не стал достоянием истории, а продолжает жить в чувствах и традициях народа»⁶⁹. И не в них одних. Наиболее отчетливым выражением «исторического момента» являлись семь административно-политических образований, существовавших в довоенное время (за исключением Словении) и унаследованных Королевством СХС: 1. Сербия; 2. Черногория; 3. Босния и Герцеговина; 4. Далмация; 5. Хорватия, Славония и Меджимурье (вместе со Сремом); 6. Словения с Прекомурьем; 7. Бачка, Баранья и Банат.

В отличие от демократов руководство радикалов в лице С. Протича, совмещавшего премьерский пост с портфелем министра по делам Конституционного собрания, не спешило «осушать реки» и стирать внутренние границы, разделявшие подданных королевства: «Я исходил из того, что, хотя бы поначалу, не следует трогать то, что мы застали в этом отношении. Административное деление страны представляет собой... наиболее консервативный общественный институт. Умные государственные деятели не забывают об этом. Все остальное

⁶⁸ Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. Zagreb, 1990. S. 194.

⁶⁹ *Протич С.* Око устава. Критика и полемика. Београд, 1921. С. 68.

можно переименовать, а это надлежит либо оставить нетронутым, либо менять осторожно и понемногу»⁷⁰. Подобный подход воплотился в представленном в мае 1920 г. конституционном проекте, согласно которому 7 существовавших областей превращались в 9, очерченных с учетом границ как «исторических» (*de facto* существовавших к концу 1918 г.), так и «племенных» (национальных): 1) Сербия, 2) Старая Сербия с Македонией, 3) Хорватия со Славонией, Риекой, Истрией и Меджимурьем, 4) Босния, 5) Черногория с Герцеговиной, Бокой и Приморьем, 6) Далмация, 7) Срем и Бачка, 8) Банат, 9) Словения с Прекомурьем.

Перечисленным областям С. Протич предоставил широкие автономные⁷¹ права, предполагавшие осуществление административных и законодательных функций. Как писал Слободан Йованович, «в них отсутствовали различия между делами государственными и делами, касавшимися самоуправления. Все внутреннее управление находилось в ведении органов самоуправления (областных комитетов и скупщин). В области существовал единственный государственный орган (областной наместник), который лишь осуществлял надзор. О предметах, относившихся к сфере ее полномочий, областная скупщина могла издавать областные законы, которые не могли противоречить законам государственным. Государственный надзор за органами самоуправления имел целью не допустить принятия ими актов противозаконных, а также тех, которые были «вредны с точки зрения общих государственных интересов». Окончательное решение о законности актов принимал Государственный совет, а об их пагубности с точки зрения государства — Королевское правительство»⁷².

Для понимания степени самостоятельности составных частей королевства следует также иметь в виду, что полномочия их представительных и исполнительных органов не фиксировались раз и навсегда в конституции, а подлежали уточнению «простым» законом, который принимался бы (пересматривался) центральным

⁷⁰ Там же. С. 53.

⁷¹ О том, почему проект С. Протича следует считать автономистским, см.: Поповић О. Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S. 75–86 (глава «Državnopravni karakter pokrajinskog uredjenja u Protićevom ustavnom nacrtu»).

⁷² *Јовановић С.* Уставно право... С. 66.

парламентом⁷³ и утверждался монархом, располагавшим правом «вето». Со своей стороны, правительство могло отменить действие всех актов областного самоуправления «ниже закона». То есть центральные власти — исполнительные и законодательные — располагали механизмами, которые, если того требовали государственные интересы, позволяли «воспрепятствовать практической реализации... предоставленной автономии. Это означало, что вышеописанный законопроект окончательное оформление государственного устройства Королевства СХС оставлял на откуп регулярно функционирующему законодательному органу, а именно, парламенту и королю»⁷⁴.

В конституционном проекте С. Протића воплотилась позиция многих авторитетных членов НРП, которую изложил один из ораторов, 23 декабря 1920 г. участвовавший в заседании фракции радикалов Конституционного собрания: «Какую бы конституцию нашего государства ни приняли, сербский народ должен быть его несущей осью. Однако следует пойти на уступки и хорватам, и словенцам. Венгры, например, в своей конституции этого не сделали, поэтому и потеряли крах»⁷⁵.

Интересам сербского народа в условиях административной децентрализации соответствовал как суверенитет центральной власти⁷⁶, так и то, что из девяти предусмотренных единиц, за исключением Хорватии, Далмации и Словении, шесть по национальному составу могли считаться преимущественно сербскими. Как прогнозировал Протић, из всех областей только Сербия будет «по-настоящему жизнеспособной, и вскоре настолько окрепнет, что сможет присоединить к себе Южную Сербию с Македонией и Воеводину»⁷⁷. Присоединение Боснии — дело ближайших десяти лет. Путь к подобной консолидации «сербского национального пространства»

⁷³ Представители областей входили в состав Сената — верхней палаты центрального парламента, имевшего право налагать вето на решения палаты нижней

⁷⁴ *Popović O. Stojan Protić...* S. 85.

⁷⁵ АС. Збирка Риста Одавић. XI. Бр. 17. Л. 5.

⁷⁶ «Парламент абсолютно суверенен, как в любом едином государстве, которое французы называют *L'État unitaire*... Конституция... разрешает ему из практических соображений в отдельных случаях передавать свои законодательные полномочия областным скупщинам, сохраняя за ним право в любой момент вернуть эти полномочия...» (*Протић С.* Владин предлог устава. Једна критика од Стојана Протића. Београд, 1921. С. 57–58).

⁷⁷ Цит. по: *Popović O. Stojan Protić...* S. 98.

открывала предусмотренная проектом возможность слияния областей «по требованию, или с согласия населения, которого затрагивают производимые изменения».

Говоря об уступках остальным двум племенам, О. Попович-Обрадович указывает, что в случае со словенцами, компактно проживавшими в одной «виртуальной» области, протичевский проект «удовлетворял требование территориальной целостности полностью», а что касается хорватов, разделенных между Хорватией и Далмацией, — «лишь частично»⁷⁸. При этом, по мнению самого Протича, пречане-католики приняли бы его «предложение», осознав, что оно — «максимум того, насколько им возможно было пойти навстречу, исходя из позиции правильно понятого народного единства». «Верю, — продолжал он, — что после серьезных раздумий и, принимая во внимание *правильную государственную политику* (курсив мой. — А. С.), <...> они увидели бы, что мое предложение дает им все, что они обоснованно могут требовать от нашего королевства»⁷⁹.

Выделенными словами можно описать универсальное кредо С. Протича, которому он следовал, и поддерживая союз с ХО и СНП, и формулируя проект государственного устройства. Относительно последнего, не одна лишь привлекательность с точки зрения тех или иных «племенных» интересов могла считаться критерием его «правильности». Намечая географические границы областей, указывая пределы их полномочий или определяя характер взаимоотношений ветвей власти в государстве в целом, политик, в первую очередь, руководствовался собственными идеологическими пристрастиями, нашедшими выражение в программных установках Радикальной партии. Слободан Йованович, рассуждая в 1935 г. о протичевской конституции, в качестве ее главного атрибута указывал «ту довоенную демократическую идеологию, которой был пропитан проект. Протич безусловно верил в парламентаризм и самоуправление»⁸⁰.

Количество и размеры предусмотренных областей соответствовали представлению о том, что «высшая самоуправляющаяся единица, а именно, область, должна была быть велика настолько, чтобы принцип самоуправления нашел в ней полное выражение»⁸¹. При

⁷⁸ Ibid. S. 103.

⁷⁹ Протич С. Око устава... С. 78.

⁸⁰ Цит. по: Поповић О. Stojan Protić... S. 89.

⁸¹ Протич С. Око устава... С. 74.

этом следовало отдавать себе отчет в том, что Королевство СХС с его национально-региональной пестротой в административном отношении не может быть увеличенной копией условно гомогенной Сербии. Более развернуто о том, что «государством с населением в двенадцать миллионов нельзя управлять так же, как и тремя-четырьмя миллионами жителей»⁸², писал Л. Маркович, до определенного времени поддерживавший Протича. В опубликованной в начале 1920 г. статье с красноречивым названием «О невозможности централизма в государственном управлении» перечислялись условия существования оногo: «1. хорошо организованные центральные ведомства, располагающие квалифицированным персоналом...; 2. развитая транспортная сеть, компенсирующая удаленность администрации от жизненных отношений, ею регулируемых; 3. единообразное административное законодательство»⁸³.

«Как обстоят в нашем государстве дела с перечисленными техническими условиями?», — риторически вопрошал деятель НРП, прежде чем констатировать, что в обозримом будущем ни одно из них не будет выполнено⁸⁴. Невозможность «всерьез размышлять о централистской системе администрации» подразумевала сохранение в том или ином виде прежних областей с «привычными нашему народу» органами управления, «упразднить которые, не опасаясь за последствия, можно было бы только в том случае, если бы на смену им пришла более эффективная и справедливая администрация».

Следует отметить, что в течение переходного периода Протич и его единомышленники из числа НРП не были единственными, кто обосновывал неприятие административного централизма соображениями практической целесообразности. «По своему содержанию предложенное относилось к целому ряду конституционных проектов, которые... квалифицировались как “среднее решение”. Под это определение попадали конституционные проекты, которые находились где-то между централизмом и федерализмом и содержали требование децентрализации не только исполнительной, но и законодательной

⁸² *Протич С.* Влагин предлог устава... С. 59–60.

⁸³ *Marković L.* Op. cit. S. 125–126.

⁸⁴ Красноречивым свидетельством служит запись в дневнике Йована Йовановича-Пижона от 13 апреля 1919 г.: «Власти нет. А та, что есть, дрянная и бесчестная (воровство на железных дорогах, взяточничество, продажа чиновниками своих услуг)» (*Јовановић Пижон Ј. М.* Указ. соч. С. 581).

власти — в пользу областей, разграниченных с учетом историко-политических традиций и воли народа»⁸⁵, — так О. Попович-Обрадович характеризовала типологически схожее с протичевским «решение», озвученное Анте Трумбичем в ходе его выступления в Конституционном собрании (2 апреля 1921 г.). Идею разделения страны на большие области, «сосредоточенные вокруг Белграда, Загреба, Сараево и Любляны», он обосновывал неспособностью центральной власти удовлетворить «единственное требование, которое народ во всех пределах ставит перед правящими кругами: обеспечьте нам хорошее управление, обеспечьте нам порядок»⁸⁶. «Не стану вам рассказывать, — обращался к депутатам бывший глава Югославянского комитета, — как устроена наша центральная государственная администрация. Однако полагаю, что ей потребуется еще продолжительное развитие, а сегодня она не на высоте того, что от нее требуется»⁸⁷.

Что касается отношений с хорватами и словенцами и вообще поведения НРП на политической арене, «правильно» было неукоснительно следовать собственным обязательствам, зафиксированным в партийной программе или в основополагающих для объединения югославян документах. Поэтому Протич не мог согласиться с тем, что Корфская декларация и 1-декабрьский акт — лишь «манифестация для заграницы»: «Эти два акта выражают желания, настроения и мнения народа с обеих сторон Савы и Дуная... Если мы хотим, чтобы наше слово завтра имело цену, мы должны показать, что мы сами свое слово всегда держим и уважаем». В программе НРП, принятой в сентябре 1920 г., данная позиция нашла выражение в пункте о принятии конституции квалифицированным большинством, что соответствовало аналогичному положению Корфской декларации⁸⁸.

⁸⁵ *Popović-Obradović O. Kakva ili kolika država. Ogledi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka.* Beograd, 2008. S. 389; также см.: *Јовановић С.* Моји савременици. Виндзор, Канада. 1962. С. 184–185.

⁸⁶ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. XXIII редовни састанак. 23. априла 1921. године. Београд, 1921. С. 19–20.

⁸⁷ Мнение А. Трумбича разделял другой далматинский политик Йосип Смодлака, поделившийся своими соображениями с Йованом Йовановичем в августе 1919 г.: «Сербиянское чиновничество дурное, недисциплинированное и продажное... Мы не смирился с плохим, помня, как раньше было лучше» (*Јовановић Пишзон Ј. М.* Указ. соч. С. 610).

⁸⁸ Закључци Радикалне земаљске конференције о програму (28. Септембар 1920) // *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 411.

Приверженность С. Протича принципу «*practice what you preach*» уже после ухода с поста премьер-министра и утраты руководящих позиций в партии проявилась в отказе приносить присягу королю, как того требовал регламент Уставотворной скупщины, утвержденный 8 декабря 1920 г. Будучи монархистом, политик, тем не менее, не мог пренебречь постулатами парламентаризма и, в частности, догматом о суверенитете «Конституанты», которому, по его представлениям, принадлежало исключительное право определения государственного строя.

Судьбу своего создателя, не появившегося в стенах Учредительного собрания, разделил вышеописанный документ, который в итоге не стал ни официальным партийным, ни правительственным проектом, вынесенным на суд законодателей. Отчасти это было обусловлено неблагоприятным для Протича ходом событий, а именно — отставкой второго кабинета ПО, состоявшейся уже в мае 1920 г. Как уже было сказано выше, паритет сил ПО и их противников в ВНП обусловил неспособность обоих лагерей обеспечить себе устойчивое большинство. Сложившаяся патовая ситуация грозила параличом государственной власти, опасность которого принудила парламентариев к поиску компромисса. Его результатом стало образованное 17 мая 1920 г. «концентрационное» правительство Миленко Веснича — члена НРП и бывшего югославского посла во Франции.

С. Протич сохранил пост министра по подготовке Конституционного собрания, что, впрочем, не позволило ему добиться хотя бы того, чтобы написанный им проект включили в повестку дня одного из заседаний кабинета. После отставки и реконструкции последнего в августе 1920 г. протичевский портфель перешел к Л. Марковичу, составившему накануне парламентских выборов (28 ноября) новый текст. 25 января 1921 г. Уставотворной скупщине его представила образованная в первый день нового года двухпартийная радикально-демократическая коалиция во главе с премьером Николой Пашичем. Тому после возвращения в Белград из Парижа летом 1920 г. удалось в течение короткого времени установить контроль над собственной партией и добиться снятия монаршей опалы, следствием чего и стало назначение на пост председателя правительства.

Документ, которому после обсуждений и изменений суждено было стать Видовданским уставом, представлял собой почти вдвое урезанный вариант написанного С. Протичем. Следуя принципу

«конституция должна быть как можно более лаконичной»⁸⁹, Маркович и Пашич из 201 статьи оставили 76. От подвергшегося сокращению оригинала новый официальный правительственный проект отличался не только объемом, но и, по словам Слободана Йовановича, «некоторыми существенными вещами». «Уважение» границ и прав национально-исторических областей отвергалось как принцип административно-территориального устройства страны, в качестве которого утверждалась «географическая и экономическая целесообразность» — единственный критерий разграничения, признаваемый догматиками учения о «народном единстве». «Вместо 9 больших областей предусмотрено 35 с населением от 200000 до 600000 жителей»⁹⁰, что, по словам сербского историка Джордже Станковича, «автоматически влекло за собой упразднение существовавших областных администраций и централистское устройство»⁹¹.

Забегая вперед, отметим — вскоре после принятия Видовданского устава сторонники государственного централизма удостоверились, что одержали Пиррову победу. Осознание этого заставило многих крепких задним умом однопартийцев Протича сожалеть о безуспешности его начинания⁹². Иллюстрацию подобных настроений мы обнаруживаем в опубликованных 40 лет спустя мемуарах Милана Стоядиновича, в которых отдается должное старшему товарищу: «Протич был мыслителем, теоретиком конституционного права. Он хотел, чтобы актуальные политические проблемы решались посредством здравомыслящих рассуждений и разума. По этому вопросу Пашич и Протич окончательно разошлись. <...> Должен признаться: мне протичевская конституция была более симпатична. Казалось, она способна притупить остроту сербско-хорватского противостояния»⁹³.

⁸⁹ *Јовановић С.* Уставно право... С. 67.

⁹⁰ В процессе обсуждения это число увеличилось, и в Видовданском уставе фигурирует максимальная численность населения области в 800000 человек.

⁹¹ *Станковић Ђ.* Никола Пашић и југословенско питање. II. Београд, 1985. С. 243.

⁹² *Popović O. Stojan Protić...* S. 119. В декабре 1939 г. в докладе на партконференции Л. Маркович вспомнил «великого государственного деятеля» Стояна Протича, который «подчеркивал, что в новом государстве правительство не должно управлять так, чтобы хорваты оставались недовольными... Он стремился внутреннюю политику направить в ту сторону, где была подлинная сила сербов и хорватов» (Архив Југославије. Ф. 82 «Милан Јаковљевић». Фасц. 1. «Земаљска конференција радикала одржана у Београду». С. 4).

⁹³ *Stojadinović M.* Op. cit. S. 172.

* * *

Была ли, действительно, рассмотренная законотворческая инициатива упущенной возможностью, говоря словами О. Попович, «конституционного решения национального вопроса»? Ответить могли бы специалисты в области «альтернативной истории»... С нашей точки зрения, историческое значение конституционного проекта раскрывается не посредством рассуждений в сослагательном наклонении, а через понимание того, почему он и схожие с ним «решения» оказались не востребованными не только отдельными партиями, но и в целом политическим классом Королевства СХС. Напомним, что в период работы Учредительного собрания в первой половине 1921 г. и радикалы, и ХО с СНП в своих конституционных проектах отделились от «средней линии», которой некогда придерживалось Парламентское объединение.

Очевидны соображения хорватских и словенских партнеров С. Протича, которые в погоне за центробежными устремлениями своих потенциальных избирателей проделали идеологический путь от признания народного единства и умеренного автономизма до проектов конституции, в котором Югославия представляла конфедерацией⁹⁴.

Еще в августе 1920 г. ХО и СНП подписали так называемый Протокол соглашения, обусловливавший участие во втором правительстве Веснича⁹⁵. Согласно документу, члены «концентрации» соглашались с тем, что кабинет подготовит единый конституционный проект. Демократы и радикалы расценили это как согласие хорватов и словенцев на осуществление централистского государственного устройства. Правомерность подобного восприятия подтверждается тем, что противник централизма С. Протич не стал подписывать протокол и подал в отставку. После выборов в Конституционное собрание, состоявшихся 28 ноября 1920 г., обе партии выходят из правительства (в декабре) и составляют собственные варианты конституции, основной идеей которых стало максимальное ослабление центральной власти, полностью зависимой от областных администраций.

⁹⁴ *Popović-Obradović O. Kakva ili kolika država...* S. 386.

⁹⁵ Из состава правительства министры от ХО и СНП вышли в декабре 1920 г. — после выборов в Конституционное собрание.

Бесперспективность законопроектов ХО и СНП, а также их нежелание дискредитировать себя в глазах масс пречан участием в работе Учредительного собрания, которая неминуемо должна была закончиться принятием правительственного варианта конституции, побудили обе партии бойкотировать итоговое голосование. 12 мая 1921 г. хорватские представители покинули Белград, заявив, что принятая без них конституция не будет иметь правовой силы в Хорватии. 15 июня тот же шаг предприняли словенцы.

Метаморфоза, произошедшая с некогда «умеренными» хорватами и словенцами, стала причиной гневных филиппик со стороны радикалов. Датированные 1921 годом тексты Л. Марковича полны перечислениями того, как с 1918 г. деятели ХО и СНП в тех или иных документах присягали на верность идеалам народного единства и государственного унитаризма⁹⁶. И все эти клятвы оказались дезавуированными в результате обнародования их проектов конституции. Те, по словам нового идеолога НРП, «ушли так далеко в разъединении нашего государства, что мы (радикалы. — А. С.) не могли себе объяснить, как вообще такие программы можно выносить на обсуждение Конституционного комитета»⁹⁷.

Что касается действий самих радикалов, то они также не могли не вызывать недоумение у сторонних наблюдателей: «Ведь он (Протич. — А. С.) в Радикальной партии был главным авторитетом по конституционному праву, его превосходство признавал даже Пашич. Как так получилось, что именно тогда, когда речь зашла о югославской конституции, его собственная партия его оставила и последовала за Прибичевичем?»⁹⁸. «На самом деле, — отвечал на свой же вопрос Слободан Йованович, — Протича оттеснил не Прибичевич, а Пашич. В решающий момент он публично «отверг протичевское самоуправление и высказался в пользу прибичевичевского централизма. После этого для радикалов вопрос стоял так: “Пашич или Протич?”. Как только дошло до того, чтобы выбирать одного из них двоих, с Протичем было покончено. В конституционных вопросах он разбирался лучше, но в партии Пашич пользовался большим авторитетом».

⁹⁶ *Marković L.* Op. cit. S. 122–123.

⁹⁷ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. XVIII редовни састанак. Београд, 1921. С. 14.

⁹⁸ *Јовановић С.* Моји савременици... С. 216–217.

Говоря о мотивах главы НРП, современники сходились во мнении, что им двигало одно желание отомстить своему заместителю за то, что тот сразу «по окончании войны <...> согласился заменить его во главе правительства. Пашич полагал, что престолонаследнику не удалось бы его сбросить, не найди он в лице Протича единственной возможной замены. За свое смещение он, наряду с престолонаследником, винил и Протича»⁹⁹. М. Драшкович, соглашаясь с С. Йовановичем, что Пашич никогда «не вдохновлялся централизмом», утверждал, будто «Пашич так упорно отстаивает своей проект конституции, чтобы не допустить принятия проекта Стояна Протича. <...> Якобы, Пашич не мог забыть того поражения, и именно эта нетерпимость в отношении Протича подпитывала его настойчивость в борьбе за централистский Устав»¹⁰⁰.

Наряду с личной «вендеттой» процитированные югославские историки указывают и иные, трезвые, соображения, которыми руководствовался и Пашич, и его однопартийцы, следовавшие за ним даже несмотря на то, что многим из них Протич с его проектом казался «более симпатичным». По словам Д. Станковича, председатель НРП «конституционный вопрос воспринимал как проблему собственного престижа и, прежде всего, как проблему сохранения правящих позиций»¹⁰¹. С этой точки зрения новый курс НРП, как пишет О. Попович, выглядел предпочтительней прежнего¹⁰²: «Покровительство, оказываемое престолонаследником Александром демократам, особенно сторонникам Прибичевича, демонстрировало, что пользоваться поддержкой двора будет только бескомпромиссная централистская политика и только та партия, которая ее осуществляет. Это убедило Радикальную партию в том, что ее перспективы (уже тогда было ясно, что без поддержки регента на них нечего рассчитывать) не в совместной с хорватскими и словенскими децентралистскими силами борьбе с демократами, на чем настаивал Протич, а в заключении союза с ними»¹⁰³.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ *Станковић Ђ.* Никола Пашић и југословенско питање... С. 256.

¹⁰¹ Там же. С. 261.

¹⁰² С момента образования первого правительства М. Веснич радикалы до 1928 г. удерживали пост премьер-министра с перерывом на три месяца в 1924 г., когда кабинет ненадолго возглавил демократ Л. Давидович. До апреля 1926 г. единственным кандидатом от НРП на пост главы правительства был Н. Пашич.

¹⁰³ *Popović O.* Stojan Protić... S. 33.

Разделяемое большинством радикалов нежелание сохранять верность принципам «правильной политики» ценой прозябания в оппозиции соответствовало их представлению об исторической роли НРП. Его позволяют реконструировать парламентские и кулуарные выступления Н. Пашича и других деятелей партии, которая предстает едва ли не Моисеем, выводящим евреев из египетского плена. С момента основания организация «приносила жертвы кровью и жизнями, дабы обеспечить народные свободы <...> чтобы Сербия стала чисто демократическим государством, а вместе с тем и Пьемонт нашего трехименного народа»¹⁰⁴.

Когда пришло время сражаться за освобождение, — вспоминал Никола Узунович, — «мы сказали сербскому крестьянину и солдату: “Вот перед тобой земля родная! Вперед, если любишь ее!” <...> Так мы воспитывали нашего крестьянина и развивали в нем любовь к стране»¹⁰⁵. «Посредством такой политики, которой наш народ оказывал помощь, мы осуществили народный идеал», — глава партии подводил промежуточный итог. И задавался вопросом: «Что мы должны сделать, чтобы сохранить народные достижения». Ответ гласил: «Радикальная партия призвана охранять достигнутое. <...> Наша партия свое существование и прогресс увязала с жизнью и прогрессом нашего народа. Поэтому она будет жить и процветать вечно, как и наш народ».

За высокопарными речами скрывался практический вывод: любой ценой удерживать в руках кормило власти, даже если для этого приходится вступать в союз с заклятым врагом или отречься от того, про что раньше говорилось: «На том стою и не могу иначе». Несогласным было не по пути с Радикальной партией. Об этом 27 апреля 1921 г. Пашич предупреждал членов парламентской фракции, наставлявших на разрыве протivoестественной коалиции с демократами: «Кто хочет гнуть политическую линию, пускай уходит в отставку»¹⁰⁶.

Действительно, чтобы участвовать в правительстве наравне с демократами, радикалам пришлось свою «линию» по многим вопросам

¹⁰⁴ Говор Николе Пашића на земаљској конференцији Народне радикалне странке 25. септембра 1920. године у Београду // *Станковић Ђ.* Сто говора... С. 279.

¹⁰⁵ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. XLIII редовни састанак држан 31. маја и 1. јуна 1921. године. Београд, 1921. С. 47.

¹⁰⁶ Завршни говор Николе Пашића... С. 320.

развернуть на 180 градусов. Так, в феврале 1921 г. в опровержение всего ранее написанного о преимуществах и недостатках централизма Л. Маркович заявил на заседании Конституционного комитета Учредительного собрания, что «с точки зрения хорошего управления и удовлетворения административных потребностей проект С. Протича не выдерживает критики»¹⁰⁷.

С прежними утверждениями о примате суверенных прав народных представителей над полномочиями династии диссонировало стремление угодить властолюбивому принцу-регенту. Как «реверанс» в его сторону можно расценить 1-ю и 121-ю статьи Избирательного закона для Уставотворной скупщины (от 3 сентября 1920 г.), согласно которым король имел право распустить Конституанту, а также утверждал своим указом ее регламент. Тот, как мы уже знаем, оговаривал обязательную присягу депутатов королю, которая, по замыслу радикалов с демократами, должна была отвлечь от участия в работе скупщины всех противников монархии и последовательных приверженцев парламентаризма¹⁰⁸. Посредством этой нехитрой уловки НРП и ДП намеревались облегчить прохождение правительственного законопроекта в условиях, когда фракции обеих партий вместе насчитывали всего 183 депутата (из 419).

Той же цели служили сокращение текста конституции (чем меньше статей — тем меньше возражений и поправок), а также пункт регламента о ее принятии абсолютным большинством голосов всех избранных депутатов скупщины, который противоречил и программе НРП, и Корфской декларации. Последнее обстоятельство Л. Маркович, по примеру С. Прибичевича, оправдывал тем, что документ, подписанный сербским правительством и Югославянским комитетом, не являлся «правовым актом», обязательным для исполнения¹⁰⁹. Это, впрочем, не мешало деятелю НРП, когда требовалось аргументировать предопределенность монархического устройства Югославии, ссылаться на декларацию, которая якобы еще в 1917 г. «решила этот вопрос»¹¹⁰.

¹⁰⁷ *Marković L.* Op. cit. S. 163.

¹⁰⁸ Возражавшие против присяги ХО, СНП и коммунисты, в конце концов, согласились принести ее. От участия в работе Конституционного собрания отказалась Хорватская народная крестьянская партия, переименовавшаяся в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), и С. Протич.

¹⁰⁹ *Marković L.* Op. cit. S. 104–108.

¹¹⁰ *Ibid.* S. 112.

Одно из последних препятствий на пути принятия Видовданского устава правительству во главе с Н. Пашичем удалось устранить в марте 1921 г., заключив сделку с Югославской мусульманской организацией (ЮМО). Платой за ее голоса стала 135-я статья конституции, предусматривавшая уважение исторических границ Боснии и Герцеговины посредством «изъятия ее из предполагаемого раздела государства на области в соответствии с принципом, который должен был быть применен в отношении всей страны»¹¹¹. Таким образом обеспечивалась «компактность территории, населенной мусульманами».

Пойдя на эту уступку, радикалы с демократами предоставили повод уличить их в том, что они непоследовательны в реализации теории «народного единства» — идейной подоплеку правительственного проекта конституции. «Есть ли кто-нибудь в этой скупшине, — вопрошал накануне итогового голосования сербский депутат-социалист Неделько Дивац, — кто не видит, что правительству пришлось отказаться от собственного главного принципа, который она с самого начала употребляла и в хвост, и в гриву, — от принципа, что административное деление нашей страны не может осуществляться на основании исторических и племенных границ?»¹¹².

Подобные упреки раздавались в адрес радикалов и во время работы Учредительного собрания, и в последующие годы. С. Протич корил своих бывших товарищей за то, что они ради «бюрократического централизма» изменили «старому знамени» Радикальной партии — «принципу самоуправления»¹¹³. Деятель республиканской партии и бывший младорадикал Яша Проданович обвинял Н. Пашича в предательстве идеалов парламентаризма: «Когда-то требовал ограничения монаршего вето, а закончил признанием неограниченных прерогатив короны»¹¹⁴. «Никто из политиков не любил власть больше

¹¹¹ *Glorigjević B.* Parlament i političke stranke... S. 101.

¹¹² Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. LXI редовни састанак. 27. јуна 1921. године. Београд, 1921. С. 13.

¹¹³ *Протић С.* Владин предлог устава... С. 8.

¹¹⁴ Одной из таковых являлось причитавшееся монарху по конституции право роспуска скупщины. Соответствующий указ должен был указывать дату новых парламентских выборов. Однако при этом король «может распускать скупщину за скупщиной столько раз, сколько ему захочется». «Похоже, — пишет С. Йованович, — Конституционное собрание стояло на позиции, что монаршее право роспуска неограниченно». Лишь «в некоторой степени» короля должна была сдерживать 114-я

Пашича, — продолжал оппонент Н. Пашича с довоенных времен, — ради нее он оттолкнул от себя лучших товарищей и отказался от всех своих прежних принципов»¹¹⁵.

Оговоримся, что С. Йованович, будучи наиболее компетентным и объективным наблюдателем политического процесса, от подобных обвинений в адрес лидера радикалов воздерживался. Потому что тот якобы вовсе «не имел априорных принципиальных убеждений»¹¹⁶. С этим трудно не согласиться, если рассмотреть, в частности, взгляды Пашича на отношения с династией или на проблему внутреннего административно-территориального устройства. В первом случае иллюстрацией сугубо оппортунистического подхода служит метафорическое сравнение, воспроизведенное в мемуарах Милана Гавриловича: «Двор это, как огонь в камине. Плохо, если ты далеко от него, — замерзнешь. Но и слишком близко сидеть нельзя — обожжет»¹¹⁷.

Что касается дилеммы, перед которой стояло Конституционное собрание, то для ее решения у НРП после предания ostracizmu С. Протича не имелось рецептов, продиктованных идеологическими предпочтениями или соображениями практической целесообразности. Отчасти поэтому марковичевский законопроект «даже в общих чертах не был предъявлен народу перед выборами»¹¹⁸, в чем накануне исторического «Видовдана» радикалов уличил А. Трумбич¹¹⁹. Показательно также состоявшееся в феврале 1921 г. парламентское выступление Л. Марковича, содержащее признание, неожиданное в устах автора централистского проекта: «Сейчас многие задают вопрос: какая администрация лучше — непосредственная централистская, или

статья конституции, согласно которой «без одобрения скупщины действие бюджета нельзя продлить дольше, чем на 4 месяца... Если бы роспуск скупщины имел последствием внебюджетное положение, он, в соответствии с духом конституции, был бы запрещен» (*Йовановић С.* Уставно право... С. 202–203).

¹¹⁵ *Продановић Ј.* Никола П. Пашић // Српски књижевни гласник. Нова серија. Књига двадесета. Бр. 2. 16. јануар 1927. С. 129–131.

¹¹⁶ *Јовановић С.* Моји савременици... С. 183.

¹¹⁷ *Гавриловић М.* Народни пут. Одабрани списи. Нови Сад, 2015. С. 153.

¹¹⁸ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. LXI редовни састанак... С. 27.

¹¹⁹ Аналогичные упреки сербским партиям в октябре 1920 г. — за два месяца до выборов — адресовал политический обозреватель «Сербского литературного вестника»: «Ни радикалы, ни демократы не предъявляют своей полной программы. Мы еще не знаем, как это унитарное государство... будет устроено изнутри — в центре и в областях» (СКГ. Књ. I. Бр. 5. С. 393. 1 новембар 1920.).

та, при которой отдельные административные потребности удовлетворяются на периферии? <...> На этот вопрос нельзя ответить абстрактно. Может быть для господина Н. Петровича этот вопрос решен, но для меня нет»¹²⁰.

И если с ответом не мог определиться сорокалетний профессор права, что можно было ожидать от «аксакала» радикализма? Его позиция определялась тем, что он, с одной стороны, не «вдохновлялся централизмом», а с другой, «не понимал ни значения термина (кон) федерация <...>, ни того, какие в современном мире бывают сложно устроенные государства, и как этот опыт может пригодиться на югославской почве»¹²¹. Отсюда убежденность, что «простое государство сильнее того, что составлено из нескольких автономных частей»¹²². При этом лидер НРП, судя по выступлениям 1920–1921 гг., не видел разницы между «частями» автономными и федеративными. Для него все разнообразие форм государственного устройства, отличных от сугубого централистского, сводилось к условной «федерации», которая, «на самом деле, означала раздел». И так как объединить всех сербов в одном «государстве в государстве» не представлялось возможным, любая децентрализация отвергалась: «Делить наш сербский народ на несколько областей лишь для того, чтобы облегчить создание Хорватии и Словении, считаю несправедливым»¹²³.

В контексте рассуждений о причинах поворота, предпринятого НРП, тот факт, что для большинства ее членов «понятия “автономия” и “децентрализация”, по словам С. Йовановича, были “terra incognita”»¹²⁴, имел немалое значение. Воспроизведение в Королевстве СХС опыта довоенной Сербии оставалось безальтернативным решением: «Мы, братья хорваты и словенцы, на поле боя понесли огромные жертвы. <...> Наш народ — тот, что из Сербии, — который выкопал более миллиона могил, погибал не ради федерализма и автономий <...> не за государство, которое напоминало бы ему бывшую Австрию, а проливал кровь за государство, внутренне целостное, хотя бы немного похожее на Сербию».

¹²⁰ Marković L. Op. cit. S. 159.

¹²¹ Станковић Ђ. Никола Пашић и југословенско питање... С. 236–237.

¹²² Говор Николе Пашића у Уставотворној скупштини 12. маја 1921. године... С. 325.

¹²³ Цит. по: Станковић Ђ. Никола Пашић и југословенско питање... С. 236.

¹²⁴ Popović O. Stojan Protić... S. 76.

Состоявшееся 22 апреля 1921 г. выступление министра-радикала Велизара Янковича свидетельствовало, что радикалы конституционный вопрос рассматривали не с точки зрения эффективности государственных механизмов или тем более компромисса с «братьями», а исключительно в ракурсе сербских «народных интересов». Необходимость их защиты подтверждалась радикализацией хорватских масс, выразившейся в крестьянских волнениях сентября 1920 г., электоральном триумфе Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП), не признававшей легитимности создания Югославии и бойкотировавшей скупшину, а также в соответствующей эволюции ХО и СНП. Все перечисленное, по мнению Пашича, не было «результатом внутренних обстоятельств, а следствием влияния извне, из-за границы»¹²⁵.

Таким образом, даже относительно умеренные оппоненты значительной частью сербских общественно-политических кругов привычно воспринимались как (не)вольные агенты враждебной внешней силы, пусть даже поверженной. В их доводах, озвученных в стенах Уставотворной скупщины, председатель НРП слышал «отголоски старого вассального режима <...>, который в Австрии правил и всегда имел целью поссорить братьев, породить ненависть и сербофобию»¹²⁶. А конституционные проекты ХО и СНП процитированному выше В. Янковичу напомнили «австрийские и болгарские схемы, по которым резали тело нашего народа».

Сознательная или неосознанная «австриянина»¹²⁷, приписываемая хорватам и словенцам сербскими общественно-политическими кругами, считалась своего рода психическим недугом — «австрийским духом», «духом отрицания государства», который С. Прибичевич, обращаясь к землякам-загребцам из ХО, призывал «изгонять из себя»¹²⁸. А Н. Пашич при каждой встрече с активом НРП напоминал, что радикалы «призваны лечить это общество», «лечить административный аппарат», «лечить страну от сегодняшнего зла и дать ей конституцию»,

¹²⁵ Уводни говор Николе Пашића на седници посланичког клуба Народне радикалне странке 23. Децембра 1920. године // *Станковић Ђ.* Сто говора... С. 318.

¹²⁶ Говор Николе Пашића у Уставотворној скупштини 12. Маја 1921. године од 27. Априла 1921. године // *Станковић Ђ.* Сто говора Николе Пашића... С. 325, 324.

¹²⁷ *Стојановић Јб.* Хрватска «аустријанштина» // СКГ. Књ. 17. Бр. 5. С. 360–361. 1 март 1926.

¹²⁸ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. XXIX редовни састанак. 12. маја 1921. године. Београд, 1921. С. 9.

«потому что только так мы можем спасти государства от распада»¹²⁹. Делать это предполагалось, не принимая во внимание мнение одержимых «духом». «С хорватами невозможно договориться, потому что они ушли в крайний экстремизм. <...> Желательно было бы выработать закон для страны при согласии всех трех частей нашей нации, но большинство хорватов... не хочет такого согласия. Поэтому нужно через них переступить и принимать конституцию без их участия»¹³⁰, — слова Пашича в пересказе Л. Марковича диссонировали с представленным в начале работы описанием толерантного «братского» взаимодействия парламентских большинства и меньшинства.

Вышеприведенная оценка себя и окружающих — свидетельство устойчивости характеристик, «диагностированных» А.Л. Шемякиным у довоенного политического бомонда: «Перед нами — привычный и давно известный набор представлений сербской элиты, фундамент которого составляли стремление каждой из ее фракций к монополии на патриотизм и мессианская претензия на политическое господство. Все же другие объявлялись врагами — в борьбе с ними использовались любые средства»¹³¹. Одним из таковых стала конституция, скорость принятия которой значила для ее авторов, много больше, чем содержание (за исключением статей о внутреннем административном разграничении). Подтверждением тому — как вышеприведенное высказывание Л. Марковича о нерешенности для него пресловутого «вопроса», так и выступление Н. Пашича в Уставотворной скупщине, состоявшееся в мае 1921 г. В нем он констатировал «неидеальность» правительственного законопроекта, а также, вообще, «недолговечность» конституций, обусловленную тем, что они «создаются исходя из потребностей времени». Ту же мысль радикальный «патриарх» развил в 1925 г. в разговоре с однопартийцем, уподобив конституцию платью, которое меняется в зависимости от времени года¹³².

¹²⁹ Завршиши говор Николе Пашића на седници посланичког клуба Народне радикалне странке // *Станковић Ђ. Сто говора...* С. 320.

¹³⁰ Цит. по: *Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати*. Београд, 1995. С. 96–97. Показательно также толкование Л. Марковичем резолюции партконференции, состоявшейся в декабре 1921 г.: «Мысль наша была в том, чтобы сказать хорватам: “Да, мы приняли конституцию без согласия с вами, и даже против вашей воли. Но мы это сделали из высших государственных интересов”» (Там же. С. 433).

¹³¹ *Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии...* С. 239.

¹³² *Станковић Ђ. Никола Пашић и југословенско питање...* С. 264.

* * *

Таким образом, конституция не служила воплощением того, что С. Йованович называл «конструктивным государственным», — представления об оптимальных началах сосуществования «трех племен» одного народа. Началах, не подлежащих пересмотру в зависимости от сезона или от конъюнктуры межпартийных отношений. Напротив, содержание основного закона было обусловлено, в первую очередь, тактической необходимостью поддерживать хрупкое перемирие между двором, радикалами и демократами и, во вторую, дать отпор посягавшим на «народные интересы» хорватским и словенским представителям. Отношение к ним соответствовало той роли, которую «государствообразующие партии» уготовили себе в продолжавшемся не одно десятилетие процессе достижения национального идеала. «Подобно тому, как во время военных испытаний мы были верны идее народного и территориального единства, сегодня мы считаем своим долгом отстаивать это завоевание на новом поприще...»¹³³, — гласил предвыборный манифест НРП от 1923 г. В 1925 г. радикало-демократическая коалиция совместное участие в третьих выборах в скупшину преподносила как «решительную битву двух фронтов — одного фронта, который выступает за это государство, и второго, который хочет наше прекрасное отечество видеть не единым, а разобщенным и расколотым»¹³⁴.

Проводя аналогию между парламентской жизнью и войной, НРП и ДП своих оппонентов оценивали не иначе как внутренних «врагов народного и государственного единства», в борьбе с которыми нет места компромиссу. Таковыми, справедливости ради, считались не одни только пречане. С 1919 г. столь же однозначно радикалы относились к демократам, а те — ко всем остальным партиям. Взаимоотношения участников югославской политической драмы характеризует формула, выведенная А.Л. Шемякиным для описания межпартийной борьбы в предвоенной Сербии: «В фокусе *внутреннего* противостояния находилась выраженная *внешне*-окрашенная претензия на «эксклюзивный патриотизм», отчего в диалоге политических сил и звучали

¹³³ Самоуправа. 1923. 25. II. «Бирачима».

¹³⁴ Самоуправа. 1925. 3. II. «Говор господина Николе Пашифа, председателя министарског савета, одржан 1 фебруара 1925. године».

так часто упреки в «измене родине»¹³⁵. В пользу, разумеется, «вероломной и злодейской Австрии», которая, как мы убедились, неизменно оставалась главным «внешним» жупелом, с помощью которого сербские/сербийские политики разоблачали друг друга.

О. Попович-Обрадович непримиримость взаимного восприятия белградских политиков считала проявлением особенностей менталитета крестьянских масс — социальной базы и радикалов, и их оппонентов. Политическое сознание сословия, доля которого в населении страны не опускалась ниже 85–87 %¹³⁶, «определяли отнюдь не идеи индивидуальной свободы и толерантности, а сугубо коллективистские и эгалитаристские представления... Подобные черты сербского общества, — продолжает исследовательница, — существенным образом сказались на природе политических партий, их идеологии, понимании того, что есть демократия и само государство»¹³⁷.

В однородной в социальном и этническом отношении среде «черно-белая» риторика наиболее массовой партии позволяла рассчитывать на политическую мобилизацию большей части «нашего народа». Однако в полиэтническом Королевстве СХС использование шкалы «народности — антинародности» в качестве единственного критерия самоидентификации и оценки окружающих могло быть только фактором государственной нестабильности. В 1921–1929 гг. уподобление Народной скупщины полю битвы, в которой принимали участие примерно равные по силам сторонники и противники видовданского централизма, лишило «парламентский механизм» в Королевстве СХС его имманентного свойства — способности нивелировать социальные, межэтнические и прочие противоречия и вырабатывать внятный государственный курс.

В конце десятилетия наступивший кризис, грозивший самому существованию Югославии, мог быть разрешен либо пересмотром принципов общежития «трех племен одного народа», либо узурпацией власти. 6 января 1929 г. король Александр Карагеоргиевич,

¹³⁵ Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX — начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014. С. 28.

¹³⁶ Шемякин А.Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 94.

¹³⁷ Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 433.

установив режим личной власти, разрубил гордиев узел. Пророческими оказались слова С. Протича, обращенные к депутатам правительственной коалиции в январе 1922 г.: «Вот вам, приняли конституцию, а не будет ни легче, ни лучше... Сразу после принятия конституции перед вами встанет вопрос ее ревизии. Может, вы ее и не хотите, но это неизбежно. И что еще хуже, вы окажетесь перед дилеммой — либо вы осуществите ревизию конституции, либо вам придется ее упразднить»¹³⁸.

¹³⁸ Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Редован сазив за 1921/22 годину. I. XVII редовни састанак. 21 јануар 1922. С. 165.

Королевство сербов, хорватов и словенцев в документах советских представительств в Праге в первой половине 1920-х гг.¹

Несмотря на отсутствие вплоть до 1940 г. дипломатических отношений между СССР и Югославией, информация о положении дел в королевстве и его международных связях поступала в Москву регулярно с начала 1920-х гг. Наиболее активными поставщиками информации о Королевстве СХС были агенты Коминтерна и советские представительства в Австрии, Германии и Чехословакии².

В настоящей статье предпринята попытка выявить, какие проблемы, касающиеся Королевства СХС, нашли отражение в документах советских представительств в Праге в 1920–1925 гг.

¹ Статья написана при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России»: подпроект «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление», тема «Австро-Венгрия: механизмы самоорганизации культурно-сложных сообществ в композитарной монархии», № 0178–2018–0008.

² Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг.). В 2 ч. М., 2000, 2003; Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы. М., 1992. Проблемы становления советско-югославских отношений рассматривались отечественными, югославскими и современными сербскими историками. Подробнее см. историографический обзор: *Лобачева Ю. В.* Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е гг. Историографический обзор // *Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева.* М., 2017. С. 389–407. Из работ, не вошедших в статью Ю. В. Лобачевой, следует отметить: *Жуомић А.* Покушај упостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923–1927) // *Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Россия/СССР и государственность Сербии/Югославии.* Београд, 2018. С. 299–322; *Vinaver V.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929. Pitanje priznanja SSSR i uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa // *Istorija XX veka.* Београд, 1965. VII. S. 93–186.

Первой советской миссией в Чехословацкой республике была миссия Красного Креста, которая прибыла в Прагу 10 июля 1920 г. 22 августа глава миссии С. И. Гиллерсон в шифровке наркому иностранных дел РСФСР В. Г. Чичерину сообщил о заключении между Югославией и ЧСР оборонительного союза против Венгрии. Чехословацко-югославский договор был подписан 14 августа 1920 г. во время визита министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша в Белград³. На этот договор советский представитель возлагал большие надежды. Предполагая, что Югославия последует примеру Праги, заявившей 9 августа о нейтралитете в польско-советской войне, Гиллерсон писал в Москву: «Ожидается официальное объявление нейтралитета Белградом, отмечается охлаждение сербов к Франции». Он считал, что следовало бы воспользоваться ситуацией и предложить Югославии «возобновление нормальных отношений». Гиллерсон спрашивал Чичерина, не предложить ли Бенешу выступить в роли посредника в советско-югославских переговорах и «устроить мне неофициальный проезд в Белград» для встречи с председателем королевского правительства М. Весничем. В этой же шифровке сообщалось, что в целях привлечения Румынии к чехословацко-югославскому союзу и «проектируя образование Малой Антанты» Бенеш отправился в Бухарест⁴.

Чичерин дал согласие на поездку Гиллерсона в Белград «для подготовительных и информационных целей, с тем чтобы будущие переговоры с Югославией вело специально посланное туда лицо»⁵. Москва была крайне заинтересована в диалоге с Белградом. 18 августа советские представители в Лондоне вступили в переговоры с югославским министром иностранных дел А. Трумбичем, но 26 августа председатель правительства М. Веснич по указанию принца-регента Александра Карагеоргиевича распорядился их прекратить⁶. В этих условиях предложение Гиллерсона о посреднической роли Бенеша

³ Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha, 2004. Sv. I. S. 161–162. Dok. 82.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 13. В документе указано «в Будапешт». Очевидно, ошибка допущена при дешифровке.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53924. Л. 3.

⁶ Москва — Сербия, Белград — Россия: сб. документов и материалов. Белград; М., 2017. С. 731. Док. 123.

и поездке в Белград было как нельзя более кстати, если не считать того, что правительство Югославии в то время не намерено было вступать в переговоры с большевиками. К тому же осенью возникла натянутость в отношениях Гиллерсона с чехословацким руководством, в частности с Бенешем, получившим доказательства подрывной деятельности советской миссии в ЧСР. Поэтому, несмотря на настойчивые требования Чичерина, поездка Гиллерсона в Белград не состоялась.

20 сентября 1920 г. Гиллерсон направил Чичерину многостраничный обзор «Малая Антанта». Не будучи осведомленным о деталях подготовки чехословацко-югославского договора и основываясь преимущественно на материалах прессы, Гиллерсон сообщал, что переговоры были начаты Бенешем в дни VII Всесокольского слета в Праге в июне 1920 г., куда прибыли представители Югославии. 13 августа в газетах появилось официальное сообщение о поездке Бенеша в Белград. «Далее последовал ряд официальных и полуофициальных сообщений о пребывании Бенеша в Белграде, о его переговорах с премьером Весничем и заместителем министра иностранных дел Нинчичем, о приеме его принцем-регентом Александром и интервью с сербскими журналистами», — отмечалось в обзоре. 19 августа было официально сообщено, что «о заключении союза между Чехословакией и Югославией поставлена в известность Лига Наций»⁷.

По возвращении в Прагу Бенеш сделал доклад о результатах переговоров в Белграде и Бухаресте на заседании совета министров, а 1 сентября произнес «обширную программную речь» в комиссии по иностранным делам Национального собрания ЧСР. В обзоре прежде всего обращалось внимание на причины, которые, по словам Бенеша, побудили его к заключению союзного договора с Югославией и переговорам с Румынией. Первоочередной причиной он назвал устранение «мадьярской опасности». Кроме того, «побуждающим мотивом к сближению трех государств» было стремление обезопасить страну от реставрации монархии Габсбургов и от создания Дунайской конфедерации или других «каких бы то ни было федераций»⁸. Наконец, еще одной причиной, приведшей, по словам Бенеша, к созданию Малой Антанты, являлось очень сложное «общее политическое

⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 6.

положение в Европе», которое определялось взаимоотношениями Антанты, Германии и Советской России. Бенеш рассчитывал, что, несмотря на все политические затруднения, единство западных союзников сохранится. Но вместе с тем он предполагал, что со временем неизбежно восстановление Германии и России и усиление их влияния на ход европейских событий. Бенеш не исключал возможность заключения соглашения между Германией и Россией. По его мнению, необходимо быть готовым к любым случайностям, которые могли бы возникнуть в результате взаимоотношений трех европейских блоков⁹. «Мы должны стремиться обеспечить внутреннюю консолидацию союзом с ближайшими государствами и стать в более определенные отношения к каждому из решающих европейских блоков, чтобы содействовать упорядочению политических отношений в современной Европе. Чтобы спасти Центральную Европу от того краха, который переживают в настоящее время Польша и Россия, мы должны найти общую линию поведения с Румынией и Югославией»¹⁰, — заявил чехословацкий министр.

В обзоре указывалось на усиливавшееся отчуждение Чехословакии и Югославии от Франции. «За лойяльной по отношению к союзникам фразеологией Бенеша и Веснича скрыто направленное против французской политики острие», — отмечалось в обзоре со ссылкой на австрийскую и польскую печать. Причины такого отчуждения виделись в закулисных переговорах Парижа с венграми и во французских планах Дунайской конфедерации, а также в несовпадении позиций Франции, с одной стороны, и ЧСР с Югославией — с другой, в отношении Москвы в период польско-советской войны. В Белград прибыл маршал Ж. Жоффри, визит которого, по словам сербской газеты *«Реч»*, был вызван «французской боязнью перед сближением славянских государств с Россией». Однако, как отмечалось в обзоре, «происки Франции в Белграде видимо не увенчались успехом»: «Югославия определенно ответила Антанте, что сохранит в отношении Советской России полный нейтралитет. Белградская печать ставит его в причинную связь с провозглашением (нейтралитета. — Н. С.) чехословацким правительством»¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 11.

Далее в обзоре рассматривалось отношение к чехословацко-югославскому договору соседних стран, но содержание самого договора оставалось неизвестным. Только в следующем обзоре миссии «Малая Антанта» от 1 декабря 1920 г. после опубликования договора в чехословацкой печати 2 ноября сообщалось о его содержании: оборона в случае нападения Венгрии; безоговорочное соблюдение Трианонского мира; срок действия договора — два года; ни одно из подписавших договор государств не имеет права заключать союз с третьей державой, не уведомив заранее своего союзника; этот договор доводится до сведения Лиги Наций¹². В обзоре отмечалось, что союз с Югославией вся чехословацкая печать «горячо приветствовала, усматривая в нем дело мира и успокоения Средней Европы». Только газета левых социал-демократов «*Rudé právo*» утверждала, что Малая Антанта главным образом направлена против Советской России. Правые социал-демократы выражали недовольство такими заявлениями и видели в Малой Антанте лишь инструмент обороны в случае нападения Венгрии или реставрации Габсбургов. Эта точка зрения разделялась и в обзоре советской миссии: «Чехословакия заключила <...> действительно лишь оборонительный союз с Югославией и Румынией против нынешней Венгрии и против восстановления старой Австро-Венгрии и тем самым против Германии»¹³.

В обзоре советской миссии от 1 декабря 1920 г. была вскользь затронута еще одна тема, которая спустя месяц стала одной из основных в донесениях Гиллерсона в Москву. Речь шла о Рапалльском договоре, который 12 ноября 1920 г. был подписан между Югославией и Италией¹⁴. В обзоре от 1 декабря отмечалось, что с его заключением «Малая Антанта не только избавилась от одного интриговавшего против нее государства, но может быть приобрела могучего союзника против Венгрии и против Габсбургов»¹⁵. В шифровке 3 января 1921 г. Гиллерсон сообщал Чичерину о слухах об ориентации Малой Антанты на Рим, о предстоящих переговорах Бенеша с итальянским министром иностранных дел К. Сфорцей¹⁶. Спустя пять дней Гиллерсон

¹² Там же. Л. 22.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. D. 1. S. 169–172.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 22.

¹⁶ Там же. Д. 53932. Л. 3.

написал наркому: «Тенденция к сближению чехов с Италией заметно усиливается»¹⁷. Наконец, в обзоре внешней политики ЧСР, направленным миссией в Москву 8 февраля 1921 г. (в документе ошибочно указана дата 8 января) тема чехословацко-итальянских отношений вышла на первое место в связи поездкой Бенеша в Рим 4–9 февраля. В обзоре отмечалось, что Италия и Югославия, наряду с ЧСР, — единственные государства, «непосредственно заинтересованные в невозвращении Габсбургов», и «Бенеш энергично стремится достичь итало-чешского согласия». Его поездка в Рим, «широко рекламируемая чешской правительственной печатью», имела официальной целью достижение соглашения об экономическом сотрудничестве, по венгерскому и австрийскому вопросам, по вопросу о Габсбургской династии. В обзоре подчеркивалось, что предполагался приезд в Италию также председателя правительства и министра иностранных дел Югославии Н. Пашича, т. е. «возможность тройственного согласия»¹⁸.

В этом же обзоре рассматривалась тема чехословацко-болгаро-югославских отношений в связи с визитом в декабре 1920 г. в Прагу председателя болгарского правительства А. Стамболийского, который рассчитывал на посредничество Бенеша «в болгаро-югославском конфликте». Но чехословацкий министр уклонился от предложенной роли. Как отмечалось в обзоре, «Бенеш не считает возможным что-либо предписывать своему союзнику Югославии и стоит на точке зрения безусловного невмешательства в болгаро-сербские дела»¹⁹. Этой линии МИД ЧСР следовал и в последующие годы, считая, что путь из Софии в Прагу лежит через Белград²⁰.

Нарком Чичерин в письме Гиллерсону от 29 ноября 1920 г. требовал обратить особое внимание на Югославию. «Почему ничего не вышло из плана возобновления сношений с Белградом? Получилось известие, что Югославия будет убежищем для армии Врангеля. Этого не было бы, если бы мы там были представлены, ибо сербское общество полно к нам сочувствия, так что Трумбичи и Веснич не посмели бы на это идти, если бы мы там на месте против этого боролись»²¹.

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Там же. П. 274. Д. 53937. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 277.

²¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53924. Л. 8.

Отвечая на упреки Чичерина, Гиллерсон писал, что благоприятный момент для установления отношений с Югославией, «каковым являлось время наших удачных операций на польском фронте», был упущен. Но тем не менее он предлагал наркому обратиться в Белград «с требованием, именно с требованием, допустить нашего представителя в целях реэвакуации бывших деникинцев и врангелевцев в Россию», ссылаясь на то, что в советскую миссию Красного Креста в Праге поступают из Югославии соответствующие просьбы от российских граждан²². В то же время он отметил, что югославское правительство настроено против большевистской России и сурово расправляется с местными коммунистами²³. Из присланного миссией в наркомат перевода постановления королевского правительства «против разрушительных элементов» от 29 декабря 1920 г.²⁴ следовало, что югославские власти опасались коммунистического переворота в стране²⁵. В постановлении, в частности, отмечалось: «Из достоверных источников правительству стало известно, что разрушительные элементы готовят в ближайшие дни государственный переворот, чтобы по примеру русских большевиков разорить все основанные на законах общественные и частные учреждения, а вместо них установить наподобие России власть нескольких людей, которые бы распоряжались жизнью, свободой и имуществом граждан, и открыли бы ворота нашего государства иностранцам. Они это называют диктатурой пролетариата». В постановлении подчеркивалось, что большевики развернули революционную борьбу по всему миру. «Эта большевистская болезнь, которая называется коммунизмом, принесла уничтожение России. В течение нескольких недель она терзала и Венгрию и повлекла гибель тех, кто добивался диктатуры». В декабре была предпринята попытка коммунистического переворота в Чехословакии. «К коммунистическому движению примкнули многие явные и тайные враги нашей страны и народа», — говорилось в документе. Чтобы не допустить кровопролития, королевское правительство постановило: до выработки и принятия конституции запретить всякую коммунистическую и иную вредную пропаганду, закрыть коммунистические и им подобные организации и не допускать

²² Там же. П. 274. Д. 53929. Л. 3–4.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. D. 1. S. 156–157.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0509. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 56–58.

их собраний, запретить их газеты и все остальные издания; произвести обязательную сдачу оружия; изгнать с территории королевства всех иностранцев, участвовавших в беспорядках или подстрекавших к ним; уволить с государственной службы всех чиновников, занимающихся пропагандой большевизма, а студентов-коммунистов лишить стипендий и пособий²⁶. По свидетельству Гиллерсона, сербская правая печать призывала власти действовать еще жестче, требовала ареста коммунистов. Чехословацкая пресса отмечала, что коммунисты в Югославии пустили глубокие корни. Положение усугубляли интриги С. Радича и его Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП)²⁷. 10 января 1921 г. Гиллерсон писал Чичерину, что события в Югославии «значительно грозней и кровавей, нежели рисуют депеши и югославские агенства», «страна — перед катастрофой»²⁸.

Несмотря на столь многообещающее грозное предсказание, в последующие месяцы Королевство СХС занимало весьма скромное место в документах советской миссии Красного Креста в Праге. Только в шифровке 5 апреля 1921 г. Гиллерсон, ссылаясь на чешский «*Čas*», приводит «программу» партии Радича: «Хорватская Республика, как независимая часть югославянской федерации и ориентация славянства не на Антанту, а на Германию». В шифровке отмечалось, что «Радич верит в успех борьбы с сербами, за него все хорваты, словенцы и чехословацкие колонисты»²⁹.

Тогда же, в апреле 1921 г., Гиллерсон несколько раз в донесениях в Москву упоминал о Югославии в связи неудавшейся попыткой Карла Габсбурга утвердиться на венгерском престоле, отмечая различия в оценке этого события в стане Малой Антанты. В частности, выпад в югославской печати против Румынии, указывавшей на двойственную политику Бухареста, которому будто далеко невраждебна идея восстановления Габсбургов³⁰. Это, однако, не помешало Чехословакии заключить с Румынией 23 апреля 1921 г. союзный

²⁶ Там же. Л. 56–58.

²⁷ О С. Радиче подробнее см.: *Городнянский А.В.* Степан Радич. 1971–1928 // *Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.).* М., 1993. С. 195–209; *Силкин А.А.* «Хорватский апостол» Степан Радич // *До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе.* М., 2009. С. 68–85.

²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 84.

³⁰ Там же. Д. 53929. Л. 23.

договор³¹, а спустя полтора месяца, 7 июня, в Белграде был подписан румыно-югославский договор. Последний отличался от договоров ЧСР с Румынией и Югославией тем, что был направлен против «неспровоцированного нападения» не только со стороны Венгрии, но и со стороны Болгарии³². 13 июня Гиллерсон сообщил в Москву, что подписание югославо-румынского договора рассматривается в ЧСР как «увенчание дела Малой Антанты»³³.

В июне 1921 г. в Прагу прибыл глава советской торговой делегации П. Н. Мостовенко, наделенный Советом народных комиссаров РСФСР весьма широкими полномочиями. Накануне отъезда из Москвы Чичерин просил Мостовенко особое внимание обратить на политику Малой Антанты, которую в момент создания чехословацкое правительство рассматривало как «необходимый противовес чрезмерной зависимости от Франции», а теперь же, как будто выходит, что «М[алая] Антанта превратилась в орудие в руках Франции, и чех[ословацкое] пра[вительство] чуть ли не склонно смотреть на нее, как на своего рода союз, обращенный своим острием по адресу Советской России»³⁴.

В этой связи Мостовенко вновь вынужден был обратиться к истокам возникновения Малой Антанты — к чехословацко-югославскому договору 1920 г. В отличие от Гиллерсона, который считал, что помимо прочего этот договор преследовал цель «отчуждения» ЧСР и Королевства СХС от Франции, Мостовенко утверждал, что в момент создания Малой Антанты «влияние Франции было настолько велико, что я не допускаю, что даже в мыслях у Бенеша могли быть попытки создания противовеса Франции». Мостовенко был убежден, что «непосредственной и исчерпывающей причиной появления на свет М[алой] Антанты в ее первичном виде был именно страх перед Магьярией». Еще одной причиной образования Малой Антанты Мостовенко, как и его предшественник, считал страх перед реставрацией Габсбургов. Помимо этого, по мнению советского представителя, «Чехословакия и Югославия <...> естественно связаны между собою отсутствием каких-либо спорных вопросов, а также и чисто

³¹ Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Sv. I. S. 644–645. Dok. 445.

³² Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. D. 1. S. 173.

³³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 164.

³⁴ Там же. Д. 53929. Л. 43.

экономически — так как Югославия является естественным рынком для Чехословакии»³⁵. Сближение Белграда с Римом, подписание Рапалльского договора Мостовенко объяснял «исключительно стремлением усилить свою позицию в антимадьярском окружении»³⁶. Подводя итоги своим рассуждениям, Мостовенко констатировал, что в центре внимания Малой Антанты стоит и «неопределенно долгое время будет стоять — страшный одинаково для всех их мадьярский вопрос». «Трудно допустить возможность сколько-нибудь активного проявления М[алой] Антанты в вопросе борьбы с Россией», — писал Мостовенко Чичерину 28 июня 1921 г., отвечая на вопрос наркома, поставленный ему во время назначения в Прагу³⁷.

Мостовенко возмущался тем, что в документах Коминтерна, в газетах «Известия» и «Новый мир» «усиленно подчеркивается алармистское трактование Малой Антанты как наступательного союза против Сов[етской] России». В письме Чичерину 19 июля он писал: «Самая мысль заставить чехов воевать с любой Россией здесь представляется настоль нелепой, что алармизм в этом вопросе вызывает естественное подозрение обывателя: не есть ли это с нашей стороны выискивание повода для того, чтобы под благовидным предлогом обрушиться самим»³⁸.

Спустя месяц Мостовенко вновь писал Чичерину, что «нахожу для нас политически невыгодным слишком плоско <...> толковать М[алую] Антанту чуть ли не как, главным образом, наступательный союз против России». Он снова подчеркивал: «М[алая] Антанта своим главным острием обращена против Венгрии, ее основная задача — упрочение положения средне-европейских государств, явившихся результатом Трианонского договора, и упрочение вообще того распределения территорий Средней и Южной Европы, какое мы имеем налицо в настоящее время»³⁹.

Позиция Мостовенко стала раздражать Москву — она противоречила усилиям советской пропаганды, формировавшей образ Страны Советов как осажденной крепости, сплошь окруженной врагами. 24 сентября Мостовенко получил письмо заместителя наркома

³⁵ Там же. Л. 44.

³⁶ Там же. Л. 45–46.

³⁷ Там же. Л. 53.

³⁸ Там же. Л. 73.

³⁹ Там же. Л. 136. Орфография сохранена.

иностранных дел М. М. Литвинова, выговаривавшего ему за то, что он столь настойчиво отстаивает мнение «о необходимости воздерживаться от критики и дискредитирования» Малой Антанты. Мостовенко вынужден был оправдываться и соглашаться. Отмечая, что непосредственной целью ее образования был венгерский вопрос и опасность Габсбургской реставрации, он в то же время указывал на «общую запутанность положения, неисчерпываемого одним мадьярским вопросом». Сам «факт связанности Чехословакии с феодальной Румынией, с полуфеодальным правительством Югославии, полная зависимость чех[ословацкого] пра[вительства] от французского правительства — предоставляет полную возможность использования этого союза в целях реакционной политики Франции, т. е. против нас», — писал Мостовенко Литвинову 25 сентября. Он считал целесообразным указывать в печати на польско-румынский военный союз, на возможность присоединения Польши к чехословацко-югославо-румынскому союзу, что совершенно изменит первоначальный вид Малой Антанты, «обернув ее острие против нас»⁴⁰. Так постепенно обрастал аргументацией тезис об антисоветской направленности Малой Антанты, запущенный в обиход коммунистической пропагандой, маховик которой раскручивался со все возрастающей силой.

Несмотря на столь резкую оценку Малой Антанты и ее отдельных участников, Мостовенко не исключал возможность установления контактов с правительством Королевства СХС. В упомянутом письме Литвинову от 25 сентября он выражал надежду, что чехословацкие политики будут «очень рады сыграть роль маклера» в советско-югославских отношениях. Правда, Мостовенко сомневался в заинтересованности югославского правительства в этом деле, но тем не менее Литвинову он обещал: «Зондировать почву я во всяком случае буду; если есть в этом направлении хоть какая-нибудь возможность, здесь ее всего легче прощупать»⁴¹.

Во время встречи с заместителем министра иностранных дел ЧСР В. Гирсой Мостовенко поднял вопрос о посредничестве Праги в советско-югославских отношениях. Гирса ответил, что действительно в королевском правительстве происходит постепенный перелом

⁴⁰ Там же. Д. 53930. Л. 69–70.

⁴¹ Там же. Л. 71.

настроений в отношении Советской России, он убежден, что «вопрос о завязывании сношений между нами теперь уже вопрос недалекого будущего». Но при этом Гирса считал «преждевременно муссировать этот вопрос», так как королевское правительство «слишком занято внутренним вопросом происходящего сейчас фактического превращения государства из Сербии в Югославию», — сообщал Мостовенко Литвинову 3 октября. Таким образом, Гирса уклонился от конкретных обязательств посредничества в данный момент. Но, несмотря на такой исход встречи, Мостовенко вынес впечатление, что «имеется полная возможность путем никого необязывающих бесед быть в курсе этого вопроса по чешским источникам»⁴².

Ожидания Мостовенко быть в курсе югославских проблем благодаря контактам с чехословацким МИДом оказались слишком завышенными. В последующих донесениях торговой делегации в НКИД Югославия почти не упоминается, в то время как советско-югославские связи имели место, минуя Прагу. В 1921–1922 гг. Королевство СХС оказывало помощь голодающим в Советской России⁴³. Во время Генуэзской конференции в апреле-мае 1922 г. Чичерин установил прямые контакты с югославским министром иностранных дел М. Нинчичем. Как писал нарком, в Генуе у него с Нинчичем состоялось «несколько коротких случайных встреч» и «однажды мы с ним секретно обедали на вершине горы Портофино-Кульм». Чичерин предлагал обмениваться правительственными репатриационными или торговыми делегациями. Нинчич вначале возражал и соглашался на обмен лишь делегациями Красного Креста. Но к концу переговоров принял предложение Чичерина. Кроме того, обсуждался вопрос об отношении к Советской России «различных элементов внутри Югославии». Речь шла о «возрастающем стремлении общественного мнения к сближению с Россией, хотя бы и Советской, и об эмигрантском засилии в Югославии». Нинчич жаловался, что вооруженные врангелевцы представляют опасность для Югославии в силу своей многочисленности, сравнимой со всей сербской армией, и своей независимости от короля, поскольку получают приказы извне. По словам Нинчича, эту опасность будто осознают и правительство, и король. Министр уверял,

⁴² Там же. Д. 53932. Л. 227.

⁴³ *Vinaver V.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929. S. 120.

что отдельные отряды врангелевцев будут разоружены и постепенно Югославия от них избавится⁴⁴.

Следующая встреча Чичерина и Нинчича имела место во время Лозаннской конференции 3 декабря 1922 г.⁴⁵ Ей предшествовали переговоры советских и югославских дипломатов в Берлине⁴⁶, в ходе которых условились, что Советская Россия и Королевство СХС под видом торговых или репатриационных делегаций обмениваются официальными представительствами. Во время встречи с Чичериным в Лозанне «Нинчич лично выразил на это согласие»⁴⁷. Как и в Генуе, речь также шла о взаимном стремлении к сближению, о намерениях Белграда «отделаться от обременяющих его белых» и т. д. На Чичерина Нинчич произвел впечатление «человека симпатичного, искреннего, но слабохарактерного и в сущности бессильного»⁴⁸.

Неизвестно, был ли проинформирован об этих переговорах Мостовенко. Знали ли о них что-либо в Праге? Впрочем, круг общения Мостовенко не отличался широтой. Сменивший его в марте 1923 г. на посту советского представителя в ЧСР К. К. Юренев писал Литвинову: «Дипломатических связей от тов. Мостовенко я фактически не получил никаких. Стало быть, придется в этом смысле начинать работу»⁴⁹. Во время знакомства с дипломатическим корпусом Юренев решил использовать в качестве «информатора по Югославии» генерального консула Латвии в Чехословакии Э. Краста, который до этого был на дипслужбе в Королевстве СХС и, по его словам, имел большие связи с югославскими социал-демократами (поскольку сам был социал-демократом) и группой Радича⁵⁰.

24 марта Юренев посетил Краста и познакомился с видным деятелем Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, депутатом парламента ЧСР Л. Винтером. Во время беседы речь зашла о выборах в югославскую скупщину. Поражение коммунистов

⁴⁴ Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. С. 150. Док. 111.

⁴⁵ Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929. S. 122.

⁴⁶ Ibid. S. 121–122.

⁴⁷ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. С. 84. Док. 48.

⁴⁸ Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. С. 150. Док. 111.

⁴⁹ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53952. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Д. 53958. Л. 10.

Винтер объяснял тем, что рабочие массы «изжили ту послевоенную революционность, которую в свое время весьма умело использовали русские коммунисты, сумев создать на ее основе свою диктатуру». Что касается социал-демократов, то их постигла та же участь, что и коммунистов. Винтер отметил, что в Югославии слаб и рабочий класс, и кадры интеллигенции, отличительной чертой последней является карьеризм и стремление устроиться потеплее⁵¹.

Следующая запись в служебном дневнике Юренева, касающаяся Югославии, датирована 27 мая, когда его навестил один из лидеров Коммунистической партии Чехословакии Б. Шмераль. Как представитель Коминтерна он участвовал во II конференции компартии Югославии, которая состоялась 9–12 мая 1923 г. в Вене⁵². По словам Шмерала, «конференция была весьма жалкой», в ее работе участвовало 38 делегатов, представлявших «всего несколько сот человек». При ничтожном численном составе югославская компартия раздроблена и насчитывает ряд группировок. Шмераль сильно возмущался тем фактом, что местом заседания конференции было избрано советское представительство в Вене. «Лучшей иллюстрации пресловутой “связи” Коминтерна и сов[етского] пра[вительства] нельзя было бы подыскать», — сказал он⁵³.

Регулярно информация о Королевстве СХС из советского представительства в Праге стала поступать в Наркоминдел с осени 1923 г., когда установился постоянный контакт между заведующими бюро печати югославского посольства С. Ключичем и полпредства СССР в ЧСР Р. О. Якобсоном. Поскольку до этого времени советские представительства информацию о внутривластном положении в Королевстве получали лишь от случая к случаю, во время одной из первых встреч Якобсон попросил Ключича составить обзор политических партий в Югославии с характеристикой ведущих деятелей, с указанием «элементов, которые стоят за ними», с анализом их политики, отношения к Советской России, главных партийных печатных органов, их

⁵¹ Там же. Л. 16–17.

⁵² В соответствии с Законом о защите государства от 2 августа 1921 г., КПЮ была запрещена (см.: *Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. D. 1. S. 246–248*). Партия действовала в подполье и в эмиграции. Одним из центров деятельности КПЮ стала Вена (см.: *Gligorijević B. Kominternu, Jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992. S. 65*).

⁵³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53958. Л. 77.

тиража и т. п.⁵⁴. 10 октября шестнадцатистраничный «Обзор политических партий в Королевстве СХС» был отправлен в Москву⁵⁵.

Во время регулярных встреч с Ключичем Якобсон получал информацию о текущих политических событиях в Королевстве СХС, об отношениях Югославии с другими странами, прежде всего с союзниками по Малой Антанте, с соседней Болгарией, с великими державами — Францией, Великобританией, Германией, Италией. Последней уделялось особое внимание.

Ключича интересовали мнение Москвы о политике Королевства СХС в отношении Болгарии и Италии, состояние советско-итальянских отношений⁵⁶. Во время одной из первых встреч он предложил, чтобы «Чичерин или кто-либо другой из видных советских деятелей в каком-нибудь интервью, хотя бы мимоходом подчеркнул справедливость югославянской позиции в вопросе об итало-греческом конфликте или же особенно в фиумском конфликте» (подчеркнуто в документе. — *Н. С.*). Ключич настойчиво подчеркивал, что это «сильно содействовало бы установлению» советско-югославских отношений⁵⁷.

Тогда же он предложил, чтобы советское представительство в Праге еще до обмена соответствующими миссиями между Москвой и Белградом приступило к репатриации: разрешило нескольким русским интеллигентам из Королевства СХС вернуться в Россию, а югославским гражданам, о которых Белград уже ходатайствовал, выехать в Югославию. По словам Ключича, «это произвело бы хорошее впечатление».

Югославский дипломат также отмечал важность пропаганды в пользу Советской России в югославской печати, чтобы «создать почву для восстановления нормальных русско-югославянских отношений». Он высказал пожелание, чтобы советское представительство в Праге снабжало югославскую печать статьями и сообщениями обо всем положительном, что сделано в СССР за последнее время, особенно в сфере культуры и экономики. Ключич предложил сам переводить эти статьи и сообщения и пересылать их в газеты *«Време»*

⁵⁴ Там же. Д. 53959. Л. 8.

⁵⁵ См.: Там же. Д. 53955. Л. 40–56.

⁵⁶ См., например: Там же. Д. 53959. Л. 47.

⁵⁷ Там же. Л. 7.

и «Трибуна»⁵⁸. Через несколько дней, при обсуждении с Якобсоном вопросов о взаимной информации, Ключич подчеркнул, что важно информировать советскую печать «надлежащим образом о соотношении между Белградом и Радичем»⁵⁹.

22 сентября 1923 г. Ключич посетил советское полпредство и встретился с Юреневым, который дал югославскому дипломату не слишком лестную характеристику (впрочем, Юренев кроме самого себя редко о ком отзывался положительно): «Это — умный человек, но несомненно глубоко продажный. Я уверен, что он помимо службы своему королю служит еще и мининделу Чехословацкой республики»⁶⁰. В этой мысли Юренев еще больше утвердился, когда Ключич «затеял очень подозрительный разговор о Карпатской Руси», которая «раньше или позже должна будет стать составной единицей Великой России». Советский полпред заподозрил, что, заведя разговор на эту тему, Ключич выполнял «задание чешского правительства». Поскольку СССР вел в Подкарпатской Руси подрывную деятельность против ЧСР, Юренев не исключал, что до чехословацких правящих кругов «дошли легкомысленные разговоры наших товарищей о поддержке прикарпатских “москвофилов”». Юренев поспешил заверить югославского гостя, что «мы в Карпатской Руси не заинтересованы» и «ни в какой степени не желаем вмешиваться во внутренние дела ЧСР»⁶¹.

Обсуждая отношение Королевства СХС к СССР, Юренев указал Ключичу «на странную “периодичность” в дискуссиях прессы по этому вопросу». Ключич ответил, что «подобная неровность в отношении России есть результат сильной групповой борьбы за кулисами югославского правительства»⁶².

При обсуждении внешней политики Королевства СХС речь шла главным образом об отношениях с Италией и Францией, с союзниками по Малой Антанте, причем Ключич не скрывал разногласий в рядах последней⁶³.

О своих разговорах с советскими дипломатами Ключич информировал югославского посланника в ЧСР Б. Лазаревича, а после его

⁵⁸ Там же. Л. 7–8.

⁵⁹ Там же. Д. 53955. Л. 17.

⁶⁰ Там же. Д. 53959. Л. 12.

⁶¹ Там же. Л. 13.

⁶² Там же. Л. 12.

⁶³ Там же. Л. 13–14.

отъезда в Белград временного поверенного в делах Берича и министра иностранных дел М. Нинчича. По словам Ключича, и Лазаревич, и Нинчич одобрили его шаги. Более того, министр прислал Беричу подробную телеграмму, в которой «рекомендует продолжать и углублять сношения». Нинчич предложил Беричу немедленно войти «в непосредственный контакт с Юрневым и начать в Праге предварительные переговоры об установлении отношений [Королевства] СХС с Россией и о договоре»⁶⁴. По словам Ключича, «Берич — радикал, в прошлом литератор и журналист», на дипломатическую службу поступил после войны, недавно назначен советником посольства в ЧСР, в связи с отъездом Лазаревича временно возглавил югославскую миссию, «он культурный и идейный человек, а ни в коем случае не простой бюрократ-исполнитель», «имеет сильную руку в Белграде»⁶⁵.

3 октября Берич встретился с Юрневым и имел с ним продолжительную беседу, которую просил хранить в строгой тайне не только от прессы, но от дружественного чехословацкого правительства. По описанию полпреда, «Берич — маленький, юркий, с живыми жульническими глазками человек, несомненно очень неглупый и, видимо, хорошо информированный». В начале беседы он «очень основательно доказывал» Юрневу исконное русофильство югославян, уверяя, что они любят всех русских, независимо от того, кто они, большевики или врангелевцы. «Покровительство последним он истолковывал лишь как результат гуманности белградского правительства, — писал Юрнев в НКИД 5 октября, — и, не моргнув глазом, уверял меня, что в случае, если бы (чего он, конечно, не желает) большевистская власть была бы низвергнута, то мы — большевики — нашли бы в Югославии такое же отношение к себе, как и ныне врангелевские офицеры и солдаты»⁶⁶.

Встречу с советским полпредом Берич просил расценивать как «приватную», но не скрывал, что она одобрена его правительством. Он спросил Юрнева, как советская сторона представляет себе отношения между Королевством СХС и СССР. Полпред «приватно» ответил Беричу, что «стремясь к мирному сожительству и сотрудничеству

⁶⁴ Там же. Д. 53955. Л. 15.

⁶⁵ Там же. Л. 16.

⁶⁶ Там же. Л. 2.

со всеми народами, мы готовы пойти на создание вполне нормальных отношений между СХС и СССР и со своей стороны поставил ему вопрос о том, как он себе представляет наши будущие отношения». От ответа на этот вопрос Берич уклонился, дав понять, что эту тему можно будет обсудить в следующий раз, когда обе стороны получат от своих правительств полномочия на переговоры. Берича интересовал вопрос о взаимоотношениях Коминтерна и правительства СССР. Юренив заверил его, что «слухи, распространяемые нашими врагами о том, что правительство СССР — это агент Коминтерна, вздорны и провокационны и что, конечно, будущая миссия СССР в Югославии не представит никакой опасности для социального и политического режима этой последней»⁶⁷.

У Юренива сложилось впечатление, что в связи с намечавшимся курсом Королевства СХС на установление отношений с Москвой, группа югославских дипломатов (Берич, Нешич и Лазаревич) в интересах своих личных выгод и карьеры начала в Белграде кампанию за то, чтобы переговоры между Югославией и СССР велись в Праге. Они торопились опередить посланника в Германии Ж. Балугджича, планировавшего югославо-советские переговоры в Берлине. «Нешич и Лазаревич, видимо, спешат и хотят закрепить свои позиции, — писал Юренив Чичерину. — Для нас это совершенно все равно, даже пожалуй, Прага более предпочтительна, нежели Берлин. Поскольку переговоры будут вестись в Праге, то чем бы они не закончились, неизбежно некое охлаждение между Чехословакией — Югославией, с одной стороны, и Румынией — Польшей, с другой»⁶⁸.

Как сообщил Ключич Якобсону 9 октября, на Берича разговор с Юренивым произвел благоприятное впечатление. Сразу же после встречи Ключич вместе с Беричем составили подробный доклад в Белград, подчеркивая, что «предпосылки для дальнейших переговоров налицо»⁶⁹.

Ключич смотрел на будущие советско-югославские переговоры с большим оптимизмом. Он уверял Якобсона, что «дело пойдет гладко», не сомневался, что пункты договора, касающиеся экономических отношений, не вызовут никаких затруднений. Вопрос о возмещении

⁶⁷ Там же. Л. 2–3.

⁶⁸ Там же. Л. 3.

⁶⁹ Там же. Д. 53959. Л. 46.

убытков, понесенных югославскими гражданами в России, сравнительно очень невелики. Они не превышают 5 млн франков и, как предполагал Ключич, договориться о них будет нетрудно, тем более что Югославия не наносила России того материального ущерба, какое нанесли ей, например, чешские легионеры. Он надеялся, что не вызовет «затруднений и пункт о невмешательстве советского правительства и его эвентуального представительства в Белграде во внутренние дела Югославии». Очень важным моментом югославский дипломат считал то обстоятельство, что Москва заняла определенно враждебную позицию по отношению к правительству А. Цанкова, пришедшего к власти в Болгарии 9 июня 1923 г. путем переворота⁷⁰.

Успеху югославо-советских переговоров должно было способствовать и назначение Лазаревича главой политической секции министерства иностранных дел Королевства СХС. Ключич предполагал, что когда Лазаревич приедет в Прагу для передачи дел новому посланнику Л. Нешичу, он встретится с Юреневым, и таким образом советский полпред вступит непосредственно в официальный контакт с МИД Югославии. В дальнейшем же переговоры будут вести Нешич и Берич. Ключич не исключал, что в скором времени договор может быть парафирован. Вопрос о том, где и кем будет подписан договор, югославский дипломат считал второстепенным, но надеялся, что его подпишет Нинчич в Белграде.

В первой половине ноября Ключич был намерен ехать в Белград и организовать там «сильную кампанию» в пользу сближения с СССР⁷¹. Он считал крайне важным, чтобы при рассмотрении «русского вопроса» в скупшине было обеспечено полное единство. Ключич предполагал, что радикалы, демократы и земледельческая партия займут позитивную позицию, «Джемиет» слепо пойдет за радикалами. Для Югославянской мусульманской организации М. Спахо достаточно того факта, что Турция в хороших отношениях с СССР. Что касается словенских клерикалов, настроенных антисоветски, то можно было рассчитывать на давление левого крыла партии — рабочих⁷².

30 октября Лазаревич и Нешич приехали в Прагу. «В ближайшие дни югославский “сфинкс” будет разгадан», — записал Юренев

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 47.

⁷² Там же. Л. 48.

в дневнике⁷³. Но ни один, ни другой не торопились встретиться с советским полпредом. Лазаревич, передав дела новому посланнику, через несколько дней покинул Прагу. Информация, которой снабжал Якобсона Ключич, была крайне противоречива. 3 ноября он сообщил советскому дипломату, что когда Нинчич получил сообщение Берича о разговоре с ЮрENEвым, он устроил совещание с Лазаревичем и одним из видных деятелей земледельческой партии М. Гавриловичем, и было решено, что «переговоры должны интенсивно вестись». Чтобы договориться с Пашичем был привлечен один из его однопартийцев, председатель скупщины Л. Йованович, который тоже высказался за переговоры и согласился обсудить этот вопрос с главой правительства. Но Пашич категорически ответил: «Еще не пришло время». В результате Лазаревич заявил Беричу и Ключичу: «Вести официальные переговоры в ближайшее время не будет возможности». Тем не менее Ключич уверял Якобсона, что переговоры между югославскими и советскими представителями в Праге будут вестись, «должно быть достигнуто соглашение по вопросу о взаимном свободном предоставлении виз и т. д., может стоять вопрос о каком-либо секретном соглашении, но открытого договора пока быть не может»⁷⁴. Однако уже через день, 5 ноября, Ключич сообщил Якобсону, что Пашич поручил Нешичу довести переговоры в Праге с советским представителем «до решительной фазы»: «Пашич хочет иметь договор, но хочет иметь его сам, и сам непосредственно через Нешича направлять ход переговоров»⁷⁵.

После этих обнадеживающих заверений с югославской стороны наступило затишье. Молчание было прервано 27 ноября. Ключич позвонил Якобсону и просил спешно встретиться, чтобы договориться о визите Якобсона к Нешичу. «Дело», по словам Ключича, приняло быстрый оборот — идет «галопом»⁷⁶.

Во время встречи Ключич сказал Якобсону, что «русский вопрос в Белграде разом сильно продвинулся». «Лазаревич начал хитрую и искусную кампанию в печати и в политических сферах против эмиграции, выдвинув против нее обвинение в нелояльности по отношению к Югославии и во вмешательстве во внутренние дела

⁷³ Там же. Л. 94.

⁷⁴ Там же. Л. 100–101.

⁷⁵ Там же. Л. 103.

⁷⁶ Там же. Л. 148.

Югославии». Нинчичу необходим какой-нибудь успех во внешней политике, так как его положение поколебалось ввиду ряда неудач в последнее время, и он заинтересован в том, чтобы большая часть клубов скупщины приняла резолюцию в пользу сближения с СССР и создалось впечатление, будто большинство скупщины оказывало, таким образом, «давление» на Нинчича⁷⁷.

28 ноября Якобсон был у Нешича. Посланник начал разговор с обширной декларации, что несмотря на то, что идеологически Югославия и СССР далеки друг от друга, Белград не вмешивается во внутренние дела России и считается «с реально существующим русским правительством». По его словам, в последнее время, особенно в последние дни, в отношении СССР в югославском правительстве и у общественности произошли серьезные перемены. Настроения сильно изменились в пользу установления контактов с СССР, при этом речь идет не о торговых отношениях (поскольку большой торговли у Югославии с СССР быть не может), не о политике, а «о моральной необходимости для Сербии быть близкой с Россией». «Предпосылкой отношений, — заявил Нешич, — является взаимное невмешательство во внутренние дела». Он подчеркнул, что Югославия не поддерживает и не будет поддерживать никакие эмигрантские организации, направленные на борьбу с нынешним режимом в России, но помощь беднякам она оказывать будет. Нинчич уполномочил Нешича перед отъездом в Прагу войти в контакт с советским представителем, и он в ближайшее время с радостью это сделает⁷⁸.

3 декабря югославский посланник нанес долгожданный визит советскому полпреду. Описывая Нешича, Юренев отметил: «Это — уже весьма пожилой человек — типичный отуреченный серб или вернее “осербленный” турок; умный, прожженный “балканский” дипломат». С первых же слов он заявил советскому полпреду, что уполномочен министром Нинчичем вступить с ним в контакт и «поддерживать дружбу», и что эту миссию как «старый и большой друг России» он взял на себя «с большим наслаждением». В то же время Нешич вынужден был сообщить, что полномочий на официальные переговоры у него не было. Он утверждал, что главной помехой на пути установления «договорных отношений» между Королевством СХС

⁷⁷ Там же. Л. 149.

⁷⁸ Там же. Л. 151–152.

и СССР был «престарелый Пашич». Поэтому сторонникам сближения с СССР «приходится вести свою работу планомерно, без скачков и по возможности без резкого разрыва с Пашичем». Нешич просил Юренева передать сказанное им советскому правительству и убедить последнее в том, что затягивание Белградом официальных переговоров отнюдь не «дипломатничанье».

Юрнев ответил, что соглашение между Королевством СХС и СССР в интересах обоих государств, что советская сторона ни в коей мере не оказывает давление на югославское правительство, но в ускорении переговоров, очевидно, заинтересованы и сами югославы. Юрнев добавил, что «известная часть нашей общественности относится скептически к сообщениям о желании Югославии договориться с нами; что основания для этого скептицизма даны югославской прессой, уже не раз впустую муссировавшей сведения о предстоящих переговорах». Нешич просил оказать воздействие на скептиков, уверяя, что «начало нового года будет ознаменовано югославно-советским сближением». Он «очень долго и в самых душевных тонах» доказывал Юрневу безграничную любовь югославы к России. Полпред, сообщая Литвинову о состоявшейся встрече, особо выделил слова Нешича, что Югославия хочет найти опору «в России, которая сейчас существует», что ей «нет никакого дела до наших внутренних социальных и государственных особенностей». На это Юрнев ответил, что советская сторона разделяет точку зрения югославского правительства и также против вмешательства в чьи бы то ни было внутренние дела.

В заключение беседы Нешич сказал, что в начале января он поедет в Белград и уверен, что при возвращении в Прагу во второй половине января, у него в кармане будет мандат на ведение официальных переговоров. Вопрос об отношении Королевства СХС к СССР решится на конференции Малой Антанты в Белграде. Нешич надеялся, что «Бенеш и Нинич совместными усилиями преодолеют старого царедворца Пашича»⁷⁹.

Запись беседы с Нешичем в письме Литвинову предварял анализ Юренева политики Югославии в отношении СССР. Он подчеркивал, что «в политических кругах скупщины наметилась совершенно определенная тенденция к сближению с Россией». По мнению

⁷⁹ Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. С. 152–153. Док. 112.

Юренева, это движение было настолько широко, что «его нельзя объяснить целями шантажа — тем более, что югославно-итальянский спор временно, по крайней мере, решен». Полпред отметил перемены в тональности в отношении СССР в той части югославской печати, которая еще недавно симпатизировала врангелевцам. Ссылаясь на материалы белградской прессы, он сообщал, что демократы и земледельцы вносят правительству интерпелляцию по вопросу возобновления сношений с Россией. По последним сведениям, писал Юренив Литвинову, на заседании правительства обсуждалось предложение Нинчича о необходимости начать переговоры с Москвой, но было «отклонено впредь до возвращения к работе Пашича». «Таким образом, — писал Юренив, — поток русофильства в Югославии преграждается плотиной в лице преданного идее русского царизма — г[осподина] Пашича». По сведениям из кругов югославского посольства в Праге, против переговоров с СССР был также король Александр⁸⁰. Тем не менее Юренив полагал, что «предел упорствования Пашича, патриарха СХС, и короля — близок». Большие надежды полпред возлагал на предстоящую Белградскую конференцию Малой Антанты, которая, по его мнению, «несомненно ускорит начало переговоров между [Королевством] СХС и СССР»⁸¹. По оценке Юренива, «Нинчич лавирует между здравым смыслом, диктующим необходимость соглашения с нами, и волею придворной камарилы короля Александра». «Нинчич уверен в победе своей линии, — отмечал полпред, — и всячески старается подготовить почву для югославно-советского сближения»⁸².

Бенеш же, по свидетельству Юренива, придерживался другого мнения. Во время встречи с советским полпредом 3 января 1924 г. чехословацкий министр отметил, что, по его мнению, Югославия не имеет пока никакой политической линии в отношении Советского Союза и что «до сих пор вокруг русского вопроса ведется, главным образом, борьба карьеристов разных группировок». Он считал, что советской стороне незачем торопиться с установлением договорных отношений с Югославией. Он предполагал, что признание СССР со стороны Белграда «последует незамедлительно после того, как

⁸⁰ Там же. С. 151. Док. 112.

⁸¹ Там же. С. 152. Док. 112.

⁸² Там же.

это сделают одна или две из великих держав и... Чехословакия». Белградскую конференцию Малой Антанты Бенеш считал «маловажной с точки зрения решения русского вопроса»⁸³.

Белградская конференция министров иностранных дел ЧСР, Югославии и Румынии состоялась 11–12 января 1924 г. «Русский вопрос» был в повестке дня. Как вспоминал чехословацкий посланник в Югославии Я. Шеба, в день открытия конференции в правительственной газете «*Самоуправа*» была опубликована статья против сближения с Советским Союзом. Хотя статья не была подписана, ни для кого не было секретом, что ее автором был югославский посланник в Париже М. Спалайкович, очевидец Октябрьской революции в России, известный своими антибольшевистскими взглядами. По утверждению Шебы, публикация статьи была согласована с председателем правительства Пашичем и преследовала цель свалить Нинчича; на посту министра иностранных дел в своем кабинете Пашич предпочел бы видеть Спалайковича. Нинчич в отставку не подал, но и Белградская конференция Малой Антанты в «русском вопросе» не продвинулась⁸⁴.

Утверждение чехословацкого дипломата относительно согласования публикации статьи с Пашичем находится в противоречии с другими свидетельствами. Югославский посланник в Праге Нешич, посетив 27 февраля 1924 г. Юренева, уверял, что статья Спалайковича «вызвала большую неловкость» и на заседании Совета министров «был прямо поставлен вопрос, как совместима подобная статья с советофильской политикой Нинчича и контактом с официальными советскими представителями, начатым Нешичем»⁸⁵. Югославский дипломат утверждал, что «Пашич выступил в защиту Нинчича и Нешича, заявив, что их шаги вполне правильны», что «Нешич поступал по его инструкции» и что «в русском вопросе» между ним и Нинчичем разногласий нет. По словам Нешича, «только три министра в Совете солидаризировались со Спалайковичем»⁸⁶. Если с доверием относиться к словам Нешича, то возникает вопрос: мог ли Пашич одобрить публикацию статьи Спалайковича? 4 апреля шеф Чехословацкого телеграфного агентства Чермак сообщил Якобсону, что

⁸³ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 7. С. 11. Док. 4.

⁸⁴ Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. Praha, 2016. S. 191–192.

⁸⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 94–95.

⁸⁶ Там же. Л. 95.

Спалайкович пользуется поддержкой сестры короля великой княжны Елены, которая ведет агитацию против признания советского правительства⁸⁷.

Однако, несмотря на то что югославские дипломаты часто жаловались на вмешательство двора и, в частности, великой княжны Елены в сферу внешней политики, во время упомянутой встречи с Юренывым 27 февраля Нешич убеждал полпреда, что ситуация в Югославии чрезвычайно благоприятна для установления отношений с СССР: «Все общественное мнение настроено в пользу признания СССР. Король не против признания. Нинич всецело за. Пашич не имеет принципиальных возражений». По мнению Нешича, нет никаких вопросов, разделяющих Югославию и СССР. «Нет сложных экономических проблем, нет взаимных репарационных притязаний, и, можно сказать категорически, что в течение двух — самое позднее трех месяцев, русский вопрос будет разрешен для [Королевства] СХС и [Королевство] СХС будет иметь посла в Москве, — уверял югославский дипломат. — [Королевство] СХС не хочет никаких промежуточных стадий. Никаких признаний де-факто. Поскольку оно вступает в сношения, это будут нормальные дипломатические сношения, предполагающие признание де-юре». Нешич подчеркивал, что такова неуклонная позиция югославского правительства. В то же время он не скрывал, что «Пашич обнаружил некоторое колебание, особенно под влиянием двух-трех эмигрантских деятелей, оказывавших на него давление»⁸⁸.

В начале апреля 1924 г. Ключич сообщил Якобсону, что приблизительно через месяц ему предстоит официальная командировка в Москву с целью подготовки организации там представительства Королевства СХС и передачи Чичерину официального письма от Нинича. Новый советский полпред в Праге С.С. Александровский с недоверием отнесся к этой информации. 9 апреля он записал в дневнике: «Это чрезвычайно мало похоже на правду. Вообще

⁸⁷ Там же. Л. 153. Елена Карагеоргиевич в 1911 г. вышла замуж за великого князя Иоанна Константиновича Романова, который в 1918 г. был убит большевиками. Сама она с большим трудом вместе с детьми смогла выбраться из охваченной Гражданской войной России. Подробнее см.: *Кузьмичева Л.В.* Сербская тема в императорском Доме Романовых в годы Первой мировой войны // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016. С. 39–45.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 95.

югославянское посольство не делает никаких серьезных шагов для сближения с нами, а положение внутри Югославии пока не позволяет серьезно рассчитывать на какое-нибудь изменение в отношении к нам. У меня довольно твердое впечатление, что югославянское посольство поддерживает связь с нами и иногда пытается афишировать ее почти с исключительной целью шантажировать чехов, а теперь и румын “хорошими отношениями” с нами»⁸⁹. «В бессарабском вопросе югославянская печать почти единодушно и совершенно откровенно защищает “русскую” точку зрения», — писал Александровский Литвинову 23 апреля 1924 г. Газета *«Политика»* отмечала, что у Югославии нет с Румынией никакого договора, который обязывал бы Белград воевать из-за Бессарабии⁹⁰.

Неизвестно, в каком направлении продолжалась дипломатическая игра Белграда, если бы все карты не спутала международная активность С. Радича. Как отмечалось выше, Радич и его партия привлекли внимание уже первых советских миссий в Праге. 19 марта 1924 г. Александровский писал Литвинову, что основной проблемой внутренней жизни Королевства СХС является борьба вокруг двух концепций югославского государства. Одна из них — это «идея строгого централизма, неразрывно связанная с великосербской идеей. Другая же — идея децентрализма, связанная с автономистическими и сепаратистскими тенденциями несербской части Югославии». Особенно подробно Александровский остановился на характеристике движения Радича. Советский полпред считал, что Королевство СХС вступает в полосу кризисов под знаком борьбы за пересмотр Видовданской конституции, и заключал: «Идея децентрализма имеет в будущем очень многое за себя»⁹¹. Радич после неудачных переговоров в Лондоне, где ему не удалось добиться поддержки в решении хорватского вопроса, прибыл в Москву и 27 июня 1924 г. заявил о вступлении ХРКП в Крестьянский Интернационал. В заявлении говорилось, что целью ХРКП является «низвержение нынешней милитаристской буржуазной власти» в Белграде, создание Крестьянской республики Хорватии, которая останется в составе Югославии, если удастся ее преобразовать в Федеративную крестьянскую республику, а конечный идеал

⁸⁹ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. С. 253. Док. 146.

⁹⁰ Там же. С. 267. Док. 154.

⁹¹ Там же. С. 243. Док. 140. Прим. 1.

его партии — «Адриатическо-Дунайская Федерация всех крестьянских народов от чешских гор до Адриатического моря»⁹².

К советскому руководству Радич обратился со следующими предложениями: во-первых, «признать хорватский народ в виде его народного представительства как самостоятельный фактор международного права»; во-вторых, Москва должна заявить, что «не может признать Королевства СХС потому, что его основа и политика идут вразрез с основой и политикой СССР, и потому, что большинство народов СХС не хочет слышать об этом правительстве, причем СССР может указать пальцем на народное представительство хорватов»⁹³.

Очевидно, в значительной степени принимая во внимание заявления и действия Радича, V конгресс Коминтерна 8 июля 1924 г. принял резолюцию «Национальные вопросы Средней Европы и Балканы», в которой перед КПЮ была поставлена задача «решительно вести борьбу против национального угнетения во всех его формах, за самоопределение наций», «поддерживать национальные освободительные движения»⁹⁴. Ввиду «массового движения против национального угнетения» в Королевстве СХС «общий лозунг права наций на самоопределение, выдвинутый КПЮ, должен быть выражен в форме выделения Хорватии, Словении и Македонии из состава Югославии и образования из них независимых республик», — говорилось в резолюции V конгресса Коминтерна⁹⁵.

Перед НКИД возникла дилемма: продолжать переговоры с представителями Королевства СХС или делать ставку на Радича. Заместитель наркома М. М. Литвинов в беседе с новым полпредом СССР в ЧСР В. А. Антоновым-Овсеенко сказал, что, по его мнению, наша возня с Радичем нам повредила, затруднив соглашение с Югославией. Нарком Г. В. Чичерин придерживался противоположной точки зрения, считая, что правительство Пашича, испугавшись наших связей с Радичем, сделалось более покладистым⁹⁶.

⁹² Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. С. 32–33. Док. 17.

⁹³ Там же. С. 49. Док. 23.

⁹⁴ Там же. С. 55. Док. 24.

⁹⁵ Там же. С. 56. Док. 24. См.: *Glignorić B.* Komintern, Jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992. S. 119–120.

⁹⁶ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. С. 90. Док. 41.

28 июля Чичерин писал Антонову-Овсеенко в Прагу о «колоссальной исторической важности» вступления партии Радича в Крестинтерн, поскольку «это первая конкретная партия», вступившая в эту организацию. «Влияние Радича гораздо больше, чем Вы, по-видимому, предполагаете, — наставлял Чичерин полпреда. — Вся наша информация о Хорватии указывает на его громадный вес в Хорватской крестьянской партии, которая есть действительно господствующая партия хорватского народа, и, кроме того, мы и помимо Радича имеем богатую информацию о связях с ним других балканских элементов, оппозиционных национальных партий в самой Югославии, албанской народной партии, создавшей теперь албанское правительство, впервые нас признавшее, и левого крыла болгарских земледельцев»⁹⁷. Чичерин отмечал, что у Радича имеется контакт с М. Годжей — видным словацким политиком, одним из лидеров аграрной партии, завязываются отношения с польским крестьянским движением. Поэтому нарком рекомендовал Антонову-Овсеенко обратить на новое крестьянское движение в ЧСР «серьезное внимание и не смотреть на него свысока»⁹⁸. По мнению Чичерина в лице Радича мы «приобрели колоссальный плюс не только для революционного движения, но и для нашей дипломатии на Балканах»⁹⁹.

Эту идею нарком развил в очередном письме Антонову-Овсеенко от 3 августа. Поводом для этого послужила отставка правительства Пашича и приход к власти 27 июля 1924 г. коалиционного кабинета Л. Давидовича, в котором четыре места были зарезервированы за партией Радича. «Происшедший в политике Югославии поворот имеет величайшее значение для развития балканских дел. Последствия приезда Радича в Москву превзошли все наши ожидания, — писал нарком в Прагу. — <...> Радич открыто выставляет своим лозунгом балканскую федерацию и рабоче-крестьянское правительство. Его связи с другими элементами балканской политики таковы, что все это будет иметь величайший резонанс во всем развитии политических событий на Балканах»¹⁰⁰. В сентябре 1924 г. наркомат ино-

⁹⁷ Там же. С. 103. Док. 48.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 104. Док. 48.

¹⁰⁰ Там же. С. 120. Док. 62.

странных дел рассматривал вопрос о назначении резидента в Загреб. Дело задерживалось из-за отсутствия подходящего кандидата¹⁰¹.

В то же время советское полпредство в Праге поддерживало постоянные контакты с югославским посольством. 4 октября Якобсон встретился с вернувшимся из Белграда Ключичем, который сообщил, что в правительственных кругах Югославии «царит полный хаос»: «Никто не уверен в завтрашнем дне. Весьма вероятно близкое падение кабинета». Состояние государственной жизни Королевства СХС Ключич охарактеризовал как «борьбу между Радичем и королем». Король, по словам югославского дипломата, был сильно настроен против главы правительства Давидовича. Он по большей части отказывал премьеру в аудиенции, а последняя завершилась раздраженными словами Александра: «Вы обещали мне быструю консолидацию, стабилизацию власти и установление порядка. Где Ваше обещание?» После чего король демонстративно покинул кабинет.

Переговоры с Радичем, которые по поручению Давидовича вел Настас Петрович, продвигались туго¹⁰². Петрович признавался: «Я охотно вместо вежливых слов избил бы Радича: так раздражает меня этот прохвост». Радич, впрочем, соглашался на определенные уступки, но король требовал, чтобы тот лично приехал в скупшину и высказался с парламентской трибуны за югославскую монархию и чтобы его партия на все время участия в правительстве отказалась от какой-либо республиканской пропаганды. По мнению Ключича, с Радичем договориться так и не удастся, и правительство слетит¹⁰³.

Единственным реальным и сильным политиком в кабинете Давидовича Ключич считал министра иностранных дел В. Маринковича, у которого во время пребывания в Белграде он был на приеме и имел с ним продолжительный разговор по «русскому вопросу». Маринкович осуждал неуверенную и двойственную политику Нинчича в «русском вопросе». Министр заявил Ключичу, что, вступив в кабинет, он сделал значительный шаг навстречу СССР и рассчитывал, что в ответ будут сделаны не менее дружественные шаги. Вместо этого, сетовал Маринкович, последовала «лондонская нота Раковского», поверенного в делах СССР в Великобритании, «где он

¹⁰¹ Там же. С. 181. Док. 101.

¹⁰² О переговорах Петровича с Радичем подробнее см.: *Glorigjević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca*. Beograd, 1970. S. 394–400.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 12. Л. 2–3.

обращает внимание западных держав на беспорядки в Югославии и предлагает вмешательство во внутренние дела Югославии». Ключич уверял Якобсона, что «именно эта нота Раковского ухудшила настроение Белграда по отношению к русскому вопросу». Тем не менее югославский дипломат был убежден, что «надолго решение этого вопроса не может быть отсрочено». В Белграде якобы даже рассматривался вопрос о вероятном кандидате на пост югославского посла в Москве, наиболее «прочным кандидатом» считался Ж. Балугджич, который, как предполагали, и продолжит переговоры с СССР¹⁰⁴. Маринкович просил Ключича прислать ему сербскую антологию, вышедшую в СССР, другие издания о Сербии, а также наиболее ценную информационную литературу о Советском Союзе¹⁰⁵.

6 ноября 1924 г. кабинет Давидовича пал. По словам Ключича, «падение Давидовича вызвано исключительно вмешательством короля». Югославский дипломат также утверждал, что «кабинет доконали» лидер Самостоятельной демократической партии С. Прибичевич, порвавший с Демократической партией Давидовича, и Н. Пашич: «Прибичевич действовал открыто и развил против Давидовича прямо свирепую кампанию, не останавливаясь перед угрозами королю. Пашич, как старый конспиратор, внешне сохранял пассивность и сосредоточил всю свою энергию на закулисных интригах»¹⁰⁶.

Новое правительство возглавил Пашич, и на начало 1925 г. были назначены парламентские выборы. Со сменой правительства изменились и речи Ключича, тем более что Радикальная партия внесла его в кандидатский список по Далмации, и он собирался в Югославию, чтобы заняться предвыборной агитацией. Ключич не сомневался в победе Национального блока. В беседе с Якобсоном 14 ноября он предполагал, что радикалы получают от 110 до 130 мандатов, и им обеспечен успех не только в Сербии, но и во многих частях в Хорватии. Прибичевич может получить 30–40 мандатов. Партия Радича будет распущена и объявлена нелегальной¹⁰⁷.

Если еще полтора месяца назад Ключич восхвалял Маринковича и позволял критические замечания в адрес Нинковича, то теперь

¹⁰⁴ Там же. Л. 5.

¹⁰⁵ Там же. Л. 7.

¹⁰⁶ Там же. Л. 23.

¹⁰⁷ Там же. Л. 66.

все наоборот. По словам Ключича, «взоры Нинчича», вновь занявшего кресло министра иностранных дел, «устремлены в сторону России». «Позиция Маринковича по отношению к России была двусмысленна, — говорил Ключич Якобсону. — Он, с одной стороны, хотел признать СССР, с другой стороны, боялся пропаганды Коминтерна, и боялся, как бы радикалы не использовали признания, если такое не пройдет гладко, для агитации против политики Маринковича». Поэтому Маринкович, признался югославский дипломат, дал распоряжение Нешичу не встречаться с советским полпредом в Праге Антоновым-Овсеенко. «Нинчич будет делать теперь определенно политику на признание», — подчеркнул Ключич. По его словам, новый министр уже дал соответствующие распоряжения Нешичу, и в самом близком будущем тот посетит Антонова-Овсеенко¹⁰⁸.

Действительно, в тот же день Нешич позвонил советскому полпреду и договорился о встрече, чтобы сделать «ответственные заявления». Беседу с Антоновым-Овсеенко 15 ноября Нешич начал с заверения, что никакое югославское правительство «никогда не сделает ни одного шага, враждебного России». Он выразил надежду, что его «частные и личные» отношения между ним и советским представительством, которые он получил разрешение от Нинчича возобновить, «вскоре станут юридически оформленными». Его правительство надеется, что СССР «пойдет ему навстречу и признает интегральность Югославии и не будет ему производить никаких внутренних затруднений». Под «внутренними затруднениями» он подразумевал «известную деятельность III Интернационала». Югославский посланник подчеркнул, что «хорваты — не особая нация», а «Радич сам не знает, чего хочет; это несерьезный человек». Нешич просил передать в Москву, что «Нинчич напоминает г. Чичерину уже сделанные заявления; он категорически заверяет, что ни на какие враждебные для России акты Югославия никогда не пойдет и что, со своей стороны, нынешнее правительство уверено, что Советы не будут создавать ему никаких внутренних затруднений и не поддержат тенденций к расчленению Югославии. Югославское правительство уже пошло бы по пути признания Советов, если бы не известные заявления Раковского в Лондоне»¹⁰⁹. Для получения

¹⁰⁸ Там же. Л. 67.

¹⁰⁹ Там же. Л. 70–72.

«подлинно объективной информации» Нешич предложил послать в Югославию Якобсона¹¹⁰.

Через несколько дней югославское посольство повторило свое предложение направить Якобсона в Югославию, подчеркивая, что это приглашение министра иностранных дел, и советский дипломат будет принят Пашичем, Ниничем и другими видными политиками. В случае невозможности поездки Якобсона предлагалось послать другое лицо для аналогичной цели¹¹¹.

О предложениях югославской стороны Антонов-Овсеенко проинформировал НКВД, подчеркивая, что вопрос об отношениях с СССР играет существенную роль во внутренней борьбе в Югославии: «“Признание” нам обещается как плата за отречение от Радича. Но за Радичем — крестьянство Хорватии (и не только Хорватии)»¹¹².

В ответном письме заместитель наркома Литвинов отметил: «Признание Югославии интересует нас не меньше, если не больше Чехословакии и других стран. Нам чрезвычайно хотелось бы стать твердой ногой на Балканах и завязать легальные отношения. <...> Все, что может ускорить и облегчить восстановление дипотношений, должно быть нами сделано». Но в то же время он указывал, что ни на какие условия признания, в частности, ценой разрыва с Радичем, «мы не пойдем, следовательно, не будем также брать обязательств относительно наших будущих отношений с Радичем и его партией». Литвинов считал предварительные переговоры с Югославией в тот момент излишними. Поэтому он был против посылки советского информатора в Югославию, которого могли использовать либо с целью завязывания неофициальных переговоров, либо с целью «введения в заблуждение общественного мнения и внушения ему представления о смягченных отношениях с СССР»¹¹³.

Уклонение от югославских предложений привело к ухудшению отношения Белграда к СССР. В конце 1924 г. последовал ряд антисоветских выпадов в югославской печати и отнюдь недружественное заявление правительства Пашича, которое Ключич вначале пытался объяснить «исключительно соображениями внутренней политики

¹¹⁰ Там же. Л. 72.

¹¹¹ Там же. Л. 76–77.

¹¹² Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. С. 260. Док. 130. Прим. 1.

¹¹³ Там же.

и предвыборной агитации»: «Пашичу необходимо по возможности ослабить шансы Радича и решение его кабинета имеет в виду компрометировать не СССР, а Радича в глазах избирателей»¹¹⁴. Но во время беседы с Якобсоном 17 декабря Ключич уже не скрывал, что в отношении Советского Союза в Югославии наступило «сильное ухудшение», что «Нинчич занял в последнее время резко агрессивную позицию в вопросе об СССР»¹¹⁵. Белград обвинил Москву во враждебной деятельности против Королевства СХС, в активной поддержке Косовского комитета в Албании, македонских и фракийских организаций, ведущих подрывную работу против Югославии¹¹⁶.

Ключич возлагал вину за ухудшение отношений Королевства СХС и СССР на Чехословакию, выставляя ее чуть ли не главной виновницей в этом деле. Под «строгим секретом» Ключич сообщил Якобсону, что он не понимает «двусмысленной политики Бенеша, который, с одной стороны, говорит о своей кампании в пользу признания и о своем желании улучшить отношения с СССР», а с другой, МИД ЧСР и начальник тайной полиции Я. Гайшман постоянно «снабжали Нешича без какой либо просьбы с его стороны всяческими секретными материалами об агрессивности Москвы, об опасности, грозящей со стороны Коминтерна и т.п.». Все сведения о деятельности Радича в СССР, направленной против Королевства СХС, Белград получил благодаря информации чехословацкого представительства в Москве. Ключич выражал недоумение, почему Бенеш, заявляя о намерении установить нормальные дипломатические сношения с СССР, так настойчиво настраивал против Москвы югославское правительство¹¹⁷. Он не скрывал, что в последнее время значительно лучший прием в Белграде получили попытки румынской дипломатии «найти общую югославо-румынскую линию по отношению к СССР». И если пока соглашение по этому вопросу еще не было достигнуто, то далеко не исключалась возможность в дальнейшем переговоров и согласования политики Королевства СХС и Румынии по отношению к Советскому Союзу¹¹⁸.

¹¹⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 12. Л. 99.

¹¹⁵ Там же. Л. 127.

¹¹⁶ Там же. Л. 127–128.

¹¹⁷ Там же. Л. 128.

¹¹⁸ Там же. Л. 129.

К информации Ключича Антонов-Овсеевский отнесся весьма скептически. Разговоры об ухудшении отношения к СССР он расценивал как предвыборный трюк Пашича, как оправдание репрессий, а усиленное подчеркивание, будто антисоветская информация поступает исключительно из чехословацких источников, полпред считал «неуклюжей» попыткой затруднить соглашение между СССР и ЧСР¹¹⁹.

Тем временем на политической сцене Югославии произошли важные перемены. 23 декабря 1924 г. против ХРКП, как вступившей в Крестинтерн, был применен Закон о защите государства: партия распускалась, С. Радич и его соратники подверглись аресту. Надежды советского правительства, возлагаемые на Радича, не оправдались. В тюрьме он дал согласие на заявление от его имени о признании Видовданской конституции и королевской династии Карагеоргиевичей, обещал выйти из Крестинтерна¹²⁰. Его партия перестала называться республиканской и вскоре вошла в коалицию с Радикальной партией. 18 июля 1925 г. Пашич возглавил новое коалиционное правительство из радикалов и представителей Хорватской крестьянской партии¹²¹.

Переговоры об установлении дипломатических отношений между Королевством СХС и СССР возобновились в Праге осенью 1925 г., и на этот раз их подталкивал Бенеш. Причиной тому стали Локарнские соглашения, укрепившие позиции Германии в Европе и ослабившие позиции Франции и ее восточноевропейских союзников. 6 ноября 1925 г. в разговоре с Якобсоном Ключич отметил, что «Бенеш развил интенсивную деятельность за признание СССР, в частности, он давит на Нинчича, а в 1923 г., когда в [Королевстве] СХС усилилось течение в пользу признания СССР, Бенеш, напротив, сильно тормозил это движение. Бенеш информирует Нинчича, что неизбежно вскоре “второе Локарно” — для СССР». К тому времени и ЧСР, и Королевство СХС были заинтересованы урегулировать взаимоотношения с СССР¹²². «Нинчич живо интересуется СССР и прислал директивы Ключичу, чтобы тот собирал и немедленно

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Подробнее см.: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. D. 1. S. 221–224.

¹²¹ Подробнее см.: *Силкин А.А.* Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля. С. 17–18; Югославия в XX в.: Очерки политической истории. М., 2011. С. 252.

¹²² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53986. Л. 32–33.

посылал Нинчичу все материалы о чешско-советских отношениях, чешско-советской торговле, о настроениях отдельных чешских групп в русском вопросе, об отношении к эмиграции и т. д. Нинчич не захочет в деле признания отставать от ЧСР»¹²³.

23 декабря 1925 г. во время беседы с Якобсоном Ключич сообщил, что в Прагу из Белграда прибыл Нешич с «категорическим известием», что в январе или феврале 1926 г. Югославия признает СССР. Бенеш заявил Нешичу, что Чехословакия признает СССР в январе и что эти шаги со стороны ЧСР и Королевства СХС должны быть сделаны до предстоящей в марте конференции Малой Антанты, «дабы поставить Румынию перед совершившимся фактом и этим упростить дело»¹²⁴. В тот же день, 23 декабря, Нешич посетил советского полпреда в Праге Антонова-Овсенко. Югославский посланник сообщил, что накануне, 22 декабря, имел беседу с Бенешем, который официально ему заявил, что «уже в январе будут установлены нормальные дипотношения с СССР». «Мы не на много отстанем от ЧСР», — добавил Нешич. Он сказал, что югославский посланник в Берлине, очевидно, уже начал переговоры с советским полпредом. Далее он сказал, что представителем в Москву намечается Балугджич, но, возможно, поедет как раз он, Нешич¹²⁵.

Информация в НКВД о скором признании СССР Югославией поступала от советских представителей из Берлина, Рима, Варшавы. Во время визита Чичерина в Париж премьер-министр и министр иностранных дел А. Бриан 14 декабря 1925 г. пообещал оказать влияние на Прагу и Белград в пользу установление отношений с СССР, и выразил уверенность, что это произойдет в ближайшее время¹²⁶. Но до признания СССР Королевством СХС дело тогда не дошло.

30 января 1926 г. Чичерин писал председателю исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьеву: «Мы чрезвычайно близко подошли к восстановлению дипломатических сношений с Югославией. Как раз в этот момент произошло раскрытие заговора или мнимого заговора коммунистов в Белграде». По разным сведениям, целью заговора было создание коммунистических ячеек на основе директивы

¹²³ Там же. Л. 33.

¹²⁴ Там же. Л. 114–115.

¹²⁵ Там же. Л. 120–121.

¹²⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 734. Док. 415.

Москвы, убийство королевской семьи и видных членов правительства. Белградская газета *«Политички гласник»* в связи с раскрытием заговора писала, что вопрос о возобновлении дипломатических отношений с СССР снят с повестки дня на продолжительное время¹²⁷.

* * *

Таким образом, поскольку в Белграде длительное время не было никаких советских представительств, советские миссии в Праге были важным источником информации НКВД о Королевстве СХС. В начале 1920-х гг. в центре внимания советских дипломатов были югославо-чехословацкий договор 1920 г., формирование Малой Антанты, сотрудничество Королевства СХС и ЧСР с другими странами. Причина этого объяснялась опасениями Москвы, что данные государства могут быть вовлечены в антисоветские союзы. Информация главным образом черпалась из газет, чем, очевидно, объясняется скудость сведений о внутривластной ситуации в Королевстве СХС. К тому же основной интерес советские дипломаты проявляли к КПЮ и партии С. Радича.

Регулярно информация о Королевстве СХС из советского представительства в Праге стала поступать в НКВД с осени 1923 г., когда установились постоянные контакты между служащими полпредства СССР и югославского посольства. Во время достаточно регулярных встреч советские дипломаты получали сведения о внутривластных событиях в Королевстве СХС, о его отношениях с другими странами, прежде всего — с союзниками по Малой Антанте, с соседями на Балканском полуострове, с великими державами.

Документы советских миссий позволяют проследить, как с 1920 г. представители РСФСР/СССР в Праге пытались повлиять на установление отношений с Королевством СХС, вначале прибегая к посредничеству министерства иностранных дел Чехословакии, а затем установив прямые контакты с югославскими дипломатами в ЧСР. Успеху переговоров мешали непоследовательность как советской, так и югославской дипломатии, деятельность Коминтерна, с одной стороны, и влияние на официальный Белград антисоветских сил в Королевстве, с другой.

¹²⁷ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. С. 576–577. Док. 283.

Елена Павловна Серапионова

Русские о Праге, Чехословакии и чехах (1920–1930-е гг.)

А.Л. Шемякин много времени уделил проблемам имагологии. Он не только собрал, прокомментировал (вместе с А.А. Силкиным) несколько десятков свидетельств русских славистов, путешественников, дипломатов, военных, журналистов, побывавших в Сербии и оставивших свои впечатления о стране и проживавших там людях, но и проанализировал эти материалы в вводных и заключительных статьях двухтомника «Русские о Сербии и сербах», а также опубликовал несколько работ, посвященных исследованию особенностей сербского менталитета, влиявшего на процессы модернизации страны. В 2011 г. мы вместе участвовали в проекте «Славянский мир в глазах России». Тогда, не сговариваясь, оба выбрали в чем-то сходные темы: Андрей Леонидович писал о том, каким видели русские путешественники сербского крестьянина, а темой моей статьи стала чешская деревня и впечатления от нее русских общественных деятелей, участников Славянского съезда в Праге в 1908 г., а затем и русских эмигрантов, обретших дом в Чехословакии после революции 1917 г.

Продолжая эту тематику, хочу проанализировать взгляды русских, посетивших Прагу, запечатленные в воспоминаниях, заметках, дневниках, письмах, статьях, книгах и стихах. Подборка материалов вышла в свет еще в 2003 г. Однако эти интересные источники, пожалуй, использовал лишь М.В. Ковалев в книге «Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.)» (Саратов, 2012). Ее составителем и автором комментариев является сотрудница библиотеки иностранной литературы Н.Л. Глазкова, а научным редактором и автором вступительной статьи — С.В. Никольский. Глазковой собраны

материалы с начала XVIII и до конца XX вв. Еще один сборник, подготовили наши коллеги в Праге в 2011 г. Он называется «Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии». Редактором и составителем его являлась Л. Н. Белошевская.

Остановлюсь лишь на периоде между Первой и Второй мировыми войнами. В статье использованы и другие исторические источники, не вошедшие в эти сборники.

Если говорить о том, на что, прежде всего, в Праге обращали внимание приезжавшие русские гости, то здесь не могла не сказаться цель их приезда и профессия визитеров. Так, гастролировавшие в Праге в 1922–1924 гг. артисты МХАТа, конечно же, вспоминали, прежде всего, о зрителях и о том теплом приеме, который встречали их постановки: «Мы “Царем Федором” открыли свой пражский сезон. Спектакль прошел с огромным успехом, пожалуй, большим, чем в Берлине. Не знаю, шел ли лучше спектакль, но публика была, безусловно, лучше», — отмечал театральный деятель и педагог В. В. Шверубович в книге «О старом Художественном театре»¹. Вспоминая, что спектакль покорила публику и в «конце зал расцвел белыми платками — все плакали», автор не мог не упомянуть и о появившейся через два дня критической статье «австрофильской» части пражской интеллигенции, выразившей свое мнение в немецкой газете «Prager Presse», о том, что Художественный театр застыл в развитии, тогда как искусство Европы ушло вперед. Но не только о реакции зрителей писал автор, в тексте есть и более общие сведения о Праге и Чехословакии, о том, кто в основном посещал спектакли: «Прага тогда была совсем особенным городом. Чехи еще не привыкли к своей государственности, еще ведь только четвертый год ей шел. Россия, русские в течение столетий были опорой мечты о свободной Чехии, но в то же время новая чешская армия и ее основа — “легионеры”, имевшие даже свой банк, сформировались на почве вражды к большевикам, к новой Советской России. В театр пришли и чехи, и русские с огромным интересом, с тревожным ожиданием встречи. Если бы спектакль не захватил их, это было бы горем для них и полным провалом для нас»². Но «аплодисменты были такие, каких я не помню за всю

¹ Шверубович В. В. Из книги «О старом Художественном театре» // Прага — русский взгляд. Век восемнадцатый — век двадцать первый. М., 2003. С. 110.

² Там же. С. 110–111.

нашу трехлетнюю поездку», — заключал Шверубович. В тексте есть бытовые детали, шуточные сюжеты: «Жили весело и широко; очень всем понравился бар под гостиницей “Граф”, где жила значительная часть труппы <...> Тут был настоящий бар со стойкой. С высокими табуретами, с барменом, составлявшим изысканные коктейли и грациозно взбалтывавшим их в никелированном миксере»³. Шверубович вспоминал и о том, что 28 октября Чехословакия отмечала четвертую годовщину своего существования и по этому поводу в театре на Виноградах был устроен утренний концерт, в котором участвовали известные артисты: В. И. Качалов, Л. М. Коренева, И. М. Москвин. Перед концертом выступили три профессора «со скучными» лекциями о русско-чешской дружбе и задачах славянства. Все билеты были розданы бесплатно. Вечером мхатовцы повторили «На дне». В самом конце гастролей был дан прощальный концерт в зале «Люцерна». Над последними сценками из чеховских рассказов «Злоумышленник» и «Хирургия» в исполнении Москвина и Грибунина публика рыдала от смеха.

Актриса С. В. Гиацинтова также вспоминала⁴ о пражских гастролях как о празднике: «Настоящий праздник начался в Праге — тут уж все было великолепно. Публика неистовствовала, денег заработали достаточно, дни стояли солнечные <...>. Она отмечала восторженную реакцию чешского писателя К. Чапека на их выступления, а сама была поражена виртуозностью оркестра пражского театра, на сцене которого они играли.

Актриса Московского камерного театра А. Г. Коонен в мемуарах «Страницы жизни» также вспоминала «бурный энтузиазм» пражских зрителей и невероятный успех гастролей в 1930 г.: «Наплыв публики был так велик, на площади перед Театром собралась такая несметная толпа, что дирекции пришлось вызвать конную полицию <...>. Кабинет Таирова, предоставленный ему в театре, превратился в настоящий медпункт. После сцены покаяния Катерины дежурный врач приводил сюда рыдающих дам и отпаивал их каплями»⁵.

Актер, режиссер кукольного театра С. В. Образцов впервые побывал в Праге в 1925 г. вместе с гастролеровавшей в Европе труппой

³ Там же. С. 111.

⁴ Гиацинтова С. В. Из книги «С памятью наедине» // Там же. С. 121–122.

⁵ Коонен А. Г. Из мемуаров «Страницы жизни» // Там же. С. 185.

Музыкальной студии МХАТа. Он был восхищен настоящим профессиональным театром кукол в Праге, такого в СССР не было. Он также вспоминал о посещениях спектаклей их труппы русскими эмигрантами, их визиты в антрактах за кулисы, их уверенность в своем будущем, в том, что советская власть долго не удержится, и они вернуться. В книге «По ступенькам памяти» Образцов оставил и восторженные впечатления о Праге: «“Злата Прага” — Золотая Прага, недаром все чехи в нее влюблены. Удивительный город. В первый раз такой вижу. Все удивительно: и дома, и храмы, и решетки, и памятники. Ходи и изучай архитектурные стили — романский, готический, барокко, рококо, бидермайер, фахверк. На башне ратуши окошечко, и каждый час в нем проходят двенадцать маленьких деревянных апостолов. Вроде кукольного театра. А в Пражском кремле прямо-таки кукольная улица. Злата улочка, или улица Алхимиков. Узенькая. Вдоль крепостной стены прижались домики. Такие маленькие, что до крыши рукой достать, а обыкновенная кошка на ней кажется тигром»⁶.

С этим описанием перекликаются строки стихотворения И. Северянина «Прага» (1925):

...Нас приняли радушно чехи, и было много нам утех.
Какая ласковость в их смехе, предназначаемом для всех!
И там, где разделяет Влтава застроенные берега,
И где не топчет конь Вацлава поработленного врага,
Где Карлов мост Господни Страсти
Рельефит многие века,
И где течет в заречной части венецианская «река»,
Где бредит улочка алхимья, и на соборе в сутки раз,
Вступает та, чье смрадно имя, в апостольский иконостас,
Там где легендою покрыто жилище Фауста и храм,
Где слала Гретхен-Маргарита свои молитвы к небу, — там,
Где вьются в зелени овраги, и в башнях грезят короли,
Там, в золотистой пряже Праги, мы с явью бред переплели⁷.

Эмигрант Б. Ф. Соколов, писатель, публицист, член временного правительства Северной области, живший в Праге в 1921–1922 гг.,

⁶ Образцов С. В. Из книги «По ступенькам памяти». В Праге // Там же. С. 46.

⁷ Северянин И. Прага // Там же. С. 145–146.

также оставил весьма поэтическое описание столицы Чехословакии в изданной в 1926 г. книге «О тех, кто ищет. Чешские силуэты»: «Город преданий. Город полный сказок и слов лучезарных, красивых. Таинственных. Улицы узкие. Тяжелые, железом обитые массивные двери домов. Окна небольшие, с рамами плоскими, странно блестящими: — точно светло-живые глаза. Переходы лестничные, частые и причудливые — от дома к дому. Ночью жуткие, шумом неясных и страшных голосов полные»⁸. В нишах домов фигуры святых, те же фигуры на Карловом мосту: «Всюду святые, — писал Соколов. — Словно католицизм торжествующий их поставил охранять душу Праги, душу по сожженному Яну Гусу тоскующую»⁹. Он называет Прагу «золотой, странной и двойственной»: «Одна — полная мечтаний, таинственная, полная исканий. Прага мятущаяся, ищущая. Прага Яна Гуса. И рядом с ней, сжимая ее кольцом железным и прочным, ее окружает Прага другая. Вторая. Деловая. Чуждая мистики. Нашедшая правду свою в технике жизни. Далекая Гусу, европейски спокойная»¹⁰.

Эту двойственность Праги заметил и И. Ильф, написав в дневнике: «Тесный, красивый, романтический и очень в то же время современный город»¹¹.

В. Маяковский, посетивший Чехословакию в 1927 г., оставил впечатления о поездке в очерках и стихотворении «Славянский вопрос-то решается просто», в котором он обвинил первого чехословацкого премьер-министра К. Крамаржа в том, что тот не любит большевиков исключительно потому, что они национализировали его дачу в Крыму. Интереснее мнение поэта о стране, выраженное в очерках: «Чехословакия одна из самых демократических, свободных политических стран. Здесь легальная компартия. Одна из сильнейших в Европе. Коммунистическая газета “Рудэ право” имеет около 15 000 тиража. Правда, здесь полная свобода и белым. Недаром — это центр российской эмиграции. В славянском кабачке сживает и сам Чернов»¹².

К. Д. Бальмонт в эссе «Душа Чехии в слове и деле» писал о чехах: «Чехи в основе своей — сильный, искренний и полный сердечности народ, но также как мы, русские <...>, чехи по-славянски

⁸ Соколов Б. Ф. Из сборника «О тех, кто ищет, чешские силуэты» // Там же. С. 113.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 114.

¹¹ Ильф И. Из «Дневника 1935 г.» // Там же. С. 203.

¹² Маяковский В. В. Из очерка «Немного о чехе» // Там же. С. 150.

противоречивы в собственном историческом лике, и будучи народом могучим, неизъяснимо способны на многовековое рабство. Теперь они в великом празднике освобождения и самостоятельного строительства жизни. Но они пришли к этому торжеству через сотни лет тусклого прозябания, через долгую подземную работу самонахождения себя, через труд несосчитанный, через ужасы войны, где они должны были биться за своих врагов и поработителей, и потом бились за себя и своих братьев, русских, и потом, в безмерных пределах России, охваченной от края до края дьявольским красным пожаром, бились далеко от родной своей Чехии, за себя, и за Чехию <...>. Пройдя крестный путь по Сибири, они не презрение, не вражду к России и русскому унесли к себе домой, а зачарованность Россией, любовь к ее вечным положительным свойствам, готовность каждую минуту обратить к русскому братское лицо. И любовь тут ворожила еще. Любовь к русской Природе и любовь к русской Женщине. Многие из тех чехов, с которыми посчастливилось мне дружески говорить в Праге, — и не только в Праге, — прошли этот крестный путь, а некоторые из них связали свою жизнь, каждый, с русской женой»¹³.

М. Цветаева, жившая в ЧСР в начале 1920-х, писала 27 сентября 1923 г. в письме к литературному критику А. В. Бахраху: «У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и бережет реку: клятвы, кольца, волны, тела. Ему около пятисот лет, и он очень молод: каменный мальчик». У нее есть и стихотворение об этом рыцаре. В письме А. Тесковой Цветаева опять вспомнила пражского рыцаря под Карловым мостом, который являлся для нее каким-то символом Праги, города, где, по ее словам, только душа весит. «Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за “родного славянства”, из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие»¹⁴. Любопытна ее оценка книги Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка: «И очаровывающая, и отталкивающая книга. Чешский Иванушка-дурачок — просто русский деньшик» (1929 г.). Давно оставив Чехословакию, 27 сентября 1938 г. М. Цветаева писала А. Тесковой из Франции: «Видела в кинематографе похороны Масарика: его строгий замок, его белую бедную

¹³ Бальмонт К.Д. Из эссе «Душа Чехии в слове и в деле. Поэтические оценки и образцы» // Там же. С. 158.

¹⁴ Цветаева М.И. Из писем А. Тесковой // Там же. С. 136.

комнату с железной кроватью, — сопровождающие факелы — стражу у гроба, с молодыми прекрасными лицами, — плачущий народ <...>. И его в гробу. Орлиное лицо»¹⁵. Любовь к Праге, волнение за судьбу Чехии и чехов сквозит и в других письмах Цветаевой из Парижа: «Недавно в кинематографе <...> секундное видение города — такой красоты, что я просо рот раскрыла (не хватило глаз!). Ряд мостов — где-то среди них — мой, с Рыцарем — точно ряд радуг — меня просто обожгло — красотой! Подпись: Прага». И еще из письма в тревожные предмюнхенские дни сентября 1938 г.: «День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу в ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое»¹⁶. Не могла Марина Ивановна не отреагировать и на смерть чешского писателя К. Чапека в декабре 1938 г.: «Жалею в нем чеха, жалею в нем человека, жалею в нем собрата, жалею в нем — *свое* поколение <...>. Я совсем оглушена этим ударом <...>. Бедный Чапек! Что он унес на прощание? Измену — предательство — победу грубой силы. *Горько* — так умереть. Одно — немножко — утешает, смягчает, <...> в Рождество умирающий — не умирает... Господи, дай, чтобы он когда-нибудь — откуда-нибудь увидел свою страну — воскресшей!»¹⁷. Раскол страны и создание протектората Богемия и Моравия отражены в ее пронзительных стихах конца марта 1939 г.: «Стала Прага — Помпеи глуше: шага, звука — напрасно ищем»¹⁸.

А у писателя П. А. Кожевникова, с 1923 г. жившего в Праге, есть даже рассказ «Каменный рыцарь», в котором читаем: «На самом деле казался таинственным этот Рыцарь, но общий вид его был привлекателен. Стоит спиной к реке, к широководной Влтаве, юноша воинственный. Он весь закован в латы, одной рукой держит меч, другой оперся о щит родной земли. У ног его лежит покорный лев. Лицо Рыцаря безусое и безбородое, как у девушки, но вместе с тем и мужественное, спокойно-благородно. Из-под шлема падают на его плечи каменные локоны <...>. За спиною Рыцаря, шумит бурной водой плотина, перехватывающая Влтаву, налево стройные ряды домов, а на набережной Малостранской Градчаны, старинный пражский

¹⁵ Там же. С. 136–137.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Цветаева М.* Из цикла «Стихи Чехии» // Там же. С. 138–139.

Кремль, с изумительнейшим в мире силуэтом массивно-грациозного собора и зданий министерств. Да и весь город изумителен со своею стариной, костелами, дворцами. Прага золотая и стобашенная, серебряная Влтава девятимостная»¹⁹.

На красоту и «особенное, изысканное» очарование Праги обращал внимание еще один русский эмигрант, после Второй мировой войны вернувшийся в СССР, Д. И. Мейснер в книге «Миражи и действительность»: «Оно не поражает глаз величию, как это мы видим в несравненном Ленинграде, и не рассчитано оно и на внезапное бурное поклонение. Ему нужно подлинное проникновение в душу города и постоянная сердечная преданность <...>. Прага древний город, в ней много наслоений различных эпох. К тому же много различных национальных наслоений в связи с драматической историей чешского народа»²⁰. Особенно его поражала красота вечерней Праги, умело подсвеченной: «Чехи не только большие знатоки иллюминации, но и подлинные художники этого дела», — писал он. — Я не видел в жизни ни одного города, который был бы освещен с таким художественным вкусом и проникновением в красоту каждого освещаемого здания». Вид освещенной Праги он сравнивал с «прекрасной сказкой», «уводящей в какой-то далекий волшебный мир».

В воспоминаниях Мейснера повторяется мысль о том, что в начале 1920-х гг. Прага совсем не привыкла еще к положению столицы и представляла собой «провинциальный, хотя и глубоко европейский» тихий город.

На вечер, который давали руководящие круги в честь русских профессоров и студентов, прибывших из России, собрался весь «цвет» пражского общества (его «сметанка»), сотни пар танцевали танго и другие модные танцы. Там Мейснер увидел двух политических лидеров Чехословакии: первого премьер-министра ЧСР К. Крамаржа и первого президента страны Т. Г. Масарика. Мейснер характеризовал их как олицетворение двух различных курсов, двух различных пониманий чехословацкой политики и даже «двух разных психологий». В основе этих различий было разное отношение к России. Мейснер признавал, что политические убеждения Крамаржа не были ему близки, но этот человек был «искренне лично привязан

¹⁹ Кожевников П. А. Из рассказа «Каменный рыцарь» // Там же. С. 185–186.

²⁰ Мейснер Д. И. Из книги «Миражи и действительность» // Там же. С. 119.

к России, к старой России», и совершенно разные эмигранты, прибывавшие из России, находили у Крамаржа и стол, и дом. Отношение к России Масарика было многим сложнее. Этот человек считал, что «прогресс и правда идут с Запада, а темнота и опасные эксперименты — с Востока». По словам Мейснера, по отношению к России Масарик оставался в состоянии «постоянной заинтересованной напряженности», но тем не менее он возглавил «русскую акцию» помощи русским эмигрантам.

Эти слова подтверждает и дочь историка А.А. Кизеветтера Е.А. Максимович. На вопрос «Какое впечатление на ее отца произвел Масарик?», она ответила: «Очень хорошее. Он относился [к отцу] всегда с большим уважением <...>. С Масариком они дружили вообще когда-то, но они расходились. Масарик был больше западной ориентации»²¹.

Весьма позитивную характеристику заместителю министра иностранных дел Вацлаву Гирсе, ведавшему помощью русским в Чехословакии, дал В. Булгаков, бывший секретарь Л.Н. Толстого: «Человек он очень милый и любезный, почти русский по воспитанию и образованию (родился в России и был врачом в Киеве)»²². Булгаков вручал ему адрес по случаю 50-летия от Союза русских журналистов и писателей в Чехословацкой республике. Вспоминая об этом, он писал: «Сухонький, улыбающийся, элегантный (всегда равный самому себе) встречает нас д-р Гирса с обычной своей любезностью»²³.

Славист В.А. Францев, также обосновавшийся в Праге, в воспоминаниях об академике византистике Н.П. Кондакове, писал о том, что особо трудным был в Праге в начале 1920-х гг. квартирный вопрос. Но после «неуютного номера шумной пражской гостиницы» Кондакову посчастливилось сначала снять две комнаты в квартире на Виноградах, а уже затем перебраться в свою квартиру на Малой Стране в здании, где помещалось американское посольство. Место это, по словам Францева, было овеяно «преданиями чешской дворянской старины», а мысли русских эмигрантов — полны Россией, ее разорением

²¹ Из бесед с русскими эмигрантами: *Максимович Е.А.* // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Кн. 1: Прага, 2011. С. 400.

²² *Булгаков В.* Отрывки из записей о русских и о чехах («Осколки России» I) Прага // Воспоминания. Дневники. Беседы... С. 318–319.

²³ Там же. С. 321.

и упадком, беспокойством за близких и друзей, оставшихся там. Кондаков живо интересовался и новой чехословацкой средой, в которой он встретил «много расположения и истинного уважения»²⁴.

Трудности квартирного вопроса отмечал в своих воспоминаниях и философ Н. О. Лосский: «Прага, сделавшись столицей нового государства, Чехословакии, в это время быстро разрасталась. В ней был тяжелый квартирный кризис. Найти квартиру было очень трудно»²⁵. Поэтому многие русские эмигранты селились в окрестностях Праги: в Збраславе, Хухле, Вшенорах, Розтоках, Ржевнице и Ржичанах²⁶.

Татьяна Рейзер (Бем) описала в воспоминаниях Збраслав, где одно время жила их семья: «Збраслав был крохотный городок, скорее большая деревня. Стоял он довольно живописно на берегу Влтавы, и так сказать, золотым гвоздем программы был Збраславский замок со старым красивым парком, куда нас, детей, водили гулять. Из парка можно было подняться над рекой в Бельведер, откуда был красивый вид на Влтаву и на Збраславский замок, и где — а это для меня было самое главное — росли масляки (маслята. — *Е. С.*)»²⁷.

К. А. Чхеидзе сравнил жизнь русских эмигрантов в Болгарии и Чехословакии: «Переход от почти бездумного существования “подденщика” в Болгарии к предельно наполненной умственными интересами жизни универсанта в столице молодого Чехословацкого государства был резким и плодотворным. Не имело ровно никакого значения то, что комнатку удалось найти далеко от Праги (Радешовице близ Ржичан), что лекции читались в различных зданиях и аудиториях <...> и в различное время дня, что одежда была более чем скромная, а питание скорее скудное, — главное заключалось в атмосфере напряженной ненасытной учебы, в том, что лекции читались светилами науки, а в городе находились бездонные источники знаний, три замечательные библиотеки»²⁸.

²⁴ Францев В. А. Из воспоминаний о Н. П. Кондакове // Прага — русский взгляд... С. 121.

²⁵ Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. М., 2008. С. 197.

²⁶ Подробнее об этом см.: Корýnová А. Střediska ruského života v Praze (1921–1952). Praha, 2001.

²⁷ Рейзер (Бем) Т. Украденное счастье // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií — 3) / V. Veber a kol. Praha, 1995. S. 69.

²⁸ Чхеидзе К. События, встречи, мысли. Глава VIII Прага — Париж — Прага // Воспоминания. Дневники. Беседы... С. 30.

Н. О. Лосский указывал на широкие масштабы «русской акции» чехословацкого правительства, проводившейся в течение лет десяти и позволившей получить образование нескольким тысячам русских молодых людей. Вместе с тем он честно признавал, что дальнейшая «нормальная жизненная карьера» для иностранцев в Чехословакии была почти невозможна: «Чехословакия оказала братскую помощь множеству русских интеллигентов и многим русским детям, но получить место, особенно на государственной службе, было чрезвычайно трудно <...>. При замещении кафедры всегда было бы отдано предпочтение весьма малоодаренному чеху даже и перед самым талантливым, приобретшим уже известность русским, за исключением тех случаев, когда по какой-либо специальности чеха совсем не было. В этом сказывался крайний национализм чехов, непонятный нам, русским, привыкшим к великодержавной политике, стремящейся использовать всякий талант независимо от того, к какой народности принадлежит носитель его»²⁹. Он полагал, что в Чехословакии к власти пришли люди с недоверием относившиеся к русской духовной культуре, считавшие ее варварской и реакционной, стремившиеся строить демократию без религиозных основ, на почве позитивистского миропонимания. В этой пропитанной шовинизмом среде русский считался гражданином второго разряда. По его словам, «с чешским обществом русская колония в общем мало сближалась: помехою было различие нравов, уклада жизни и особенно различие характера русского и чешского народа». «Однако, ради справедливости добавлял он, — у многих из нас через несколько лет оказались добрые друзья среди чехов»³⁰.

О сложностях и отдельных этапах взаимного восприятия русских и чехов писала Анастасия Копршилова. По ее мнению, можно проследить три этапа: сравнительно короткий этап восторженной дружбы; быстро наступивший этап взаимного разочарования и охлаждения; длительный этап постепенного привыкания, развития взаимопонимания и сближения»³¹.

Эти наблюдения подтверждаются воспоминаниями дочери дипломата, секретаря русской миссии в Праге В. Т. Рафальского Ирины

²⁹ Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь... С. 203.

³⁰ Там же. С. 209.

³¹ Копршилова А. Российские эмигранты во Вшенорах — Мокропсах — Черношицах (двадцатые годы 20-го века). Прага, 2000. С. 10.

Владимировны Рафальской, которая вспоминала о квартирной хозяйке владыки Сергия: «Квартирная хозяйка была старая чешка <...> Она согласилась принять владыку Сергия, но с условием: везде были [натянуты] веревки вокруг стола, чтобы ноги не ставили на перекладыны у ножек стола, потом чтобы гости не приходили, чтобы шума не было, чтоб того не было, чтоб сего не было. Кончилось это тем, что она обожала владыку Сергия, полным-полно гостей там было, в том числе и в кухне, куда она, тётка, переселилась, сидела там на диване»³².

Лишь к концу 1930-х гг., по мнению Копришиновой, этот последний этап взаимных отношений и восприятий достиг своей цели. Русских и чехов сблизил совместная угроза со стороны фашистской Германии, угроза всем славянским народам³³.

Действительно, Лосского не оставили равнодушным трагические события конца 1930-х гг. Он вспоминал: «Вечером в день мюнхенского предательства мы пошли к знакомым русским, у которых было радио. Мы слышали по радио речь президента Бенеша, который сказал, что Великобритания и Франция потребовали отдать Гитлеру пограничные области, где немцы составляют большинство населения <...>. Сердце разрывалось, когда мы слышали эту речь главы правительства, сообщавшего о бесстыдном насилии великих держав над маленьким народом, героически готовившимся защищать свою свободу»³⁴.

Философ и социолог П. А. Сорокин, прибывший с супругой в Чехословакию по приглашению Масарика и проживший там девять месяцев на стипендию чехословацкого правительства, весьма тепло вспоминал об этом времени как о «хорошем и плодотворном»: «Мы сняли скромную комнату в доме под Прагой (в Черношицах). После многих лет полной превратностей и рискованной жизни в России, мы снова зажили упорядоченно и по-человечески, восстанавливаясь физически и ментально, занимаясь научной работой и культурно отдыхая». Особое значение Сорокин придавал тому, что в Праге он познакомился и завязал связи с известными русскими и чешскими учеными, политиками, писателями, поэтами и музыкантами. Он

³² Рафальская И. В. [Епископ Сергий, празднование Пасхи] // Воспоминания. Дневники. Беседы... С. 448.

³³ Копришинова А. Российские эмигранты во Вшеновах... С. 13.

³⁴ Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь... С. 245.

писал, что в Праге они с женой жили творчески богатой, полной впечатлений, и в то же время упорядоченной жизнью³⁵.

Д. С. Гессен вспоминал о детских годах, проведенных в Радошовицах и Праге, как о «самых счастливых годах в его жизни»³⁶. Он писал о своих ассоциациях: «Всегда, когда я вспоминаю о Радошовицах, я вспоминаю запах <...>. Радошовице ассоциируется с запахом паровозного дыма и жасмина. А Прага, сам город, пах известью и пивом. Известью, потому что в 20-х годах столица молодой независимой республики строилась. Там шла огромная стройка, отсюда запах извести. И, конечно, пиво. А на улицах продавали каштаны»³⁷.

Любопытную зарисовку Праги 1920-х оставил и писатель В. Б. Шкловский в книге «Третья фабрика». Обращаясь к переводчику полпредства СССР в Чехословакии Р. Якобсону, он писал: «Я помню Прагу. Фонари, которые мы тушили. Мост, на плату за переход которого у нас не было денег. Влтаву — реку, тщательно перегороженную и полную моющихся чехов. Чешское пиво в литровых кружках. Кнелъдехи (кнедлики. — Е. С.)»³⁸.

Писатель-юморист А. Т. Аверченко дал определение Праге как «прокопченной», с «благородным налетом старины»³⁹. Очень актуально звучат его слова о том, что в Праге очень любят старину и сохраняют ее, а в России на старину смотрят «как на рухлядь»⁴⁰.

Эту же мысль подтвердил художник и историк искусства А. Н. Бенуа: «Это единственная столица Средневековья (если не считать Венеции), дожившая до нашего времени в сравнительной целостности, и сердце этой столицы, то есть обширные кварталы Малой Страны и Старого Места, совершенно не изменило своего характера за последние двести-триста лет»⁴¹.

³⁵ Сорокин П. А. Из книги «Дальняя дорога: автобиография» // Прага — русский взгляд... С. 123.

³⁶ Гессен Д. С. [О русских Радошовицах] // Воспоминания. Дневники. Беседы... С. 429.

³⁷ Там же. С. 430.

³⁸ Шкловский В. Б. Из книги «Третья фабрика» // Там же. С. 126.

³⁹ Аверченко А. Т. Из интервью // Там же. С. 127.

⁴⁰ Аверченко А. Т. Из сборника «Записки простодушного. Я в Европе. Прага» // Там же. С. 128.

⁴¹ Бенуа А. Н. Из писем в парижскую газету «Последние новости» // Там же. С. 197.

Аверченко нравилось, что «город просыпается с зарей, и в шесть часов утра уже работа в полном ходу»⁴², а чешская молодежь — соколы тренированные, бодрые, всегда с музыкой⁴³.

К. Чхеидзе также импонировали «оживленный дух, жажда деятельности, трудолюбие чехов». По этому поводу он писал: «Если представить себе типичного “среднего” испанца и предоставить ему заниматься, чем он хочет, то испанец отдаст предпочтение сиесте. Француз — развлечению. А чех? — он будет что-нибудь делать»: возиться в саду или на огороде, копаться в домашней мастерской, корпеть над каким-нибудь, для него очень важным, делом <...>. И в этом своем пристрастии... чешка и чех находят свою “сиесту” и свое “развлечение”»⁴⁴.

С предельной четкостью отразил утро города в дневнике 1935 г. И. Ильф: «В Прагу приехали в 7 утра <...>. Поразительная картина движения на работу. Апогей — без четверти восемь, без 2-х минут уже тише, а ровно в 8 улица опустела»⁴⁵.

В фельетонах Аверченко писал о четком порядке и полицейских штрафах за его нарушение; вежливости и честности даже в заведении с, казалось бы, сомнительной репутацией⁴⁶.

Нарушать порядок, вероятно, можно было лишь по большим праздникам. Так, историк Н. Е. Андреев вспоминал: «Прага любила праздновать Новый год: были и фейерверки, и музыка играла повсюду. Главное, что потом наступал полицейский час (от половины двенадцатого до половины второго) и существовало этакое джентльменское соглашение: можно было хохотать и вытворять на улице что угодно (при условии, конечно, что вы никого не обижаете), а полиция на все смотрела сквозь пальцы»⁴⁷.

Поэт, прозаик и литературовед В. Ф. Ходасевич, приехавший в Прагу в ноябре 1923 г., писал А. В. Бахраху: «Чешский язык для

⁴² Аверченко А. Т. Из сборника «Записки простодушного. Я в Европе. Прага» // Там же. С. 129.

⁴³ В Чехословакии русские эмигранты создали свой сокольский союз, члены которого участвовали во всесокольских слетах в Праге. См.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 193–194.

⁴⁴ Чхеидзе К. События, встречи, мысли... С. 36–37.

⁴⁵ Ильф И. Из «Дневника 1935 г.» // Там же. С. 202.

⁴⁶ Аверченко А. Т. Из сборника «Записки простодушного. Я в Европе... С. 130–133.

⁴⁷ Андреев Н. Е. Из воспоминаний «Пражские годы» // Там же. С. 180.

меня труден, т. к. надо лавировать между русским и польским. Знающему только один из этих языков научиться чешскому легче»⁴⁸.

О трудностях чешского языка для русских упоминали и другие русские эмигранты. Н. Е. Андреева, прибывшего в Прагу для учебы, поразил не только резкий запах карболки, которой поливали по утрам все вокзалы в Праге, но и надписи. Например, надпись, которая его очень удивила вначале: «Позор». «Позор, почему позор?» — размышлял он. «На одной из молочных я увидел надпись: “Горьки млеко”. Горькое молоко? Что за странности? На булочной было написано “Черстви хлеб”. Сухой хлеб? Почему? Странная страна»⁴⁹, — недоумевал он.

Анекдотично звучит рассказ историка С. Г. Пушкарева о прибытии в Чехию на станцию пограничного города Парбудице, где носильщики катили багажные делетки и поминутно покрикивали «Позор! Позор!», чем очень расстроили русских эмигрантов, которые лишь позже узнали, что «позор» по-чешски «осторожно». «В чешском языке, — писал в воспоминаниях Пушкарев, — есть множество слов, которые звучат по-русски, но имеют совершенно различный смысл. Позже я составил длинный список таких слов под заглавием: “Словарь чешско-русских недоразумений”»⁵⁰.

О сложностях понимания и изучения чешского языка для русских сообщал и художник А. Н. Бенуа в письмах в парижскую газету «Последние новости»: «Я был в самой приятной и особенно культурной стране <...>. Лишь одно было в этой экскурсии неприятное — это язык. Попав в Чехию, я оказался немым и глухим. Привыкнуть к чешскому и научиться хоть как-либо на нем изъясняться оказывается особенно затруднительным именно русским — из-за сходства наших языков, так как очень часто потом почти тождественные слова далеко не всегда одно и то же выражают»⁵¹.

Достаточно едко Ходасевич описал пражан: «Если хотите походить на здешнего жителя — купите себе сорочку с красными и зелеными горошинами и такие высокие галоши: низ резиновый, а верх суконный, на застежке. Я таких не видал с 1892 года»⁵². Не менее ехи-

⁴⁸ Ходасевич В. Ф. Из писем А. В. Бахраху // Там же. С. 140.

⁴⁹ Андреев Н. Е. Из воспоминаний «Пражские годы» // Там же. С. 172.

⁵⁰ Пушкарев С. Г. Воспоминания историка 1905–1945. М., 1999. С. 87.

⁵¹ Бенуа А. Н. Из писем в парижскую газету «Последние новости»... С. 197.

⁵² Ходасевич В. Ф. Из писем А. В. Бахраху // Там же. С. 140.

ден и суров он и к русским обитателям Праги: «Что касается здешних русских, то — случилось ли Вам ездить по России в спальном вагоне 3-го класса? Так вот, представьте, что все пассажиры одного (бухгалтеры, земские статистики, учителя, чиновники контрольной палаты, землемеры) — вылезли на станции “Прага” и закусывают в буфете... Люди здесь честные, не спекулянты <...>. Ходят в люстриновых куртках и серых штанах. Носят бороды и небритости. Особы женского пола все в очках»⁵³.

Вероятно, отношение к Праге в немалой степени определялось и условиями, в которые попадал приезжавший туда человек, и его самочувствием. В отличие от П. Сорокина, которого вполне устраивала творческая обстановка чехословацкой столицы и предоставленное ему денежное содержание, Ходасевич сетовал, что «совершенно измучился»⁵⁴ в Праге, надеясь на скорый отъезд в Италию, а также из-за болезни и того, что не имел возможности писать.

Н. Н. Берберова, также надолго не задержавшаяся в Праге, писала, что не смогла по-настоящему оценить Прагу и что она показалась ей «и благороднее Берлина, и захолустнее его»⁵⁵. Для русских, привыкших к Парижу и Берлину, Прага действительно представлялась несколько провинциальной.

Нора Мусатова в воспоминаниях о своем отце-художнике Григории Мусатове писала: «Интересное зрелище должны были являть собой русские эмигранты на фоне тихой, полупровинциальной Праги! Некоторая взбалмошность и экзальтированность русских дам сильно отличала их от спокойной, степенной публики города»⁵⁶.

Сравнения с Берлином возникали и у других русских эмигрантов. Н. Е. Андреев вспоминал: «Сама Прага меня от усталости сначала мало поразила. Мы быстро поняли, что это очень большой город, другого типа, чем Берлин, много движения, не очень много автобусов, а больше трамваев. Чехи, очевидно, вставали рано, потому что, когда в семь тридцать мы вышли с вокзала, город был полон движения»⁵⁷.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Ходасевич В. Ф. Из писем А. И. Ходасевич // Там же. С. 140.

⁵⁵ Берберова Н. Н. Из книги «Курсив мой» // Там же. С. 141.

⁵⁶ Мусатова Н. Григорий Мусатов (Воспоминания о моем отце) // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1... С. 217.

⁵⁷ Андреев Н. Е. Из воспоминаний «Пражские годы»... С. 172.

Советский писатель И. Г. Эренбург, впервые приехавший в Прагу в 1923 г., позднее вспоминал о большом интересе молодых чешских людей к Маяковскому, Мейерхольду, Пастернаку и Татлину⁵⁸.

А. Н. Толстой в 1935 г. в письме своему секретарю, а позднее супруге Л. И. Баршевой из Праги искренне изумлялся количеству желавших получить его автограф: «Я совершенно дьявольски, оказывается, знаменит»⁵⁹, — удивлялся он.

В 1934 г. Эренбург познакомился с К. Чапеком, чешской писательницей М. Майеровой, художником и карикатуристом А. Гоффмейстером. Но Эренбург не хотел надолго оставаться там, он писал: «Как я ни люблю Прагу, я мечтал из нее выбраться». Интересно описание его визита к министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу: «В очень большом кабинете я увидел маленького, чрезвычайно живого человека. Он сначала заговорил о литературе». На вопрос Бенеша, может ли он чем-то быть полезен, Эренбург попросил помочь ему покинуть его «прекрасную страну», так как ему надо было попасть в Париж. В конце визита Бенеш подвел его к карте Европы и сказал, что Чехословакия окружена и находится в «смертельной опасности»⁶⁰. В книге «Дороги Европы» Эренбург особое внимание в описании Праги обращал на пражские дворы: «Не полюбив их, не разгадав, трудно понять душу Праги, — замечал он, — Чехи — верные друзья, но они не знают “молниеносной” дружбы; нелегко проникнуть в тайники их сердец. Прага живет не на широком Вацлавском наместьи, залитом огнями, а в глубоких темных дворах, во втором, третьем, четвертом, в подлинном лабиринте дворов; там и сапожники, и прачки, и мастерская горемыки-художника, там кабачок, где сиживал друг Швейк, там споры и ссоры, там любовные свидания, политические дебаты, примерки, постирушки, длинная извилистая жизнь <...>. Этот народ очень долго жил под немецким господством; он уходил во дворы и там шутками, своеобразной чешской иронией, упорством, если угодно — упрямством, сопротивлялся, отстаивал свой язык, свои нравы, душу»⁶¹. А в книге о художнике Кареле Пуркине, творческим наследием которого он восхищался, Эренбург признавался в любви к чехословацкой столице: «Я люблю Прагу, в этом

⁵⁸ *Эренбург И. Г.* Из книги «Люди, годы, жизнь» // Там же. С. 142.

⁵⁹ *Толстой А. Н.* Из писем Л. И. Баршевой // Там же. С. 203.

⁶⁰ *Эренбург И. Г.* Из книги «Люди, годы, жизни» // Там же. С. 142–143.

⁶¹ *Эренбург И. Г.* Из книги «Дороги Европы» // Там же. С. 143.

городе современное хорошо уживается с древним, мечты с прилежным трудом, большие перспективы с узкими старыми улицами, инженеры с поэтами и юмор Швейка с легкой печалью туманного дня над Влтавой; люблю Град и людные площади, глубокие дворы, в которых играют дети, и статуи барокко, извивающиеся, как бы готовые оторваться от земли, вспорхнуть в очень бледное, легкое небо»⁶².

Знаток жизни и творчества А. С. Пушкина Н. А. Раевский вспоминал о своей пешеходной прогулке вместе с В. В. Набоковым в предместье Праги Либень: «Для Набокова все было ново и интересно. Почему-то особенное внимание он обратил на желтые матовые фонари на трамвайных остановках. Сказал мне, что эти необычные шары кажутся ему характерными для Праги»⁶³. Затем в романе «Отчаяние» Набоков почти с фотографической точностью воспроизвел эту прогулку.

У В. Ф. Булгакова, в ЧСР ставшего директором Русского культурно-исторического музея, остались благоприятные первые впечатления от Праги: «Чудный сквер перед вокзалом. Прекрасно мощенные, чистые улицы. Высокие, ровные, в хорошем состоянии дома. Нарядно одетые улицы... Еще несколько шагов дальше, и перед нами проплыли: грандиозное здание с надписью “*Museum Regni Bohemiae*” и направо от него величественный памятник Святому Вацлаву (Вячеславу), — конная статуя в центре и четыре человеческие фигуры по углам: великолепное творение Йозефа Вацлава Мысльбека, в спокойно-классическом стиле, воздвигнутое еще до рождения Чехословацкой республики и уже успевшее стать как бы символом, эмблемой старой, славянской Праги»⁶⁴.

Едва ли не единственным образцом древнерусского стиля в средней Европе называл искусствовед Н. А. Еленев храм-часовню Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах, построенную по проекту архитектора В. А. Брандта и двух его помощников Н. П. Пашковского и С. Г. Клодта в 1925 г. Одним из «замечательнейших созданий национального гения» называл Еленев Карлов мост. Он писал: «Карлов мост счастливо избежал участи музейного явления. Тесно соприкасающийся с жизнью повседневной и отвечающий ее нуждам, он вместе

⁶² *Эренбург И. Г.* Из книги «Карел Пуркине» // Там же. С. 144.

⁶³ *Раевский Н. А.* Из воспоминаний. В. В. Набоков // Там же. С. 164–165.

⁶⁴ Цит. по: *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 63.

с тем не оторван от истории нации. Будучи полезен, он всегда необходим, будучи прекрасен, он незабываем, сосуществуя ряду поколений и следуя им <...>. Изваяния в стиле барокко, украшающие мост, <...> мы <...> воспринимаем как нечто целое с мостом»⁶⁵.

Карлов мост производил впечатление на многих прибывших в чехословацкую столицу. Н. Е. Андреев писал о нем: «Карлов мост — красивейший, древнейший мост в Праге, полный всевозможных исторических фигур и символических зверей, — любопытное средневековое сооружение»⁶⁶.

Поэт и переводчик Г. П. Струве посвятил Карлову мосту следующие строки:

Над Градом дымчатый закат,
Оранжево-голубоватый.
Святые бдят и сторожат,
И мост, и остров, и палаты.
И рыцарь твой, поднявший меч,
Уверенный и непреклонный,
Готовый для неожиданных встреч,
Стоит над гладью полусонной...⁶⁷

Богослов и культуролог Н. С. Арсеньев писал о нем так: «А этот знаменитый мост через Влтаву и статуя Карла IV Люксембургского, Короля Богемского и Императора Священной Римской Империи — довольно несуразная, длинная-предлинная фигура, но любимая чехами — на площади перед этим мостом»⁶⁸. Он подчеркивал «невероятную архитектурную красоту Праги» с «потрясающе величественными Храдчанами (Градчанами. — Е. С.), дворцовым холмом над рекой и всей “Малой Страной” дворцов богемской знати эпохи Возрождения или барокко, церквами и монастырями, с великолепными садами, общественными и частными, при дворцах магнатов! Помню сады в стиле итальянского барокко XVII века при доме-дворце графов Вртба — с террасами, расположенными друг над другом,

⁶⁵ Еленев Н. А. Из статьи «Карлов мост в Праге» // Там же. С. 167.

⁶⁶ Андреев Н. Е. Из воспоминаний «Пражские годы» // Там же. С. 181.

⁶⁷ Струве Г. П. Пражские вечера. На карловом мосту // Там же. С. 215.

⁶⁸ Арсеньев Н. С. Из книги «Дары и встречи жизненного пути» // Там же. С. 183.

причем ступеньки с террасы на террасу шли через таинственные базальтовые гроты с бьющими в глубине источниками»⁶⁹.

Поэт Д. М. Ратгауз, на чьи стихи написано много романсов, посвятил Праге такие строки:

Туманный город серебристых башен,
Ласкающий, старинный, кружевной,
Как детство, в жадной памяти украшен
Почти немислимой весной⁷⁰.

Писатель Е. И. Замятин считал, что Прага похожа на Эдинбург⁷¹, и писал в письме к А. Н. Толстому в 1936 г.: «Хороший город Прага! И чехи — теплые ребята, это тебе не французы. Сколько я там попил в “Умелецкой Беседе” — с Кубкой, Коптой, Чапеком!»⁷².

И. Ильф запечатлел в дневнике даже меню чешской кухни: «Моравские колбаски, жаренные на решетке, вино “бычья кровь” в кувшинчиках по четверть литра, фроньское вино и кофе в толстых чашках»⁷³.

А. Н. Бенуа сравнивал Прагу с Нюрнбергом: «Прага <...>, действительно, один из красивейших городов, это и очень нарядный город, и внушительный, во многих же смыслах это и очень передовой город. Однако, помимо этого Прага еще и самый поэтичный город Средней Европы. Соперничая с Нюрнбергом в смысле романтической живописности, Прага имеет то преимущество, что она как-то импозантнее, шире, я бы сказал столичнее»⁷⁴. Бенуа называл Прагу «столицей барокко», восхищался «художественной вдохновенностью» ее церковей, прекрасно подобранной картинной галереей, выставкой русского искусства, организованной Н. Л. Окуневым в 1935 г., писал о Праге как одном из первых центров музыкального мира, городе премьеры моцартовского «Дон-Жуана»⁷⁵.

⁶⁹ Там же. С. 182.

⁷⁰ Ратгауз Д. М. Память о Праге // Там же. С. 191.

⁷¹ Замятин Е. И. Из «Записных книжек. 1931–1936» // Там же. С. 191.

⁷² Замятин Е. И. Из письма А. Н. Толстому // Там же. С. 192.

⁷³ Ильф И. Из «Дневника 1935 г.» // Там же. С. 203.

⁷⁴ Бенуа А. Н. Из писем в парижскую газету «Последние новости» // Там же. С. 197.

⁷⁵ Там же. С. 197–202.

В очерке «Прага» А. Н. Толстой писал, что в Чехословакии много прекрасных поэтов и музыкантов, с творчеством которых необходимо ознакомиться. Он посетил постановки опер Б. Сметаны «Проданная невеста». «Изумительная, прозрачная, моцартовская музыка, и пели недурно»⁷⁶, — отмечал он. Но сама постановка показалась ему устаревшей. Совершив вояж по городам и весям ЧСР, он восхищался природой: «Дивный сельский пейзаж — холмы, пашни красноватой земли, долины, городки, мирный звон в церквях, перелески, пахари, идущие за волами. Карлсбад и Мариенбад лежат уже в лесных долинах»⁷⁷. В дорожной тетради «По Чехословакии» Толстой отметил: «В сравнении со столицами других европейских стран чехословацкие города, и Прага в частности, шумны и оживлены»⁷⁸.

Писатель-драматург С. М. Третьяков собрал и обобщил свои корреспонденции из Праги 1935 г. в книге «Страна-перекресток». Он подробно описал пражские достопримечательности, упомянул о левостороннем движении в Чехословакии. А про исторический центр города заметил: «В средневековой части Праги улочки напоминают ходы, проточенные жуком-древоточцем. Здесь темная глушь средних веков живет в обнимку с сегодняшним днем»⁷⁹.

Русских, чьи высказывания приведены выше, объединяло то, что все они были представителями интеллигенции. Часть из них являлись политическими эмигрантами, людьми, вынужденными покинуть Россию в силу своего несогласия с большевистским режимом или даже участия в борьбе против него, другие же были представителями новой Советской России (СССР).

Это были люди разных возрастов, профессий, политических предпочтений, что, конечно, влияло на восприятие Чехословакии и чехов. Многогое зависело также от того, были ли это бегло составленные впечатления проезжих или мнения людей, долгое время проживших в стране и сумевших более глубоко оценить ее достоинства и понять недостатки, познакомиться с национальным характером и менталитетом чехов.

Очень часто отношение к Чехии и чехам было связано с Россией, с тем, как сами чехи воспринимали эту славянскую страну и ее народ,

⁷⁶ Толстой А. Н. Из очерка «Прага» // Там же. С. 205.

⁷⁷ Толстой А. Н. Из писем Л. И. Баршевой // Там же. С. 205.

⁷⁸ Толстой А. Н. Из дорожной тетради «По Чехословакии» // Там же.

⁷⁹ Третьяков С. М. Из книги «Страна-перекресток. Прага» // Там же. С. 206.

оно как бы преломлялось и отражалось во взаимном восприятии. Зачастую отношение к чехам менялось с течением времени, в том числе и под влиянием внешних обстоятельств. Прагу, Чехословакию, чехов русские почти всегда воспринимали в сравнении с другими европейскими городами, странами и народами.

Это восприятие было индивидуально, субъективно, каждый обращал внимание и подмечал что-то свое. Во многом оно зависело от условий пребывания в стране, от того, были или нет рядом друзья из числа местных жителей и даже от собственного самочувствия. Нередко впечатление о внешних красотах соседствовало с историческими экскурсами, описаниями политических деятелей, событий и их оценками.

Несмотря на многоцветье палитры всевозможных мнений и впечатлений, приведенный выше материал весьма убедительно подтверждает мысль А. Л. Шемякина, что если подборка репрезентативна, то все равно складывается определенный единый образ страны и ее жителей, который во многом дополняет и корректирует уже сложившиеся стереотипы.

Сергей Зиновьевич Случ

Польский аспект во внешней политике СССР в 1939 году и некоторые вопросы международного права

Приоритетной внешнеполитической задачей Сталина после Мюнхена стало достижение соглашения с нацистской Германией. Это обуславливалось двумя причинами: продолжавшейся западными державами политикой «умиротворения» и все большего дистанцирования от тоталитарного режима СССР, а также наметившейся общностью внешнеполитических интересов Сталина и Гитлера, которую советский вождь, ввиду ограниченного выбора вариантов поведения на международной арене, «разглядел» значительно раньше, чем немецкий фюрер¹. Сочетание прежде всего этих факторов в условиях динамично развивавшейся международной обстановки оказало большое влияние на формирование внешнеполитического курса СССР. При этом в послеюнхенский период одним из существенных элементов многоходовой комбинации по установлению «скрепленной кровью» дружбы с третьим рейхом стали для Кремля отношения с Польшей.

Чехословацкий кризис и его кульминация в Мюнхене, откровенно экспансионистская политика Польши, ставшей, по образному выражению одного немецкого дипломата, «гиеной поля боя»², хотя и обострили советско-польские отношения³, но не привели к их резкому

¹ Подробнее см.: *Случ С.З.* Германия и СССР 1933–1939: от программной установки до тактической уловки // Славяноведение. 2019. № 5. С. 37–57.

² *Kordt E.* Nicht aus den Akten... Die Wilhelmstraße in Frieden und Krieg; Erlebnisse, Begegnungen und Eindrücke 1928–1945. Stuttgart, 1950. S. 286.

³ См.: Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1957–... Т. XXI. Док. 366. С. 516.

ухудшению, если учесть, что они никогда не отличались приязнью. Прошло несколько недель после Мюнхена и сначала Варшава⁴, а затем и Москва⁵ начали по дипломатическим каналам предпринимать шаги, призванные продемонстрировать стремление к улучшению отношений. Правда, как можно предположить, произошло это лишь тогда, когда польское и советское руководство решили, что в некоторой стабилизации двусторонних отношений (или даже только ее видимости) заложены дополнительные возможности в их сложной игре с нацистской Германией.

Интенсивный обмен мнениями между наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым, его заместителем В. П. Потемкиным и послом Польши в СССР В. Гжибовским в октябре–ноябре 1938 г. привел к согласованию текста коммюнике, опубликованного в прессе обоих государств, которое, как казалось, должно было свидетельствовать о желании сторон преодолеть кризисную фазу в отношениях и подтвердить приверженность заключенному ранее договору о ненападении⁶. Более того, советское руководство всячески старалось создать впечатление, что реальная ценность этого коммюнике неизмеримо выше, чем можно заключить из опубликованного текста⁷.

Если в Варшаве всячески пытались свести к минимуму впечатление относительно антигерманской направленности польско-советского документа, опасаясь реакции Берлина, особенно на фоне возникшей в германо-польских отношениях напряженности в послеюнхенский период⁸, то советская сторона предпринимала все возможное, чтобы оттенить именно эту направленность коммюнике как отражавшему именно охлаждение в германо-польских отношениях⁹. Однако сколько-нибудь ощутимого результата эти усилия не дали. Точную оценку одной из сторон, хотя и не главной, этой дипломатической акции, а также поднятой вокруг нее шумихи дал германский посол в СССР граф Ф. фон дер Шуленбург, однозначно

⁴ См. Там же. Док. 432. С. 598–600.

⁵ См.: Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сб. документов / Под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М., 2017. Т. 3. С. 581–583.

⁶ См.: Сообщение ТАСС // Известия. 1938.11.27. С. 1.

⁷ См.: СССР и Польша // Известия. 1938.11.28. С. 1.

⁸ См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. Док. 85. С. 145.

⁹ См.: Иностранная печать о советско-польских отношениях // Известия. 1938.11.29. С. 1.

интерпретировав ее как стремление Москвы внести разлад в германо-польские отношения путем заигрывания с Варшавой¹⁰.

Заигрывание, несомненно, имело место, так как Сталин и руководство Наркоминдела уже располагали информацией, полученной по дипломатическим и разведывательным каналам, о сути пакета новых германских предложений Польше¹¹, отнюдь не способствовавших углублению их отношений. Очень внимательно отслеживая «температуру» на германо-польских переговорах, получая порой информацию, настолько оперативно, что она не успевала еще устареть для самих переговорщиков¹², советское руководство имело возможность корректировать свою тактику в отношении с Польшей в зависимости от хода этих переговоров. До тех пор пока их состояние (по оценкам Москвы) оставляло надежду на достижение какого-то компромисса между Берлином и Варшавой, советская сторона не прекращала усилий по «наведению мостов» в отношениях с Польшей.

В свою очередь, польский министр иностранных дел Ю. Бек был заинтересован по ряду причин в нормализации польско-советских отношений, но при этом не собирался идти на сближение с СССР, выходящее за рамки подтверждения неизменности заключенного ранее договора о ненападении и расширения торговли путем заключения соответствующего соглашения. Тем самым он демонстрировал вовне, прежде всего Берлину, что Польша возвращается к принципу «равноудаленности» в политике от своих наиболее сильных соседей на западе и востоке, явно нарушенной в предшествующий период в пользу отношений с Германией. Политическая линия Бека в отношении СССР в послеюнкенский период зиждилась на нескольких основных постулатах, в том числе: на представлении о прогрессирующей

¹⁰ См.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. D. Bd. V. Dok. 108. S. 116–117.

¹¹ 24 октября 1938 г. Й. фон Риббентроп изложил польскому послу в Германии Ю. Липскому план «генерального урегулирования» двусторонних отношений, важнейшей предпосылкой которого по замыслу Гитлера прежде всего должно было стать согласие польского правительства на включение Данцига в состав Германии; разрешение на строительство экстерриториальных авто- и железнодорожных магистралей через Польский коридор, связывающих Померанию с Восточной Пруссией; согласие на присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту (ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 81. S. 87–89; Polskie dokumenty dyplomatyczne: 1938 / Red. M. Kornat. Warszawa, 2007. Dok. 399. S. 725–729).

¹² См.: СССР в борьбе... Док. 84. С. 142–143.

слабости СССР и его растущей изоляции на международной арене¹³; на оценке последствий Судетского кризиса и Мюнхенского соглашения для Советского Союза как приведшего к его «выталкиванию из Европы»¹⁴; наконец, на уверенности в том, что Польше ничего не угрожает со стороны ее восточного соседа: «С Россией у нас пакт о ненападении, и этого нам достаточно»¹⁵.

Развитие советско-польских отношений в последующие месяцы наглядно продемонстрировало, что совместные заявления для каждой из сторон, равно как и подписанные ранее договоры, имели исключительно инструментальное значение, а их содержание зачастую наполнялось разным смыслом, что по причине существенно отличавшегося геостратегического и военно-экономического положения государств сыграло несопоставимую роль на переломном этапе их истории. Сам факт поездки Бека в Германию для встречи с Гитлером и Риббентропом 5–6 января 1939 г. не мог не обеспокоить советское руководство, опасавшееся, нередко без достаточных на то оснований, германо-польского альянса на антисоветской основе. В то же время Литвинов вполне реалистично оценивал польскую политику и позицию Бека на этих переговорах. Он полагал, что Бек, «поскольку это от него будет зависеть, будет стараться по-прежнему сохранить свободу действий, лавируя между нами и Германией, не связывая себя слишком прочно ни с той, ни с другой стороны. Но позволит ли ему это Гитлер», — задавался вопросом нарком¹⁶.

Действительно, для сомнений на этот счет были веские основания, если принять во внимание ту роль, которую Гитлер отводил Польше в своих стратегических планах¹⁷. Тем более что, как отмечал польский историк М. Корнат, Гитлер не собирался вести переговоры по изложенному Риббентропом послу Липскому 24 октября 1938 г. «пакетному предложению». Он рассматривал его как

¹³ См.: Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / Под общ. ред. М. М. Наринского и С. Дембского. М., 2009. С. 372–373.

¹⁴ См.: *Szembek J.* *Diariusz i teki Jana Szembeka*. London, 1972. T. IV. S. 341–342.

¹⁵ Цит. по: *Starzeński P.* *Trzy lata z Beckiem*. Warszawa, 1991. S. 52.

¹⁶ ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 20. С. 34.

¹⁷ Подробнее см.: Случ С.З. Польша в политике третьего рейха накануне Второй мировой войны (1938–1939) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. / Отв. ред. Б. В. Носов, Ю. Е. Ивонин. М., 2002. С. 305–352.

минимальные и обоснованные требования, выполнение которых являлось «принципиальным условием для сохранения германо-польских отношений»¹⁸.

Тем не менее Бек не сдал занятых ранее позиций, отклонив, в частности, предложение о присоединении к Антикоминтерновскому пакту. Аргументировал он это тем, что, если Польша присоединится к такому соглашению, то не сможет сохранить «мирное соседство с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия»¹⁹. Особенно твердую позицию Бек занял в вопросе Данцига. По его мнению, германское предложение, касавшееся изменения статуса Данцига, не представляло интереса для Польши²⁰. Более того, после доклада Бека правительству о результатах бесед с Гитлером и Риббентропом польское руководство пришло к выводу о необходимости при любых обстоятельствах занимать твердую и последовательную позицию в отношении германских требований независимо от того, представляют ли они для рейха самоцель на данном этапе или служат лишь предлогом для осуществления более масштабных замыслов²¹. И это решение Варшавы, принятое в январе 1939 г., имело принципиально важное значение для последующего развития событий.

В Москве, по-видимому, не сразу получили информацию относительно несостоявшегося сближения между Польшей и Германией, в отношениях между которыми в конце 1938 г., согласно агентурной информации, направленной советскому политическому и военному руководству, превалировала атмосфера «взаимного недоверия и подозрения»²². Во всяком случае, беседа 9 января 1939 г. с Гжибовским, Литвинов выразил надежду на то, что атмосфера в советско-польских отношениях «не будет портиться, имея в виду возможность попыток со стороны Германии сеять недоверие между обеими странами на почве мюнхенской встречи» Бека²³. Информацию, проливающую некоторый свет, но вместе с тем явно неадекватно отражающую

¹⁸ Kornat M. Polen zwischen Hitler und Stalin: Studien zur polnischen Außenpolitik in der Zwischenkriegszeit. Berlin; Brandenburg, 2012. S. 157.

¹⁹ ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 120. S. 134.

²⁰ Polskie dokumenty dyplomatyczne: 1939 styczeń–sierpień / Red. S. Żerko. Warszawa, 2005. Dok. 5. S. 14.

²¹ Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. Poznań, 1998. S. 187–188.

²² См.: Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М., 2008. Док. 1.1. С. 15–19.

²³ ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 15. С. 26.

содержание бесед Бека с Гитлером и Риббентропом, Москва начала получать по разведывательным каналам только со второй половины января. Ее главным недостатком было явное приукрашивание состояния германо-польских отношений, выразившееся в том, что Гитлер не касался наиболее важных вопросов, содержащихся в «пакетном предложении», оставив их «по тактическим соображениям <...> открытыми и нерешенными»²⁴.

19 января 1939 г. в Москве — в обстановке некоторой неопределенности относительно реального состояния германо-польских отношений — начались советско-польские переговоры о заключении торгового договора. Несмотря на то, что ранее в подписанном 20 декабря 1938 г. Протоколе все базовые принципы и положения, касавшиеся будущих переговоров, были согласованы, переговоры затянулись, завершившись только 19 февраля²⁵. По воспоминаниям принимавших в них участие польских дипломатов, переговоры проходили в постепенно ухудшавшейся атмосфере²⁶. В итоге в подписанном договоре объемы товарооборота были сокращены по сравнению с намеченными в Протоколе от 20 декабря 1938 г.²⁷ параметрами, отсутствовало и соглашение о взаимном транзите грузов²⁸, на которое особенно рассчитывала польская сторона, но заключение которого, как показали последующие события, никак не входило в планы советского руководства. Тем не менее в появившейся в начале марта 1939 г. статье В. П. Потемкина, отразившей новые подходы Кремля к вопросу сближения с Германией²⁹, еще прослеживалась линия на лояльное соблю-

²⁴ СССР в борьбе... Док. 95. С. 163.

²⁵ См.: Советско-польский торговый договор // Известия. 1939.02.20. С. 3. Текст договора см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее: ДМИСПО). М., 1973. Т. 7. Док. 11. С. 34–38.

²⁶ См.: *Pagel J.* Polen und die Sowjetunion 1938–1939: die polnisch-sowjetischen Beziehungen in den Krisen der europäischen Politik am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1992. S. 216.

²⁷ ДВП СССР. Т. XXI. Док. 492. С. 685–686.

²⁸ В статье 1-й Дополнительного протокола к торговому договору от 19.02.1939 г. указывалось, что вопросы, касающиеся транзита товаров через территорию СССР и Польши, «будут предметом особого соглашения, переговоры о заключении которого начнутся в Москве не позже, чем через четыре месяца со дня вступления в силу настоящего протокола» (ДМИСПО. Т. 7. Док. 13. С. 39–40). Переговоры так и не начались.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Случ С.* Советская внешняя политика (1939) на пути из изоляции в тупик // История сталинизма: итоги и проблемы изучения.

дение курса³⁰, на поддержание миролюбивого характера отношений с Польшей, зафиксированного в совместном коммюнике от 27 ноября 1938 г.³¹

По мере изменения международной обстановки (оккупация Германией Чехии и Мемеля) и поступления на протяжении марта–апреля 1939 г. информации относительно наличия не только серьезных германо-польских противоречий, но и далеко немирных намерений Гитлера по их устранению³² интерес Москвы к демонстрации сотрудничества с Варшавой стал постепенно угасать³³, так как необходимость в нем в ходе все еще безуспешного сближения с Германией свелась к минимуму. Однако это не означало, что Польша перестала занимать значительное место во внешней политике Кремля и ее важнейшего инструмента — Наркоминдела, правда, ограниченное ролью своего рода детонатора на переговорах с западными державами.

Обеспокоенность у руководства СССР вызвали распространившиеся во второй половине марта «слухи»³⁴ о якобы имевших место

Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 335–340.

³⁰ См.: СССР в борьбе... Док. 85. С. 145.

³¹ Гальянов В. [псевдоним В. П. Потемкина] Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 63–64.

³² В одном из агентурных материалов, направленных 3 апреля 1939 г. заместителем начальника Разведывательного управления РККА А. Г. Орловым наркому обороны К. Е. Ворошилову, содержалась оценка заведующим польским сектором «бюро Риббентропа» д-ром Б. П. Клейстом перспектив развития германо-польских отношений: «Если раньше надеялись использовать Польшу в качестве плацдарма военных действий против России, то теперь Берлин убежден, что Польша по своему настоящему политическому и территориальному состоянию не может рассматриваться как вспомогательная сила против Советского Союза. Очевидно, что прежде чем вести войну с Россией при помощи Польши и через Польшу, ее сперва разделят территориально (отделение бывших германских областей и образование западно-украинского государства под германским протекторатом) и реорганизуют в политическом отношении (посадят надежное с германской точки зрения польское правительство)» (Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33987. Оп. За. Д. 1237. Л. 216).

³³ Это уже 10 марта 1939 г. наглядно продемонстрировал Сталин: в докладе на XVIII партсъезде он не упомянул Польшу ни в негативном, ни в позитивном плане, хотя, казалось бы, заключение первого торгового договора между странами было, несомненно, позитивным событием в небогатой на них советской внешней политике 1938 — начала 1939 г. См.: XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1939. С. 11–15.

³⁴ В действительности речь шла о «недостаточно проверенных данных» Разведуправления РККА, касающихся столкновений польских и германских войск

столкновениях между польскими и германскими войсками, «слухи», правда, не подтвердились³⁵. После захвата Чехии в Москву по разным каналам поступало все больше сообщений о том, что наряду с Румынией Польша может стать одним из вероятных объектов очередной германской экспансии. В этой обстановке 21 марта английское правительство обратилось к СССР с предложением о подписании совместной декларации четырех государств (Великобритании, Польши, СССР, Франции) относительно проведения незамедлительных консультаций по поводу шагов, которые «должны быть предприняты для общего сопротивления» любым действиям, составляющим «угрозу политической независимости любого европейского государства». На следующий день Литвинов телеграфировал полпредам в Великобритании и Франции о согласии советского правительства присоединиться к предложенной декларации, «как только и Франция и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи»³⁶.

Независимо от предсказуемой реакции Бека на это предложение Лондона, позиция которого была хорошо известна в Москве и двумя месяцами ранее даже получила освещение в печати³⁷, это решение Кремля определенно не могло бы способствовать продолжению дискуссии по поводу английского предложения. Но в данном случае это не имело никакого значения, ибо даже столь аморфная английская инициатива была неприемлема для Варшавы, особенно если принять во внимание участие в ней СССР. В беседе с Литвиновым 1 апреля Гжибовский подробно мотивировал эту позицию польского правительства: «...не входить ни в какие соглашения с одним из своих сильных соседей против другого, т. е. ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии, иначе приходилось бы, в зависимости от обстоятельств, просить поддержки то у СССР, то у Германии, и польская политика подвергалась бы постоянным колебаниям»³⁸. В начале апреля в ходе трех почти ежедневных встреч Литвинова и Гжибовского были сняты все неясности, возникшие в связи

на польско-литовской границе 22 марта. См. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 28.

³⁵ Этот вопрос был поднят в беседе Потемкина с Шуленбургом 23 марта. См. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 6. Л. 143.

³⁶ СССР в борьбе... Док. 177. С. 265.

³⁷ См.: Бек о внешней политике Польши // Известия. 1939.01.28. С. 2.

³⁸ СССР в борьбе... Док. 204. С. 293.

с негативной позицией польского руководства в отношении британского предложения о заключении декларации четырех держав, призванной предотвратить агрессию в Европе. Тем самым польское руководство еще раз подтвердило свое нежелание участвовать совместно с СССР в каких-либо акциях, направленных против Германии³⁹. По доступным на сегодняшний день документам незаметно, чтобы с советской стороны было проявлено сколько-нибудь заметное беспокойство по этому поводу.

Совсем иную реакцию в Москве вызвали результаты визита Бека в Лондон 4–6 апреля 1939 г. и его переговоры с Н. Чемберленом и лордом Галифаксом. Как отметил в письме полпреду во Франции Я. З. Сурицу 11 апреля Литвинов, «...обязавшись оказывать помощь Польше без всяких оговорок, Англия фактически заключила договор с Польшей также против нас. Мы, правда, не собираемся нападать на Польшу, но тем не менее соглашение с Англией, укрепляя все позиции Польши в отношении СССР, не может не быть неприязненным актом»⁴⁰. И что же такое угрожающее безопасности СССР скрывалось в достаточно аморфных британских гарантиях, предоставленных Польше «в случае любой акции, которая будет угрожать [ее] независимости»⁴¹? Если СССР не имел никаких враждебных намерений в отношении Польши, то почему укрепление ее позиций в сложный период в отношении любого государства, в том числе Советского Союза, должно рассматриваться как «неприязненный акт»? Уместны ли подобные вопросы? Несомненно, поскольку неудовольствие Литвинова на этот счет нашло отражение в одном из пунктов советского проекта официального соглашения между СССР, Англией и Францией, переданное правительствам этих государств 17 апреля. В нем говорилось: «4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии»⁴². Характерно в связи с этим и разъяснение, направленное Литвиновым Сурицу 23 апреля: «Все восемь пунктов наших предложений мы считаем органическими частями единого и неразрывного целого»⁴³. Последнее содержа-

³⁹ См. Там же. Док. 211. С. 304–305.

⁴⁰ Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. Док. 262. С. 371.

⁴¹ СССР в борьбе... Док. 201. С. 290.

⁴² Там же. Док. 239. С. 337.

⁴³ Там же. Док. 248. С. 343.

ло уже явно ультимативную тональность, исключаящую какие-либо модификации или изъятия из текста, что придает четвертому пункту отнюдь не ординарное значение.

Что же касается «неприязненного акта», то в отношении Польши он последовал как раз с советской стороны, когда Сталин одобрил инициативу Литвинова, предложившего опубликовать совершенно недвусмысленное «Сообщение ТАСС»⁴⁴. В нем опровергались утверждения некоторых органов французской печати о якобы взятых СССР на себя обязательствах «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»⁴⁵. Независимо от того давления, которое руководитель НКВД⁴⁶ посредством этой публикации хотел оказать на западные державы, она содержала очень важную для Берлина информацию, причем не только о состоянии и эвентуальном развитии советско-польских отношений, но и незакрытых для Германии возможностях получения из СССР сырья, столь необходимого ее военной промышленности, собственное производство которого на конец 1938 г., по оценке начальника Отдела военной экономики в Генштабе сухопутных войск Г. Томаса, «не соответствует потребностям ни мирного, ни военного времени»⁴⁷.

В рамках внешнеполитического курса Сталина этот шаг можно квалифицировать как начало изменения тактической линии СССР на польском направлении. С этого времени отношения с Варшавой перестают рассматриваться в Кремле в качестве рычага давления на Берлин⁴⁸ и возвращаются в свое привычное состояние, для которого была характерна дипломатическая рутина. Ни резкое ухудшение международной обстановки, ни наличие реальных угроз самому

⁴⁴ См. ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 194. С. 246.

⁴⁵ Сообщение ТАСС // Известия. 1939.04.04. С. 2.

⁴⁶ Аргументируя необходимость подобного опровержения, Литвинов писал: «За границей распространяется убеждение в том, что о помощи Польше, в случае нападения на нее, можно с нами не разговаривать, что мы автоматически будем снабжать Польшу оружием, авиацией и т. п.» (см. сн. 44).

⁴⁷ См. доклад генерала Г. Томаса 22 февраля 1939 г. «Оценка военно-экономического положения Германии, при особом внимании к опыту 1938 г.» (Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. RW 19/1313. Bl. 11).

⁴⁸ Подробнее см.: *Случ. С.З.* Польша в политике Советского Союза. 1938–1939 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. статей / Отв. ред. Э. Дурачински, А. Н. Сахаров. М., 2001. С. 170–176.

существованию Польского государства⁴⁹ не побудили советское руководство даже попытаться что-либо изменить в этом отношении. Его вполне устраивал тот факт, что Польша за помощью к нему не обращалась⁵⁰.

Трудно представить, что советское руководство всерьез могло рассматривать вопрос об оказании прямой или хотя бы косвенной помощи Польше в случае нападения на нее нацистского рейха. Вот как формулировал в связи с этим позицию Кремля нарком Литвинов: «Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют»⁵¹. Очевидно, что помощь Польше в их число не входила, да и не могла входить, принимая во внимание, что еще в директиве наркома обороны К. Е. Ворошилова от 27 февраля 1939 г. вероятными противниками СССР на Западе рассматривались «объединенные силы Германии и Польши»⁵². Само собой, возникает вполне закономерный вопрос: что же относилось к приоритетным внешнеполитическим интересам советского руководства в обстановке прямой угрозы существованию соседнего с СССР государства? Как становится очевидным, на первый план выдвинулись две основные задачи: остаться вне надвигавшейся войны и извлечь из нее максимальную выгоду. Причем обе они были самым непосредственным образом связаны с политикой в отношении Польши. При этом нежелание Варшавы принимать советские гарантии или допускать Красную армию на территорию Польши⁵³ было не только давно известно по донесениям советских

⁴⁹ 1 апреля Гитлер отдал распоряжение о подготовке плана нападения на Польшу, а 11 апреля утвердил директиву, предусматривавшую завершение всех подготовительных мероприятий к войне с Польшей до 1 сентября 1939 г. (см. ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 185. S. 186–189).

⁵⁰ См.: Сообщение ТАСС // Известия. 1939.03.22. С. 4.

⁵¹ СССР в борьбе... Док. 223. С. 321.

⁵² См.: *Барышников В. Н.* Эволюция отношений СССР с Финляндией в предвоенный период // *Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 1: Политическая история.* С. 87. Эти руководящие указания вошли в конкретные оперативные разработки штабов военных округов. См., например: 1-й раздел Записки командования Киевского особого военного округа «по плану действий Юго-западного фронта» от 24 марта 1939 г. (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 189. Л. 2–6).

⁵³ Эта позиция польского правительства была неоднократно подтверждена еще в период развития Судетского кризиса, а затем и в ходе переговоров Бека с лордом Галифаксом в начале апреля 1939 г., о чем было хорошо известно как в Наркоминделе,

дипломатов, но и 11 мая сообщено послом Гжибовским непосредственно Молотову⁵⁴, который по этому поводу резюмировал: «Польша не хочет в данный момент связывать себя каким-либо соглашением с СССР или согласием на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает этого на будущее».

Выступая в конце мая 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР с докладом «О международном положении и внешней политике СССР», Молотов «уточнил» некоторые положения, сформулированные Сталиным на XVIII партсъезде. В частности, одна из новаций касалась отношения к агрессии. «Мы стоим за дело мира и за недопущение дальнейшего развертывания агрессии, — сказал новый нарком. *Но* (выделено мной. — С. С.) мы должны помнить выдвинутое т. Сталиным положение: “Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками”. Только в этом случае, — заключил Молотов, — мы сумеем до конца отстоять интересы нашей страны...»⁵⁵. Позиция польского руководства, по существу, лишь облегчала реализацию внешнеполитического замысла Сталина, облеченного главой Наркоминдела в столь пространную и расплывчатую формулировку, но ровным счетом ничего не меняла в советской политике в отношении соседнего государства. Для Кремля на этом этапе важно было не закрепление некоторых сдвигов, которые наметились за предшествующие месяцы в советско-польских отношениях, а фиксация негативной позиции польского руководства на те или иные советские предложения на переговорах с западными державами.

По мере обострения международной обстановки и нарастания напряженности вокруг Польши в летние месяцы 1939 г. интерес к ней советской стороны ограничивался отслеживанием состояния польско-германских отношений. При этом озабоченность в Кремле, причем весьма немалую, вызывало не их обострение и вероятное перерастание в войну, а, напротив, возможность достижения компромисса между Варшавой и Берлином на основе пакета германских предложений⁵⁶. Когда же в Москве стало очевидно, что достижение соглашения

так и в Кремле. См. ДВП СССР. Т. XXI. Док. 198. С. 287; СССР в борьбе... Док. 214. С. 310.

⁵⁴ СССР в борьбе... Док. 289. С. 393–394.

⁵⁵ Известия. 1939.06.01. С. 1.

⁵⁶ См. ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 347. С. 418.

между ними уже невозможно⁵⁷, то Наркоминделу была поставлена задача: свести к минимуму контакты с польским послом, а также круг обсуждавшихся вопросов, что являлось характерным симптомом свертывания отношений. Советская сторона отказалась от заключения соглашения о транзите товаров через территорию Польши и СССР, что было большой неожиданностью для поляков, рассчитывавших на получение оружия и других военных грузов от западных держав через территорию СССР, который должен быть «заинтересован в сопротивлении Польши агрессору». Особо отмечу, что речь не шла о поставках какой-то советской продукции военного назначения, а только о транзите военных грузов, и Потемкин 10 июня дал по этому поводу следующие разъяснения Гжибовскому: «...вопрос о транзите военных грузов поставлен был польским правительством преждевременно. Приходится констатировать, что переговоры о сотрудничестве миролюбивых государств для противодействия агрессии в Европе находятся в такой стадии, которая еще не позволяет говорить об определенном их результате»⁵⁸. Спустя несколько дней полпред СССР в Польше Н. И. Шаронов, по всей видимости, получив соответствующие инструкции, попытался сгладить неблагоприятное впечатление от позиции советского руководства по вопросу транзита, явно диссонирующей с недавним высказыванием В. М. Молотова о «развитии добрососедских отношений между СССР и Польшей»⁵⁹. При очередной встрече с заместителем министра иностранных дел Польши Я. Шембеком 14 июня Шаронов заявил, что в нынешней международной обстановке «не нужно опасаться никакого вооруженного конфликта»⁶⁰.

⁵⁷ Можно предположить, что после заявления Гитлера в Рейхстаге 28 апреля 1939 г. о денонсации соглашения с Польшей о ненападении и бескомпромиссной реакции Бека на этот шаг, последовавшей в Сейме 5 мая (см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. / Под ред. В. К. Волкова, Л. Я. Гибианского. М., 1999. С. 140–143), отношение Сталина к информации о планах Германии в отношении Польши вышло за рамки только фиксации на документах факта ознакомления с помей «Мой архив». См. Там же. С. 160–161.

⁵⁸ ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 362. С. 450–451.

⁵⁹ См. сн. 55.

⁶⁰ Weißbuch der Polnischen Regierung über die polnisch-deutschen und die polnisch-sowjet-russischen Beziehungen im Zeitraum von 1933 bis 1939. Basel, 1940. Dok. 166. S. 238.

Если отказ от заключения транзитного соглашения можно назвать недружественным Польше шагом, то переговоры с нацистской Германией и заключение пакта о ненападении с ней в той форме и в то время, как это было осуществлено советским руководством, явилось уже откровенно враждебной акцией в отношении Варшавы. Но прежде чем это произошло, «польскому фактору» предстояло еще сыграть роль своего рода детонатора в ходе англо-франко-советских военных переговоров.

По существу, переговоры военных делегаций, начавшиеся 12 августа, априори не могли привести ни к какому положительному результату, так как ни одна из сторон не приняла на этот счет соответствующего политического решения, преследуя исключительно свои цели и не будучи склонна к поиску компромисса. При этом политическое руководство трех стран рассматривало московские переговоры как средство давления на нацистскую Германию: западных держав — для устрашения Гитлера «кошмаром коалиции», советское — для достижения политического соглашения с ним, обеспечивавшего расширение «сферы интересов» СССР на международной арене без участия в большой войне.

Уже в конце второго дня заседаний глава советской делегации маршал Ворошилов по существу поставил вопрос о пропуске советских войск на территорию Польши и Румынии, выразив его первоначально в слегка завуалированной форме, спросив: «...как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора», поскольку, по его мнению, «участие СССР в войне возможно только на территории соседних [с ним] государств, в частности Польши и Румынии»⁶¹.

Однако уже на следующий день вопрос пропуска советских войск через территорию Польши и Румынии обрел в устах Ворошилова отчетливо ультимативную форму: «Это предварительное условие наших переговоров и совместного договора между тремя государствами. Если этого не будет, если этот вопрос не получит положительного разрешения и *мы вынуждены будем здесь стоять»⁶², то я сомневаюсь

⁶¹ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 548. С. 207.

⁶² Выделенный * * * текст был опущен при публикации. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 220. Л. 59.

вообще в целесообразности наших переговоров»⁶³. В тот же день в конце заседания тон Ворошилова стал еще категоричней: «Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может *по совести*⁶⁴ рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал»⁶⁵. Это заявление фактически подводило черту под трехсторонними переговорами военных миссий в Москве. И это несмотря на то, что вопрос прохода советских войск через территорию других, сопредельных с ним государств, вообще не мог относиться к числу проблем, решение которых могло находиться в компетенции военных миссий. Равно как решение этого вопроса не могло быть найдено без участия польской (и румынской) стороны в ходе политических переговоров, причем на самом высоком уровне. Однако проведение таких переговоров не входило в намерения ни одной из держав, что советское руководство прекрасно понимало, будучи давно и хорошо информировано о резко отрицательной позиции Польши по вопросу пропуска советских войск через ее территорию, и соответствующим образом это использовало. В противном случае вопрос участия польских военных в Московском совещании давно был бы поставлен перед Варшавой. И хотя это вряд ли приблизило бы решение проблемы, но официальный ответ польского правительства заранее лишил бы возможности превратить «польский вопрос» в камень преткновения на трехсторонних переговорах.

Двойственный подход руководства Англии и Франции к этим переговорам, хотя и имевший свою мультифакторную мотивацию, не только не способствовал достижению ни одной из поставленных Лондоном и Парижем целей, но и чрезвычайно облегчал Сталину непростую задачу по перекладыванию ответственности за неудачу трехсторонних переговоров на западные державы. Ведь подход Ворошилова к переговорам был не только заранее предопределен, но и получил четкое оформление в инструкции, продиктованной ему

⁶³ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 551. С. 215.

⁶⁴ Выделенные * * слова в стенограмме отсутствуют. См. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 220. Л. 64.

⁶⁵ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 551. С. 218.

Сталиным еще 7 августа 1939 г., т. е. за пять дней до начала самих переговоров, где, в частности, говорилось: «Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал»⁶⁶.

И тем не менее в позиции сторон было весьма существенное различие. Западные миссии, заинтересованные в продолжении переговоров, даже тогда, когда была получена официальная информация о прибытии рейхсминистра И. фон Риббентропа в Москву⁶⁷, считали, как можно предположить, что сам факт продолжения переговоров окажет сдерживающее влияние на Гитлера. В Кремле же были заинтересованы в скорейшем их завершении, так как 11 августа вечером, т. е. накануне начала заседаний военных делегаций, Сталин совместно с Молотовым⁶⁸ принял решение — вступить в политические переговоры с германским руководством⁶⁹. Обсуждение деталей предстоявших переговоров с Риббентропом было фактически уже завершено во второй половине дня 19 августа⁷⁰, т. е. за два дня до объявления о прекращении заседаний англо-франко-советских военных делегаций⁷¹.

Можно сказать, что с формально-юридической точки зрения в этот день был нанесен решающий удар по отношениям СССР и Польши. Сам факт передачи Молотовым германской стороне проекта договора о ненападении уже свидетельствовал о решении Сталина пойти на политическое соглашение с нацистской Германией, что и подтвердило молниеносное развитие последующих событий: спустя всего четыре дня, 23 августа 1939 г., был заключен и сам договор⁷², приведший к серьезному изменению в расстановке сил на международной арене.

⁶⁶ См. ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 453. С. 584; Примеч. 162. С. 579.

⁶⁷ См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 591. С. 311.

⁶⁸ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М., 2008. С. 269.

⁶⁹ См.: СССР — Германия 1933–1941. М., 2009. Док. 144. С. 202.

⁷⁰ См. ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 474. С. 617, 618.

⁷¹ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 581. С. 300.

⁷² См.: СССР — Германия 1933–1941. Док. 153. С. 209–214.

Теперь соотнесем этот новоиспеченный советско-германский договор с существовавшими советско-польскими соглашениями в рамках норм действовавшего в то время международного права, которому советские дипломаты в предвоенные годы уделяли серьезное внимание, постоянно апеллируя к нему, когда возникала очередная угроза территориальной целостности и независимости суверенных государств⁷³. Подписанное советско-германское соглашение нарушало договор о ненападении между СССР и Польшей, заключенный 25 июля 1932 г.⁷⁴, а затем пролонгированный 5 мая 1934 г. до конца 1945 г.⁷⁵ и подтвержденный в совместном коммюнике обоих правительств от 27 ноября 1938 г.⁷⁶, поскольку одна из норм международного права предполагает «обязанность не заключать договоры, несовместимые с обязательствами прежних договоров»⁷⁷. Согласно же статье 3-й советско-польского договора, оба государства обязывались «не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне»⁷⁸.

Можно ли рассматривать советско-германский договор от 23 августа 1939 г. как враждебный по отношению Польше?⁷⁹ Несомненно, поскольку он был заключен за считанные дни до нападения Германии на Польшу, когда о предстоящей агрессии в Кремле знали, располагая обилием информации из разных источников, в том числе полученной на протяжении августа 1939 г. непосредственно от германских дипломатов, включая Риббентропа⁸⁰. Поэтому утверждение историка М. И. Мельтюхова, что «**формально** советско-германский

⁷³ Так, Литвинов, выступая на сессии Лиги Наций 17 марта 1936 г., заявил: «Мы считаем, что нельзя бороться за мир, не отстаивая в то же время ненарушимости международных обязательств, в особенности таких, которые непосредственно касаются сохранения существующих границ, вооружений и политической или военной агрессии» (ДВП СССР. Т. XIX. Док. 87. С. 154).

⁷⁴ См. Там же. Т. XV. Док. 300. С. 436–439.

⁷⁵ См. Там же. Т. XVII. Док. 157. С. 315–317.

⁷⁶ См. Там же. Т. XXI. Док. 468. С. 650–651.

⁷⁷ *Oppenheim L.* International Law. London, a.o., 1947. Vol. 1. § 503. P. 805.

⁷⁸ ДВП СССР. Т. XV. Док. 300. С. 438.

⁷⁹ М. И. Мельтюхов полагает, что «в отличие от союзного договора договор о ненападении не может быть направлен против кого-то», а упреки в адрес СССР являются «беспардонным двойным стандартом в оценке схожих действий разных стран на мировой арене» (*Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 533, 534).

⁸⁰ См. ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 445. С. 568.

договор был вполне совместим с советско-польским соглашением, поскольку **буква** договора не нарушалась», основывающееся на том, что в соглашении «нет ни слова о каких-либо враждебных действиях против Польши»⁸¹, не соответствует фактической стороне дела, а не только духу договора. Что же касается духа того или иного соглашения, то он, по мнению М. И. Мельтюхова, «вещь достаточно условная и воспринимается скорее под влиянием субъективных факторов»⁸². Однако, заключая договор, государство, согласно международному праву, принимает на себя определенные обязательства, в частности, связанные с тем, что «термины договора, предмет договора, а также весь круг затронутых в нем проблем должны пониматься в том смысле и виде, в каком они понимались всеми участниками договора в момент его заключения»⁸³, а не под влиянием тех или иных обстоятельств.

В преданной гласности части этот договор *de jure* был о неограниченном нейтралитете каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т.е. предоставлял агрессору полную свободу действий. Что дает основание для подобной интерпретации его основного текста? Прежде всего, отсутствие в нем столь обычной для подписанных СССР с рядом европейских государств статьи, традиционно рассматривавшейся в Наркоминделе «неизменной частью всякого пакта о ненападении»⁸⁴. В соответствии с такой статьей заключенное соглашение утрачивало силу или предоставляло право одной из сторон отказать от него, если другая сторона нападет на какое-нибудь третье государство. Отсутствие же такой статьи не ограничивало возможную агрессию, а напротив, ее поощряло, расширяя договор о ненападении *de facto* до соглашения о неограниченном нейтралитете каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т.е. предоставляя агрессору полную свободу действий. К тому же, как провидчески заметил Литвинов еще в 1934 г. «...двусторонние пакты о ненападении не всегда служат делу мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязать себе руки и обеспечить тыл или фланги для нападения

⁸¹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 534.

⁸² Там же.

⁸³ Каламкарян Р. А. Господство права (Rule of Law) в международных отношениях. М., 2004. С. 135.

⁸⁴ ДВП СССР. Т. XVII. Док. 53. С. 133.

на другие государства»⁸⁵. Все это свидетельствует о том, что с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г., несомненно, входила в явное противоречие с взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши⁸⁶.

Что же касается Секретного протокола к договору от 23 августа 1939 г.⁸⁷, представлявшего, по выражению советского руководства, «органическую часть пакта»⁸⁸, то он зафиксировал договоренность руководства двух государств о разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой и должна была стать Польша. М. И. Мельтюхов полагает, что этот документ «носит достаточно аморфный характер. В нем не зафиксированы какие-либо антипольские соглашения сторон»⁸⁹. Так ли это?

В документе зафиксирована договоренность двух государств:

во-первых, решать вопрос «территориально-политического переустройства» третьего суверенного государства (Польши);

во-вторых, зафиксирована «граница сфер интересов Германии и СССР», т.е. *de facto* государственная граница между Германией и СССР) на территории третьего суверенного государства;

в-третьих, решение вопроса, «является ли в обоюдных интересах сохранение независимого Польского государства», оставлено на усмотрение «дружественного обоюдного согласия» Берлина и Москвы.

Можно ли считать в этом контексте подобное соглашение, определявшее судьбу суверенного Польского государства, с которым СССР по-прежнему имел действующий договор о ненападении, аморфным? Мне этот вопрос представляется риторическим.

Но ведь дело не ограничилось предоставлением нацистской Германии карт-бланш на международной арене, хотя одно это означало для Гитлера громадный выигрыш. Реализация договоренностей

⁸⁵ Значение пактов о взаимопомощи как гарантий безопасности: Беседа Литвинова с французским журналистом Зауервейном // Известия. 1934.06.29. С. 1.

⁸⁶ В статье не рассматриваются и не принимаются во внимание те или иные политические оценки советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. и его роли в истории Второй мировой войны, не основывающиеся на профессиональном анализе источников.

⁸⁷ См. ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 1. Док. 485. С. 632.

⁸⁸ Там же. Док. 470. Прил. С. 612.

⁸⁹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 534.

в рамках нараставшего сотрудничества между СССР и Германией началась спустя уже несколько дней. Так, советское руководство, идя навстречу настойчивому пожеланию Берлина⁹⁰ (германский посол Шуленбург дважды — 27 и 29 августа — встречался по этому поводу с Молотовым)⁹¹, распорядилось опубликовать Заявление ТАСС⁹². В нем говорилось о недостоверности сведений, распространяемых некоторыми западными газетами, будто бы после заключения советско-германского договора о ненападении от западных советских границ была отведена группировка Красной армии численностью 200–300 тыс. человек. Напротив, советское командование решило усилить состав гарнизонов на западных границах. В Берлине были вполне удовлетворены этим заявлением, которое, во-первых, фактически содержало угрозу в адрес Польши, не давая ее верховному командованию возможности сосредоточить все силы для отражения предстоявшего нападения Вермахта; во-вторых, предоставляло дипломатии третьего рейха дополнительные козыри для воздействия на западные державы в целях изоляции Польши; в-третьих, позволяло Москве открыто начать сосредоточение крупных сил на советско-польской границе, камуфлируя подготовку собственной агрессии.

Явное и тайное сотрудничество с каждым днем набирало обороты. Уже в 7 час. 30 мин. утра 1 сентября начальник Генерального штаба люфтваффе генерал Х. Йешоннек, в частности, направил Молотову просьбу о передаче «по возможности часто» в эфир радиостанцией в Минске кодового слова «Минск» «для неотложных навигационных испытаний»⁹³. Несмотря на всю словесную эквилибристику, вряд ли можно сомневаться в том, что речь шла об использовании советской радиостанции в качестве радиомаяка для наведения немецких самолетов, выполнявших боевые задачи над территорией Польши. Далее произошло, в частности, следующее: дано разрешение на использование Мурманского порта в качестве перевалочного пункта для немецких товаров и стоянки для различного типа пассажирских и грузовых

⁹⁰ См. ADAP. Ser. D. Bd. VII. Dok. 360, 382, 387, 388.

⁹¹ См. Ibid. Dok. 383, 424; Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 616. С. 337.

⁹² Заявление ТАСС // Известия. 1939.08.30. С. 6.

⁹³ ADAP. Ser. D. Bd. VII. Dok. 498. S. 400; ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 2. Док. 521. С. 7. В тот же день посол Шуленбург сообщил о положительном в целом решении советского правительства по этому вопросу, продлившему даже на 2 часа время вещания радиостанции Минска (Ibid. Dok. 498. Ann. 3. S. 400).

судов; развернута антипольская пропаганда на страницах газет и одновременно перепечатки из нацистской прессы, включая подробное изложение речи Гитлера и сводок Верховного командования Вермахта и т.д. — все это свидетельствовало *de jure* о серьезных нарушениях СССР нейтралитета в пользу Германии уже в первые дни Второй мировой войны, поскольку «нейтралитет, как позиция беспристрастия, влечет за собой обязанность воздерживаться от оказания помощи тому или другому из воюющих как в активной, так и в пассивной форме...»⁹⁴.

На этом фоне откровенным введением в заблуждение, если не сказать более, выглядят разъяснения Молотова Гжибовскому 5 сентября 1939 г. на вопрос посла «о снабжении Польши военными материалами и о транзите военных материалов из других стран через [территорию] СССР в Польшу»⁹⁵. Нарком ответил: «...это маловероятно в данной международной обстановке, когда в войне уже участвуют Германия, Польша, Англия и Франция, а Советский Союз не хочет быть втянут в эту войну на той или на другой стороне и должен, в свою очередь, принимать меры по обеспечению себя нужными военными материалами и вообще по обеспечению своей внешней безопасности»⁹⁶. Конечно, не могло же советское руководство нарушать ст. II лишь недавно заключенного договора с нацистами, которая обязывала не «поддерживать ни в какой форме» державу, находящуюся в состоянии войны с Германией⁹⁷. Правда, сам этот договор, как уже отмечалось, находился в резком противоречии с советско-польским договором о ненападении, который *de jure* сохранял свою силу, так как ни одна из сторон не денонсировала его и даже не заявляла о подобном намерении.

Начиная с 3 сентября Берлин стал оказывать все возрастающее давление на Кремль, чтобы побудить советское руководство ускорить вторжение Красной армии на территорию Польши с востока. Это, отметил Риббентроп, «было бы не только облегчением для

⁹⁴ *Oppenheim L.* International Law. London a.o., 1940. Vol. II. § 297. P. 520–521.

⁹⁵ Запрос был сделан по указанию Ю. Бека, после того как полпред Н. И. Шаронов посетил его и задал вопрос, почему поляки не обсуждают условия предоставления помощи. См.: Polish Documents on Foreign Policy 24 October 1938 — 30 September 1939 / Ed. by W. Borodziej, S. Dębski. Warsaw, 2009. Doc. 205. P. 393.

⁹⁶ ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 2. Док. 541. С. 25, 26.

⁹⁷ Там же. Док. 484. С. 631.

нас, но также соответствовало бы духу Московских соглашений и советским интересам»⁹⁸. На настойчивый призыв Риббентропа Молотов 5 сентября вручил фон Шуленбургу памятную записку, в которой, несмотря на уклончивый ответ относительно конкретной даты советского вторжения в Польшу, содержалось несколько чрезвычайно важных положений: во-первых, о необходимости «в подходящий момент обязательно <...> начать конкретные действия»; во-вторых, о наличии общих противников, сплочение которых может быть облегчено торопливостью с советской стороны; в-третьих, о существовании обсуждавшегося в ходе переговоров с Риббентропом в Кремле и «принятого плана» действий на территории Польши, точному выполнению которого не должно было помешать даже то, что «в ходе операций одна из сторон или обе стороны могут оказаться вынужденными временно переступить линию соприкосновения интересов обеих сторон»⁹⁹.

Темпы наступления Вермахта в Польше стали неожиданностью для советского руководства, стремившегося, прежде всего по политическим соображениям, оттянуть начало военных действий Красной армии, к которым она активно готовилась уже с начала сентября¹⁰⁰. Эта подготовка осуществлялась по разным направлениям. Начиная с 6 сентября почти ежедневно у Сталина проходили совещания с военными¹⁰¹; наркоматы получали указания, в частности, НКВД и НКВД должны были представить материалы, касавшиеся разных сторон внутреннего положения и внешней политики Польши¹⁰². По линии НКВД был отдан приказ о формировании оперативных групп из числа сотрудников органов и придания их армейским группировкам Киевского и Белорусского особых военных округов, вскоре ставших фронтами. Эти группы предназначались «для проведения оперативно-чекистской

⁹⁸ ADAP. Ser. D. Bd. VII. Dok. 567. S. 450–451.

⁹⁹ ДВП [СССР]. Т. XXII. Кн. 2. Док. 540. С. 25; ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. 5. S. 4. Этот документ Молотова, наряду с рядом других, опровергает утверждение М. И. Мельтюхова, что ни Гитлер, ни Сталин в момент подписания договора о ненападении не знали, как будут развиваться дальнейшие события: «возникнет ли вообще германо-польская война или будет достигнут какой-то компромисс как это было в 1938 г.» (*Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 535).

¹⁰⁰ См. приказ командующего ВВС Белорусского особого военного округа от 5.09.1939 г. (РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

¹⁰¹ См.: На приеме у Сталина. С. 272–274.

¹⁰² См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 15. Л. 1–37.

работы»¹⁰³ «по обеспечению порядка, пресечению подрывной работы и подавлению контрреволюции» по мере продвижения войсковых частей и создания «на занятой территории во всех значительных пунктах аппарат НКВД...»¹⁰⁴. Были даны соответствующие указания и руководству Коминтерна, в ходе встречи в Кремле с Г. Димитровым и Д. З. Мануильским 7 сентября¹⁰⁵ Сталин сформулировал свое отношение к «польской проблеме»: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»¹⁰⁶. С 11 сентября в советских газетах началась антипольская кампания¹⁰⁷. Параллельно с ней шли интенсивные консультации между Москвой и Берлином по согласованию мотиваций действий советского руководства, чтобы «так или иначе оправдать перед внешним миром свое нынешнее вмешательство»¹⁰⁸.

Оттягивая выступление против Польши, советское руководство стремилось «компенсировать» это негласным сотрудничеством с Берлином в военной области и резким изменением тональности всей пропаганды. По оценкам экспертов Верховного командования Вермахта, советская пропаганда стремилась сохранять благожелательный нейтралитет по отношению к Германии, «по-деловому» осущащая ее политику¹⁰⁹.

Некоторые публикации в советской прессе активно использовались пропагандистской машиной третьего рейха. Например, передовая статья в «Правде» «О внутренних причинах поражения Польши»¹¹⁰,

¹⁰³ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. М., 1995. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. Док. 29. С. 70–73.

¹⁰⁴ Там же. Док. 33. С. 79. Орфография документа.

¹⁰⁵ См.: На приеме у Сталина. С. 273.

¹⁰⁶ *Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943*. Berlin, 2000. Bd. 1. S. 274.

¹⁰⁷ См.: *Случ С. З.* Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940) / Отв. ред. Л. Я. Гибианский. М., 1990. С. 25–26.

¹⁰⁸ См. ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. 78. S. 60.

¹⁰⁹ Wehrmacht-Propaganda — Lagebericht für die Zeit vom 1.–10. September 1939 (ВА-МА. RW 19/1499. Bl. 2–3).

¹¹⁰ Правда. 1939.09.14. С. 1. Эта статья была переведена немцами на 27 языков и распространялась в качестве пропагандистского материала во многих странах

написанная А. А. Ждановым и отредактированная Сталиным¹¹¹, началась с констатации: «Хотя с момента начала военных действий между Германией и Польшей прошел какой-либо десяток дней, уже можно утверждать, что Польша потерпела военный разгром, приведший к потере почти всех ее политических и экономических центров». Отмечая позитивное воздействие откровенно прогерманской позиции СССР в эти первые недели Второй мировой войны на развитие как международной, так и оперативной обстановки, генштабисты ВМФ нацистской Германии приходили к заключению, что из трех дружественных третьему рейху держав — Италии, Японии и СССР — поддержка только со стороны последнего приобретает конкретные формы¹¹².

14 сентября в ходе очередного совещания с военными¹¹³ Сталин принял окончательное решение о сроке нападения на Польшу, о чем тогда же была отправлена директива К. Е. Ворошилова и начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова военным советам Белорусского и Киевского военных округов, первый пункт которой гласил: «К исходу 16 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника»¹¹⁴.

Качественные изменения во внешней политике СССР произошли на рассвете 17 сентября 1939 г., когда советские войска силами Белорусского и Украинского фронтов, насчитывавших свыше 600 тыс.

мира См. Information des fremdsprachlichen Artikeldienstes des Aufklärungs-Ausschusses Hamburg-Bremen (РГВА. Ф. 1257/к. Оп. 1. Д. 1. Л. 42).

¹¹¹ См.: Лебедева Н. С. Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М., 2010. С. 228. Примеч. 30.

¹¹² Kriegstagebuch der Seekriegsleitung 1939–1945. Herford; Bonn, 1988. Teil A. Bd. 1. August/September 1939. S. 64 (запись от 13.09.1939 г.).

¹¹³ См.: На приеме у Сталина. С. 273–274.

¹¹⁴ Катынь. Пленники необъявленной войны [Документы и материалы] / Отв. сост. Н. С. Лебедева и В. Матерский. М., 1997. Док. 3. С. 59; Док. 4. С. 61. Первоначально — под влиянием непроверенной информации о вступлении частей Вермахта в Варшаву — Молотов 9 сентября отправил в Германское посольство телефонограмму с поздравлениями правительству третьего рейха (см.: ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. 35. S. 27). В тот же день в Кремле было принято решение об отдаче директивы на сосредоточение Красной армии на исходных позициях к 11 сентября и о начале наступления в ночь с 12 на 13 сентября, о чем свидетельствуют последующие исправления в тексте директивы, сделанные рукой Б. М. Шапошникова (см.: Катынь. Док. 3. С. 61).

человек, около 5 тыс. орудий и минометов, более 4700 танков, около 3300 самолетов вторглись на территорию Польши¹¹⁵.

В официальном заявлении Молотова по радио 17 сентября содержалось изложение мотивов этого решения советского руководства и распоряжения Главному командованию Красной армии. Правда, последнее было представлено несколько иначе, чем об этом говорилось в упомянутой выше директиве войскам двух фронтов, а именно: «...перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Упомянутая при этом политическая мотивировка сводилась к следующему: во-первых, «события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства. <...> Польское государство и его правительство фактически перестали существовать»; во-вторых, «в силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие»; в-третьих, «советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению»¹¹⁶.

Как выглядят приведенные выше аргументы главы советского правительства с точки зрения существовавшего в то время международного права?

1. Польское государство к 17 сентября 1939 г. не прекратило своего существования: «Государство продолжает существовать в смысле международного права даже тогда, когда оно *временно* не обладает центральной властью, поскольку оно представляемо не только своим центральным правительством, но и *всеми* его органами. <...> Даже захват противником всей его территории (“debellation”) сам по себе не прекращает существования побежденного государства...»¹¹⁷.

2. Существовавшие политические соглашения между СССР и Польшей действительно утратили силу, но только тогда¹¹⁸, когда

¹¹⁵ См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2008. С. 84–85.

¹¹⁶ Речь по радио председателя Совета народных комиссаров тов. В.М. Молотова // Правда. 1939.09.18. С. 1.

¹¹⁷ Федросс А. Международное право / Пер. с нем. М., 1959. С. 232–233.

¹¹⁸ Ю.В. Иванов утверждает, что «17 сентября 1939 г. сложилась ситуация, с существованием которой в международном праве допускается одностороннее аннулирование договоров в силу “коренного изменения обстоятельств”, существовавших при заключении данного договора (оговорка *rebus sic stantibus*). Что и было фактически

СССР, вторгнувшись на территорию суверенного государства, начал военные действия против одной из воюющих сторон — Польши. Политические договоры, заключенные между государствами, становятся недействительными или утрачивают свое действие в следующих случаях: «вследствие прекращения существования одной из договаривающихся сторон» либо если «возникновение войны аннулирует все политические договоры между воюющими государствами»¹¹⁹.

3. Советский Союз не оставался нейтральной стороной между 1 и 17 сентября 1939 г., ибо государство «нарушает свой нейтралитет, если оказывает какую-либо помощь воюющему по каким бы то ни было мотивам»¹²⁰. Прекращение состояния нейтралитета происходит, в частности, в случае, «если нейтральное до того государство вступает в войну против одного из воюющих» по той причине, «что не в интересах нейтрального государства сохранять далее нейтралитет». В подобных случаях имеет место грубое нарушение международного права, потому что «раз нейтралитет фактически и по праву вступил уже в силу, нейтральное государство, на которое как на члена Лиги Наций возложены определенные обязательства, не должно отказываться от них за исключением тех случаев, когда этот отказ не связан с причиной, вызвавшей войну»¹²¹.

4. Международное право подразделяет участников войн на главных и второстепенных, определяя при этом, что «второстепенные участники войны становятся воюющими в силу факта оказания ими помощи главной воюющей стороне...»¹²². Вступление в германо-польскую войну превратило СССР в совоюющую (co-belligerent) Германии державу, уже не только оказывавшую помощь ей (до 17 сентября)

изложено СССР в ноте [польскому послу В. Гжибовскому] от 17 сентября 1939 г.» (Иванов Ю. В. Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 гг. М., 2014. С. 210). При этом он не учитывает, в частности, следующего международно-правового положения, ограничивающего действие этого принципа. На существенное изменение обстоятельств не допускается ссылка, если это изменение «является нарушением этим участником либо обязательства по договору, либо иного международного обязательства, взятого им на себя по отношению к любому другому участнику договора» (Таллалаев А. Н. Право международных договоров. М., 2011. Т. 2. С. 218).

¹¹⁹ Oppenheim L. Op. cit. Vol. I. § 541. P. 851; Vol. II. § 99. P. 245.

¹²⁰ Ibid. Vol. II. § 305. P. 525.

¹²¹ Ibid. Vol. II. § 312. P. 533.

¹²² Ibid. Vol. II. § 77. P. 201.

как одному из главных воюющих участников мирового конфликта, но и обретшую статус собственно воюющей стороны уже в силу характера и масштабов предпринятых ею военных действий.

5. Отсутствие формального объявления войны¹²³, как со стороны СССР, так и со стороны Польши, не меняет существа дела, так как «военные действия нейтрального государства это действия, совершаемые в целях нападения на воюющее [государство]. Они являются актами войны и создают состояние войны между таким нейтральным государством и соответствующим воюющим»¹²⁴.

Перечисленные положения международного права свидетельствуют, что официальное прекращение Советским Союзом состояния нейтралитета в отношении германо-польской войны и вторжение его крупными соединениями на территорию суверенного государства представляло собой несомненный акт войны, агрессии¹²⁵, акт вступления в германо-польскую и тем самым во Вторую мировую войну.

¹²³ Согласно международному праву, к числу действий, противоречащих обязательствам статьи 1-й советско-польского договора о ненападении, был отнесен «всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избеганием всех ее возможных проявлений» (ДВП СССР. Т. XV. Док. 300. С. 437).

¹²⁴ *Oppenheim L.* Op. cit. Vol. II. § 320. P. 546.

¹²⁵ Согласно ст. 2-й Конвенции об определении агрессии, заключенной между СССР и рядом других стран, в том числе Польшей, 3 июля 1933 г., таковой, в частности, квалифицировалось: «Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства». При этом, согласно ст. III Конвенции, «Никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, предусмотренной в статье II» (ДВП СССР. Т. XVI. Док 213. С. 390).

Константин Владимирович Никифоров

Полуторапартийная парламентская система в Сербии

Нам уже доводилось говорить о цикличности новой сербской истории¹. Ее проявление можно увидеть в самых разных аспектах политического, экономического или общественного развития Сербии. Постараемся проследить это еще на одном примере — рассмотрим развитие сербской политической и, в частности, парламентской системы на протяжении XX и в начале XXI в.

Известно, что начало XX в. Сербское королевство встретило и без конституции, и без парламента. Оппозиция была также разогнана. Правда, вскоре король Александр Обренович перешел к разработке новой конституции. Но парламент по новой конституции поработать не успел. В мае 1903 г. сербский князь был убит офицерами-заговорщиками.

На следующее утро после переворота было сформировано временное правительство, которое сразу же созвало распущенную скупщину, а она в свою очередь с небольшими изменениями восстановила конституцию 1888 г. Конституция 1903 г. оказалась последней конституцией Сербии до образования югославского государства. Именно ей уже присягал новый князь — 60-летний Петр Карагеоргиевич. И это время в историографии называют порой «золотым веком» сербской демократии.

Главной политической силой в стране была тесно связанная с именем Николы Пашича Народная радикальная партия. В тот

¹ См.: *Никифоров К.В.* Цикличность новой сербской истории // *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 12–26.

период она раскололась на два течения — «старорадикалов» и «младорадикалов». «Старорадикалы» имели в скупщине доминирующее положение, второе место в ней занимали «младорадикалы», которые в 1904 г. образовали собственную Самостоятельную радикальную партию. Эти два радикальных течения поочередно возглавляли правительства, в том числе и в коалиции друг с другом.

Этим периодом в сербской истории много занимался Андрей Леонидович Шемякин. Он писал, что «отношения большинства и меньшинства в парламенте оставались прежними — большинство как угодно стремилось навязать свою волю, полагая ее единственно верной». И далее: «Политическим гегемоном в стране на протяжении всего предвоенного периода оставалась радикальная партия во главе с бессменным лидером Николой Пашичем. При этом и вождь, и партия мало изменились как в своем “мессианстве”<...>, так и в восприятии демократии, парламентаризма, плюрализма, политической культуры. Они по-прежнему рассматривали демократию как неограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм — как институционализацию такого права, с порога отвергая плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителем интересов всего народа»².

По существу в стране сложилась своего рода *полупартийная политическая система*: «старорадикалы» и «самостальцы» всегда имели голосов намного больше, чем все их соперники вместе взятые. В социально однородном и политически не структурированном сербском обществе избирательная процедура «не только не обеспечивала торжество плюрализма, но напротив — укрепляла политическую монополию одной-единственной партии»³.

Мы не будем далее останавливаться на этом сюжете, который, повторим, досконально изучен А.Л. Шемякиным. Достаточно назвать проект из восьми книг под общим названием «Человек на Балканах», который он инициировал и реализовал совместно с Р. П. Гришиной.

² Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. М., 2016. С. 220, 222.

³ Он же. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 41, 45.

С 1918 по 1991 г. существовала «первая», а затем «вторая» Югославия. Собственно сербский парламентаризм фактически отсутствовал. Тем более что в коммунистический период при однопартийной системе говорить о каком-либо парламентаризме вообще не приходится. Возможно, в тот период единственной попыткой что-то изменить, придать какой-то импульс развитию югославского общества могла стать получившая широкую известность книга главного идеолога страны Э. Карделя «Направление развития политической системы социалистического самоуправления», вышедшая в 1977 г. В работе вводилось новое понятие — «плюрализм» интересов в социалистическом обществе. Однако трудно было говорить о каком-либо плюрализме в однопартийной и авторитарной политической системе. Скорее всего, это вновь был своего рода отвлекающий маневр, попытка что-то изменить, ничего не меняя. В любом случае идеи, изложенные в статье Карделя, не получили никакого развития. Сам он вскоре умер, а через два года после него, в 1980 г. умер и Й. Броз-Тито.

Собственно сербская история фактически возобновилась только после распада Югославии в 1991 г., когда на развалинах титовской Югославии на пятнадцать лет возник союз двух исторических сербских государств — сербско-черногорская «третья» Югославия⁴. Именно тогда после краха коммунистического монополизма Сербия вновь вернулась к многопартийности. Причем коммунистические власти до последнего момента боролись с ее введением. Лидер сербских коммунистов Слободан Милошевич, его супруга Мира Маркович и новый идеолог режима философ-марксист Михайло Маркович развивали, в частности, идею о «демократическом беспартийном плюрализме». Якобы для Сербии это было бы предпочтительнее многопартийности. Были сильны еще прежние догмы о «непосредственной демократии» в форме самоуправления, которая якобы всегда предпочтительнее представительной.

⁴ Исторически это было именно так. Неслучайно, например, второй том трехтомника «История сербской государственности», написанный Р. Люшичем, называется «Сербия и Черногория — сербские государства в новое время» (См.: *Љушић Р. Историја српске државности*. Нови Сад, 2001. Књ. 2. Србија и Црна Гора — нововековне српске државе). В то же время нельзя не отметить, что руководство Черногории проводит курс на полное обособление от Сербии и не только создание независимого государства, но и черногорской нации и даже черногорского языка.

Как справедливо отметил П. Кандель, когда-то совсем не случайно югославский ««антисталинистский социализм»» определился в пользу «непосредственной демократии». Большинство авторитарных и тоталитарных режимов, люто враждуя с демократией представительной, проявляют понятную склонность к демократии непосредственной, где возможности манипуляции массами гораздо шире. По этим причинам самоуправление неизбежно принимало псевдodemократические формы»⁵.

Но нельзя было остановить неизбежное. Многопартийность стала реальностью и в Сербии. Правда, к ее появлению и новые партии, и население оказались плохо подготовленными. Хотя в республике существовало представление о якобы хороших предпосылках для обновления парламентаризма, основанное на традициях начала XX в. — том самом «золотом веке» сербской демократии⁶. Но в данном случае традиции играли скорее отрицательную роль. О явной переоценке демократических институтов и политической культуры сербского «золотого века» много и убедительно писал А. Л. Шемякин.

На первых многопартийных выборах лидеры Сербии и Черногории сохранили свою власть. В апреле 1992 г. скупщины этих республик приняли конституцию нового государства — Союзной Республики Югославии (СРЮ). В соответствии с этой конституцией Югославия объявлялась плюралистическим государством, базирующимся на парламентской демократии, законах, социальной справедливости, правах человека, свободной рыночной экономике, свободе деятельности и равноправности всех ее граждан.

Однако, как часто бывает, конституционные положения представляли собой благие пожелания. В реальной жизни возник режим личной власти председателя Социалистической партии С. Милошевича. Правда, личная власть президента Сербии сочеталась все же с элементами парламентаризма. По сравнению с коммунистическим временем это был несомненный шаг вперед — по крайней мере, возникла многопартийность. Но до настоящей демократии было еще далеко.

⁵ Кандель П. Югославский «Вавилон» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 103.

⁶ Николић К. Једна изгубљена историја — Србија у 20 веку. Београд, 2016. С. 233–234.

В историографии существуют разные мнения по поводу милошевичевского режима. Так, Д. Стоянчевич назвала его «постмодерным тоталитаризмом», когда государство разрешает своим гражданам все, что не угрожает самой власти. Это, по ее словам, была «своего рода разновидность политического апартеида, когда две противостоявшие стороны, власть и ее противник, жили рядом друг с другом, но без взаимных коммуникаций и без возможности влияния друг на друга»⁷. Соглашаясь в целом с наблюдениями сербской исследовательницы, отметим, что режим Милошевича был все-таки авторитарным, но никак не тоталитарным (пусть даже с добавлением определения «постмодерный»). Он являлся даже менее авторитарным, чем «самоуправленческий» режим Тито, который также следует квалифицировать авторитарным, а не тоталитарным. Особенно это верно для более позднего периода и особенно — после реформ 1960-х годов.

В данном случае мы скорее согласимся с позицией сербского историка В. Цветковича, назвавшего режим Милошевича «мягким авторитаризмом», приправленным, с одной стороны, примесями посткоммунистической криминальной «братковой» системы, а с другой стороны — цинизмом «международного сообщества и его глуповатоподлыми санкциями»⁸.

В целом в политической жизни Сербии в 1990-х годах были в основном представлены три политических течения с различными переходными формами: социалистическое, демократическое и националистическое. В то же время большинство голосов в союзной скупщине в течение всего милошевичевского десятилетия неизменно имела Социалистическая партия Сербии. В борьбе за власть она периодически блокировалась с другими политическими силами, представлявшими все оттенки политического спектра — чаще всего с Радикальной партией В. Шешеля и небольшими партиями, включая Югославских левых, которых возглавляла Мира Маркович. Такая система фактически тоже была полуторапартийной — по аналогии с ситуацией, сложившейся в Сербии в начале XX в.

Понятно, что единицей всегда была Социалистическая партия. Оставшаяся половинка приходилась на оппозицию. Она, пытаясь

⁷ Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној и историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2009. С. 145–146.

⁸ Цветкович В. Н. Снова в начале // Сербия о себе. М., 2005. С. 310.

увеличить свою силу, также формировала коалиции, самыми значительными из которых были: Демократическое движение Сербии — ДЕПОС (1992 г.), объединение «Вместе» (1996 г.) и Демократическая оппозиция Сербии — ДОС (2000 г.).

Поскольку полуторاپартийный парламент не мог отражать в 1990-е годы всю политическую палитру Сербии, не менее важные события происходили на улице. Поэтому история Сербии в указанное десятилетие — это в известном смысле и «хроника уличных демонстраций»⁹. Первый 50-тысячный митинг сербской оппозиции прошел в июне 1990 г., еще до многопартийных выборов, последний — в октябре 2000 г., когда оппозиция пришла, наконец, к власти.

Милошевич пытался оспорить фактически проигранные им в 2000 г. президентские выборы, но был лишен власти вышедшим из повиновения населением. Президентом Югославии стал В. Коштуница. Места поменялись. К власти пришла Демократическая оппозиция Сербии (ДОС) — блок небольших партий преимущественно демократической направленности, а в новой оппозиции оказались социалисты и радикальные националисты. Однако нельзя сказать, что парламентаризм в Сербии и после этого приобрел совершенно иной вид.

Вновь речь пошла о закреплении монополии той или иной политической силы или партии, находившейся у власти. В данном случае правящей партией становилась Демократическая партия во главе с премьер-министром З. Джинджичем. Как точно подметил В. Коштуница: «Республиканская конституция 1990 г. была конституцией Соцпартии Сербии, федеральная конституция 1992 г. была конституцией Соцпартии Сербии и Демократической партии социалистов Черногории. Новая республиканская конституция (которая в те годы разрабатывалась в Сербии. — *К. Н.*) грозит стать конституцией ДОСа»¹⁰. По словам того же В. Коштуницы, внутри ДОСа «все подчинено интересам одной Демократической партии, а сам ДОС — современный вариант Народного фронта, в котором подобным же образом доминировала КПЮ»¹¹.

⁹ *Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih.* Beograd, 2002. S. 295, 423; см. также: *Кремттон Р. Џ.* Балкан после другог светског рата. Београд, 2003. С. 378–384; *Павловић С. К.* Србија историја иза имена. Београд, 2004. С. 250–251, 257–258, 263–269.

¹⁰ *Петровская Ю.* Интервью с В. Коштуницей: «Влияние России на Балканах ослабевает» // «Независимая газета». 2003. 22 IV.

¹¹ Власт замагљује атентат // «Вечерње новости». 2003. 17 V.

Подобная тенденция никуда не исчезла и в наши дни. Более того стала заметна еще отчетливее. После раскола Сербской радикальной партии ряд ее лидеров, прежде всего Т. Николич и А. Вучич, основали новую партию — Сербскую напредняцкую (прогрессивную) партию (СНП). Прогрессисты, возглавив коалицию «Сдвинем Серию», стали победителями на выборах в скупщину в 2012 г. Вместе с социалистами они получили большинство в парламенте, а Т. Николич победил на выборах президента страны. Внеочередные выборы в марте 2014 г. вообще стали своеобразным рубежом в политической жизни Сербии. Они завершились убедительной победой СНП, которая получила около 50 % голосов избирателей и 156 депутатских кресел в 250-местном парламенте. Впервые после введения многопартийности одна партия получила исключительное право сформировать правительство. Правда, прогрессисты не решились на создание однопартийного правительства, вновь пригласив в коалицию Социалистическую партию Сербии. Как и предполагалось, кабинет возглавил А. Вучич, а лидер социалистов И. Дачич стал первым вице-премьером и министром иностранных дел.

В апреле 2017 г. в Сербии состоялись очередные президентские выборы. Действующий президент Т. Николич был вынужден отказаться баллотироваться на второй пятилетний срок, поскольку прогрессисты выдвинули на пост президента лидера партии Александра Вучича. Он победил уже в первом туре, набрав более 55 % голосов избирателей. Одновременно выборы показали, что на сегодняшний день реальной оппозиции у прогрессивной партии фактически нет. Вновь в стране сложилась фактически полуторапартийная система, когда единица — это всегда СНП, а на всех остальных приходится всего лишь половинка.

После выборов А. Вучич явно усилил свои позиции, подтвердив, что является в Сербии главным действующим лицом. И не столь уж важно, какой пост он занимает — премьер-министра или президента. И не столь важно, что по конституции Сербия — парламентская республика. В Сербии политика по-прежнему во многом персонифицирована, и важно кто именно занимает тот или иной пост. Такое уже было в прошлом, когда, например, президент Л. Тадич явно доминировал в сербской политике при «техническом» премьер-министре М. Цветковиче.

Подобная ситуация позволила некоторым специалистам назвать сложившуюся сербскую политическую систему полупрезидентской

или даже «лжеполупрезидентской», поскольку президент страны все-таки избирается всенародно, а не парламентом. Звучат даже предложения изменить конституцию так, чтобы политическая система стала либо президентской («реально полупрезидентской»), либо чисто парламентской¹². Впрочем, одними институциональными изменениями здесь не обойтись. Нужны изменения в политической культуре, на которые требуется гораздо больше времени.

После объявления результатов выборов в Белграде и других крупных городах прошли масштабные митинги протеста против возможных фальсификаций. Наиболее активно в них участвовала молодежь. В декабре 2018 г. в Белграде вновь прошли тысячные митинги протеста против правящей прогрессивной партии. При отсутствии сильной оппозиции в парламенте протестная активность неминуемо перемещается на улицу. Так было и при С. Милошевиче, когда, как уже говорилось выше, Сербию также периодически потрясали митинги и шествия оппозиции.

Эту тенденцию подтвердили парламентские выборы 2020 г. Рейтинг одобрения действий А. Вучича с тех пор, когда он стал президентом, несомненно, снизился, но он все еще остается самым популярным политиком в стране, а его партия имеет 190 депутатских мандатов в 250-местном парламенте. При таком раскладе меньшинство в парламенте не имеет никакой возможности влиять на принятие решений.

Сходство политической системы при Милошевиче и Вучиче замечены не только нами. В частности, по мнению сербского историка Ч. Антича, «в отличие от популярности Тадича и Коштуницы популярность Вучича не имеет сильного противовеса. Учитывая политическое прошлое Вучича и тот факт, что СНП не имеет парламентской оппозиции справа, его положение в очень большой степени напоминает ситуацию с Милошевичем в 1988 и 1989 г.»¹³.

Как известно, политические системы бывают однопартийными, двухпартийными и многопартийными. Казалось бы, многопартийность предпочтительнее. Однако многопартийность может принимать разные формы, в том числе с абсолютным доминированием

¹² *Јовановић Мил.* У потрази за снажном државом — или како излечити институционалну импотентност «Петооктобарске републике» // *Ка српском становишту*. Београд, 2014. С. 101–103.

¹³ *Антић Ч.* Српска историја. Београд, 1915. С. 354–355.

одной партии. Тогда такая система превращается в полторапартийную, что противоречит самой сути многопартийности с ее плюрализмом и политической конкуренцией.

Подобная ситуация встречается, конечно, не только в Сербии. В политологии есть даже определение — «электоральный авторитаризм». Его разновидностью является «конкурентный авторитаризм», когда есть многопартийность, выборы и даже оппозиция, представленная в парламенте. Но равного доступа к политическому полю нет. Дальнейшее развитие в эту сторону — система партийной гегемонии, где выборы окончательно превращаются в фарс. «Такие выборы сравнимы с забегом, — отметил политолог М. Пожарский, — где у всех бегунов, кроме единственного, подрезаны сухожилия на ногах. Соревнование есть? Есть. Победитель есть? Есть. Но есть и нюанс»¹⁴.

«Настоящую демократию, — продолжил он, — отличает не то, сколько людей поддерживает верховного правителя. А то, насколько представлены те, кто его НЕ поддерживает. Мерилом является независимость политических институтов — парламента, судов и т.д., которые могут быть в оппозиции. В авторитарных странах их уничтожают первым делом. Причем ссылаясь на то, что вся эта мишура мешает президенту (или партии) напрямую исполнять волю народа»¹⁵.

В целом значительного прогресса в развитии парламентаризма в Сербии в XX и начале XXI в. не наблюдается. Даже в свои лучшие годы такой важнейший политический институт государства функционировал преимущественно как обрамление для своего рода полторапартийной политической системы или системы конкурентного авторитаризма. Власть — персонифицирована, и верховный правитель не подотчетен парламенту. И если при однопартийной системе парламентаризм в принципе невозможен, то и при полторапартийной — он функционирует далеко не лучшим образом. Выборы есть, а реальная демократия отсутствует. Причем парламентаризм до сих пор зачастую понимается преимущественно как неограниченная власть большинства. Права политического или какого-либо иного меньшинства, как правило, не учитываются.

¹⁴ Пожарский М. Электоральная автократия и популизм // Блог Михаила Пожарского. URL: <https://www.facebook.com/michael.pojarsky/posts/217646167907810> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁵ Там же.

Анатолий Семенович Аникеев

Балканы и Средиземноморье в послевоенной политике СССР. 1944–1954 гг.¹

Огромный вклад Советского Союза в общую победу антигитлеровской коалиции заставил западных союзников включить сталинскую империю в контекст мировой политики, но на условиях совместного демократического преобразования освобожденных от фашизма стран. Советское руководство вынужденно было принять условия западных держав и на словах отказаться от установления коммунистических режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые освободила Красная армия. В то же время Сталин, верный большевистской тактике, предполагавшей движение к конечной цели с опорой на дезориентацию и простой обман своих «капиталистических» союзников-врагов, приступил к коммунизации, а затем и советизации в первую очередь таких стран, как Польша, Румыния и Болгария, в которых оказались наиболее благоприятные для этого условия. Подобная политика сталинского руководства, как представляется, стала одним из основных факторов возникновения «холодной войны».

Советская политика в Восточном Средиземноморье после Второй мировой войны в главных направлениях явилась продолжением линии, которую проводила в этом регионе еще императорская Россия. Главной задачей царской дипломатии было обеспечить возможность свободы Проливов. Уже в конце XIX в. экспансию

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18–09–00573 «Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны Советского блока, 1950–1960-е гг.».

России на Балканах и войны с Турцией можно было объяснить не только желанием защитить братьев-славян, освободить их от османского ига, но и геополитическими соображениями, стремлением закрепиться в этом стратегически важном регионе. Движение на юг императорский Петербург должен был в то время постоянно, так или иначе, согласовывать с Лондоном, Парижем и Веной. В начале последней русско-турецкой войны, весной 1878 г., отвечая на британскую ноту, канцлер А. М. Горчаков давал успокоительные заверения относительно Суэцкого канала, Египта, зоны Персидского залива и путей в Индию, что беспокоило англичан. Его ответ содержал два важных момента. Он указывал, что у России нет планов захвата Константинополя, а что касается режима Черноморских проливов, то канцлер подчеркивал необходимость урегулирования этой проблемы на «справедливых и действительно гарантированных началах», для «сохранения мира и всеобщего спокойствия»². По Берлинскому трактату России не дали возможность приступить к обсуждению этого вопроса, и в 1885 г. император Александр III в разговоре с начальником генерального штаба Н. Н. Обручевым озвучил свою мечту, сказав ему: «Существует одна главная цель — овладение Константинополем, чтобы раз и навсегда утвердиться в Проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках»³.

После революции 1917 г. к геополитике добавилась революционная составляющая. Это относится и к советской политике в отношении Турции, финансовой поддержке революции К. Ататюрка, готовности поддержать антиправительственные выступления болгарской компартии осенью 1923 г.⁴. Правда, сама Советская Россия, обессиленная после большевистского переворота и гражданской войны, изолированная на международной арене и делавшая ставку в 1920-е гг. на мировую революцию проводить реальную политику по защите своих интересов в регионе была неспособна. Как представляется, именно в этот период в Москве оформилась установка на использование местных компартий в качестве революционного

² Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010. С. 396–397.

³ Там же. С. 428–429.

⁴ Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 22.

катализатора в надежде на следующем этапе использовать эти страны уже в интересах большевистской России.

Вторая мировая война и нападение гитлеровской Германии на СССР стали отправными моментами в движении советского государства на мировую арену. Правда, уже после подписания соглашения с Германией в августе 1939 г. Москва стала одной из участниц раздела Европы на зоны влияния, оккупировав восточную часть Польши, получила у Румынии Бессарабию и рассчитывала на другие приобретения вдоль своих границ⁵. Главной причиной, которая позволила возглавляемой Сталиным стране войти в круг великих держав, стало участие СССР в антигитлеровской коалиции. Великобритания стала первой из союзников, кому советское руководство изложило свои внешнеполитические приоритеты в послевоенной Европе, одобрение которых могло рассматриваться Сталиным как своего рода вознаграждение за вступление в совместную борьбу с Гитлером и его сателлитами.

Уже в декабре 1941 г., во время визита Энтони Идена в Москву и его переговоров с В. М. Молотовым, впервые были поставлены вопросы послевоенного устройства в Европе. Вопрос, который беспокоил Сталина и который он несколько раз поднимал в ходе разговора, а Иден пытался от ответа на него уклониться, был связан с признанием Великобританией, а затем и другими союзниками, западных границ СССР. Обсуждая идею советской «сферы безопасности», Кремль в качестве варианта предложил включить в нее «Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию»⁶. По сути, за исключением нескольких стран, были обозначены внешнеполитические приоритеты дореволюционной России, в том числе и в средиземноморском бассейне. Британский министр иностранных дел в беседе со Сталиным предложил для обсуждения вопрос и о возможном создании федераций малых стран Европы, отметив при этом, что советский лидер ранее положительно высказывался на эту тему. Иден указал на желательность

⁵ *Смирнова Н. Д.* Сталин и Балканы в 1948 г. Проблемы национальной безопасности СССР // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 36–37.

⁶ *Филитов А. М.* Европа в советских планах послевоенного устройства // История европейской интеграции (1945–1994). М., 1995. С. 17–18.

создания таких объединений на Балканах, что позволило бы странам этого региона успешнее сохранять свою экономическую и политическую независимость. Он также поставил вопрос о возможности привлечения Турции в антигитлеровскую коалицию. Ответ, который он услышал от Сталина, позволяет предположить, что кремлевское руководство уже обсуждало в деталях планы послевоенного переустройства в Восточном Средиземноморье. По мнению Сталина, лучшим способом для решения этой проблемы могло бы быть обещание Турции Додеканезских островов. При этом для достижения результата, в чем Иден усомнился, ссылаясь на позицию греков, он предлагал предложить и грекам, и туркам произвести обмен островами⁷.

Спустя год англичане вновь затронули вопрос о федерациях. В конце декабря 1942 г. британский посол в Москве С. Криппс в разговоре с советским полпредом в Англии И. М. Майским также коснулся проблемы послевоенного политического устройства Балкан. По его мнению, страны этого региона, в первую очередь Югославия, Албания, Греция и Болгария, будут иметь перспективу развития, только объединившись в федерацию. При этом он выразил твердое убеждение в том, что отказ от такого федеративного объединения и «предоставление этих стран самим себе чревато взаимной резней». Поэтому, на его взгляд, после войны в течение определенного периода Балканы должны находиться под совместным «покровительством» СССР и Англии⁸.

Разгром фашистских армий под Сталинградом зимой 1943 г. поставил указанную задачу в плоскость детальной разработки конкретных планов советской послевоенной политики. В июне 1943 г. было принято секретное постановление, предусматривавшее расширение зарубежной деятельности советской разведки. В полном объеме о его содержании знали только Сталин и Молотов. В документе основное внимание советских спецслужб направлялось не только на деятельность против Германии, Италии, Японии и оккупированных ими стран, но подчеркивалась необходимость усиления разведывательной работы в Англии, США и Турции. Тем самым два главных

⁷ Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы и комментарии 1941–1942. М., 1997. С. 20, 25.

⁸ Филитов А. М. Европа в советских планах... С. 20.

союзника СССР были тайно отнесены Сталиным к разряду военно-политических конкурентов⁹.

В сентябре 1943 г. в Наркомате иностранных дел были созданы специальные комиссии, в задачу которых входила подготовка рекомендаций по вопросам перемирия (комиссия К. Ворошилова, в которую входили в основном военные), репараций (комиссия И. М. Майского) и мирных договоров и послевоенного устройства (комиссия М. М. Литвинова). Работа двух последних комиссий была в разной степени связана с проблематикой послевоенного мирного урегулирования в Европе. 11 января 1944 г. Майский представил Молотову подробный документ с изложением советских целей войны. Как считал Майский, основным условием, которое позволит исключить в будущем возможность возникновения войны в Европе, должно будет стать превращение большей части континента в социалистическую. Он предполагал, что этого удастся достичь в течение 30–50 лет. Для достижения этой основной цели Советский Союз должен был выйти из войны с выгодными стратегическими границами. Речь шла о границах 1941 г. с определенными поправками. Помимо этого, предлагалось заключение договоров между СССР, с одной стороны, и Финляндией и Румынией, с другой, по которым Москве была бы предоставлена возможность иметь на территории этих стран необходимое количество военно-воздушных и морских баз. Советскому Союзу также должно было быть гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу. Эта записка содержала и размышления о наиболее выгодной для СССР расстановке сил в послевоенной Европе. Говорилось о советской заинтересованности в создании «во вражеских и ныне оккупированных странах» государственного строя на основе «принципов широкой демократии в духе идей народного фронта». В ряде западноевропейских стран, как считал И. М. Майский, эти вопросы могли бы быть решены «без какого-либо давления со стороны», но в таких странах, как Германия, Япония, Венгрия, Румыния, Финляндия, Болгария, Польша, Югославия, Греция и Албания, «для создания настоящих демократических режимов придется пустить в ход различные меры вмешательства извне, то есть, в том числе со стороны

⁹ Лельчук В. С. Сталин и холодная война (начало атомного противостояния) // Советское общество: будни холодной войны. М.; Арзамас, 2000. С. 10.

СССР, США и Англии»¹⁰. Известно, что в Москве в те годы достаточно наивно полагали, что в послевоенный период по геополитическим причинам возникнет напряженность в отношениях между США и Великобританией, что приведет к сближению англичан и русских, поскольку основная борьба «будет борьбой с США». Майский писал, что, по его мнению, после войны СССР будет заинтересован в сохранении Англии как могущественной державы, в наличии у нее сильного морского флота, «ибо такая Англия может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США»¹¹. На заседании другой комиссии, возглавляемой М. Литвиновым, состоявшейся 28 апреля 1944 г., обсуждалась подготовленная им записка под названием «Международная организация безопасности», которая вызвала комментарии в том же духе, что и размышления Майского. Член комиссии С. А. Лозовский (в нее также входили Д. З. Мануильский, Б. Е. Штейн, Я. З. Суриц, Г. Ф. Саксин), пытаясь определить приоритеты послевоенной советской политики, сказал, что «политическая задача нашей будущей внешней политики будет заключаться в том, чтобы не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза»¹².

15 ноября 1944 г. в документе, поданном М. Литвиновым В. Молотову, под названием «Записка о перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» был затронут вопрос о разделе между СССР и Великобританией сфер влияния (сфер безопасности) в Европе. В состав советской сферы, как это уже было обозначено во время переговоров Сталина и Молотова с Иденом в декабре 1941 г., должны были войти страны вдоль его западной границы, с севера до юга: Финляндия, Швеция, Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, славянские страны Балкан и Турция. В британскую сферу — Германия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция. Как было видно, стратегические интересы Москвы в южных районах по-прежнему распространялись на Балканы и Турцию. Греция традиционно оставалась в британской зоне. В записке была обозначена

¹⁰ *Филитов А. М.* В комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 56–57.

¹¹ Там же. С. 58.

¹² *Чубарьян А. О.* Советское руководство и некоторые вопросы европейской интеграции в начале 50-х годов // История европейской интеграции. 1945–1954. М., 1995. С. 114.

и третья, нейтральная сфера. В нее предлагалось включить Норвегию, Данию, Германию (после войны ее предполагалось разделить), Австрию и Италию. С этими странами Москва и Лондон должны были сотрудничать на одинаковых основаниях при постоянных взаимных консультациях.

В отношении же государств, входящих в советскую сферу безопасности, Литвинов предлагал заключить договор, по которому Англия должна была взять на себя обязательство не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать, как говорилось в записке, «против нашей воли какие-либо соглашения со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой, не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных». В записке подчеркивалось, что такие же «обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности, за исключением Франции, которой должно быть предоставлено право присоединиться к антигерманскому англо-русскому договору»¹³. М. Литвинов предполагал, что в отношении Норвегии, Югославии и Турции, англичане могут занять отрицательную позицию, пожелав включить их в свою сферу, несмотря на то, что, «во всяком случае, Норвегия и Турция географически ближе к СССР, чем к Англии». Вероятно, не сомневаясь в том, что страны, входящие в советскую сферу через какое-то время «выберут» с помощью Москвы социалистический путь развития, советский дипломат высказывал опасение, что Великобритания сможет «настаивать на гарантиях в отношении внутреннего режима и независимости» этих стран. Интересными представляются рассуждения Литвинова относительно планов разделения сфер безопасности на Балканах и в прилегающем к ним бассейне Адриатического и Эгейского морей. Он писал: «Можно полагать, что поставленная перед лицом фактов, Англия примирится с разделом сфер влияния на Балканах. Закрепив за собой контроль над Средиземноморским побережьем Балканского полуострова, т.е. включив в зону своего влияния Грецию, а если возможно и Югославию (всего месяц назад она была поделена Сталиным и Черчиллем поровну), Англия, вероятно, не откажется признать преобладающее советское влияние СССР в Румынии и Болгарии, стремясь лишь к тому, чтобы никому не уступить контроль над выходом из Балкан в Эгейское и Адриатическое

¹³ Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела... С. 59–60.

моря. С этой целью она будет, вероятно, противиться предоставлению Болгарии выхода к Эгейскому морю и будет добиваться включения в свою сферу влияния Албании, непосредственно или путем присоединения ее к Греции»¹⁴.

Албанской проблеме позднее, в феврале 1945 г., была посвящена часть справки, подготовленной одним из членов комиссии Литвинова Сурицем, в которой была сделана попытка рассмотреть ее с разных позиций. В документе отмечалось, что интерес СССР к Албании в первую очередь вызывается заинтересованностью в создании сильной федеративной Югославии и установлении прочной дружбы между всеми балканскими народами на Балканах. По мнению автора справки, с этой точки зрения «наиболее выгодным для нас решением албанской проблемы возможно было бы разделение Албании между югославской федерацией и Грецией, примерно по линии Корча — Тирана — Дураццо с тем, чтобы Греция взамен за такое приращение отказалась бы в пользу Болгарии от западной Фракии, и тем самым Болгарии был бы предоставлен свободный выход к Эгейскому морю». Рассуждая далее о возможности реализации этого плана, автор записки, приводя различные аргументы, приходил к выводу, что ни Англия, ни тем более США не дадут своего согласия. Поэтому, как считал Я. Суриц, наиболее реальным был бы вариант восстановления самостоятельной Албании примерно в границах 1913 г. с возможным их изменением в пользу Югославии на севере и Греции на юге. Он попытался также исследовать и перспективу установления протектората США, Англии и СССР над Албанией и пришел к выводу, что такое решение албанской проблемы открывало бы «для нас (для СССР. — А.А.) возможность контролировать этот важный участок Адриатики и предоставило бы СССР больше выгоды», но, вероятно, именно по этой причине, как ему представлялось, вариант не получил бы поддержки со стороны «наших партнеров»¹⁵.

Внешнеполитические планы, разрабатываемые в Москве на завершающем этапе войны, несомненно, служили определенными ориентирами для кремлевского руководства, но установить какие из проектов комиссий, полностью или частично, легли в основу реальной

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 6. Д. 2. П. 1. Л. 26–27.

политики СССР в отношении той или иной страны достаточно сложно. Помочь может, на мой взгляд, только сопоставление материалов, разработанных в комиссиях с внешнеполитическими действиями советского правительства, а также новые документы из архивов. Вместе с тем, подход авторов к анализу проблем восстановления послевоенной Европы, уточнению места, которое займет в ней Советский Союз, сама стилистика рассмотренных выше записок заставляет предположить, что их авторы хорошо представляли направление мыслей кремлевского руководства и знали о том, на какой понятийный аппарат нужно при этом опираться.

Италия как недавний союзник гитлеровской Германии также занимала свое место в советских внешнеполитических планах. По мнению И. Майского, которое он высказал в направленной в январе 1944 г. В. Молотову записке «О желательных основах будущего мира», «Италия никогда не была и не будет серьезной угрозой для европейского мира. Необходимо гарантировать целостность ее европейских владений, включая Сицилию и Сардинию, но исключить все ее прежние владения на Балканах». «Африканские владения Италии должны быть полностью ликвидированы. СССР тут не должен будет играть какой-либо активной роли. Ему достаточно будет лишь не мешать Англии и США распорядиться бывшими африканскими владениями Италии по своему усмотрению»¹⁶. Спустя год в «политическом письме» советского посла в Италии М. А. Костылева «Наша линия поведения в отношении Италии», направленном Молотову 6 января 1945 г., ряд моментов советской политики был обозначен более четко. В частности, предлагалось поддержать возможные требования Югославии, с коммунистическим руководством которой у СССР к тому времени уже складывались особые отношения, о передаче ей входящих в состав Италии провинций Истрия, Гориция, Градиска и прилегающих островов, населенных словенцами.

Вопрос о Додеканезских островах, как указывал посол, «нам придется решить, по-видимому, в пользу Греции, постаравшись получить от Греции какую-либо компенсацию за исключительное для нее решение этого вопроса». По его мнению, следовало также положительно

¹⁶ «Наша линия поведения в отношении Италии». Документ из досье В. М. Молотова. Публикация Н. Д. Смирновой // Россия и Италия. XX век. М., 1998. Вып. 3. С. 276–277.

отнестись к возможному требованию Албании в отношении занимающего стратегическую позицию итальянского острова Сасено. Его «при всех обстоятельствах выгоднее иметь в руках маленькой Албании, чем в руках Италии. Особенно в этом заинтересована Югославия»¹⁷.

Советский посол затронул проблему возможных претензий Англии на ряд «важных для нее в стратегическом отношении» мелких островов, принадлежащих Италии и расположенных у ее южных берегов. «Менее вероятно», писал Костылев, «что англичане будут претендовать на отторжение от Италии группы Эгейских островов. Нам невыгодно усиление английских позиций в Средиземном море, и мы должны всячески препятствовать реализации подобных претензий Англии»¹⁸. Касаясь возможных попыток Франции ликвидировать все привилегии, которыми обладали в Тунисе проживавшие там 90 тыс. итальянцев, он советовал в эту проблему не вмешиваться. В отношении итальянских колоний он рекомендовал проводить курс на поддержку образования там независимых, самостоятельных государств, одновременно обеспечив, чтобы в этих государствах не было контроля какой-либо одной страны. Как считал посол, Москва должна была обратить внимание и на пятипроцентную итальянскую долю в акциях Суэцкого канала. «Нам надо глубоко изучить вопрос об этом пакете», указывал советский дипломат, «в особенности о том, в чьих руках находится этот пакет сейчас, и выяснить условия, на каких этот пакет может быть нам уступлен. Нам надо не допустить, как оставления этого пакета в руках итальянцев, так и передачи его кому-либо помимо нас». Размышления Костылева о перспективах советской политики по отношению к Италии охватывали почти все Средиземноморье — от Суэцкого канала до Испании. Так, говоря об италяно-испанских отношениях, он советовал способствовать тому, чтобы Италия «разорвала дипломатические отношения с франкистской Испанией». По его мнению, такая акция «будет активизировать демократизацию Испании и будет весьма положительно воспринята в демократических кругах Италии»¹⁹.

В конце июня 1945 г., накануне открытия Потсдамской конференции, Литвинов направил Молотову две записки, в которых были

¹⁷ Там же. С. 279–281.

¹⁸ Там же. С. 281.

¹⁹ Там же. С. 282.

дополнительно обозначены контуры возможной средиземноморской политики Советского Союза. В центре внимания вновь оказались черноморские проливы и острова, относящиеся к юрисдикции Италии. В первой записке, озаглавленной «К получению подопечных территорий», ценность той или территории определялась ее близостью к проливам, позволявшим путем создания там опорных пунктов получить беспрепятственный выход в Средиземное море, а затем совершить прорыв в мировой океан. Теперь вопрос о принадлежности Додеканезских островов, находящихся ближе всего к проливам, приобрел для Москвы, рассматривающей их с геостратегических позиций, особое значение. Их уже не предполагалось сделать предметом обмена между Турцией и Грецией, или отдать грекам, как было еще год назад, но рекомендовалось получить хотя бы некоторые из них, поскольку, по мнению Литвинова, «они имеют для СССР наибольшее значение»²⁰. Несмотря на то, что эти принадлежащие Италии острова не являлись колониями, Литвинов считал возможным применить к ним систему опеки, предусмотренную уставом Объединенных Наций. Он рекомендовал выдвинуть это предложение при обсуждении границ Греции, Югославии и Болгарии, поскольку, несомненно, будет предложено передать эти острова Греции, и тогда можно будет выдвинуть «любые предложения касательно этих островов».

Палестина, с находящимся в ней портом Хайфа, также рассматривалась как «чрезвычайно желательная для опеки» территория, причем Литвинов понимал, что практическая реализация этого замысла вряд ли возможна, поскольку Англия будет отстаивать свое право на мандат в Палестине, «несмотря на большие заботы, причиняемые ей там арабами и евреями». «Подходящим объектом», на который также следовало, по мнению Литвинова, обратить внимание была итальянская колония Ливия, обладая которой «мы могли бы», как писал он, «стать твердой ногой в бассейне Средиземного моря». Эритрея и итальянское Сомали представляли интерес «как промежуточные базы между Черным морем и Дальним Востоком, а также как средство влияния на близлежащие арабские страны и Абиссинию»²¹. В исторической части, приложенной ко второй записке, указывалось,

²⁰ Мазов С.В. СССР и судьба бывших итальянских колоний (1945–1950) // Россия и Италия. XX век. М., 1998. Вып. 3. С. 212.

²¹ Там же. С. 213.

что «царское правительство делало попытки к овладению опорными пунктами на побережье Красного моря». Советские же претензии на итальянские колонии Литвинов предлагал мотивировать тем, что Красной армии принадлежит решающая роль в победоносном завершении войны, и это должно быть учтено при решении судьбы этих территорий, так как она «отвлекла значительную часть итальянских и германских дивизий на своем фронте, которые могли бы, в ином случае, прийти на помощь итальянцам в данных районах Средиземноморья». Литвинов писал, что «предпосылкой получения и удержания нами любых из перечисленных объектов представляется наш контроль над Проливами и свободный выход нашего максимально усиленного флота из Черного моря»²².

Анализ ситуации в Средиземноморье и рекомендуемые Литвиновым действия советской дипломатии для достижения поставленных целей строились, как почти во всех записках его комиссии и материалах комиссии Майского, на расчетах противопоставить интересы Англии и США. Он признавал, что реализация почти всех планов, скорее всего, будет наталкиваться на сопротивление англичан, которые, как он справедливо отмечал, не захотят делиться с СССР территориями итальянских колоний, находящимися в настоящее время в их руках. Для преодоления этого препятствия он предлагал заручиться поддержкой американцев, которые, как он полагал, не захотят поощрять усиление Англии, в частности, в Средиземном и Красном морях и в Индийском океане. Исходя из этих предположений, построенных на неверной интерпретации будущих отношений между США и Великобританией, Литвинов полагал, что «наше появление в Северной или Восточной Африке» будет скорее поощряться, а не тормозиться со стороны США «как средство ослабления Англии»²³.

Борьба советской дипломатии за возможность получить хотя бы какую-то часть «итальянского наследия» развернулась на I-й сессии СМВД (Совет министров иностранных дел) осенью 1945 г. Вопреки рекомендациям Литвинова, который ранее предложил обозначить интерес Москвы на восточную часть Ливии, Киренаику, в случае невозможности получить всю колонию, присутствовавший на Совете Молотов заявил о готовности СССР взять под опеку западную часть,

²² Там же. С. 214.

²³ Там же. С. 215.

Триполитанию, где находилась построенная еще итальянцами военно-морская и воздушная база в Триполи. Интересной была аргументация англичан, выдержанная вполне в духе прежней политики по отношению к СССР и построенная по принципу «quid pro quo». Британский министр иностранных дел Э. Бевин, отвергая советские притязания на африканские территории, заявил, что англичане воевали здесь с начала войны, а кроме того, британское правительство поддерживало советские требования относительно западной границы СССР и все связанные с этим последующие решения. Британские требования в этом районе, как и требования России *в отношении Восточной Европы*, направлены на обеспечение безопасности и являются *абсолютно обоснованными* (курсив мой. — А. А.).

Британское правительство, по словам министра, с удивлением восприняло претензии советской делегации в отношении Триполитании, поскольку считает Северную Африку районом своих жизненных интересов²⁴. На этом полемика вокруг этой проблемы не завершилась. Молотов пытался убедить участников совещания в необходимости для Советского Союза иметь в Средиземном море «базы для своего торгового флота», выступая против британской монополии на коммуникации в этом районе. Он сообщил также, что Москва не собирается вводить в Ливии советскую политическую систему, но добавил, что «мы предпримем шаги для создания демократического правительства, но не такого, какое недавно было создано в Греции», выдав, таким образом, истинные советские намерения.

В документе под названием «О Триполитании», находящемся в Архиве внешней политики России, автором которого, возможно, являлся сам Сталин, в присущем советскому лидеру директивном тоне указывалось на необходимость добиваться того, «чтобы наши военные корабли в ограниченном количестве имели возможность стоянки в триполитанских портах. Надо добиваться индивидуальной опеки с нашей стороны, так как именно такая опека имела в виду в Сан-Франциско». По словам Сталина, американцы на конференции в этом городе в апреле–мае 1945 г. «обещали поддержать наши требования на получение подопечных территорий. Я имею в виду письмо Стеттиниуса»²⁵.

²⁴ Там же. С. 218.

²⁵ Там же. С. 219–220.

Я так много места уделяю этому вопросу, поскольку он демонстрирует, как позиция западных держав, стремившихся ограничить послевоенные претензии Москвы, вызывала все нарастающее раздражение кремлевского руководства, обвинявшего недавних союзников в отказе от данных ранее обещаний. Все это служило дополнительным катализатором начинавшейся «холодной войны». Так, В. Молотов в беседе с госсекретарем Бирнсом 16 сентября 1945 г. напомнил ему о словах Э. Стеттиниуса, а в ответ услышал, что тот ничего не знает об обещаниях подобного рода, продолжив дальнейший разговор уже в фольклорной стилистике.

Спустя неделю советский министр иностранных дел в ходе весьма интересной, с точки зрения характера представлений двух имперских дипломатий о возможностях взаимодействия в спорных районах, предложил британскому коллеге сделку, заявив о согласии СССР на передачу Додеканезских островов Греции в обмен на советскую базу в Средиземноморье. О том, что советское руководство постоянно сверяло свои внешнеполитические цели с планами императорской России, свидетельствует сделанное Молотовым замечание Бевину о том, что во время Первой мировой войны британское правительство «обещало отдать Константинополь царскому правительству». Напомнив, что теперь Москва на это не претендует, он указал на позицию Лондона, который «находится среди тех, кто хочет держать за горло СССР в черноморских проливах руками турок». Продолжая беседу с Бевиным в укорительно-просительном тоне, он сказал, что когда СССР поставил вопрос о том, чтобы ему дали «хотя бы одну мандатную территорию в Средиземном море — Триполитанию, то сочли, что мы покушаемся на права Великобритании». Указывая на то, что в связи с изменением ситуации в регионе Италия перестала быть силой, а Франция не занимает прежнего положения, Великобритания не может претендовать здесь на монопольное положение. «Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море. Это трудно понять», — эмоционально вопрошал Молотов²⁶. Ответ Бевина: «Британская империя сильно опасается того, как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части»²⁷, можно было бы, по понятным причи-

²⁶ Там же. С. 220.

²⁷ Там же. С. 221.

нам, оставить без комментария, если бы не его завершающая часть. В Лондоне уже в это время вполне отдавали себе отчет в том, что все советские обещания не создавать в Ливии «советскую политическую систему» являются лишь средством для достижения поставленной цели, верить в которые необходимо лишь с обратным знаком. Ситуация в успешно советизируемой Москвой Восточной Европе ясно показывала истинные намерения Кремля, в том числе и политическую перспективу в районе Средиземного моря.

Вопрос об итальянских колониях не был решен на Парижской мирной конференции и в Мирном договоре с Италией, подписанном 10 февраля 1947 г. По договору предусматривался отказ Италии от всех прав на итальянские территориальные владения в Африке до окончательного решения их судьбы. Весной и летом 1947 г. в советском МИД велась работа над уточнением советских позиций к предстоящей осенней сессии СМВД. Начальник Договорно-правового управления С. А. Голунский в записке заведующему 4-го европейского отдела К. А. Михайлову считал возвращение к постановке вопроса об индивидуальной советской опеке над Триполитанией нецелесообразным ввиду «полной безнадежности такого требования при сложившейся теперь международной обстановке». Начало «холодной войны» снимало и вопрос о советских базах на североафриканском побережье. Максимум того, чего можно было бы теперь добиться, как считал Голунский, это «быть в курсе» того, что там происходит²⁸.

Накануне парламентских выборов в Италии, которые должны были пройти 18 апреля 1948 г., Москва с целью поддержки левых сил вновь подтвердила прежнее предложение о передаче Сомали, Эритреи и Ливии под опеку Италии. Советские дипломаты в Риме сообщали о реакции правой печати на этот акт, писавшей, что русские «якобы раскрыли карты своей большой игры вокруг Средиземного моря» и что советское правительство, поддерживая Италию в этом вопросе, «убивает двух зайцев» — подготавливает приход к власти коммунистов, что позволит Советскому Союзу вслед за установлением коммунистического режима в стране получить все военные базы, расположенные в бывших итальянских колониях²⁹. Можно с уверен-

²⁸ Там же. С. 229–230.

²⁹ Там же. С. 234.

ностью сказать, зная о советской тактике поддержки коммунистов, поэтапно «забиравших» власть в Восточной Европе, что этот предположительный сценарий при совпадении всех условий имел твердый шанс быть реализованным.

Между тем, замыслам советского руководства не суждено было осуществиться. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1949 г. советская делегация представила проект, предусматривавший предоставлении независимости Ливии в ближайшее время и вывод оттуда всех иностранных войск. Он был отклонен, и принято отставимое США, Великобританией и Францией решение, согласно которому независимость этой стране была обещана через три года. На переходный период на части ливийской территории сохранялось управление Англии и Франции. Советский Союз в нарушение условий мирного договора с Италией в состав консультативного комитета по подготовке Ливии к независимости, в который вошли США, Великобритания, Франция и Италия, допущен не был³⁰.

Главным направлением советской политики оставались в эти годы Балканы, где на последнем этапе войны Москва пыталась действовать в рамках договоренностей, заключенных с британцами осенью 1944 г. Черчилль, вспоминая в мемуарах о беседах со Сталиным во время Потсдамской (Берлинской) конференции, отмечал, что кремлевский лидер был раздражен требованием американцев сменить правительства в Румынии и Болгарии, в то время как он не вмешивается в греческие дела. «Американцы поступают несправедливо», — сказал Сталин³¹. На замечание британского премьер-министра относительно того, что в Югославии соотношение влияния СССР и Англии теперь не 50 на 50, как было условлено, а 99 к 1 не в пользу британцев, Сталин, прекрасно зная, что это именно так, ответил в присущей ему иезуитской манере, что соотношение там 90 в пользу Англии, 10 — в пользу Югославии и 0 — в пользу России³². Вопрос о Проливах во второй раз встал на повестку дня кремлевского руководства в 1945 г., когда В. Молотов, обсуждая летом на переговорах с турецким послом в Москве С. Сарпером условия нового двустороннего договора, предложил пересмотреть режим Проливов

³⁰ Там же. С. 240–241.

³¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 662.

³² Там же.

и установить там совместный советско-турецкий контроль с возможным созданием советской военно-морской базы. Эта тема была вновь повторена в советской ноте турецкому правительству в августе 1946 г. Турция отвергла предложения СССР и обратилась за помощью к США и Великобритании, которые поддержали ее. Сталин объяснил советскую позицию американскому послу Б. Смитсу ссылкой на слабость Турции, неспособной защищать Проливы, что в сочетании с недружественным отношением к СССР заставляет Москву выдвигать требование о создании баз в Дарданеллах³³.

Кремлевские планы в Проливах, как и в других районах Средиземного моря, не были реализованы, главным образом, вследствие программного противодействия США и их союзников. Так, американский посол в Софии Барнс указал на Болгарию как важный элемент политики Кремля, направленной на установление доминанции в Восточном Средиземноморье. В телеграмме Дж. Кеннана, отправленной в тот же день, 15 января 1946 г., из Москвы эта тема получила дальнейшее развитие. По его мнению, Болгария занимала важное место еще в царских стратегических планах, а теперь, имея в руках эту страну, Кремль получит ключевые позиции на Балканах, затем постарается изолировать Турцию, уменьшив ее «политико-стратегический» потенциал, облегчит задачу организации своих баз в Проливах, а затем распространит свою «мощь до Адриатики и Эгейского моря»³⁴. СССР на сессии СМВД весной 1946 г. поддержала территориальные требования Болгарии к Греции, предполагавшие получение ею выхода в Эгейское море.

Греция по октябрьскому соглашению 1944 г. между Сталиным и Черчиллем отошла в сферу интересов Британии, но с согласия Москвы компартия Греции начала в стране весной 1946 г. очередной раунд гражданской войны, которую поддерживали ее северные соседи: Албания, Болгария и Югославия. Наиболее значительной была югославская помощь. Член руководства греческой компартии Я. Иоаннидис в сентябре того же года, встречаясь с находившимся в Белграде заместителем заведующего Отделом внешней политики ЦК ВКП (б) Л. Барановым, передал ему записку с анализом ситуации в Греции и просьбой об оказании материальной поддержки партизанского

³³ Kuniholm B. The origins of the Cold War in the Near East. Princeton, 1980. P. 334.

³⁴ Foreign Relations of the United States. 1946. Washington, 1969. Vol. VI. P. 54–57.

движения. Тогда же Баранов в беседе с Тито и Ранковичем получил от них обещание открыть, согласно просьбе греческой компартии, на территории Югославии радиостанцию, дать возможность организовать функционирование «параллельного» аппарата ЦК КПГ во главе с Н. Захариадисом, предоставить оружие и боеприпасы, организовать подготовку военных кадров. В середине октября член ЦК ВКП (б) М. Суслов направил Сталину, Берии, Молотову и другим членам Политбюро записку, в которой выражал мнение о необходимости в связи с крайне трудным финансовым положением греческой компартии оказать ей помощь «валютой, а также обмундированием и медикаментами, необходимыми для партизан Греции»³⁵. Поддержка греческих коммунистических повстанцев со стороны Москвы и ее новых балканских сателлитов тщательно, но тщетно конспирировалась: Афины и их западные союзники знали о ней почти все.

«Доктрина Трумэна» стала оперативным ответом США на коммунистическую угрозу Греции. Эти новые обстоятельства заставили Москву предпринять меры для ограничения участия сателлитов в поддержке партизанского движения. На московской встрече с югославским и болгарским руководством в феврале 1948 г. Сталин, опасаясь усиления западной реакции на их вмешательство в греческие дела, сказал о необходимости «свернуть восстание в Греции». Он обратился к Э. Карделю с вопросом, верит ли он в успех этого восстания, и, услышав утвердительный ответ, резко возразил, что у греков нет никаких шансов на успех. «Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире, допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда. А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно скорее»³⁶. Казалось, что это был приказ, требующий немедленного исполнения. Однако известно, что помощь партизанам продолжалась, а после конфликта 1948 г. с Й. Брозом Тито она шла через Болгарию и Албанию³⁷. Не исключено также, что это могло быть только частью антиюгославского плана Сталина, целью которого была элиминация плохо контролируемой из Москвы политической и военной

³⁵ Улуян Ар. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. М., 1994. С. 179–181.

³⁶ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 130.

³⁷ Подробнее см.: Даскалов Г. България и Гърция: от разрыва към примирение. 1944–1964. София. 2004.

активности Белграда в регионе, создававшей там угрозу советским интересам. Весной 1948 г. генсек КПГ Захариадис встретился в Праге с Молотовым, которому сообщил о скорой победе Демократической армии Греции и получил в ответ обещание, что СССР усилит со своей стороны дипломатическую поддержку и увеличит материальную помощь греческим партизанам, а также рекомендует это и странам «народной демократии»³⁸.

Ближний Восток также привлекал внимание СССР как с политической, так и военно-стратегической точки зрения. Известно, что Москва стала в ООН инициатором создания независимого арабо-еврейского государства. В мае 1947 г. А. А. Громыко, выступая на специальной сессии Генеральной Ассамблеи, предложил в случае возникновения проблем с созданием такого дуалистического государства разделить Палестину на два независимых государства: еврейское и арабское. Созданное в мае 1948 г. государство Израиль было признано через два дня Советским Союзом. Начавшаяся арабская агрессия против Израиля была резко осуждена со стороны Москвы. В конце 1940-х гг. Израиль рассматривался в качестве возможного советского партнера в Средиземноморье еще и потому, что правящая элита этой страны заявляла о своей ориентации на построение социализма. На состоявшихся осенью 1948 г. переговорах израильского посла в СССР Г. Меир и военного атташе М. Намира с советским военным руководством обсуждались вопросы подготовки командного состава, предоставления трофейного немецкого оружия, а также организации военно-морских и военно-воздушных баз на территории Израиля³⁹. Однако эта тема не получила продолжения. Отношения двух стран, не успев окрепнуть, постепенно вступили в полосу охлаждения. В Москве началась борьба с космополитизмом, израильтянам постоянно напоминали о запрете агитации среди советских евреев с целью их репатриации в Израиль, а Тель-Авив начал сближаться с западными державами, заявляя при этом о своей решимости проводить политику неприсоединения ни к одной организации, направленной против Советского Союза. Процесс над Р. Сланским в конце 1952 г. в Чехословакии и «дело врачей» в Москве в начале 1953 г.

³⁸ *Stavakis P.* Moscow and Greek Communism. 1944–1949. New York, 1989. P. 168–169.

³⁹ *Говрин Й.* Израильско-советские отношения. 1953–1967. М., 1994. С. 13–14.

³⁹ Там же. С. 13–15.

поставили точку в советско-израильских отношениях. 13 февраля 1953 г., за три недели до смерти Сталина, Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем.

Политика Москвы в азиатском Средиземноморье практически не исследована в российской исторической литературе. Постепенное открытие архивов и вовлечение новых документов в научный оборот позволит, как кажется, показать процесс принятия решений в советском руководстве относительно основных направлений этой политики в регионе.

Особую проблему представляет курс советского руководства по отношению к Русской православной церкви в контексте политики Москвы в Средиземноморье. Этот вопрос практически не исследован. В одной из немногих работ, основанной на архивном материале, показано взаимодействие правительственной бюрократии с высшей русской церковной иерархией в послевоенный период с целью привлечения ее к решению задач советской внешней политики. Как показала О. Ю. Васильева, целью советского руководства в Восточной Европе, уже на завершающем этапе войны, было противодействие прогитлеровской, антикоммунистической политике Ватикана и папы Пия XII. Москва внимательно следила за этим и планировала организацию системы Автокефальных церквей под эгидой Московской патриархии, что должно было нанести удар по римско-католической идее создания конфедерации Придунайских государств⁴⁰. Действовавшие во всем мире еще до 1917 г. православные церкви и приходы власть собиралась использовать, по мнению О. Ю. Васильевой, «как духовно-нравственную» опору внешней политики Кремля. Формирование единого православного центра с политическим уклоном проходило под личным контролем И. В. Сталина и В. М. Молотова, а право на «оперативную инициативу» по реализации этой идеи было предоставлено полковнику госбезопасности Г. Г. Карпову, назначенному на пост председателя Совета по делам Русской православной церкви и внешней разведки⁴¹. Частично эти задачи начали решаться уже на Поместном соборе, собравшем в Москве 31 января 1945 г. представительную делегацию Автокефальных православных

⁴⁰ *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь и внешняя политика советского государства в 1943–1948 гг. // Советское общество: будни холодной войны. М.; Арзамас, 2000. С. 259.

⁴¹ Там же. С. 260.

церквей. Карпов докладывал правительству о том, что Московская патриархия договорилась, в частности, с Антиохийским патриархом Александром и Александрийским Христофором, а также представителями Константинопольского и Иерусалимского патриархов о прекращении связей с главой Русской зарубежной церкви митрополитом Анастасием (Грибановским). Лояльность высших церковных иерархов объединительной московской идее подкреплялась щедрыми подарками. По личному указанию Сталина гости Собора получили 70 предметов из музеев Москвы. Патриарх Христофор заверил патриарха Алексия, что «Восточные патриархи будут ожидать распространения на них покровительства России в чисто христианском духе»⁴².

Для получения тех же результатов от руководства Болгарской, Румынской, Сербской, Элладской и Константинопольской православных церквей, которые политически ориентировались на британцев, использовалась тактика предоставления крупных займов и просто оказание финансовой помощи. Так, для «урегулирования отношений» с Константинопольским патриархом Максимом, как писал Карпов, Московская Патриархия отправила в Турцию митрополита Крутицкого Николая с «подарком» в 50 тыс. долларов⁴³. Кремль действовал в разных направлениях, и в частности, крайне заинтересованный в консолидации общества в балканских странах, превращавшихся постепенно в сателлитов Москвы, настойчиво рекомендовал поместным церквям через приезжавших из СССР церковных архиереев сотрудничать с новыми «демократическими» режимами. Происходило укрепление отношений с Восточными церквями, которые Москва пыталась выстраивать на основе все той же идеи объединения вокруг подконтрольной властям Московской патриархии. В мае 1945 г. патриарх Алексий совершил паломничество на Святую Землю, а затем посетил Бейрут и Дамаск. Во время беседы с патриархом Иерусалимским Тимофеем он получил от него заверения в том, что всегда будет поддерживать Русскую православную церковь в международных вопросах. На следующий год такую же паломническую поездку совершил митрополит Ленинградский Григорий (Чуков). Карпов в своем отчете отмечал, что митрополит вручил

⁴² Там же. С. 261.

⁴³ Там же. С. 265.

ближневосточным иерархам крупные суммы в валюте, что, как он подчеркивал, до 1917 г. было обычным явлением⁴⁴.

Политика СССР в районе Средиземноморья была, как известно, частью его послевоенной политики вдоль собственных западных и южных границ. В первые послевоенные годы основные территориальные претензии Москвы базировались на решениях, принятых частично в годы войны в Тегеране и Ялте, но главным образом на Потсдамской конференции. Москва пыталась, с учетом огромного советского вклада в победу над Германией, добиться от западных союзников максимально возможного. Особенность советской внешней политики заключалась, однако, в том, что она имела два измерения. Одно было связано с его новой ролью как великой державы, которая требовала следовать нормам международного права и выполнять существующие договоренности. Другое — с идеей мировой революции, коминтерновской традицией использовать коммунистические партии в интересах Советского Союза и для поддержки главной «кремлевской компартии». Оба этих направления в политике Москвы взаимно дополняли друг друга, служа одной цели — завоеванию мирового господства.

⁴⁴ Там же. С. 280.

«Небольшой холодок, имевший место в начале пребывания делегации, был позднее рассеян сердечным приемом...»: посещение делегацией югославских ученых Советского Союза в момент нового обострения отношений СССР и ФНРЮ (май 1958 г.)

В мае 1958 г., в момент возникновения нового, и довольно глубокого кризиса в советско-югославских отношениях, Советский Союз посетила весьма представительная делегация ученых Федеративной народной республики Югославии (ФНРЮ). Подготовленный по итогам ее пребывания в Москве и Ленинграде отчет принимающей стороны (АН СССР)¹ показывает, как зигзаги в советско-югославских отношениях 1950-х гг. осложняли поступательный ход культурного и научного сотрудничества двух стран, для которого открылись довольно широкие перспективы после знаменитого визита в ФНРЮ в мае–июне 1955 г. советской правительственно-партийной делегации во главе с Н.С. Хрущевым для примирения с Й. Брозом Тито и его командой. Ведь в самом деле, первая организованная в рамках подписанного в 1956 г. соглашения о научных связях плановая поездка академической делегации, включавшей в себя ряд видных ученых, представителей трех югославских республик, состоялась в момент, когда состояние советско-югославских отношений давало повод для беспокойных ожиданий развития конфликта по нарастающей, подобно тому, как это произошло в 1948–1949 гг., когда югославская компартия была сначала обвинена «всего лишь» в национализме и «национал-уклонизме», но через год и вовсе отлучена от мирового

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18–09–00573 «Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны Советского блока, 1950–1960-е гг.».

Приводится ниже как составная часть настоящей публикации. Оформление сохранено.

коммунистического движения, а Тито из лидера дружественного государства, успешнее других идущего вслед за СССР по пути строительства социализма, в течение года усилиями советской и восточно-европейской пропаганды превратился в главаря «шпионов и убийц» и едва ли не наиболее принципиального врага Москвы — во многом именно на антиюгославской платформе с конца 1940-х гг. происходило ускоренное формирование советского блока. Общеизвестно, что инициированный Сталиным конфликт закончился для него очевидной неудачей, ведь ему так и не удалось сменить руководство Югославии, которое только консолидировалось вследствие внешнего вызова и приобрело немалый международный авторитет своим смелым сопротивлением советскому диктату.

Процесс нормализации отношений СССР с титовской Югославией, а затем и более тесного сближения с ней, начавшийся вскоре после смерти Сталина², проходил под знаком восстановления нарушенного единства мирового коммунистического движения, и достиг своего апогея к началу лета 1956 г., когда делегация ФНРЮ и Союза коммунистов Югославии (СКЮ) во главе с Тито совершила трехнедельную поездку по СССР. Югославский лидер был принят с большой помпой, и мало что тогда предвещало новую ссору между Москвой и Белградом³. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо» 19 июня 1956 г. призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. Важнейшим итогом визита стало подписание 20 июня декларации о взаимоотношениях двух партий. При всей серьезности приготовлений и громкости пропагандистских фанфар сверхзадача переговоров, однако, так и не была решена, результатами июньского визита Тито не были довольны в Кремле. Ведь Югославия, осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР, в то же время несколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, ни малейшего желания к вступлению в Организацию Варшавского договора (ОВД) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Подписанная

² См. подробно: Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008.

³ Записи бесед лидеров двух стран, состоявшихся в июне 1956 г., опубликованы в книге: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. М., 2014.

межпартийная декларация носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни об идеологическом единстве двух партий, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС отражают разочарование советской стороны в подписанной декларации. Так, при утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»⁴. Компромисс с советской стороны был вынужденным, ведь отсутствие реальных плодов в виде подписанных итоговых документов означало бы для лидеров СССР очевидное внешнеполитическое фиаско — именно потому, что сближению с титовской Югославией придавалось в советской внешней политике приоритетное значение. Возникшая к началу 1950-х гг. вследствие отлучения КПЮ от мирового коммунизма югославская схизма подрывала роль Москвы как единственного руководящего центра в мировом коммунистическом движении и требовала устранения тем или иным путем, т.е. недопущения окончательного превращения Белграда в альтернативный идеологический центр, тем более на фоне критики методов Сталина на XX съезде КПСС.

Последующее развитие событий в советской сфере влияния в Восточной Европе (подавленные силой, с десятками человеческих жертв, волнения в польской Познани 28 июня 1956 г.; размах оппозиционных критических выступлений на дискуссиях Клуба Петёфи в Будапеште) лишь усилило в Москве раздражение по поводу позиции руководства СКЮ, сознательно и последовательно стремившегося пропагандировать преимущества югославских концепций социализма и поощрять (при поддержке своей дипломатии и прессы) проюгославские настроения в обществах стран-сателлитов СССР. Это раздражение было тем сильнее, что на югославский опыт (не только идеализируемый, но и зачастую противопоставляемый советскому) охотно ссылались сторонники более глубоких реформ в странах Восточной Европы, оппозиционно настроенные к руководствам своих компартий, — информация об этом поступала в Москву из советских

⁴ См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2. О нерешенности сверхзадачи советско-югославских переговоров сразу после отъезда Тито были информированы и лидеры стран советского блока на рабочей встрече, состоявшейся в Москве 24 июня.

посольств⁵. В закрытом письме от 13 июля лидерам компартий стран советского лагеря, а также Франции и Италии были подвергнуты критике претензии югославов на слишком большую независимость и определенное лидерство во взаимоотношениях с другими коммунистическими и рабочими партиями⁶. В сентябре — начале октября в ходе ряда неформальных встреч в Крыму и на Адриатике Хрущев пытался мягко «образумить» Тито: югославскую сторону призвали воздержаться от проявления открытых симпатий к оппозиционерам в странах Восточной Европы и противопоставления югославского опыта — советскому⁷.

В середине октября 1956 г. новый венгерский партийный лидер Э. Герё (преемник низложенного в июле М. Ракоши) ездил в Белград по настоянию Хрущева в целях окончательного примирения югославской и венгерской коммунистических элит, особую остроту конфликта между которыми предопределили шумное судебное дело Ласло Райка (сентябрь 1949 г.) и другие масштабные антиюгославские политико-пропагандистские акции, предпринятые в Венгрии после 1948 г. А день возвращения венгерской делегации на родину, 23 октября, совпал с началом мощнейшего восстания в Будапеште, потрясшего сами основы коммунистической власти. Реформаторски настроенная молодежь, вышедшая в те часы на улицы венгерской столицы, воспринимала титовскую Югославию как своего потенциального стратегического союзника в поисках путей к социализму, отвечающему специфическим национальным условиям. Югославские дипломаты, наблюдавшие за происходившим со стороны, могли видеть в руках демонстрантов плакаты с лозунгами типа «С Югославией и Польшей наша сила вдвое больше!». Это, конечно же, льстило национальному самолюбию и внушало гордость за страну, вопреки сильному давлению Москвы отстаивавшую право на собственный путь продвижения к социализму. Вместе с тем дальнейшее развитие событий у северных соседей внушало все больше опасений коммунистической элите ФНРЮ. Ведь, рассчитывая на усиление в Венгрии позиций тех, кто выступал за более независимую линию в отношениях

⁵ См., например, донесения из Венгрии, где к лету 1956 г. наметился общественно-политический подъем, происходило формирование внутрипартийной оппозиции: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 37. Л. 23.

⁷ Материалы этих встреч см.: Встречи и переговоры на высшем уровне.

с Москвой, и воспринимая их как своих потенциальных партнеров, руководство СКЮ при этом было явно не заинтересовано в утрате коммунистами власти в соседней стране, а такая перспектива отчетливо обозначилась к концу октября.

31 октября Президиум ЦК КПСС принял принципиальное решение о проведении масштабной военной акции, направленной на приведение к власти в Венгрии нового правительства, способного твердой рукой «навести порядок» и предотвратить падение коммунистического режима. В ночь со 2 на 3 ноября на о. Бриони в Адриатике, на встрече с Н. С. Хрущевым и сопровождавшим его Г. М. Маленковым лидеры Югославии — Й. Броз Тито, Э. Кардель и А. Ранкович поддержали, хотя и с некоторыми оговорками, силовой вариант действий. Предложенная югославской стороной фигура Яноша Кадара как главы нового венгерского правительства не вызвала в сложившихся условиях возражений Москвы. Имея немалое влияние на венгерских реформаторов из команды действующего премьер-министра Имре Надя, югославские руководители проявили также готовность посодействовать их добровольному самоустранению в интересах более плавной смены власти⁸.

Последующие события, однако, начисто разрушили первоначальные планы. Ранним утром 4 ноября, с началом решающей советской интервенции, Имре Надь в выступлении по радио не только осудил перед всем миром военную акцию СССР, но и укрылся потом в югославском посольстве, что, разумеется, ни в коей мере не соответствовало договоренностям, достигнутым на Бриони, и сразу осложнило советско-югославские отношения⁹.

Прошла неделя, и 11 ноября Тито на партактиве в хорватском городе Пуле решил, сыграв на опережение, проинформировать

⁸ Из литературы по теме: *Едемский А. Б.* Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г.) // *Славянство, растворенное в крови. Сборник статей. В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова.* М., 2010; *Он же.* По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах.* 2010. М., 2011. С. 462–488.

⁹ О позиции югославского руководства в условиях венгерского кризиса осени 1956 г. см.: *Гибиянский Л. Я.* Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // *Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений* / Отв. редактор А. С. Стыкалин. М.; СПб., 2018.

соратников по партии о некоторых подробностях советско-югославских встреч на высшем уровне — в расчете на освещение содержания своего выступления в прессе. Видимо, он всерьез опасался, что мировая общественность узнает из уст представителей КПСС о сделке Москвы и Белграда, по сути направленной на незаконную смену власти в Венгрии. Несомненно, это нанесло бы довольно сильный удар по репутации Югославии как нейтрального, внеблокового государства. Между тем, несогласованная утечка информации была воспринята в Москве как грубое нарушение устоявшейся в коммунистическом движении этики межпартийных взаимоотношений. Но мало того, выступая в Пуле, Тито, к острому негодованию Москвы, назвал венгерский кризис в определенной мере следствием политики СССР, не считающейся с равноправием других стран, строящих социализм, что не могло не порождать антисоветских настроений в Восточной Европе. Ввод советских войск в Будапешт для подавления волнений 23 октября Тито счел неоправданным, лишь подлившим масла в огонь протестных выступлений. Правда, с другой стороны, он осудил И. Надя за «уступки реакции» и выразил готовность поддержать новое правительство Яноша Кадара, сформированное в СССР, — ведь надо было не только публично отмежеваться от СССР в целях «сохранения лица» в глазах международного общественного мнения, но и хоть как-то обосновать фактическое согласие с интервенцией, которое он дал на Бриони. Увы, серьезных расхождений лидеров КПСС и СКЮ в оценке венгерских событий эти реверансы ничуть не сгладили. «Правда» 23 ноября выступила с открытой критикой речи Тито в Пуле.

Прошло еще две недели, и 7 декабря второе лицо в СКЮ и его главный идеолог Эдвард Кардель, выступая в Союзной скупщине ФНРЮ, раскритиковал бюрократический социализм советского образца, противопоставив ему возникшие снизу в Венгрии в ходе октябрьских-ноябрьских событий 1956 г. рабочие советы. «Революционную борьбу» в Венгрии он назвал «первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы», вызывающей в обществе «бессознательное стихийное возмущение». Тогдашний посол Югославии в СССР Велько Мичунович позже вспоминал, что никогда не видел Хрущева столь же взбешенным, как во время их встречи,

состоявшейся в тот декабрьский день 1956 г., когда ему принесли информацию о программной речи Карделя, к тому же распространенной югославской делегацией в ООН¹⁰. Через считанные дни, на декабрьском пленуме ЦК КПСС, советский лидер, оторвавшись от бумажки, дал волю эмоциям: «Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина, пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во Вторую мировую войну, и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии»¹¹.

В закрытой переписке между КПСС и СКЮ развернулась полемика, дискуссия перекинулась и в прессу, в частности, на страницы главного теоретического органа КПСС журнала «Коммунист». При этом в Москве совсем не хотели создавать видимости возвращения к ситуации 1948–1949 гг., когда динамика советско-югославского конфликта набрала такие обороты, что Тито и его окружение, обвинявшиеся поначалу в ревизионизме и национализме, после процесса по делу Ласло Райка были, как отмечалось выше, публично объявлены шпионами и убийцами, и в соответствии с этой установкой работал вплоть до самой смерти Сталина весь пропагандистский механизм стран советского лагеря. По дипломатическим каналам югославские лидеры получали заверения в том, что с советской стороны, хотя и не собираются сдавать принципиальных идеологических позиций, но предпримут все усилия для улучшения межгосударственных

¹⁰ Mićunović V. Moskvske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 204–208.

¹¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103–104.

отношений и налаживания выгодного экономического сотрудничества. О необходимости спокойного тона в полемике с «неверными утверждениями» югославов говорилось и в письмах из Москвы лидерам компартий соцстран¹².

В Белграде тем не менее всерьез опасались возвращения к ситуации 1948 г., особенно после того как председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин в конце марта 1957 г. на митинге советско-венгерской дружбы в Москве публично упомянул о причастности югославов к идейной подготовке венгерской «контрреволюции». В Венгрии в это время уже начали готовить судебный процесс по делу Имре Надя, против которого предполагалось выдвинуть обвинения в заговоре, направленном на свержение государственного строя. Зная об этом от своих многочисленных будапештских осведомителей (подчас высокопоставленных), югославы забеспокоились, что суд над И. Надем может сыграть такую же роль в эскалации интернациональной антиюгославской кампании, какую сыграл в 1949 г. судебный процесс по делу Л. Райка. «Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», — сообщил из Будапешта дипломат В. А. Крючков, будущий председатель КГБ¹³. Проявившаяся в этих условиях склонность Белграда к далеко идущим уступкам не укрылась и от венгерского лидера Я. Кадара, сказавшего 6 июня новому советскому послу в Венгрии Е. И. Громову (сменившему незадолго до этого Ю. В. Андропова) о том, что югославы в последнее время предпринимают очевидные попытки улучшить отношения с СССР и его союзниками¹⁴. Надо сказать, что и в Москве, зная о большом международном авторитете маршала Тито (в том числе в начавшем формироваться после Бандунгской конференции 1955 г. движении неприсоединения), вновь отлучать СКЮ от мирового коммунистического движения сочли

¹² Некоторые документы, отражающие советско-югославские контакты начала 1957 г., см.: Встречи и переговоры на высшем уровне. Т. 1. Приложение.

¹³ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. 2. Л. 193.

¹⁴ Посол, следуя сохранявшейся линии центра на укрепление единства мирового коммунистического движения (а в это время уже была начата работа по подготовке широкого совещания компартий, первого после XX съезда КПСС), в ответ заметил, что если эти попытки являются искренними, надо предпринять встречные шаги, не идя вместе с тем на идеологические компромиссы. См.: Там же. Д. 035. Л. 54.

совсем нецелесообразным, ибо югославская схизма в новых условиях угрожала более широким расколом.

Кампания в советской прессе с критикой югославского ревизионизма так и не была в это время, вопреки некоторым ожиданиям, инициирована. Более того, в Москве возобладали точка зрения о необходимости дополнительных усилий в целях улучшения советско-югославских отношений, что нашло отражение в протоколах Президиума ЦК КПСС за конец мая 1957 г.¹⁵ В соответствии с заранее разработанными планами продолжали развиваться многосторонние связи, в начале лета Советский Союз посетила с длительным визитом и была хорошо принята военная делегация ФНРЮ во главе с министром обороны генералом И. Гошняком. Провал антихрущевского путча в июне 1957 г. привел к удалению из партийного руководства В. М. Молотова, всегда скептически относившегося к перспективам советско-югославского сближения, и это, вне всякого сомнения, благоприятно повлияло на готовность лидеров СКЮ активизировать контакты с КПСС. В июле 1957 г. в СССР по приглашению Хрущева отдыхали и были им приняты наиболее влиятельные соратники Тито — Э. Кардель и А. Ранкович.

В начале августа 1957 г. Хрущев и Тито встретились на нейтральной территории — в Румынии, впервые после брионских бесед начала ноября 1956 г.¹⁶ В ходе неформальных переговоров стороны попытались сблизить позиции по всем спорным вопросам, включая венгерский. Москва заверила Белград в отсутствии намерений использовать дело И. Надя для раздувания антиюгославской пропагандистской кампании. А позже Кремль даже настоял на том, чтобы венгерское руководство не проводило судебный процесс до запланированного на ноябрь широкого совещания компартий с участием югославов, перенеся его на более поздний срок¹⁷. Руководство СКЮ со своей стороны в принципе выразило готовность прислать делегацию в Москву

¹⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2003. С. 256.

¹⁶ Из литературы см.: *Едемский А. Б.* О фиксации договоренностей советско-югославской встречи в Румынии 1–2 августа 1957 г. // *Международные отношения в XX веке. Сборник научных статей* / Под ред. В. Т. Юнгблюда. Киров, 2016. Вып. 5. С. 228–249.

¹⁷ См. соответствующую записку зав. новым, созданным в 1957 г., отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю. В. Андропова от 29 августа (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 75. Л. 1–2).

на это совещание, приуроченное к 40-летию Октябрьской революции в России, — само приглашение придавало ему уверенности в том, что повторения ситуации 1948–1949 гг. не будет, Кремль не использует совещание для того, чтобы снова выплеснуть на югославов ушат обличений в ревизионизме и национализме. Но ознакомившись в октябре с проектом декларации предстоящего совещания, югославы дали знать приехавшим в Белград советским эмиссарам Ю. В. Андропову и Б. Н. Пономареву, что его не подпишут¹⁸. Деятелям СКЮ особенно не понравился в представленном Москвой проекте декларации тезис о борьбе с ревизионизмом. Небезосновательно спроецировав его на свою партию, Кардель заметил, что подписание СКЮ документа подобного содержания может создать впечатление, что югославские коммунисты, неоднократно обвинявшиеся в ревизионизме (не только при Сталине, но и позже, в том числе в связи с позицией, занятой в отношении венгерских событий), признают свои мнимые ошибки и готовы выступить с самокритикой. В действительности же они отнюдь не считают звучавшую критику справедливой и не собираются сдавать своих позиций. Вообще публикация декларации, указывающей на существование социалистического лагеря, по мнению лидеров СКЮ, будет воспринята многими в мире как знак возрождения распущенного в апреле 1956 г. Коминформа (теперь уже с участием югославов), что неизбежно обострит разногласия в рядах коммунистов разных стран и вызовет негативную реакцию в мире. С другой стороны, жесткость некоторых (главным образом, внесенных под китайским давлением) положений декларации (там, где дело касалось, в частности, критики американского империализма) была неприемлема для югославских деятелей уже в силу их большой заинтересованности в продолжении тесного экономического сотрудничества ФНРЮ с Западом.

Не желая связывать себя подписанием каких-либо жестких заявлений от имени всего блока стран, строящих социализм, югославы вместе с тем совсем не хотели снова оказаться в положении изгоев в коммунистическом движении. Они высказались за многообразие форм контактов между компартиями, проведение в ноябре широкого

¹⁸ См.: *Стыкалин А. С.* Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // *Славянский альманах*. 2015. № 3–4. С. 430–448.

совещания компартий и дали принципиальное согласие приехать в Москву в дни празднования 40-летнего юбилея Октябрьской революции для участия не только в юбилейных торжествах, но и во встречах с представителями братских партий всего мира. В Москве Хрущев пытался оказать давление на югославскую делегацию во главе с Карделем, заставив-таки ее подписать Декларацию совещания компартий социалистических стран, но безуспешно. Не подписав Декларации, довольно жесткой по некоторым формулировкам, принятой вследствие компромисса КПСС с китайской компартией, югославы в то же время подписали другой программный документ мирового коммунистического движения — Манифест мира, опубликованный от имени представителей всех 68 приехавших на торжества в Москву и принявших участие в широком совещании компартий¹⁹.

Хотя попытка Москвы заставить Белград играть по своим правилам закончилась снова полным фиаско, руководство КПСС и на этот раз воздержалось от того, чтобы встать на путь конфронтации с СКЮ и инициировать массированную проработку югославы в прессе: слишком большие усилия были затрачены ради приобщения Югославии к блоковой политике Кремля и слишком велик был в это время внешнеполитический вес титовского режима и авторитет самого Тито в мировом общественном мнении, чтобы публичной критикой югославы приковывать внимание всего мира к новой неудаче советской политики на югославском направлении. Вплоть до мая 1958 г. «Правда» фактически воздерживалась от публикации статей с критикой югославского «ревизионизма». В условиях постепенно назревавших советско-китайских разногласий, подспудной борьбы двух великих коммунистических держав за влияние важно было блюсти хотя бы видимость сохранения единства коммунистического движения. Публичная критика ревизионизма СКЮ развернулась лишь через несколько месяцев после московских совещаний, после принятия на VII съезде СКЮ в апреле 1958 г. новой Программы партии, признанной в Москве как откровенно ревизионистской (в частности, заявленный в ней тезис о неприятии блоковой политики давал повод для обвинений югославы в постановке на одну доску

¹⁹ Подробно см.: Стыкалин А. С. Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 / Отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2014. С. 265–311.

НАТО и ОВД, в фактическом проведении знака равенства между внешней политикой СССР и США). Теперь установки скорректировались. Зная о крайне негативном отношении лидеров китайской компартии к новой программе СКЮ, руководители СССР сделали свой выбор: они решили принести югославов в жертву видимому сохранению советско-китайской дружбы, еще более важного гаранта поддержания единства мирового коммунизма. С публикации «Правдой» 9 мая 1958 г. большой редакционной статьи с критикой программы СКЮ²⁰ стала набирать силу антиревизионистская кампания отчетливо выраженной антиюгославской направленности. Она не ограничилась только советской прессой, велась в масштабах всего социалистического лагеря и создавала впечатление некоторой скоординированности²¹. Однако даже в условиях острой публичной критики сохранялась установка «и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней», что нашло отражение в материалах майского пленума ЦК КПСС 1958 г. и решениях Президиума ЦК КПСС, принятых в те же недели. Наша критика, отмечалось в выше процитированном установочном документе, «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг.»²².

Ссылка на «крайности» 1949–1953 гг. позволяет лишний раз задуматься над масштабом и абсурдностью сталинских фальсификаций и манипуляций исторической памятью, пытавшихся заставить народ поверить в то, что в корне противоречило не только здравому смыслу, но и пережитому опыту (нельзя забывать о том, что в Югославии

²⁰ В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий — залог дальнейших побед мировой социалистической системы // Правда. 1958. 9. V.

²¹ Причем, важнейшие установочные статьи из органов прессы социалистических стран перепечатывались и в «Правде». Так, уже 6 мая была опубликована статья из «Женьминь жибао» «Современный ревизионизм должен быть осужден!», с которой, строго говоря, и началась в международном масштабе антиревизионистская кампания. 8 мая «Правда» перепечатала статью из органа КПЧ «*Rudé právo*»: «Взгляды, несовместимые с марксизмом-ленинизмом». За ней последовали перепечатки статей из коммунистической прессы других стран «народной демократии».

²² Закрытое письмо ЦК КПСС партийным организациям о советско-югославских отношениях (май 1958 г.) // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 75.

с ее массовым движением сопротивления, не говоря уже о межэтнических разборках, погиб во время Второй мировой войны примерно каждый десятый житель). Прошло всего четыре года по окончании войны, еще не зажили раны и были совершенно свежи у всех воспоминания о войне и раскладе сил на полях сражений. Но политическая конъюнктура требовала, чтобы десятки миллионов людей в СССР, Восточной Европе, мировом коммунистическом движении «забыли» о том, на чьей стороне воевала Народно-освободительная армия Югославии под предводительством маршала Тито. Оказывается, вся освободительная борьба народов Югославии была чистейшим обманом, никакого вооруженного сопротивления не было, одна имитация, ведь во главе его якобы стояли не антифашисты, а лица, чуть ли не действовавшие по приказу гестапо. Для того чтобы объявить Тито и его окружение фактическими союзниками нацистской Германии, надо было не просто отрицать всем очевидные вещи, но оскорбить миллионы живых участников героической эпопеи, назвав их в лучшем случае слепыми жертвами гитлеровской провокации, и фальсифицировать всю историю Второй мировой войны, поставив фундаментальные вещи с ног на голову. Подобного рода обвинения против Югославии не только оттолкнули от СССР немало симпатизантов из числа западной леволиберальной интеллигенции, но сплотили на платформе безоговорочной поддержки своего режима граждан весьма проблемного многонационального государства, заставив их на время «забыть» о межэтнических распрях и взаимных обидах. Внести раскол в югославское общество по большому счету не удалось. Контрэффективность антиюгославской кампании в том виде, в каком она проводилась, осознавалась и в окружении Сталина, о чем лучше всего свидетельствует тот факт, что уже в самые первые месяцы после кончины «отца народов» его соратники взяли курс на нормализацию отношений с титовской Югославией.

Итак, в Кремле и на Старой площади все-таки извлекли некоторые уроки из прошлого: в 1958 г. по пути сталинских агиткампаний принципиально решено было не идти, это было бы только в ущерб влиянию КПСС, учитывая, что несправедливая и грубая критика лишь способствовала повышению авторитета югославских коммунистов как носителей антисталинской альтернативы в мировом коммунистическом движении. Хрущев на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г. (как ранее в закрытом докладе о культе личности на XX съезде

КПСС в феврале 1956 г.) сам много говорил о нелепости и необидительности обвинений в адрес югославов, звучавших при Сталине. Как можно было, например, обвинять Тито и его окружение в сотрудничестве с нацистской Германией, когда весь мир знал, что уж они-то сражались с нацистами «как дай Бог каждому», вопрошал с трибуны советский лидер²³. С другой стороны, Югославию решили проучить, прибегнув к методам экономического давления. Речь идет об одностороннем пересмотре планов экономического сотрудничества и отсрочке в предоставлении обещанных Советским Союзом кредитов.

Именно на таком, довольно напряженном внешнеполитическом фоне, всего через девять дней после опубликования в «Правде» установочной статьи, выражающей официальное отношение КПСС к югославскому «ревизионизму», состоялся приезд в СССР академической делегации ФНРЮ. Почти каждый день в главной газете КПСС публиковались новые тексты с критикой СКЮ, в том числе перепечатки статей коммунистических изданий стран Восточной Европы. В прессе мелькали сообщения о том, что ввиду политической несвоевременности был на неопределенное время отложен запланированный визит в Югославию советской военной делегации. Распространялась информация и об отсрочке в предоставлении обещанных кредитов. Учитывая опыт недавнего прошлого (1948–1949 гг.), оставался открытым вопрос: какой ход примет дальнейшее развитие событий, не приведет ли оно к еще более острым политическим обвинениям и в конечном итоге к осложнению не только межпартийных, но и межгосударственных отношений, а то и к их фактическому разрыву? И не выступит ли готовившийся в Венгрии судебный процесс по делу Имре Надя катализатором нового советско-югославского конфликта, как это произошло в 1949 г. в случае с «делом Райка»?

Можно предполагать, что в структурах АН СССР, занимавшихся приемом югославской делегации, вначале не было полной ясности, как надо вести себя с гостями из страны, представляющей собой гнездо «международного ревизионизма». Во всяком случае, настроенным весьма настороженно югославским ученым показалось, что первоначальный прием со стороны официальных лиц был не слишком теплым. Это можно объяснить выжиданием: майский пленум, обозначивший общую линию, только что закончился, лицами,

²³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31–36.

ответственными за прием делегации, могли быть не сразу получены инструкции о том, как югославов надо принимать — «по стандартам» приема идеологических противников, приехавших из капиталистической страны, либо все-таки вести себя с ними как с посланцами «братского» социалистического государства. Довольно напряженным было и ожидание югославскими гостями в течение нескольких дней появления в центральной советской прессе сообщений о приезде делегации. Это также давало им некоторые основания в доверительных беседах с советскими коллегами сетовать на недостаточное внимание в СССР к приезду самой представительной делегации ученых, которая только могла быть послана от Югославии (в нее входили не только главы трех республиканских академий), но и руководитель федеральной структуры, отвечающей за науку)²⁴.

Особый вес и особую значимость делегации придавало участие в ней президента Сербской академии наук и искусств (с 1937 г.) 82-летнего Александра Белича — не только филолога с мировым именем, члена нескольких зарубежных академий, но также человека, связанного многолетними и тесными узами с Россией и русской культурой. А. Белич (1876–1960) получил образование в России, еще в конце XIX в. учился в Новороссийском, а затем в Московском университетах. В декабре 1910 г. (т.е. почти за полвека до приезда в СССР академической делегации ФНРЮ!) он уже был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. С давних пор был и почетным доктором Московского университета. В межвоенной королевской Югославии Белич с его репутацией русофила и знатока русской культуры был тесно связан с российской культурной эмиграцией, от левых же, просоветских сил, как правило, дистанцировался (хотя никогда не тяготел и к слишком правым). Он явился одним из инициаторов создания в 1928 г. в Белграде Комитета русской культуры (серб.: *Руски културни одбор*), а в 1933 г. — строительства Русского дома (в то время имени императора Николая II), ставшего важнейшим центром культурной, научной и религиозной жизни российской эмигрантской общины в межвоенной Югославии. Впрочем, связи с белоэмиграцией не помешали крупному ученому наладить

²⁴ Единая Академия наук в титовской Югославии отсутствовала, однако на уровне отдельных республик функционировали на новой основе созданные в предшествующие эпохи академии, связанные тесными историческими узами с национальными движениями сербов, хорватов и словенцев.

позже нормальные отношения и с коммунистами, овладевшими всей полнотой власти в Югославии в 1944 г. Уже в мае–июне 1945 г. А. Белич по приглашению АН СССР посетил Москву и Ленинград, приняв участие среди многих других ученых из разных стран в юбилейной сессии, посвященной 220-летию Академии наук — одним из первых организованных сразу после войны политических действий, призванных укрепить в сознании западной интеллигенции представления о величии победоносной социалистической державы, не только внесшей решающий вклад в победу над нацизмом, но и рассчитывающей (после того, как залечит раны войны) на заметное усиление своей роли в послевоенном мире²⁵. Вплоть до советско-югославского разрыва Белич был причастен и к «новому славянскому движению», со времен войны набиравшему силу как один из идеологических инструментов советской внешней политики. Он не раз выступал с трибун, в том числе на вышеупомянутой юбилейной сессии АН СССР 1945 г., с призывами в духе просоветского панславизма²⁶. Свои связи с советскими коллегами после семилетия разрыва 80-летний А. Белич (никогда не игравший в политике сколько-нибудь самостоятельной роли) возобновил в 1955 г., когда Белград посетила представительная делегация советских филологов и историков, чтобы принять участие в международном совещании, на котором было принято решение о возобновлении работы международного сообщества славистов, формировании соответствующих структур (в частности, международного комитета славистов) и проведении осенью 1958 г. в Москве нового славистического конгресса, первого после войны.

В конце концов (и это несмотря на отнюдь не прекратившуюся острую критику югославского ревизионизма в советской прессе, приобретавшую все более системный характер) изначальная напряженность исчезла, холодок в отношениях испарился, общение советских и югославских коллег становилось все менее формальным, ведь гости могли воочию убедиться в искреннем желании советских ученых развивать научные связи с Югославией независимо от политической конъюнктуры.

²⁵ См. об этой сессии: *Стыкалин А.* Сент-Дёрди: «Наука и политика должны шествовать рядом» // Русофил. Русская история, философия и культура. URL: <http://russophile.ru> (дата обращения: 01.06.2018).

²⁶ См.: *Досталь М. Ю.* Международные научные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах. 2013. М., 2014.

В целом довольно радушный прием делегации ФНРЮ в академической и университетской среде Москвы и Ленинграда, живая заинтересованность советских ученых в планомерном и стабильном сотрудничестве с югославскими коллегами, явное нежелание в отечественном академическом сообществе новых осложнений в межгосударственных отношениях, способных нарушить успешно возобновившийся плодотворный диалог интеллигенции двух стран, — все это было знаками времени. Того страха, который пронизывал общественную жизнь СССР в годы сталинизма, сильно затрудняя и по сути даже исключая любые неформальные контакты советских граждан с иностранцами, в 1958 г. уже не было. Фестиваль молодежи и студентов, состоявшийся в Москве в июле-августе 1957 г., не только стал для новых генераций наших соотечественников настоящим окном в мир, но в принципе поднял планку допустимого в общении граждан СССР с иностранцами пусть левых убеждений, однако не во всем разделявшими советскую идеологию. С другой стороны, после торжественного приема, оказанного Тито в июне 1956 г., обмена многочисленными делегациями, в том числе делегациями ветеранов войны²⁷, людям не хотелось верить в возможность возвращения атмосферы рубежа 1940–1950-х гг. с ее антиюгославской пропагандистской истерией. Более того, очевидные колебания в двусторонних отношениях, сопровождавшиеся периодической критикой югославской позиции в советской печати, молва отчасти приписывала уже обнаружившемуся стилю Хрущева, деятеля, склонного к смене увлечений и быстрым переменам в настроении. Даже и бытовавший в те годы политический фольклор, иронически рефлексировавший над удивительной метаморфозой, превратившей маршала Тито из агента империализма в личного друга советских лидеров, отражал ожидания любых возможных, в том числе и обратных (но временных!) политических подвижек на югославском направлении: «Дорогой товарищ Тито, / ты опять нам друг и брат, / нам сказал Хрущев Никита: / ты ни в чем не виноват».

Необходимо отметить и еще один момент. В 1958 г., когда даже весьма молодые, 35-летние мужчины имели, как правило, за плечами

²⁷ См.: Стыкалин А. С. «У нас больше не повторится того, что было между нашими странами...». Н. С. Хрущев на встрече с делегацией югославских ветеранов войны (октябрь 1957 г.) // Международные отношения в XX веке. Сборник научных статей / Под ред. В. Т. Юнгблуда. Киров, 2016. Вып. 5. С. 250–284.

богатый опыт непосредственного участия в войне, на отношении к югославам сказывалось чувство фронтового братства, святое для поколения фронтовиков-победителей. Чем дальше заходили Сталин и его окружение в манипуляции исторической памятью, по сути поставив под сомнение даже принадлежность Югославии к числу стран антигитлеровской коалиции, тем сильнее в этой среде ощущалась несправедливость к югославам. Отношение к ним прежде всего не как к политическим ревизионистам, а как к собратьям по оружию продолжало жить в сознании поколения, тем более что (и это важно!) после 1953 г. его уже и не собирались особенно вытравлять, даже критикуя югославский «ревизионизм». Составитель отчета о пребывании югославской делегации в СССР, ответственный за ее сопровождение сотрудник академического исторического института Владимир Владимирович Зеленин (1920–1999) знал не понаслышке о советско-югославском братстве по оружию, имея за плечами не только фронтовой опыт, но и опыт службы в качестве военного переводчика. Всецело посвятив себя после войны изучению новейшей истории народов Югославии, он стал в конце 1970-х гг. доктором исторических наук, некоторое время возглавлял научное подразделение в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Вооруженный взгляд профессионала-югославииста позволил Зеленину заметить то, что вполне могло бы остаться незамеченным непрофессионалом, например, некоторую дистанцию в отношениях хорвата и словенца с сербами вопреки железному правилу официального Белграда демонстрировать миру внутреннюю прочность югославского социализма, нерушимость дружбы народов многонациональной страны.

На качестве приема югославской академической делегации сказался и интерес, проявленный к ее приезду президентом АН СССР А. Н. Несмеяновым, собственной персоной даже поехавшим в аэропорт ее провожать. Это был человек с сильным характером, не боявшийся идти против течения, что стоило ему в конце концов президентского поста — в 1961 г. он подал в отставку в знак несогласия с некоторыми непродуманными реформаторскими начинаниями Хрущева, в частности, с разрушительными для Академии наук планами перевода ряда академических институтов в ведение экономических министерств. Однако не только президент Несмеянов, но многие представители отечественного академического сообщества в непростой момент советско-югославских отношений демонстрировали

довольно спокойный взгляд на новые политические веяния, идущие из Кремля, — в надежде на то, что восторжествует все же здравый смысл и развитие событий не пойдет по пути дальнейшей конфронтации. А потому В. В. Зеленин по итогам пребывания делегации имел все основания в отчете констатировать, что она уехала из СССР с хорошими впечатлениями.

Эту оптимистическую перспективу в целом подтвердило, хотя и не сразу, дальнейшее развитие советско-югославских отношений. Состоявшийся в июне 1958 г. судебный процесс по делу Имре Надя, завершившись вынесением ряда смертных приговоров, не мог не внести дополнительные осложнения в венгерско-югославские отношения, однако не стал катализатором нового советско-югославского конфликта, очевидно, потому что такая задача в Москве не ставилась²⁸. Вместе с тем дежурная критика югославского «ревизионизма», подчас довольно острая, звучала в выступлениях Хрущева и других советских лидеров, в том числе на съездах зарубежных компартий. Эта критика в значительной мере была данью компромиссу между КПСС и КПК. В ноябре 1960 г. КПСС согласилась на включение довольно резкого выпада в адрес СКЮ в итоговый документ нового большого совещания компартий в Москве²⁹ — эту цену опять-таки решено было заплатить ради сохранения хоть на какое-то время дававшего все более очевидную трещину союза КПСС с китайской компартией. Критика югославского «ревизионизма» содержалась даже и в таком долгосрочном документе, как новая Программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС осенью 1961 г. Однако это новое принесение югославов «в жертву» единству КПСС и КПК оказалось на этот раз совсем неэффективным, ведь достигнутая на совещании 1960 г. компромиссная платформа между двумя великими коммунистическими державами смогла лишь на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт между СССР и КНР. Новая ситуация, сложившаяся в мировом коммунистическом движении к началу 1960-х, теперь однозначно заработала на советско-югославское сближение. Публично заявленная Тито в мае 1962 г. готовность при всех разногласиях с КПСС поддержать ее

²⁸ См.: Стыкалин А. С. «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений (Серия: Никитинские чтения «Славяне и Россия») / Отв. редактор С. И. Данченко. М., 2017. С. 275–295.

²⁹ Правда. 1960. 6. XII.

в идеологических спорах с китайской компартией дала довольно мощный толчок новому подъему в советско-югославских отношениях, в декабре того же года лидер ФНРЮ после долгого перерыва посетил СССР. В условиях глубокого раскола между СССР и КНР в Москве до некоторой степени временно смирившись с особым статусом Югославии среди социалистических стран, 10 февраля 1963 г. в открытой дискуссии с идеологами КПК «Правда» встала на сторону югославы: как отмечалось в ее программной статье, в СКЮ и ФНРЮ «происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением». Новый кризис в советско-югославских отношениях к этому времени можно было считать вполне преодоленным.

ОТЧЕТ

О работе с делегацией Академического Совета ФНРЮ

18 мая в Москву в качестве гостей Академии наук СССР прибыла делегация Академического Совета ФНРЮ в составе:

Председатель Академического Совета ФНРЮ академик Синиша Станкович (руководитель делегации)³⁰, президент Сербской Академии наук академик Александр Белич, генеральный секретарь Югославянской Академии наук и искусств³¹ академик Грга Новак³², генеральный секретарь Словенской Академии наук и искусств академик Милко Кос³³, начальник (т.е. начальник Канцелярии) Академического совета ФНРЮ Никола Рот. Вместе с ак. А. Беличем, которому 82 года, приехала его дочь Маргита Ристич, преподавательница французского языка.

³⁰ Синиша Станкович (1892–1974) — сербский ученый (биолог, эколог) и государственный деятель. Член Сербской академии наук и искусств. В годы Второй мировой войны был связан с партизанским коммунистическим движением, подвергался арестам. В 1944–1953 гг. — председатель Президиума Народной Скупщины Сербии (в составе ФНРЮ). С 1966 г. — иностранный член АН СССР.

³¹ Югославянская академия наук и искусств в Загребе, высшее научное учреждение в Хорватии, была основана еще в эпоху Габсбургов, в 1867 г.

³² Грга Новак (1888–1978) — ведущий хорватский археолог и историк-медиевист.

³³ Милко Кос (1892–1972) — словенский историк-медиевист, крупнейший представитель национальной исторической школы.

Цель поездки — ознакомиться с работой Академии наук СССР, ее учреждений, с организацией подготовки научных кадров в системе АН, а также с научной и культурной жизнью советского народа. Представительный характер делегации явился причиной того, что в ней были представлены лишь некоторые отрасли науки: биология (С. Станкович), филология (А. Белич), история (М. Кос), археология (Г. Новак) и психология (Н. Рот). В связи с этим и ознакомление с работой научных учреждений АН СССР проходило лишь по указанным наукам.

Предварительно согласованной программы не было. По приезде делегации и после уточнения ее целей и запросов, Иностранным отделом Президиума АН СССР был подготовлен проект программы, который после согласования с делегацией был принят.

Академия наук СССР готова была обеспечить пребывание делегации на срок до 4 недель. Однако по желанию делегации был установлен срок в 10 дней (18–27 мая). В связи с этим делегация ограничилась ознакомлением лишь с научными учреждениями Москвы и Ленинграда. Круг научных учреждений был ограничен научными интересами отдельных членов делегации. С. Станкович и Н. Рот кроме того ознакомились с работой ряда отделов Президиума АН СССР.

Делегация прилетела в Москву 18. V в 14 ч. 05 м. На Внуковском аэродроме делегацию встречали ак. [К. В.] Островитянов, ак. Виноградов В. В. с женой, член-корр. [М. И.] Агошков, зам. директора Института славяноведения [И. А.] Хренов, работники Иностранного отдела Президиума АН СССР. По просьбе Иностранного отдела я был прикреплен к делегации в качестве переводчика.

Делегация югославских ученых прибыла в СССР в период острой критики программы СКЮ и материалов VII съезда СКЮ со стороны коммунистических и рабочих партий. Однако с советской стороны была проявлена максимальная тактичность в этом вопросе, югославские ученые были приняты сердечно и просто, что создало атмосферу дружбы и товарищества.

В первый же день по приезде в беседах зам. начальника Отдела стран народной демократии Рахманинова Г. И. с Н. Ротом, исполняющим фактически обязанности секретаря делегации, был составлен проект программы пребывания делегации в СССР, в котором были учтены все пожелания гостей. Вечером 18. V часть делегации

(Станкович, Новак, Кос, Рот) посмотрели кинофильм «Идиот», которому они единодушно дали очень высокую оценку³⁴.

19 мая утром (с 11 до 12 ч.) делегация посетила югославское посольство, после чего была совершена короткая автомобильная прогулка по Москве. В этот же день делегацию принял президент АН СССР ак. А. Н. Несмеянов. На приеме присутствовали все члены делегации (М. Ристич не присутствовала). С советской стороны были ак. [К. В.] Островитянов, ак. [В. В.] Виноградов, ак. [В. А.] Энгельгардт, И. А. Хренов, Г. И. Рахманинов. А. Н. Несмеянов кратко приветствовал делегацию югославских ученых, выразив готовность АН СССР предоставить им возможность ознакомиться со всем, что они пожелают. Ак. А. Белич от имени Академического Совета ФНРЮ и всех югославских ученых приветствовал советских ученых и выразил восхищение их грандиозными успехами, в частности запуском нового, третьего искусственного спутника земли³⁵. А. Белич заявил при этом, что югославские ученые глубоко заинтересованы в расширении и укреплении научных и культурных связей с СССР. В своем выступлении ак. С. Станкович подчеркнул, что успехи советской науки являются прямым результатом торжества социализма. Свое выступление он закончил заявлением о том, что расширение сотрудничества между учеными СССР и ФНРЮ пойдет на пользу как Югославии, так и СССР. После кратких взаимных приветствий начался общий разговор. В этом разговоре, в частности, был затронут вопрос о предстоящем в сентябре с.г. IV Международном съезде славистов³⁶. При этом А. Белич выразил недовольство тем, что СССР пригласил на съезд слишком малое число ученых из Югославии. В. В. Виноградов привел ряд цифр, показывающих, что Югославия будет представлена на этом съезде

³⁴ Экранизация одноименного романа Ф. М. Достоевского, вышедшая на экран в 1958 г. Фильм режиссера И. Пырьева с Ю. Яковлевым и Ю. Борисовой в главных ролях.

³⁵ Запуск первого (советского) искусственного спутника Земли состоялся за полгода до этого, 4 октября 1957 г. Н. С. Хрущев на следующий день принимал одну из югославских делегаций, посетивших СССР. См.: *Стыкалин А. С.* «Наша душа буквально радуется». Мир глазами Хрущева через день после запуска спутника // Электронный журнал «Общества Мемориал» «Уроки истории. XX век». 2017. Октябрь.

³⁶ Состоялся в Москве с участием представительной югославской делегации во главе с А. Беличем.

большим числом ученых, чем, скажем, Америка, Франция и т.д.³⁷ На это последовала реплика: «Но ведь Франция — это не славянская страна». В. В. Виноградов заверил югославских делегатов, что советский комитет славистов рассмотрит возможность увеличения числа делегатов из Югославии. Прием прошел в непринужденной обстановке.

После приема С. Станкович, Г. Новак, М. Кос и Н. Рот посетили Кремль. Вечером эти же члены делегации побывали в Московском цирке.

20 мая делегаты начали каждый в зависимости от своей специальности посещать соответствующие учреждения АН СССР. Вместе с Г. Новаком я был в Институте истории материальной культуры³⁸. В Институте Г. Новака встретил его директор Б. А. Рыбаков. После краткой беседы, на которой присутствовала д.и.н. [Т. С.] Пасек, Г. Новак сделал доклад о своих исследованиях культуры неолита на островах Далмации. Доклад сопровождался иллюстрациями из книги Новака «Доисторический Хвар»³⁹, которую он передал в дар Б. А. Рыбакову. После доклада в кабинете была продолжена беседа, в которой принял участие также аспирант В. Титов, которому Б. А. Рыбаков поручил на следующий день показать Г. Новаку интересные его отделы Исторического музея. Доклад Г. Новака и его выводы вызвали интерес московских археологов, которым он обещал оказать помощь в комплектовании библиотеки югославской археологической литературой (в частности, изданиями Югославянской Академии).

В это время М. Кос посетил Институт славяноведения, где он выступил с докладом «Эпоха феодализма в Западной Югославии». А. Белич — Институт языкознания, С. Станкович — посетил ВНИР (Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства)⁴⁰, а Н. Рот имел беседу в Президиуме АН СССР с руководством Отдела стран народной демократии.

³⁷ Крупнейший советский филолог академик В. В. Виноградов (1895–1969) был председателем международного комитета славистов и возглавлял оргкомитет по проведению съезда.

³⁸ Ныне — Институт археологии РАН в Москве.

³⁹ Остров на Адриатике с сохранившимися средневековыми памятниками.

⁴⁰ Ныне — Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

Вечером Новак, Кос и Рот смотрели в Театре оперетты «Поцелуй Чаниты»⁴¹.

С. Станкович в этот же день встретился с акад. [В. Н.] Сукачевым.

21 мая делегаты продолжали знакомиться с научными учреждениями Москвы. С. Станкович в первой половине дня посетил Институт океанологии АН СССР. В это же время Г. Новак в сопровождении аспиранта ИИМК'а В. Титова посетил Исторический музей, обратив особое внимание на его археологическую часть. По высказыванию Новака, он был сердечно принят археологами Музея. Он дал высокую оценку их работе и археологическим экспозициям и фондам музея.

А. Белич утром имел беседу в Институте языкознания, а затем был в Институте русского языка; М. Кос посетил Институт истории АН СССР. Н. Рот был в Институте психологии Академии педагогических наук, где он беседовал с профессором Шевыревым и ознакомился с работой Института.

После обеда А. Белич, М. Кос, Г. Новак и Н. Рот (С. Станкович готовился к докладу) посетили Московский университет, где они были приняты проректором И.С. Галкиным⁴². На беседе присутствовали профессора и преподаватели филологического и исторического факультетов. Делегаты интересовались постановкой учебного процесса, количеством студентов, порядком отбора студентов и т.д. И.С. Галкин рассказал о структуре МГУ и ответил на вопросы делегатов. После беседы делегаты (кроме А. Белича) осмотрели здание МГУ. Интересные объяснения делал доц. исторического факультета Д.А. Авдусин, который по окончании осмотра пригласил Г. Новака познакомиться с кафедрой археологии истфака МГУ. М. Кос изъявил желание посмотреть, как живет югославский аспирант Зор. Делегаты прошли в зону «Г», осмотрели общежитие аспирантов, где они застали югославских практикантов Зора и Павичевича. Вечером делегация слушала в Большом театре оперу «Евгений Онегин»⁴³, куда С. Станкович прибыл с некоторым запозданием, т. к. с 19.00 он делал доклад в Зоологическом музее МГУ.

22 мая Г. Новак и М. Кос посетили Отделение исторических наук АН СССР. Там они были встречены и.о. академика-секретаря ОИИ

⁴¹ Оперетта Ю. Милютин и Е. Шатуновского.

⁴² И.С. Галкин был профессором исторического факультета.

⁴³ Опера П.И. Чайковского.

Е. М. Жуковым. На беседе присутствовали ак. М. Н. Тихомиров, ак. И. И. Минц, ак. И. М. Майский, чл.-корр. Б. А. Рыбаков, В. Н. Лазарев, представители институтов ОИН. Е. М. Жуков рассказал о структуре ОИН, а затем представители институтов рассказали об организации и работе институтов, ответили на вопросы делегатов, которые в свою очередь отвечали на вопросы об организации научной работы и научной деятельности в Югославии.

После беседы в ОИН Г. Новак посетил кафедру археологии исторического факультета МГУ, где был встречен доц. Д. А. Авдусиным и доц. Б. А. Колчиным, которые показали Г. Новаку лаборатории кафедры, кабинет и учебный музей. На Г. Новака очень большое впечатление произвело наличие в лабораториях современной аппаратуры (для спектрального анализа, для структурного анализа и др.) советского производства. Он отметил, что он вынужден посылать свои находки для анализа в другие институты Югославской академии, что представляет неудобство, т. к. работники этих институтов (химики, металлурги и др.) подходят к обработке и анализу предметов как специалисты своего дела, а не как археологи. Г. Новак интересовался, имеется ли в СССР лаборатория «С-14» (для определения возраста предметов), заявив, что для такого рода анализов он вынужден посылать пробы в Брюссель или Мюнхен. Авдусин и Колчин сообщили ему, что такую лабораторию он сможет посмотреть в Ленинграде. Г. Новак интересовался стоимостью аппаратуры, прикидывал ее цену в переводе на динары и заявил, что это значительно дешевле, чем аппаратура западного производства. В заключение он выразил свое восхищение и искреннюю зависть советским археологам, имеющим такие условия для работы и преподавания. В этот же день А. Белич посетил учреждения Отделения литературы и языка АН СССР.

С. Станкович и Н. Рот имели беседу в Президиуме АН СССР по вопросам научно-организационной работы и подготовки научных кадров.

В 2 ч. дня А. Белич в Институте языкознания АН СССР выступил с докладом «О языковом знаке», в связи с чем он не присутствовал на обеде.

Во второй половине дня С. Станкович посетил Учинскую биологическую станцию.

На состоявшемся в гостинице «Украина» обеде присутствовали ак. К. В. Островитянов и Г. И. Рахманинов. Обед прошел в непринуж-

жденной обстановке. После обеда делегация посетила ВСХВ⁴⁴. Вечером того же дня группа делегатов присутствовала на спектакле «Необыкновенный концерт» в театре кукол. Ночью делегация отбыла в Ленинград.

23 мая делегация прибыла в Ленинград, где была встречена ленинградскими учеными (Костенко, Колесниковым, Алексеевым, Каргером и др.), которые во время завтрака в гостинице «Европейская» уточнили совместно с делегацией ее программу за время пребывания в Ленинграде. Встреча была очень непринужденной и дружественной.

В этот день в «Правде» было опубликовано сообщение о пребывании в СССР данной делегации. Надо сказать, что в последние дни пребывания в Москве делегаты выражали недовольство отсутствием упоминаний в печати об их пребывании здесь. И когда 23 числа они увидели заметку в «Правде», то А. Белич даже бросил реплику (в присутствии Г. И. Рахманинова): «Спохватились!» Позднее, вечером того же дня, он решил несколько исправить свою нетактичность и заявил мне, что его слова отнюдь не относятся к Академии, а лишь к «журналистам».

В тот же день делегаты (кроме А. Белича) посетили Русский музей. Во второй половине дня Г. Новак, М. Кос и Н. Рот посетили музей этнографии АН СССР, ознакомились с экспозициями музея, в первую очередь посвященными палеолиту и неолиту, беседовали с сотрудниками Музея.

В этот день А. Белич встретился с ленинградскими учеными филологами, а С. Станкович — со специалистами в области биологии.

Вечером делегаты слушали оперу «Манон»⁴⁵.

24 мая Г. Новак посетил Ленинградское отделение Института истории материальной культуры, где был встречен М. К. Каргером. Его ознакомили с работой отделения, организацией и т. д. Особенный интерес вызвала у Г. Новака лаборатория «С-14», где ему был подробно объяснен советский метод определения возраста остатков древесного угля, находимых на стоянках первобытного человека. С большим интересом он также ознакомился с итогами экспериментальных экспедиций по реконструкции первобытной техники,

⁴⁴ Речь идет о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в 1959 г. преобразованной в ВДНХ СССР.

⁴⁵ Опера Ж. Массне.

во время которых советские ученые своими руками изготовили каменные и медные орудия, рубили ими деревья, сделали лодку и т. д. и т. п. Г. Новак согласился с выводом о том, что наше представление о первобытной технике было неправильным, в частности считалось, что производительность первобытного человека была крайне низкой. Опыты советских ученых опровергли эти взгляды. Г. Новак при этом добавил, что следует принимать во внимание разницу в уровне развития первобытного и современного человека. В заключение Г. Новак кратко рассказал о своих работах по археологии.

В это же время М. Кос посетил Ленинградское отделение Института истории АН СССР. А. Белич встретился с ленинградскими учеными-филологами. Во второй половине дня делегация (кроме А. Белича) посетила Государственный Эрмитаж, где осмотрела экспозиции и специальную кладовую. Во время беседы в дирекции Г. Новак выразил желание подробнее ознакомиться с отделом египтологии и, в частности, посмотреть «ленинградский папирус», опубликованный ак. В. В. Струве. М. Кос хотел детальнее осмотреть славяно-русский отдел. Дирекция Эрмитажа пошла навстречу их пожеланиям и такой осмотр был назначен на утро 26 мая.

Вечером делегация смотрела балет «Спящая красавица»⁴⁶, которому все делегаты единодушно дали самую высокую оценку.

25 мая делегация совершила поездку в Петродворец, осмотрела парк и фонтаны.

Вечером Г. Новак, М. Кос и Н. Рот смотрели художественный фильм «Телеграмма» и «Сапоги»⁴⁷. А. Белич, несмотря на воскресный день, выступил с докладом в Институте языкознания.

26 мая Г. Новак и М. Кос посетили Эрмитаж, где подробно осмотрели — Новак отдел египтологии, а Кос — славяно-русский отдел.

А. Белич выступил с лекцией в Ленинградском университете. С. Станкович посетил филиал Института озерного и речного рыбного хозяйства, Ленинградский университет (биологический факультет); в тот же день он выступил с докладом.

Н. Рот посетил Институт физиологии АН СССР и Библиотеку АН СССР.

⁴⁶ Балет П. И. Чайковского.

⁴⁷ Речь идет о советских короткометражных художественных фильмах 1957 г.: «Телеграмма» (по рассказу К. Паустовского, режиссер Г. Щербаков) и «Сапоги» (экранизация рассказа А. П. Чехова, режиссер В. Немоляев).

Затем Новак и Кос осмотрели Исаакиевский собор, а потом Новак, Кос и Рот посетили Музей истории религии и атеизма АН СССР.

Во второй половине дня делегация посетила Ленинградский университет и была принята его ректором А. Д. Александровым. После беседы с ректором С. Станкович выступил с докладом на кафедре беспозвоночных биологического факультета ЛГУ. Вечером делегация смотрела балет «Семь красавиц»⁴⁸.

После балета в гостинице состоялся прощальный ужин, на котором присутствовал ряд ученых Ленинграда (ак. [Е. Н.] Павловский, ак. [М. П.] Костенко, Александров, Алексеев, Каргер и др.). Ужин прошел непринужденно, в дружеской атмосфере. Югославские делегаты поблагодарили ленинградских ученых за теплое гостеприимство и дружеское отношение. После ужина делегация отбыла в Москву.

В Москве 27 мая в первой половине дня делегатам была предложена возможность осмотреть город, побывать в магазинах и т. д. Вечером делегация была на приеме у президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова, на котором присутствовали многие выдающиеся советские ученые, сотрудники Института славяноведения, работники иностранного отдела и др. лица. На приеме с речами выступили А. Н. Несмеянов и С. Станкович, который, в частности, выразил благодарность делегации за оказанный ей дружеский прием и отметил огромные достижения советской науки.

Утром 28 мая делегация вылетела в Польшу. В проходах делегации на Внуковском аэродроме приняли участие: А. Н. Несмеянов, Л. А. Зенкевич, филолог [Г. Н.] Поспелов, И. А. Хренов, С. И. Прасолов и др. лица.

* * *

В начале пребывания делегации чувствовалась известная натянутость. По мнению делегатов, они встретили в Москве холодный прием. Особенно они обращали внимание на то, что долго ничего не было в печати. Во время завтрака 22.V Рот, например, допустил следующую выходку: развернув «Правду», он громко прочитал: «Прибытие в СССР... делегации Академического Совета... нет, нет — английских транспортников!». Он же говорил, что они полагали, что с советской стороны уже подготовлена программа. Однажды он подчеркнул, что

⁴⁸ Балет К. Караева.

в настоящей делегации представлено все высшее руководство югославской науки, а это-де, по-видимому, не понято советскими учеными. Позднее эти настроения сгладились, особенно после появления сообщений в «Правде» и «Ленинградской правде».

По своему знанию СССР, советских ученых и др. не все делегаты были одинаковы. А. Белич не только превосходно знает русский язык, но и имеет много личных знакомых — филологов (в московских институтах АН СССР, в МГУ, в ЛГУ, в ленинградских научных учреждениях и т.д.). Приезжая в СССР, он знал, с кем он может встретиться, знал, какова будет аудитория на его докладах и т.п. В подобном же положении был и С. Станкович, неоднократно бывавший в СССР, имеющий личные контакты с представителями своей специальности. Он проявил большое знание целого ряда советских научных учреждений и его программа была в основном составлена, как и программа А. Белича, по его запросам. Знает он русский язык настолько, что мог выступать на русском языке. (По его словам, он перевел на сербский язык «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина). После доклада на кафедре зоологии МГУ (21 мая) С. Станкович приехал в Большой театр. На вопросы делегатов, как прошел доклад, он ответил: «Очень хорошо. После доклада изрядно поспорили, но если бы этого не было, то это значило бы, что доклад был плохой». С. Станкович очень высоко отозвался об ак. [В.А.] Энгельгардте, охарактеризовав его другим делегатам как крупного ученого с мировым именем.

В ином положении находились Г. Новак и М. Кос. Они впервые приехали в СССР, не знали русского языка, личных контактов с советскими учеными почти не имели, кроме краткого знакомства с некоторыми советскими историками во время всемирного конгресса историков в Риме⁴⁹. Судя по всему, они также были довольно мало знакомы и с советской исторической литературой. Г. Новак это даже подчеркнул, объяснив это (не без оснований) слабым проникновением советской литературы в Югославию в период между двумя мировыми войнами вследствие антисоветской политики королевского правительства Югославии. В связи со всем этим Г. Новак и М. Кос не могли конкретно назвать научных учреждений и лиц, с которыми

⁴⁹ X международный конгресс исторических наук в Риме, состоявшийся в сентябре 1955 г.

они хотели бы встретиться. Программа их встреч поэтому была, в основном, составлена советской стороной.

Г. Новак, несмотря на свои 70 лет, живой, подвижный, любит поесть и выпить. «Меня здесь интересует все», — неоднократно говорил он. Он интересовался ценами (причем не только на научную аппаратуру, но и на продукты и промтовары), ставками научных работников и т. д. В музеях он стремился помимо археологических экспозиций, посмотреть, главным образом, русские вещи, заявляя, что итальянцев и других европейских художников он видел в музеях и галереях Европы. В Москве и Ленинграде обращал внимание на стиль зданий, памятников и т. д.

Новак — типичный буржуазный профессор. Ко мне и ко всем советским людям, а также к своим товарищам (кроме Коса, с которым они личные друзья) он обращался не иначе как «господин» или «господин коллега». Но во время доклада в ИИМК отдал дань современности, начав свое выступление с обращения: «Товарищи...». По словам Н. Рота, Новак до войны был активным деятелем одной из буржуазных партий. Во время оккупации отсидел 6 месяцев в концлагере. По словам того же Рота, Новак «неплохой человек, но политически совершенно безграмотен».

М. Косу лет 65. Он — историк, его специальность — всеобщая история в Средние века, история Словении, палеография. Держался скромно и просто. Как и Новак, придерживался старого обращения «господин», но 22. V на обеде в гостинице «Украина», когда К. В. Островитянов в разговоре сказал «профессор Новак», Кос поправил его: «А мы у себя говорим: товарищ профессор...». Говоря о политической отсталости Новака, Рот добавил, что М. Кос «значительно лучше в этом отношении».

Н. Рот моложе всех остальных. До начала 50-х годов он был на политической работе в армии, уволен в запас в чине подполковника. До войны был учителем. Н. Рот, пожалуй, больше других обращал внимание на вопросы процедуры (в частности, на реакцию печати). Но это, возможно, было потому, что он фактически исполнял обязанности секретаря делегации. Высказывался, что, по его мнению, у нас перебарщивают в искусстве в том отношении, что не дают развиваться модернистской живописи, изгоняют всякие легкие жанры из театра и т. д. Однако он был весьма удивлен, увидев в Эрмитаже картины Пикассо и других художников-символистов, а постановка оперетты

«Поцелуй Чаниты» показала ему, что и у нас не чураются «легкого жанра», но что в нашем понимании легкий жанр и порнография — не одно и то же. Очень хотел приобрести наши учебники по психологии, но это ему не удалось, из-за отсутствия их в магазинах. Его специальность — психология, в частности, социальная психология. Считает, что мы, устремив главное внимание на учение Павлова, недооцениваем роль упражнений (тестов) в изучении психологии.

На мой взгляд, делегация уехала с хорошими впечатлениями. Небольшой холодок, имевший место в начале ее пребывания и вполне естественный в свете серьезных идеологических разногласий между КПСС и СКЮ, был позднее рассеян сердечным приемом, оказанным советскими учеными как в Москве, так и в Ленинграде, а особенно приемом у А. Н. Несмеянова и тем, что он лично приехал проводить делегатов на аэродром, несмотря на ранний час.

Научный сотрудник
Института истории АН СССР (Зеленин) [автограф]

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Л. 49–62.

Георгий Николаевич Энгельгардт

Милорад Додик — первые контакты с Россией

А.Л. Шемякин на примере столь любимого им Николы Пашича показал, насколько крупные фигуры сербской политики умели быть постоянны в своих внешнеполитических ориентациях, несмотря на все кульбиты внутривнутриполитической борьбы. Образ «кингмейкера» рубежа XIX–XX вв. иногда приходит на ум, если посмотреть на современную сербскую политическую сцену, одним из видных деятелей которой вот уже более двух десятилетий остается лидер Республики Сербской (РС) в Боснии и Герцеговине (БиГ) Милорад Додик, как-то назвавший себя «главным байей»¹ Боснии².

Таким образом, устоявшийся взгляд на политическую биографию Милорада Додика может быть сведен к формуле: становление политика (1989–1996 гг.) — вхождение в большую политику как «надежды Запада» (1998–2000 гг.) — превращение в защитника суверенитета РС и партнера России (с 2006 г.).

Однако новые материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), прежде всего фондов 933 (посольство России в Сараеве) и 896 (референтура МИД России по БиГ), не только позволяют существенно пересмотреть датировку начала контактов Милорада Додика с Россией, но и показывают, что многие его решения «патриотического периода» задумывались им еще в годы

¹ Байя (Баја) — прозвище крупнейшего сербского политика конца XIX — начала XX вв. Николы Пашича (1845–1928), «старший брат», «хозяин», «старшак». В современном сербском — жаргонизм: «главный», «центральной», «заводила».

² Dodik psovao i vrijedjao BN TV i opoziciju TV BN 26 mart 2014. 1:03. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P1O38OC_KeI (дата обращения: 01.03.2020).

максимальной поддержки его Западом. По крайней мере, это точно относится к заинтересованности в развитии отношений с Россией, равно как и к конкретным проектам такого сотрудничества.

Говоря о деятелях новейшей сербской истории, следует учитывать, что она теперь охватывает как минимум два государства — не только собственно Сербию, но и РС. Почти три десятилетия существования созданной в 1992 г. сербской автономии в БиГ привели к формированию в ней своего политического класса, пусть и весьма тесно связанного с политической элитой Белграда. До сих пор из обилия политиков, действовавших и действующих в РС, можно выделить две наиболее значительные фигуры — создателя республики и ее первого президента Радована Караджича³ и когда-то его главного оппонента, многолетнего премьер-министра и президента Милорада Додика (с конца 2018 г. он занял пост члена Президиума БиГ).

По своему стажу в активной республиканской, общесербской, а теперь уже и в общесербской политике нынешний глава Президиума БиГ вошел в лигу экс-югославских политических долгожителей. По времени непрерывного руководства он уступает разве что дуайену этой лиги Мило Джукановичу (даже исчисляя с 1997 г.)⁴. А если такие ветераны белградской многопартийности, как Воислав Шешель⁵

³ Радован Караджич (Радован Караџић) (р. 1945) — сараевский психотерапевт и литератор, основатель и первый председатель Сербской демократической партии БиГ (СДП БиГ), политический лидер боснийских сербов в первой половине 1990-х гг., первый президент Республики Сербской. В 1992 г. избран председателем Президиума Сербской Республики БиГ, с августа 1992 по июнь 1996 г. — президент РС. В середине 1994 г. после отказа безоговорочно принять мирный план Контактной группы был в открытом политическом конфликте с С. Милошевичем. В 1995 г. обвинен в военных преступлениях Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), от которого скрывался более десяти лет. В 2008 г. арестован в Белграде и выдан МТБЮ. 24 марта 2016 г. приговорен к 40 годам заключения, 20 марта 2019 г. апелляционной коллегией Завершающего органа международных трибуналов срок заключения изменен на пожизненный.

⁴ Мило Джуканович (Мило Ђукановић) (р. 1962) — югославский и черногорский политик. В ходе смены элит Черногории в рамках организованной С. Милошевичем «антибюрократической революции» 1991 г. в феврале 1991 г. назначен премьер-министром республики и занимал этот пост до февраля 1998 г. В 1997 г. резко изменил политический курс, пойдя на сближение с Западом, на разрыв с С. Милошевичем и перейдя от «просербской ориентации» к политике выхода Черногории из федерации с Сербией. После победы на выборах президента республики занимал этот пост в 1998–2002 гг., а затем в 2003–2010 и 2012–2018 гг. был премьер-министром. В 2018 г. снова избран президентом страны.

⁵ Воислав Шешель (Војислав Шешель) (р. 1953) — лидер Сербской радикальной партии (основана в 1991 г.), выступал за создание Великой Сербии, с 1991 по 2003 г.

и/или Вук Драшковић⁶, и превосходят его по парламентскому стажу, то и они не могут сравниться с ним по опыту реальной власти.

Как известно, в первые постдейтонские годы США и их, прежде всего европейские партнеры, приложили большие усилия для радикального реформирования боснийской политической сцены. Важным элементом этого стало оттеснение от власти «националистов», т. е. деятелей национально-политических движений бошняков, сербов и хорватов, которые собственно и создали независимую Боснию, Республику Сербскую и Герцег-Босну, столкнулись друг с другом в кровавой гражданской войне 1992–1995 гг. и возглавили национальное и госстроительство на подконтрольных территориях⁷. Главным объектом этих усилий стали сербские политики Радован Караджич и его соратники по руководству Сербской демократической партией (СДП) — Момчило Краишник⁸,

депутат Скупщины Сербии, в 1998–2000 гг. — вице-премьер правительства Сербии (в 2003 г. обвинен МТБЮ, в 2014 г. отпущен на родину по состоянию здоровья после беспрецедентно длительного процесса, а в 2016 г. оправдан трибуналом), в 2016 г. снова избран депутатом Скупщины Сербии.

⁶ Вук Драшковић (Вук Драшковић) (р. 1941) — журналист, писатель. Лидер Сербского движения обновления (основано в 1990 г.), оппозиционной национально-монархической партии. С середины 1990-х гг. отошел от радикального национализма. В 2000 г. — участник оппозиционной коалиции ДОС, свергнувшей режим С. Милошевича. В 1990–2000, 2003–2007 и 2008–2020 гг. депутат Скупщины Сербии. В январе — апреле 1999 г. вице-премьер правительства Союзной республики Югославии (СРЮ), в 2004–2006 гг. — министр иностранных дел правительства Сербии и Черногории (СиЧ), в 2006–2007 гг. министр иностранных дел Сербии. В 2005 г. как глава МИД СиЧ подписал соглашение о сотрудничестве страны с НАТО, предоставившее альянсу широкие права и привилегии на территории Сербии.

⁷ Подробнее см.: *Энгельгардт Г.Н.* Босния и Герцеговина // Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XX — начале XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. Изд. 2-е, дораб. и доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 76–105.

⁸ Момчило Краишник (Момчило Крајишник) (р. 1945) — боснийский и сербский хозяйственник и политик. Друг и соратник Р. Караджича, один из основателей и лидеров Сербской демократической партии БиГ. После первых многопартийных выборов 1990 г. — председатель Народной скупщины (парламента) БиГ в 1990 — апреле 1992 г. С 25 октября 1991 г. — председатель Скупщины сербского народа БиГ (с января 1992 г. — Скупщины Сербской республики БиГ, затем — Народной скупщины Республики Сербской), занимал этот пост до середины 1996 г., член Военного президиума РС. В 1996–1998 гг. — член Президиума БиГ. В 2000 г. арестован по тайному обвинению МТБЮ и отправлен в Гаагу. В 2006 г. приговорен к 20 годам заключения, освобожден в 2013 г. по отбытии 2/3 срока заключения. Среди руководства боснийских сербов считался наиболее жестким переговорщиком, главным противником

Алекса Буха⁹, Биляна Плавшич¹⁰ и др. Лидеры боснийских хорватов и их движение Хорватское демократическое сообщество БиГ (ХДС БиГ) попали под удар только по мере решения «сербской проблемы», а элита мусульман (с 1993 г. — бошняков) из Партии демократического действия (ПДД) Алии Изетбеговича, а ныне его сына и наследника Бакира и отколовшейся от нее Партии за БиГ (ПзаБиГ) Хариса Силайджича была затронута в минимальном размере.

Среди методов Запада в борьбе с «руководством Пале», помимо прямого отстранения от власти ключевых фигур (Радована Караджича и главы армии РС Ратко Младича), важную роль играл и раскол руководства СДП с перетягиванием на свою сторону Биляны Плавшич, преемницы Р. Караджича на президентском посту, равно как и формирование новой элиты, желательно из лиц, не имевших отношения

территориальных уступок, а в 1996–1998 г. был главным объектом давления структур внешнего управления дейтонской Боснии.

⁹ Алекса Буха (Алекса Буха) (р. 1939) — югославский ученый и боснийский политик. Профессор Сараевского университета, специалист по Гегелю. Один из основателей СДП БиГ. В 1990 г. избран членом Народной скупщины БиГ. В 1992–1998 гг. — министр иностранных дел РС. В 1996–1998 гг. — председатель СДС БиГ, оттеснен от власти органами внешнего управления дейтонской Боснией.

¹⁰ Биляна Плавшич (Биляна Плавшић) (р. 1930) — югославский ученый и боснийский политик. Профессор Сараевского университета (заведующая кафедрой биологии и декан факультета математики и естественных наук), в 1990 г. по списку СДП БиГ избрана членом Президиума БиГ (занимала этот пост до 12 мая 1992 г.). С 12 мая 1992 г. по 19 июля 1996 г. — вице-президент Республики Сербской, боролась против уступок внешнему давлению и на этой почве вошла в конфликт с президентом Сербии С. Милошевичем. С 19 июля 1996 г. по 4 ноября 1996 г. и.о. президента РС (под давлением международного сообщества Р. Караджич передал ей свои полномочия). В 1996–1998 гг. — президент РС. После прихода к власти Б. Плавшич неожиданно резко изменила свой политический курс, вступив в середине 1997 г. в открытый конфликт с остальными лидерами СДП, обвиняя их в коррупции и злоупотреблениях. В этом конфликте она прибегла к политической и силовой поддержке Запада, максимально использовавшего противостояние для подрыва позиций РС. Одним из ключевых союзников Плавшич стал М. Додик, при активной поддержке Запада избранный на пост премьер-министра РС в 1998 г. После неудачи на президентских выборах 13–14 сентября 1998 г. она теряет политическое влияние. В 2000 г. МТБЮ выдвинул против нее обвинение в преступлениях против человечности. 10 января 2001 г. Б. Плавшич добровольно прибыла в Гаагу, в 2002 г. заключила сделку с обвинением, признав обвинения в изгнании мусульман (бошняков) и хорватов с территории 37 общин БиГ в обмен на снятие обвинений по ряду других пунктов, включая и геноцид. В качестве свидетеля обвинения выступала на процессе М. Крайшника. В 2003 г. была приговорена к 11 годам заключения, и после отбытия 2/3 срока наказания была освобождена 24 октября 2009 г.

к СДП, к гражданской войне, и которых можно было бы представить альтернативой «кровавым националистам». Двумя наиболее известными фигурами такого плана тогда стали молодой экономист Младен Иванич и оппозиционный депутат Милорад Додик. Хотя и тому, и другому политику на тот момент едва исполнилось 40 лет, за плечами каждого из них уже была солидная карьера, причем у обоих — оборванная подъемом национальных партий в начале 1990-х.

Собственно, привычное восприятие политической биографии и эволюции взглядов Милорада Додика выглядит так: родившийся в 1959 г. житель поселка Лакташи, расположенного неподалеку от Бани Луки, в 1983 г. окончил престижный факультет политологии Белградского университета, что позволяло ему начать номенклатурную карьеру. В 1986 г. он стал главой исполкома скупщины общины Лакташи (т.е. председателем исполкома райсовета). В период нарастания кризиса СФРЮ молодой хозяйственник также стал заниматься бизнесом, параллельно стремясь выдвинуться на республиканском уровне. На первых многопартийных выборах в Скупщину БиГ в 1990 г. он сделал ставку на их тогдашнего фаворита — Союз реформистских сил Югославии (СРСЮ), возглавлявшийся главой федерального правительства Анте Марковичем. СРСЮ выступал с общегославских позиций против республиканского сепаратизма и всех форм национализма. Однако на выборах в ноябре–декабре 1990 г. в «мини-Югославии», как многие называли Боснию, ее жители проголосовали за национальные движения своих народов, и СРСЮ получила около 10% голосов, проведя в республиканскую скупщину 13 депутатов. Тем не менее М. Додик стал депутатом Скупщины СР БиГ по списку СРСЮ (таким образом, на 2019 г. его непрерывный стаж на выборных должностях составил 28 лет).

По мере сползания Боснии к гражданской войне расходились по «национальным квартирам» и депутаты от «гражданских партий». Реформист Додик не стал исключением из этого правила, вступив в число 83-х депутатов Сербской скупщины БиГ, образованной на базе фракции СДП в республиканском парламенте. В течение 1992 г. эта структура преобразовалась в Народную скупщину Республики Сербской, одним из членов которой был и молодой экс-реформист. В период гражданской войны он занимал скорее умеренные позиции, поддерживая мирные планы, и больше занимался торговлей. В ходе споров вокруг плана Контактной группы в 1994 г. Додик

поддержал С. Милошевича и стал лидером немногочисленной оппозиции Р. Караджичу и СДП в Скупщине.

После раскола руководства РС в 1997 г. он встал на сторону Б. Плавшич и быстро выдвинулся в среде ее сторонников и как наиболее жесткий критик СДП, и как наиболее деятельный руководитель-практик. По мнению госсекретаря США М. Олбрайт, назначение Додика премьер-министром в январе 1998 г. стало «поворотным моментом в истории РС», а его запрос о встрече с главой американской дипломатии — «дуновением свежего ветра»¹¹. При этом американских дипломатов в нем подкупало отсутствие отягчающего «наследия войны» и готовность к сотрудничеству с международным сообществом в деле реализации и углубления Дейтонских соглашений. Поэтому в 1998 г. при мощнейшей поддержке США и структур Высокого представителя¹² (ВП) Милорада Додика продвигают на пост премьер-министра РС¹³, и он становится младшим партнером Б. Плавшич. Например, именно отказом тогдашнего президента РС Николы Поплашена¹⁴ предоставить Додику мандат на формирование правительства ВП Карлос Вестендорп¹⁵ мотивировал свое решение

¹¹ Albright Pledges \$5M for Serbs // Associated Press. 1998. February 21st. URL: <https://apnews.com/d6cc6689294345b14b6b99de3ac7bf04> (дата обращения: 01.03.2020).

¹² Высокий представитель (High Representative) (ВП) — учрежденная в 1996 г. в рамках дейтонского процесса боснийского урегулирования должность международного контролера исполнения гражданских аспектов ОРМС. Путем последовательного расширения полномочий ВП в 1996–1997 гг., он фактически стал верховным органом власти в БиГ, получив право снимать с постов любых должностных лиц БиГ и принимать обязательные к исполнению решения по любым спорным вопросам. Пик политического влияния ВП пришелся на 1999–2005 гг., когда ВП Вольфганг Петрич и Пэдди Эшдаун являлись настоящими «вице-королями Боснии». Подробнее см.: *Knaus M., Martin F. Lessons from Bosnia and Herzegovina: Travails of the European Raj* // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. № 3. P. 64–73.

¹³ См.: *Lakić M. Milorad Dodik — from Albright's Pet to Putin's Friend* // BIRN Sarajevo. 2018. April 6. URL: <https://balkaninsight.com/2018/04/06/milorad-dodik-from-albright-s-pet-to-putin-s-friend-03-28-2018/> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁴ Никола Поплашен (Никола Поплашен) (р. 1951) — боснийский и сербский политик. Профессор Сараевского университета, в 1993 г. был назначен председателем Сербской радикальной партии в РС (СРС РС). В сентябре 1998 г. избран президентом РС вопреки воле международного сообщества. 5 марта 1999 г. снят с должности ВП К. Вестендорпом, сопротивлялся этому решению до 2 сентября 1999 г.

¹⁵ Карлос Вестендорп (Carlos Westendorp y Cabeza) (р. 1937) — испанский дипломат, министр иностранных дел в 1995–1996 гг. В 1997–1999 гг. занимал пост Высокого представителя в БиГ. Издал указы о гражданстве БиГ, о флаге и гербе страны,

об отстранении его от должности¹⁶. Когда же в сентябре 1998 г. перековавшаяся «железная леди боснийских сербов» проиграла президентские выборы и выпала из большой боснийской политики, равно как и ее партия Сербский народный Союз (СНС), то лидер независимых социал-демократов не только усидел в седле, но и стал главной надеждой Запада в РС, прочно контролируя республику в критический период нападения НАТО на Югославию, изъятия из состава РС стратегического города Брчко в 1999 г., а затем — свержения С. Милошевича в 2000 г.¹⁷.

После эпохи бурных перемен на постюгославском пространстве Додик переходит в оппозицию (в начале 2001 г.) и пребывает в этой роли на пять лет.

Вторая радикальная политическая метаморфоза случилась с Додиком в 2006 г. Тогда полностью парализованный ВП П. Эшдаунм третий эшелон наследников Р. Караджича из СДП предпочел передать власть Додику, чтобы не брать на себя ответственность за окончательный демонтаж остатков автономии РС и подчинение ее центральной власти Сараева. И тут «надежда международного сообщества» вместо скоростного вотирования пакета централизаторских реформ сначала их заблокировал, а потом и вовсе возглавил последовательную борьбу за сохранение остатков автономии, затем — за ее восстановление до исходных дейтонских параметров, в последние же годы все чаще поминает возможность отделения РС от БиГ.

Вот уже 14 лет бессменно руководя республикой на различных постах (премьер-министр РС в 2006–2010 гг., президент в 2010–2018 гг., член Президиума БиГ от сербского народа с 2018 г.), Милорад Додик попутно выстроил стратегическое партнерство с Россией, о котором так мечтали его предшественники — соратники Р. Караджича. Удалось ему привлечь и российские инвестиции в экономику республики путем продажи в 2007 г. НПЗ в г. Босански Брод

об автомобильных номерах. Активно пользовался т.н. боннскими полномочиями, в том числе для отстранения от должности президента РС Н. Поплашена.

¹⁶ OHR Decision removing Mr. Nikola Poplasen from the Office of President of Republika Srpska 5/3/1999. URL: <http://www.ohr.int/decision-removing-mr-nikola-poplasen-from-the-office-of-president-of-republika-srpska-2> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁷ Bideleux R., Jeffries I. The Balkans: A Post-Communist History. New York, Routledge, 2007. P. 375.

российской госкомпании ОАО «Зарубежнефть», а последовательность и надежность обеспечила ему неизменную поддержку со стороны Москвы в борьбе как за сохранение автономии РС, так и за ее расширение. Со своей стороны лидер РС не колебался в поддержке действий России, особенно в период обострения ее отношений с Западом с 2014 г., заблокировав, например, присоединение БиГ к анти-российским санкциям и ее вступление в НАТО.

Естественной реакцией Запада на такое изменение политики лидера РС стало нарастающее раздражение, постепенно перешедшее в прямое давление на него. Апогеем этого давления стало внесение Додика в санкционный список США¹⁸.

Таким образом, устоявшийся взгляд на политическую биографию Милорада Додика может быть сведен к формуле: становление политика (1989–1996 гг.) — вхождение в большую политику как «надежды Запада» (1998–2000 гг.) — превращение в защитника суверенитета РС и партнера России (с 2006 г.).

Тем не менее доступные документы представительства (с 1998 г. — посольства) России в Сараеве показывают М. Додика с несколько неожиданной стороны и позволяют датировать начало его интереса к развитию отношений с Москвой.

Первое упоминание о встрече российских дипломатов с ним относится к маю 1998 г. 14 мая посол Ф. Ф. Сидорский в рамках подготовки визита в БиГ делегации Министерства экономики РФ¹⁹ передал новому премьер-министру РС письмо мэра Москвы Ю. М. Лужкова с призывом активизировать работу по заключенному 17 октября 1997 г. соглашению РС с властями Москвы о сотрудничестве в сфере строительства и запросил реакцию на предложения о сотрудничестве с Россией, сделанные в ходе визита в БиГ главы МИД РФ Е. М. Примакова (18–19 марта 1998 г.). То, что такая встреча состоялась через несколько месяцев после занятия Додиком поста главы правительства, также показывает, что тогда у него были иные приоритеты и совершенно иные внешние партнеры.

¹⁸ US Department of the Treasury. Treasury Sanctions Republika Srpska Official for Actively Obstructing The Dayton Accords. January 17th, 2017. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl0708.aspx> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁹ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 3. Д. 1. П. 4. Л. 61. Нота Посольства РФ в БиГ — Министерству иностранных дел БиГ № 75 от 1998 г.

В отчете о беседе Ф. Сидорский отметил отсутствие у Додика ответов на поставленные ему вопросы: «Сославшись на то, что “кому-то поручал” подготовить соображения по развитию сотрудничества с Россией, но якобы не смог проконтролировать, премьер-министр обещал обдумать возможные соображения правительства РС относительно конкретных путей развития связей между РС и РФ и информировать нас позднее». Тем не менее уже тогда он активно интересовался возможностью реализации товарного кредита со стороны России²⁰.

Была ли «неготовность ответить» обычной для страны дипломатической уверткой? Судя по всему — нет: уже через месяц премьер-министр в следующей беседе с российским послом не только говорил о намерении воспользоваться приглашением И. С. Иванова и посетить Москву 10–11 июля 1998 г. для встреч с Е. М. Примаковым, Ю. М. Лужковым, но вдобавок выразил желание приступить к реализации ранее подписанных соглашений. В записи беседы указано, что «между правительством Москвы и Республикой Сербской подписано соглашение о сотрудничестве, и у премьер-министра РС имеются конкретные вопросы для обсуждения в рамках этого соглашения», а также что он просит встреч с «с руководством “Газпрома” (проблемы поставок газа в РС), Минэкономики и МГУ им. М. В. Ломоносова»²¹.

Практически сразу же после беседы с российским послом 28 мая 1998 г. Додик предлагает руководству «Газпрома» проект газификации Боснийской Краины (западной части РС вокруг ее нового центра — г. Баня Луки)²². Глава правления российского газового гиганта Р. И. Вяхирев выразил готовность принять участие в реализации этого проекта и «направить в РС группу специалистов РАО “Газпром” для <...> подготовки технико-экономического обоснования проекта газификации объектов и городов на территории Республики Сербской», однако увязал это «с погашением существующей

²⁰ АВП РФ. Ф. 896. Оп. 6. Д. 1. П. 5. Л. 67–68. Посольство РФ в БиГ Исх. № 196 Сараево, 19 мая 1998 г. Запись беседы с премьер-министром Республики Сербской Милорадом Додиком 14 мая 1998 г.

²¹ Там же. Посольство РФ в БиГ Исх. № 269 Сараево, 26 июня 1998 г. Запись беседы с премьер-министром Республики Сербской Милорадом Додиком 15 июня 1998 г.

²² Ссылка на письмо «О сотрудничестве в газификации Республики Сербской» от 28 мая 1998 г. имеется в ответном письме Р. И. Вяхирева (АВП РФ. Ф. 896. Оп. 8. Д. 3. П. 7. Л. 139 Д8/48–365. 28 июля 1998 г. Председатель правления РАО «Газпром» Р. И. Вяхирев — Председателю Правительства Республики Сербской М. Додик).

задолженности за поставленный в 1991–1997 годах в Республику Сербскую природный газ»²³.

В январе 2000 г. М. Додик снова предлагал Газпрому принять участие в газификации «западной части РС, прежде всего г. Бая Лука и прилегающих населенных пунктов», предлагая компенсировать это «передачей в собственность ОАО Газпром газопроводных сооружений на территории Республики Сербской». Также он предлагал заключить отдельный контракт на поставку газа непосредственно в РС вместо действовавшей тогда схемы поставок единому боснийскому заказчику в лице сараевской компании «Энергоинвест АО Сараево»²⁴. Предложение повторно было отклонено Р.И. Вяхиревым, уязвившим возможность реализации такого проекта с предварительной оплатой задолженности БиГ (и РС как ее части) за поставки российского газа в 1991–1997 гг.²⁵. Также руководитель российской газовой монополии высказался против пересмотра действовавшей схемы расчетов за поставки, так как она обеспечивала погашение боснийской стороной накопившейся с 1991 г. задолженности.

Стремление Додика привлечь «Газпром» к газификации основной части территории РС также имеет долгосрочный характер. В 2007–2014 гг. республика активно планировала осуществить это в рамках реализации проекта «Южный поток», сорванного в 2014 г. из-за противодействия США и ЕС. В последующие годы Бая Лука рассчитывает на участие в проекте «Турецкий поток — 2». Интерес этот обусловлен как надеждами на дополнительное экономическое развитие за счет расширения энергетической и сырьевой базы, так и социально-экологическими причинами — необходимостью заместить угольную теплогенерацию, вызывающую хроническое загрязнение воздуха основных поселений республики.

Следует отметить, что в 1996–1998 гг. главными собеседниками российских дипломатов из числа боснийских сербов были

²³ АВП РФ. Ф. 896. Оп. 8. Д. 3. П. 7. Л. 139. Д8/48–365. 28 июля 1998 г. Председатель правления РАО «Газпром» Р.И. Вяхирев — Председателю Правительства Республики Сербской М. Додику.

²⁴ Там же. Л. 135. № 288/Зед. 28 января 2000 г. А.А. Авдеев — Председателю правления ОАО «Газпром» Р.И. Вяхиреву.

²⁵ Там же. Л. 138. № РВ-63. 6 марта 2000 г. Председатель правления ОАО «Газпром» Р.И. Вяхирев — Первому заместителю министра иностранных дел РФ А.А. Авдееву.

в первую очередь представители СДП (как тогда их называли — «лидеры Пале») — Момчило Краишник, Алекса Буха, сербские министры в центральных органах власти БиГ. На встречах с представителями Москвы они прежде всего обсуждали именно боснийские (или шире — экс-югославские) проблемы: в отчетах зафиксированы их обширные сетования на неурядицы сербов, на давление со стороны Запада и на происки лидеров боснийских мусульман (с 1993 г. — бошняков). С середины 1997 г. появляется и нарастает новая тема — внутренний раскол, конфликт между президентом РС Б. Плавшич и сторонниками М. Краишника. Записи бесед с М. Додиком заметно отличаются от них по стилю. Там нет долгих рассуждений общего порядка и обсуждения деталей мучительных согласований устройства общесербских учреждений. Вместо этого господствует прагматизм, акцент на практические вопросы. Примечательно, что и некоторые функционеры СДП в беседах с российскими дипломатами высоко оценивали деловые качества своего оппонента. Так, замглавы МИД БиГ Д. Божанич признавал, что «с приходом к власти правительства М. Додика политика республики в рамках БиГ стала более гибкой, но не менее просербской, чем ранее. Проявляемая сейчас новым правительством большая кооперативность с международным сообществом в отношении имплементации Дейтонских соглашений, позволила снять многие ранее выдвигавшиеся обвинения Запада в адрес РС, позволила открыть канал экономической и финансовой помощи республике. Вместе с тем возникают опасения в отношении того, удастся ли М. Додику сохранить разумный баланс между кооперативностью и обеспечением государственности РС»²⁶.

В ходе той же беседы 15 июня 1998 г. Додик поставил еще один вопрос, кстати до сих пор практически не разрешенный: «Премьер-министр РС поинтересовался возможностью открытия в Бая Луке отделения Посольства РФ в БиГ. Он отметил, что на сегодняшний день в Бая Луке функционируют такие представительства США, Великобритании, Франции и Германии, а вопрос об открытии отделения Посольства Греции находится в стадии согласования. По его словам, народ и руководство РС заинтересованы в скорейшем учреждении российского дипломатического представительства в Бая Луке и не

²⁶ АВР РФ. Ф. 896. Оп. 6. Д. 1. П. 5. Л. 33. Из дневника Ф. Ф. Сидорского. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел БиГ Д. Божаничем 13 марта 1998 г.

только для того, чтобы сбалансировать присутствие в РС западных стран, но прежде всего с точки зрения содействия развитию всесторонних связей и сотрудничества России и Республики Сербской»²⁷.

Повторимся, вопрос открытия в Бая Луке представительства России не решен и до сих пор.

Несмотря на обострение политического кризиса вокруг Косова и внутривосполитической обстановки в БиГ и в РС, в частности, Додик смог нанести рабочие визиты в Москву в октябре 1998 г. и через год — в октябре 1999 г.²⁸.

Также в переписке 2000 г. упоминается и предложение М. Додика России принять участие в приватизации НПЗ «Брод». Глава 3 Европейского департамента (3 ЕД) МИД РФ указывает, что «Минтопэнерго России прорабатывает с российскими нефтяными компаниями вопрос об их возможном участии» в этом проекте²⁹.

* * *

Таким образом, рассмотренные материалы АВП РФ показывают, что не только сам интерес к взаимодействию с Россией, но и основные конкретные экономические направления такого взаимодействия сформировались у Милорада Додика не после его возвращения к руководству Республикой Сербской в 2006 г., а значительно ранее — еще в 1998–2000 гг., то есть на пике его поддержки Западом. Практическая складка политика в полной мере проявилась в способности быстро разглядеть перспективы доселе явно не знакомой ему сферы отношений с Москвой. Именно к этому времени относится его интерес к вовлечению России в развитие топливно-энергетического комплекса РС, к газификации ее наиболее населенной части, а также идея продажи российской компании НПЗ «Брод», которая до сих пор остается крупнейшей отечественной инвестицией в РС и в БиГ в целом. К тому же очевидно, что реализация этих проектов зависела

²⁷ Там же. Л. 71–72. Посольство РФ в БиГ Исх. № 269 Сараево, 26 июня 1998 г. Запись беседы с премьер-министром Республики Сербской Милорадом Додиком 15 июня 1998 г.

²⁸ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 1. П. 7. Л. 54. № 60/99. Нота посольства РФ в МИД БиГ от 28 сентября 1999 г.; АВП РФ. Ф. 896. Оп. 8. Д. 3. П. 7. Л. 10. Посольство РФ в БиГ. Исх. № 139 Сараево, 6 марта 2000 г. Российско-боснийские отношения.

²⁹ АВП РФ. Ф. 896. Оп. 8. Д. 3. П. 7. Л. 137. Исх. № 1160/Зед. 13 марта 2000 г. Директор 3 ЕД МИД РФ А. А. Толкач — послу РФ в БиГ Ф. Ф. Сидорскому.

от готовности к ней не столько сербской, сколько российской стороны. В 1998–2000 гг. этому объективно мешал исторический контекст: российский дефолт 1998 г. подорвал первые усилия Ю. М. Лужкова и Е. М. Примакова; затем общее внимание было переключено на косовский кризис и агрессию НАТО против СРЮ в 1999 г.; практически сразу Москве пришлось переключиться на борьбу с экстремизмом на Северном Кавказе и на экономическое восстановление после кризиса 1990-х. Время готовности России к инвестиционному сотрудничеству с РС настало позже — в конце первого десятилетия XXI в. И Милораду Додику оставалось лишь заново предложить Москве уже давно сформулированные им проекты. Что касается вопросов дипломатического характера, то М. Додик уже тогда поднимал вопрос открытия в Баня Луке российского представительства.

Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А. Л. Шемякина и М. Йовановича¹

Андрей Леонидович Шемякин и Мирослав Йованович — почти ровесники. Йованович младше на два года и раньше ушел из жизни — в 2014 г. Его смерть для Шемякина была страшной потерей, он словно предчувствовал и свой скорый уход.

Они познакомились в Москве в начале 1990-х (А. Л. часто вспоминал это знакомство) и сразу подружились. Похожими были стартовые траектории научной карьеры, стремление к обновлению исторического знания, взгляды на жизнь и на мир вокруг. Они постоянно общались, помогали друг другу, участвовали в совместных научных проектах, знакомили своих учеников и коллег. Хотя темы их научных работ не всегда совпадали, они постоянно находились в профессиональном, а не только дружеском общении. Одно на самом деле трудно отделить от другого, поскольку реальный диалог причудливо переплетен и многогранен.

Общий научный проект изучения взаимных представлений сложился не сразу и по большей части стихийно; участники входили в него не одновременно, с разной интенсивностью, с разными исходными исследовательскими интересами. М. Йованович в рамках двух диссертационных работ занимался историей русской эмиграции 1920–1930-х годов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Югославия)². Тема эта до поры до времени

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–09–00163.

² Кандидатская диссертация опубликована в виде книги: *Йовановић М.* Досељавње руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. Докторская диссертация издана и на русском языке: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах (1920–1940). М., 2005.

находилась «под сукном» и в коммунистической Югославии, и тем более в СССР. Идеологический угол зрения на вопрос задавался обличительным клеймом «белоэмигрантов», объединяющим всех покинувших Советскую Россию после 1917 г., даже если они и не воювали против большевиков. Йованович же неустанно повторял, что понятие «эмигрант» не корректно в применении его к поселившимся в КСХС русским. Это беженцы, поскольку они бежали из страны в результате революции, Гражданской войны и террора. Уже при подготовке кандидатской (1993) Йованович занялся вопросами социальной адаптации беженцев на новой родине, что включало, через призму материалов личного происхождения или периодическую печать, рассмотрение взаимных представлений новопоселенцев и местных жителей. Социальная история вообще находилась в центре внимания Йовановича (он являлся одним из учредителей сербской Ассоциации по ее изучению), а социальные представления являлись ее неотъемлемой частью.

Генезис научных интересов А. Л. Шемякина был несколько иным. Начиная с кандидатской диссертации (1990), посвященной партийному строительству (раннему сербскому радикальному движению), приоритетом для него являлась политическая история³. По-видимому, в период подготовки докторской диссертации, в которой еще более определенно главным героем становится Никола Пашич⁴, и вскоре после ее защиты (1998) А. Л. стал проявлять все больший интерес к свидетельствам русских наблюдателей о сербском обществе второй половины XIX — начала XX в. Первый этап работы с этими источниками, стимулированный грантом РГНФ, который стартовал в 2001 г., завершился выходом первого тома сборника «Русские о Сербии и сербах»⁵.

³ Затрагивая эпизод более поздних дебатов, ученик Шемякина А. А. Силкин отмечает: «Спор о характере сербской государственности имел отношение к основной сфере научных интересов Андрея Леонидовича и потому красной линией проходил через все его творчество» (Силкин А. А. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина // Славяноведение. 2018. № 5. С. 112–117).

⁴ Другим любимым героем стал для А. Л. полковник Н. Н. Раевский (1839–1876): Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2006. Вообще интерес к личности на исторической сцене был важным свойством Шемякина как исследователя.

⁵ Русские о Сербии и сербах. СПб.: Алетей, 2006. Т. I. Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А. Л. Шемякина; комм. А. А. Силкина, А. Л. Шемякин. 684 с.

Главный герой исторических исследований А. Л. Шемякин в свой ранний период имел принципиально важные для его становления как политика контакты с Россией. Проникновение в идеологическое формирование Пашича, в свою очередь, означало внимание к сходству и различиям социальной ситуации в России и Сербии исследуемого периода. Эти аспекты уже были отмечены русскими наблюдателями, что свидетельствовало об их проницательности.

Первый том «Русских о Сербии и сербах», за единственным исключением, был составлен из текстов, ранее публиковавшихся, как правило, самими их авторами в периодической печати или отдельно. Однако уже тогда А. Л. искал в архивах и исследовал такие тексты, которые либо не предназначались для публикации, либо по тем или иным причинам оставались неизвестными. Разумеется, архивные источники позволяли подчас познакомиться с весьма нелицеприятными откликами об отдельных аспектах сербской действительности вековой давности. Тем не менее подобная критика, как правило, исходила от русских доброжелателей, озабоченных судьбой «славянских братьев», и была обращена прежде всего против сербских верхов, хотя порой и обобщала свойства национального характера. Созвучие некоторых таких наблюдений собственным впечатлениям, почерпнутых А. Л. в результате многочисленных поездок в Сербию и общения отнюдь не только с профессиональными историками, вело к выводу об устойчивости традиционных социальных и ментальных структур, — оказывается, они в какой-то мере сохранили значение, несмотря на соцмодернизацию после 1945 г. Иными словами, знакомство с текстами русских путешественников, историков, публицистов, общественных и политических деятелей, посетивших Сербию в период кануна и после обретения независимости (1878), стало для А. Л. важным способом саморефлексии и самоотождествления. Он все более укреплялся в праве критиковать то, что горячо любил.

Распад двух коммунистических федераций (СССР и СФРЮ) происходил параллельно и переживался тяжело, хотя и по-разному. Часто повторяют, что государствам-наследникам Союза, во всяком случае России, удалось избежать судьбы бывшей Югославии, затянутой с начала 1990-х годов в кровопролитные межэтнические конфликты. На самом деле это вовсе не так. На постсоветском пространстве тоже лилась кровь, а некоторые конфликты остаются неурегулированными до сих пор. Ситуация различалась масштабами.

Большие пространства России создавали видимость удержания мира в ее широком центре, внутренних частях страны, в то время как где-то на окраинах и рядом с ее новыми границами было отнюдь неспокойно. Постсоветская ситуация (в частности, поиск новой внутренней и внешнеполитической идентичности), а также угрозы сепаратизма (Чечня) и разочарование в западных иллюзиях породили в российском обществе симпатии к Сербии и сербам, оказавшимся сначала под гнетом международных санкций, а затем подвергнутых ракетно-бомбовым ударам со стороны стран-членов НАТО. Многие из тех, кто никогда прежде почти ничего не знал о Югославии, стали теперь горячими сторонниками одного из ее народов.

Между тем любовь исследователя к тому, что он изучает, имеет иную природу, чем массовые политические симпатии, формирующиеся под действием сиюминутных обстоятельств. При этом за пределами профессионального сообщества эта разница редко осознается. Исследователь так или иначе находится в зависимости от доминирующего общественного мнения, однако он может воспользоваться проявившимся интересом к своей теме с пользой для себя и своей дисциплины. Исследование прошлого русских представлений о Сербии и сербах было в сложившейся ситуации обоюдно выигрышным, поскольку позволяло углубить и откорректировать знания непрофессиональной аудитории и, одновременно, решить важные профессиональные задачи.

Как эмоционально подвижный человек и рационально мыслящий исследователь А. Л. пытался разобраться в трагедии Югославии, свидетелем которой он являлся. Его поездки в изучаемую страну (в качестве студента и аспиранта МГУ) начались как раз тогда, когда Федерация стремительно погружалась в системный кризис, а превращение в квалифицированного исследователя и научного сотрудника Института славяноведения РАН совпало с крахом политической монополии Союза коммунистов Югославии и началом вооруженных конфликтов в Хорватии. Иными словами, специфика академической социализации в поворотных исторических обстоятельствах диктовала актуальную повестку ключевых вопросов к не столь уж и удаленному прошлому (на дистанции 100–150 лет).

Попытка разобраться в исторических истоках югославской трагедии 1990-х годов прочитывается вплоть до последних работ А. Л. Последний том «Русских о Сербии и сербах», задуманный им

как «собрание сербских сочинений» П. А. Ровинского, должен был увенчаться статьей о Номо Militans, «человеке вечной войны», как характеризовали современных им сербов некоторые русские наблюдатели последней трети XIX — начала XX века. В этом отношении Ровинский, по мысли Шемякина, «нащупал одну из важнейших и “долгоиграющих” ментальных струн сербского народа, что станет затем “героической вертикалью” всей его дальнейшей истории, вплоть до трагических событий рубежа XX–XXI вв.»⁶. Под давлением формализованных параметров грантовой заявки, требующих непрямого заполнения, А. Л. схожим образом определил общественную актуальность и значимость своего исследовательского проекта: «Ментальные особенности сербов, подмеченные зорким глазом русского слависта [Ровинского] еще полтора века назад, показали свою жизненность (константность) и на рубеже XX–XXI вв., что помогает рационально (т.е. без демагогии и пафоса, который до сих пор превалирует у всех бывших участников югославского конфликта) объяснить как его причины и исход, так и неизбежность для сербской стороны»⁷. В последних словах можно услышать ноту отчаяния или, во всяком случае, горечь расставания с традиционной Сербией.

Параллельно с работой над первым томом «Русских о Сербии и сербах» в активном взаимодействии А. Л. с горячо любимой и глубоко уважаемой им Риттой Петровной Гришиной (1930–2015) начали определяться контуры более широкого научного проекта, посвященного изучению процессов модернизации постосманских балканских социумов XIX — первой половины XX в.⁸ Речь шла о коренном пересмотре оставшихся в наследство от советского славяноведения формационно-классовых схем в истолковании Новой истории Балканского региона. Антропологическая ориентация отлилась в общий

⁶ Шемякин А. Л. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 94.

⁷ Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П. А. Ровинского) / Сост., введ. А. Л. Шемякина; комм. А. Л. Шемякина, А. А. Силкина; подг. к изд. М. В. Лескинен, Ю. В. Лобачевой, Н. С. Гусева. СПб.–М.: Нестор-История, 2019. С. 21.

⁸ Гришина Р. П., Шемякин А. Л. Научный проект Института славяноведения «Модернизация по-балкански» // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре / Отв. ред. Е. С. Узенёва. М.: ИСЛ РАН, 2014. С. 323–333; Шемякин А. Л. «Человек на Балканах». Научный проект Института славяноведения РАН // Балканские тетради. Нижний Новгород, 2017. Вып. 1. С. 149–160. URL: https://bt.unn.ru/files/2017/08/2017_15_shemiakin.pdf.

заголовок монографий и сборников, подготовленных на разных этапах реализации научного проекта, — «Человек на Балканах». Поиски велись в широком междисциплинарном поле с привлечением идей и авторов самого разного социогуманитарного профиля. В проект вовлекались новые исследователи, расширялись его пространственные и хронологические рамки, что интенсифицировало диалог. Все это привело к существенному обогащению исследовательской палитры, к новой постановке вопросов, выявлению межтематических связей, сравнительному сопоставлению региональных и зарегиональных траекторий развития, усложнению картины противоречий в зоне модернизации с «отягощенной наследственностью»⁹.

Имитационный характер модернизации при длительном сохранении старых социальных микроструктур и доминировании норм традиционного общества, готовность следовать этике конфликта в детерминанте узкой лояльности — эти черты социально-политического портрета балканских государств вековой и более давности, диагностированные участниками проекта, совпадали с тем, что можно было наблюдать отчасти и в процессе посткоммунистического транзита. В этом смысле «зоркие» глаза русских путешественников-критиков, свободнее рассуждавших в конце XIX в. о сербской политике, чем о своей российской, смотрели очень далеко. Например, самоизоляция сербских западников-либералов в начале 1880-х гг. с их традиционалистской клановостью и бескомпромиссностью в проведении обреченных реформ прочитывалась как историческая аллюзия на российские 1990-е годы.

Между тем М. Йованович в начале нулевых вышел далеко за пределы своих прежних работ, предложив новый взгляд на сербскую историю, когда поставил в центр внимания ее социальное измерение, прочитанное сквозь призму выбора литературного языка и отношения к мифологизированной фигуре творца национальной культуры В. С. Караджича¹⁰. При таком подходе проблемы вступления в совре-

⁹ Человек на Балканах и процессы модернизации: синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) / Отв. ред. Р. П. Гришина. СПб., 2004.

¹⁰ *Јовановић М. Језик и друштвена историја. Друштвеноисторијски оквири политике о српском књижевном језику*. Београд, 2002; *Против Вука. Српска грађанска интелигенција 18. и 19. века о језику и његовој реформи* / Приредио М. Јовановић. Београд, 2004.

менность, традиционалистские основания сербской культуры, поддерживающие социальный порядок, слабость культурных элит, народнический национализм, фольклоризм и стереотипность общественного сознания, конфронтация и неспособность к компромиссу — темы актуальные для «Человека на Балканах» — были поставлены со всей определенностью. Выпускавшийся при участии Йовановича журнал «Ежегодник социальной истории» сплотил сторонников обновления. А в 2004 г. был опубликован программный текст Йовановича с критикой сербского исторического опыта за два последние столетия¹¹.

Острый взгляд М. Йовановича на ситуацию в историографии и общественно-политической жизни своей страны¹², который он во все не скрывал от русских коллег и которым делился среди них в первую очередь с Шемякиным, также способствовал выработке критической стратегии А.Л.¹³.

Амбиции Йовановича по переустройству сербской исторической науки проявились в строительстве мощного фундамента в виде вновь публикуемых архивных документов. Наряду с многотомной публикацией о белградской повседневности, основанной на архивах городского управления¹⁴, крупнейшим таким издательским проектом стала посвященная исследованию многогранных русско-сербских связей документальная серия «Москва — Сербия, Белград — Россия»¹⁵,

¹¹ *Јовановић М.* Србија 1804–2004: развој оптерећен дисконтинуитетима (седам теза) // Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. Книга вышла как первый том в серии «Serbica» под редакцией Йовановича и под эгидой Ассоциации социальной истории во главе с М. Ристовичем. Текст Йовановича замыкал книгу, в которой приняли участие также Л. Димич и Д. Стоянович.

¹² В развернутом виде позиция Йовановича по этим вопросам представлена в книгах: Сербия о себе: Сборник / Сост. М. Йованович. М.: Европа, 2005; *Јовановић М., Радућ Р.* Криза историје. Српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009.

¹³ Разумеется, Йованович был не единственным сомышленником Шемякина в сербской историографии. Как указывает его ученик, к таковому следует отнести, сыгравшего важную роль в начале его научного пути Джордже Станковича, а также Латинку Перович, Ольгу Попович-Обрадович, Дубравку Стоянович. *Силкин А.А.* Указ. соч. Последняя подготовленная к печати работа А.Л. — некролог Станковичу: *Шемякин А.Л. Джордже Станкович (1944–2017)* // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 421–425.

¹⁴ Живети у Београду: документа управе града Београда / Приредио М. Јовановић. Београд: Историјски архив Београда, 2003–2008. Књ. 1–6.

¹⁵ Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Белград–М., 2009. Т. I (XVI–XVIII вв.). Белград–М., 2011. Т. II (1804–1878 гг.). М.–Белград, 2012. Т. III (1878–1917). М.–Белград, 2017. Т. IV (1917–1945 гг.).

в свое время инициированная Московским городским архивом. Как свидетельствует Шемякин в статье, почтившей память Йовановича, «являясь председателем Административного совета Архива Сербии, он, вместе с новым директором и своим тезкой Мирославом Перишичем, реанимировал прочно “забытую” прежним руководством мысль. Да так, что в беспрецедентно короткий срок в свет вышли три огромных тома. <...> Добавим, что коллега Йованович крайне заинтересованно участвовал в делах, будучи председателем редакции всей серии с сербской стороны, и параллельно — одним из авторов-составителей II тома.

<...> Как нам думается, в данном случае можно говорить о едином, законченном комплексе, вводящем в научный оборот до тысячи первоклассных материалов из архивов России, Сербии и Украины по единой же сквозной теме. Роль Мирослава в открытии и презентации столь весомого документального богатства трудно переоценить»¹⁶.

Шемякин стал редактором-составителем третьего тома с российской стороны и написал вступительную статью к его «московской» части. Таким образом он и Мирослав уже и формально оказались ключевыми участниками одного научного проекта, который, кроме прочего, затрагивал проблему взаимных представлений. На рубеже нулевых и десятых годов они следовали здесь параллельным курсом. В третий том сборника «Москва — Сербия, Белград — Россия» А.Л. включил некоторую часть архивных материалов, которые предназначались для второго тома книги «Русские о Сербии и сербах»¹⁷ и затем были включены в него.

В работе над русско-сербской документальной серией Йованович не был лишь формальным куратором или только деятельным организатором, он претендовал и на формулировку ее методологической оснастки. Во второй том вошла принципиально значимая, с этой точки зрения, его статья «Сербия и Россия в 1804–1878 гг.: политика, традиция, перцепция (рамки интерпретации и контекстуализации)»¹⁷.

¹⁶ Шемякин А.Л. Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 82–86.

¹⁷ Йовановић М. Србија и Русија 1804–1878: политика, традиција, перцепција (оквири тумачења и контекстуализације) // Москва — Сербия, Белград — Россия. Белград—М., 2011. Т. II. С. 14–38. Русская версия этой статьи: Йованович М. Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. — политика, традиция

Пользуясь «зеркальным», по отношению к работе Шемякина, названием Йованович издал в том же 2011 г. огромную антологию «Сербы о России и русских», однако хронологические рамки ее были несравнимо шире: от Елизаветы Петровны до Владимира Путина¹⁸. Впрочем, в отличие от книг, подготовленных Шемякиным, этот объемистый том был напрочь лишен комментариев к опубликованным текстам или иных справочных материалов. Зато он содержал большую методологическую статью, которую ее автор назвал «О “двух Россиях” в сербском обществе, или Россия для “внутреннего употребления”: образ Другого как определение идентичности» (с. 11–42). Наконец, в 2012 г. вышла из печати обзорная монография Йовановича «Сербы и русские. XII–XXI века (история взаимоотношений)»¹⁹, где на небольшой печатной площади была предпринята попытка прочертить магистральные пути взаимоотношений двух стран и народов с учетом медленных перемен во времени «большой длительности».

Если использовать спортивную терминологию и допустить элемент соревновательности в работе двух ученых, то по скорости, печатным объемам, хронологическому замаху и методологическим формулировкам Йованович превосходил Шемякина. Зато последний опережал его по интенсивности архивных изысканий, детальности проработки материала и литературному мастерству аналитических текстов.

А. Л. был в восторге от новых имагологических публикаций Йовановича, ощущая их как интегративную часть набирающего оборот многостороннего проекта по изучению взаимных представлений. Соответствующие одобрителыые высказывания вошли во введение ко

и перцепция // Славянский альманах (2011). М., 2012. С. 64–85. См. также другую русскоязычную публикацию на ту же тему: *Он же*. Сербско-русские или русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурса и восприятия // Историки-слависты МГУ. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В. А. Тесемникова. С. 12–28.

¹⁸ Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологија / Приредио М. Јовановић. Београд: ПБФ ИТИ, 2011. А. Л. опубликовал в России и в Сербии рецензию на этот том: *Шемякин А. Л.* Сербы о русских — «от России до России» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 455–458. *Шемякин А.* Срби о Русима — «од Русије до Русије» // Руски алманах. Београд, 2013. Бр. 18. С. 178–181.

¹⁹ *Јовановић М.* Срби и Руси. 12–21. век (историја односа). Београд: Народна библиотека Србије, 2012.

второму тому «Русских...». Книга еще только готовилась к печати, когда пришло известие о смерти. Тогда А.Л. добавил во введение несколько строк в качестве постскриптума: «Несмотря ни на что, Мирослав остается участником общего проекта, имея в виду мощный нарратив, который он успел собрать и печатно представить, а также методологический инструментарий, разработанный им в перечисленных выше статьях. И мы обязательно доведем до конца все, что когда-то начинали вместе, — без него, но в память о нем»²⁰. В память о друге А.Л. опубликовал уже цитированную статью про «русские темы» в его творчестве, но не некролог.

Введение ко второму тому «Русских...» отдавало дань памяти старшему коллеге и другу А.Л. профессору В.А. Хореву (1932–2012), пионеру имагологических исследований в Институте славяноведения РАН. А.Л. считал хронологическое расширение его первоначального замысла и обретение исследовательским проектом «стереоскопичности» или «добавочной сербско-русской “объемности”» опосредованно и заслугой Хорева, инициировавшего ранее длительный российско-польский проект по исследованию взаимных представлений в литературе и культуре двух стран. Совершенно неожиданно для А.Л. его второй том обрел еще одного адресата памяти...

В методологических публикациях, сопутствовавших работе Йовановича над исследованием сербских представлений о России и русских, отмечается существование трех взаимодействующих дискурсов (было бы точнее сказать, групп дискурсов или векторов) во взаимопознании двух стран: сербского, русского и внешнего. «Два из них формируют равноправные полюса. Один, условно говоря, “сербский дискурс” — восприятие и объяснение сербско-русских отношений в сербской среде, обществе, политике и науке, когда в фокус ставится сербская политика и интересы. На другом полюсе, противоположном сербскому, ясно выделяется “русский дискурс” — восприятие русско-сербских отношений, когда в фокус ставят политику и интересы России. Наконец, помимо них, или точнее говоря, в противостоянии вышеприведенным контекстам находится “дискурс третьей стороны” <...>, когда в фокус интересов, как правило, ставят русское влияние на Балканах и отношение сербской политики к России <...>, утилитарно “измеряя” их, оценивая и объясняя в соответствии

²⁰ Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 12–13.

с собственными целями и интересами (чаще всего ради профилирования собственной политики к русско-сербскому взаимодействию)»²¹.

Йованович сосредоточился на «сербском дискурсе», отметив доминирование в нем поляризованных стереотипов, подчиненных утилитарному идеологическому использованию (Россия для «внутреннего сербского употребления»). Преобладание стереотипных представлений (неважно, с положительным или отрицательным знаком) рассматриваются как непреодолимое препятствие для адекватного восприятия России и русских в сербской публичной культуре.

Шемякин не использовал дискурсивное членение, предложенное Йовановичем, но, если все же воспользоваться им, то можно сказать, что он работал с «русским дискурсом». Основная характеристика русских свидетельств о Сербии и сербах во втором томе не изменилась, и она была диаметрально противоположна характеристике «сербского дискурса» в работах Йовановича: «Острый глаз русских наблюдателей помог нам, заглянув за фасад европейских новаций — в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, современных систем образования и воинской службы, — обнаружить там устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка, но и значительной части сербской элиты, что наглядно показывает деформированный и неорганичный характер модернизации “по-сербски”»²².

И приступая к подготовке третьего тома (с сочинениями Ровинского) Шемякин вновь подчеркивал «значимость впечатлений именно *русского* (курсив. — А.Л.) наблюдателя, которого культурная близость предохраняла от сильных искажений сербского колорита. Ведь “русский взгляд” на сербов, основанный на схожих ценностных и социокультурных послылках, порождаемых этнической близостью и конфессиональным единством, проникал в духовные скрепы сербского традиционного общества значительно глубже, чем “взгляд европейский”, в фокусе которого находилась имманентно присущая Западу “презумпция цивилизационного превосходства”»²³.

²¹ Йованович М. Сербско-русские или русско-сербские связи... С. 20–21. Более детальный разбор методологических подходов Йовановича см.: Белов М.В. Русские и сербы во взаимных представлениях: методологические заметки к научному проекту // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 182–199.

²² Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 552.

²³ Шемякин А.Л. Сербские сочинения П. А. Ровинского. С. 90.

Почему же этническая и цивилизационная близость, схожие ценностные и социокультурные послышки не способствовали избавлению от стереотипов в сербском взгляде на Россию? И напротив, нет ли в «русском дискурсе» о Сербии и сербах искажающих стереотипов? Это те вопросы, которые могли бы стать предметом интересной дискуссии между двумя учеными... Разумеется, все дело в специфике внутренней ситуации, внешнеполитических амбициях и историческом опыте двух стран, которые все же серьезно различаются. Но это лишь общая констатация. Уточнить ответы на вопросы, возникшие в диалоге А.Л. Шемякина и М. Йовановича, еще предстоит в процессе дальнейшей работы.

A Man in the Balkans. A Collection of Articles in Memoriam of Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018)

*Edited by Alexander A. Silkin (Editor-in-Chief), Elena P. Serapionova,
Yulia V. Lobacheva, Alexey Yu. Timofeyev*

This collection of articles honours the memory of historian Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018), Chief Research Fellow at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The articles deal with diverse topics of Slavic and Russian history, as well as with the academic legacy of Andrey Shemyakin. The contributors represent his home institution, the Institute of Slavic Studies; Moscow Lomonosov State University, from which he graduated; and Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod and the Institute for Contemporary History of Serbia (Belgrade), with whom the historian had been cooperating. The volume develops Andrey's research project "A Man in the Balkans", pursued between 2002 and 2016, which focused on the process of modernisation in the Balkans after 1878.

Сведения об авторах

Аникеев Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института славяноведения РАН.

Куренная Наталия Михайловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Лобачева Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Морохин Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского / научный сотрудник Центра истории феодализма Института российской истории РАН.

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения РАН.

Пилько Надежда Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Серapiоновa Елена Павловна — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Случ Сергей Зиновьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Станков Николай Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Тимофеев Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, Отделение истории Философского факультета Белградского университета / Институт новейшей истории Сербии.

Хаванова Ольга Владимировна — доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН.

Хлебникова Варвара Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Шемякин Андрей Леонидович (1960–2018) — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Энгельгардт Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ
Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018)

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 3 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 11.06.2020).

Корректор *В. И. Сайфутдинова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Обложка *П. К. Донской, И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 09.09.2020. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 27. Тираж 500 экз. Заказ № 2204

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86